

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Р.М. ТИМЕРБАЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

Первоначальные планы.
Существующие системы контроля за ограничением
и сокращением ядерных вооружений.
Дальнейшие перспективы

Москва

Издательство «Права человека»
2003

**НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ПИР-ЦЕНТРА:
НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

Москва, март 2003 г.

Выходят три раза в год

Издаются с января 1996 г.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017536 от 30 апреля 1998 г.

Редакционная коллегия:

Ильдар Ахтамзян
Дмитрий Евстафьев
Андрей Загорский
Евгений Маслин
Владимир Орлов
Роланд Тимербаев
Юрий Федоров

Литературный редактор:

Екатерина Мышева

Корректор:

Маргарита Крючкова

Бухгалтерия:

Вячеслав Зайцев

- Издание предназначено для специалистов и широкого круга читателей, включая политиков, дипломатов, военных, ученых, преподавателей и учащихся высших учебных заведений, серьезно интересующихся проблемами ограничения, сокращения и уничтожения ядерных вооружений.
- Материалы «Научных Записок» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя.
- ПИР-Центр приветствует направление рукописей в редакцию. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылаются по почте, электронной почте или факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Андрей Загорский, член Совета ПИР-Центра
Владимир Мау, член Совета ПИР-Центра
Евгений Маслин, член Совета ПИР-Центра
Владимир Орлов, директор и член Совета ПИР-Центра
Юрий Рыжов, член Совета ПИР-Центра
Роланд Тимербаев, председатель Совета ПИР-Центра
Юрий Федоров, член Совета ПИР-Центра
Дмитрий Якушкин, член Совета ПИР-Центра

Подписано в печать 31 марта 2003 г.

© ПИР-Центр, 2003

Адрес редакции: Россия, 123001, Москва, Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б, офис 011
Телефон: +7 095-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7 095-234-9558
Интернет-сайт: www.pircenter.org
Электронная почта: timerbaev@pircenter.org (письма редактору номера)
orlov@pircenter.org (письма директору)

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Глава первая</i> Возникновение концепции международного контроля над атомной энергией	9
Осознание опасности военно-политических последствий открытия атомной энергии	11
Идея установления международного контроля над атомной энергией	19
Начало атомной эры	49
Попытки некоторых политиков и ученых США содействовать установлению советско-американского контакта по атомной проблеме	54
Советский атомный проект	65
<i>Глава вторая</i> Рассмотрение в ООН планов международного контроля над атомной энергией в 1940-х гг.	69
Создание Комиссии ООН по атомной энергии	69
Американский план контроля	76
Предложение СССР о запрещении атомного оружия . . .	88
Работа Комиссии ООН по атомной энергии	99
Великобритания и «план Баруха»	116
Отношение Франции к международному контролю . . .	123
Конец атомной монополии США	127
Советские ученые о контроле над атомным оружием . . .	131

Глава третья

Существующие системы контроля в области ядерных вооружений	153
Система гарантий МАГАТЭ	154
Региональные системы гарантий	200
Международный контроль за запрещением ядерных испытаний	210
Контроль по двусторонним соглашениям между СССР/Россией и США об ограничении и сокращении стратегических вооружений	242
Практическая деятельность в области транспарентности	257

Глава четвертая

Дальнейшие перспективы установления международного контроля за сокращением и уничтожением ядерного оружия	262
Контроль за запрещением производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ)	263
Транспарентность и контроль за сокращением и уничтожением ядерного оружия	283
Международный контроль при создании мира, свободного от ядерного оружия	309

<i>Заключение</i>	334
-------------------------	-----

<i>Библиография</i>	338
---------------------------	-----

<i>Именной указатель</i>	355
--------------------------------	-----

<i>Об авторе</i>	361
------------------------	-----

<i>Summary</i>	363
----------------------	-----

Предисловие

Международный контроль за соблюдением соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений — важнейший, самый сложный и в то же время совершенно необходимый, неотъемлемый компонент процесса разоружения. Без адекватного контроля разоружения быть не может. Это доказывает вся более чем полувековая история международных переговоров по ядерной проблеме.

В своей профессиональной карьере в качестве участника переговоров по ядерному разоружению мне пришлось принимать участие в выработке взаимоприемлемых договоренностей о принципах, мерах и процедурах контроля по различным аспектам проблемы разоружения и использования атомной энергии исключительно в мирных целях. Накопленный многолетний опыт и исследовательская работа позволили мне в 1982 г. защитить докторскую диссертацию на тему «Проблемы контроля на переговорах об ограничении вооружений и разоружении: 1960–1980 гг.», на основе которой была издана монография «Контроль за ограничением вооружений и разоружением» (М.: Международные отношения, 1983). Судя по всему, это было первое в Советском Союзе исследование, специально посвященное проблеме контроля за разоружением.

И после этого мне приходилось заниматься проблемами контроля, в частности в качестве представителя СССР/России при Международном агентстве по атомной энергии (1988–1992 гг.), а после выхода в отставку в 1992 г. я полностью посвятил себя научной и преподавательской деятельности в этой области.

В упомянутой диссертационной работе анализировался подход СССР к международному контролю в тот период, когда отношение к нему характеризовалось по меньшей мере подозрительностью и сдержанностью по целому ряду объективных и субъективных причин, но в дальнейшем, с приходом политики гласности и особенно начала других, более кардинальных перемен в социально-политическом развитии нашего государства, в подходе СССР/России к международному контролю произошли принципиальные изменения. Сегодня можно с полным основанием говорить о том, что как российская военно-политическая и научная элита, так и широкая общественность в целом смотрят на контроль не только как на вынужденную меру, но и как на необходимую составляющую и неотъемлемую часть любых соглашений по сокращению вооружений, в том числе и в первую очередь ядерных.

Растет понимание того, что международный контроль и обеспечение национальной безопасности государства — неотделимы друг от друга. Более того, контроль необходим не только для того, чтобы иметь уверенность в том, что другая сторона соблюдает соглашения, ибо у сторон соглашений не может не быть заинтересованности в том, чтобы и другие стороны были столь же уверены в этом. Контроль и национальная безопасность — нераздельны. Если другая сторона не будет убеждена в том, что ее контрагенты не соблюдают соглашение, это поставит под вопрос выполнение соглашения всеми его участниками. Контроль, вызываемый к жизни в результате недоверия между государствами, становится непосредственным и эффективным способом укрепления взаимного доверия и тем самым создает все более благоприятные условия для дальнейшего движения в направлении построения более безопасного мира, а в перспективе и мира, свободного от ядерного оружия. Но вместе с тем, при всей его неизбежной интрузивности, контроль не может посягать на «святая святых», на то, что составляет государственную тайну государств-участников соглашений. Международный контроль должен обеспечивать и нераспространение чувствительных технологий и знаний, чтобы предотвратить возникновение новых государств, обладающих оружием массового уничтожения, как и не допустить их использования негосударственными группами или отдельными лицами. Все это предопределя-

ет чрезвычайную сложность решения многих вопросов, относящихся к международному контролю.

В настоящей работе исследуется контроль в атомной области, но опыт, накопленный в этой сфере в течение многих десятилетий, бесценен для соглашений по ограничению и ликвидации вооружений и в других военных областях. Многие элементы атомного контроля были успешно использованы при разработке соглашений в области химического оружия, обычных вооружений и др.

В заголовке настоящей работы и по ходу всего исследования используется термин *международный контроль над атомной энергией*, впервые пущенный в оборот учеными-ядерщиками (Н. Бором, Л. Сцилардом, Р. Оппенгеймером и др.), принимавшими участие в разработке атомного оружия в начале 1940-х гг. Под ним понималась *система международных мер, направленных на контролируемое исключение использования открытия внутриядерной энергии как орудия войны и во вред человечеству*. Уже тогда многим ученым было ясно, что атомная энергия может дать человеку огромные возможности для ускорения социально-экономического прогресса, но она же может привести и к гибели современной цивилизации. Это — злободневная тема и в сегодняшнем мире. Недопущение распространения ядерного оружия, предотвращение использования энергии атома в качестве средства мегатерроризма — одна из наиболее неотложных задач, стоящих перед человечеством. Поэтому международный контроль над атомной энергией столь же актуален сегодня, как и на заре атомной эры.

За время, прошедшее с появления первоначальных планов контроля, в мире произошли коренные изменения в понимании сущности контроля, политических возможностей, а также технических и институциональных методов его осуществления. Накоплен огромный опыт реализации ряда заключенных за истекший период соглашений в области ограничения и сокращения ядерных вооружений. Перед человечеством появились перспективы еще более радикальных сокращений ядерных потенциалов. Но все еще остается, возможно, даже усиливается угроза использования атомной энергии во вред человеку. Поэтому требуется новое, отвечающее сегодняшним реалиям осмысление пройденного пути, а также анализ и оценка перспектив дальнейшего развития международного контроля над атомной

энергией во имя того, чтобы это великое открытие человеческого гения служило только для блага мира и процветания мирового сообщества и никогда не использовалось как орудие разрушения. Этой задаче и посвящено настоящее исследование.

Проделанная мною работа была бы невозможна без содействия и помощи со стороны многих моих коллег — своими воспоминаниями, добрыми советами, практической помощью, ценными конкретными замечаниями и предложениями. Искренняя благодарность за это О.А. Бухарину, А.Н. Верещаге, Р. Геттемюллер, В.Л. Гинзбургу, Анат. А. Громько, Г. Джорджу, А.С. Дьякову, А.И. Зобову, Д.А. Ковчегину, В.И. Медведеву, Е.В. Мясникову, В.А. Орлову, О.В. Рожкову, П.Е. Рубину, В.И. Рыбаченкову, В.С. Слипченко, Н.Н. Сокову, У. Уокеру, В.Н. Федорову, В.Г. Федченко, И. Факон, В.В. Шустову.

Глубокая признательность всем, кто помог мне облегчить доступ к архивным материалам, документации, научной литературе, электронным источникам информации — Е.В. Белевич, Ю.И. Власовой, Н.В. Кочкину, Т.К. Матрёничевой, Н.П. Мозжухиной, Л.И. Семичастновой, П.В. Стегнию.

Настоящее исследование не было бы возможно без повседневной и заинтересованной помощи со стороны ПИР-Центра политических исследований и всех его сотруddников.

Автор

Глава первая

Возникновение концепции международного контроля над атомной энергией

Как возникла идея установления международного контроля над атомной энергией в целях сокращения и последующего уничтожения ядерного оружия¹ — вопрос не только исторического, но и практического значения. Планы международного контроля появились свыше полувека тому назад одновременно и даже еще до того, как это оружие было создано. И на всем протяжении атомной эры вокруг проблемы атомного оружия и контроля над этим оружием ведутся горячие споры. На гонку ядерных вооружений были израсходованы многие триллионы долларов, в ней участвовали тысячи лучших умов планеты, но и на борьбу с ней тоже были затрачены огромные усилия многих тысяч людей и немалые расходы. Гонка этих вооружений, особенно в период холодной войны, а также после ее окончания, втягивание в нее новых стран неизменно вызывали и продолжают вызывать законные опасения за судьбы цивилизации.

---

¹ Необходимо уточнить, что понятие «международный контроль над атомной энергией» употребляется в настоящем исследовании в том его понимании, которое было изначально принято в английском языке (international control of atomic energy) при возникновении этого понятия в 1940-х гг. Контроль — это не только открытость (транспарентность), наблюдение, надзор, мониторинг, проверка, инспекция на месте, но также и регулирование, ограничение, управление.

Как показывает более чем полувековой опыт, если и осуществимо избавление человечества от ядерной угрозы, то это возможно только при обязательном условии установления международного контроля, адекватного достигнутым договоренностям относительно тех или иных решений по атомной проблеме. Люди еще не научились полностью доверять друг другу — и научатся ли когда-нибудь? И поэтому закономерно, что все соглашения по ограничению и сокращению вооружений, которые к настоящему времени были достигнуты, основаны на твердом фундаменте международного контроля. Если и есть несколько соглашений, которые прямо не предусматривают такого контроля (например, Договор 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, под водой и в космосе), то сторонами определенно подразумевается, что их выполнение контролируется так называемыми «национальными техническими средствами контроля», т.е. с помощью сейсмического мониторинга, забора в воздухе радиоактивных проб, наблюдения с помощью разведывательных спутников или других имеющихся в распоряжении государств собственных возможностей², и эти средства способны обеспечить если не стопроцентный, то во всяком случае достаточный для каждой из сторон контроль.

Планы установления международного контроля над атомной энергией в целях уничтожения атомного оружия единственной в тот период ядерной державы — Соединенных Штатов — и недопущения появления этого оружия у других государств, как будет показано в настоящем исследовании на основании архивных документов, воспоминаний современников и имеющейся литературы, тогда реализовать не удалось. Но они серьезно рассматривались в специально учрежденной Организацией Объединенных Наций Комиссии по атомной энергии. Даже беглое ознакомление с этими планами свидетельствует о том, что они имели немало весьма обоснованных положений, которые позже нашли свое отражение в многочисленных заключенных догово-

² При этом обычно оговаривается, что стороны используют национальные технические средства контроля (НТС) таким образом, чтобы это соответствовало общепризнанным принципам международного права (т.е., в частности, без применения методов шпионажа или наблюдения, которые нарушали бы суверенные права государств); при этом стороны обязуются не чинить помех НТС других сторон соглашения.

ренностях об ограничении ядерных вооружений и, возможно, еще могут и в дальнейшем послужить во благо контролируемого разоружения. И сейчас, когда две основные ядерные державы — Соединенные Штаты и Россия — вот уже не менее двух десятков лет сокращают свои ядерные арсеналы, причем все более ускоренными темпами, возникает естественный вопрос, не следует ли вновь вернуться к переосмыслению, а возможно, и повторному рассмотрению тех планов международного контроля или их отдельных элементов, которые выдвигались и обсуждались более полувека тому назад. Важно также проанализировать на основе накопленного опыта и сегодняшних знаний мотивы и цели, которыми руководствовались их авторы, а также достоинства и недостатки этих планов, и выявить те их подходы и конкретные положения, которые могут быть применимы к нынешним и, возможно, к будущим условиям.

Полезно также вновь вернуться к вопросу о том, как формировалась и развивалась политика различных государств — в первую очередь ядерных — в отношении установления международного контроля над атомной энергией. В ходе определения отношения этих государств к контролю над атомной энергией проходил процесс выработки атомной политики в более широком контексте ядерной стратегии в целом, а также подходов к ограничению ядерных вооружений и ядерному нераспространению. Для того же, чтобы четко представить себе картину того, как развивался этот процесс, важно уяснить, как происходило становление подхода к атомной проблематике и к атомной дипломатии прежде всего Соединенных Штатов, которые стали первой по времени ядерной державой, что в конечном счете повлекло за собой установление нового геополитического порядка на международной арене после Второй мировой войны.

Осознание опасности военно-политических последствий открытия атомной энергии

Еще до того как ядерное оружие было создано, а широкомаштабные работы по его производству в США только разворачивались, в международной группе ученых, которая участвовала в этих работах в Англии и США, а также и среди части представителей руководства этих стран стали задумываться над тем, какую роль ядерное оружие будет играть в послевоенном мире. Ретро-

спективно можно говорить о двух основных тенденциях, которые тогда формировались.

С одной стороны, значительная часть ученых и некоторые крупные американские и английские администраторы видели в новом оружии небывалой доселе разрушительной силы потенциальное «яблоко раздора», которое неизбежно вызовет усиление соперничества между государствами и губительную гонку атомных вооружений, а потому нужно попытаться найти способ поставить его, как только оно появится, под надежный международный контроль. Но для установления такого контроля неизбежно пришлось бы поделиться секретами атомного производства — во всяком случае, с союзниками по антигитлеровской коалиции.

С другой стороны, в правительственных и военно-промышленных кругах США и Англии существовали более могущественные силы, которые считали, что новое оружие может быть использовано в качестве решающего инструмента силы, влияния и престижа в мире, и поэтому следует не допустить раскрытия секретов о работах над атомным оружием и попытаться воспрепятствовать или, во всяком случае, максимально отдалить возможность появления его у других государств, в первую очередь у Советского Союза, но не только у него. К этому нельзя не добавить, что в дальнейшем, когда в США практически завершались работы над созданием атомной бомбы, в которых участвовала и группа английских ученых, американское руководство стало тормозить, а после ее создания и применения вообще прекратило передачу атомной информации даже своему ближайшему союзнику — Англии.

Такой подход в своем дальнейшем развитии, собственно говоря, и лег в основу политики, которая впоследствии, уже на более позднем этапе, когда в число обладателей ядерного оружия вошли крупнейшие мировые державы, в том числе СССР, стала называться *политикой недопущения дальнейшего распространения ядерного оружия*.

Секретные работы над атомной бомбой поначалу стремились скрывать даже от военных союзников, в первую очередь от СССР, хотя в ходе войны с гитлеровской Германией между ними довольно широко развивалось военное сотрудничество во многих областях новейшей военной техники (радары, современные средства связи, танки и авиация, ракетная артиллерия и т.п.). Читателю будет любопытно узнать, что на самом началь-

ном этапе англичане, первыми осознавшие реальное значение нового открытия, пытались скрыть возможность создания атомного оружия даже от США. Определяющими для формирования такой позиции были меморандум эмигрировавших в Англию немецкого ученого Р. Пайерлса и австрийского О. Фриша, которые впервые доказали *практическую* возможность создания бомбы на базе урана-235 (апрель 1940 г.), и доклад Комитета МОД (MAUD³ Committee) в составе крупных ученых, в котором британскому правительству было направлено заключение, где говорилось, что «предложение о создании урановой бомбы осуществимо и может привести к решающим результатам в войне», что атомную бомбу можно создать за два-три года и рекомендовалось «дать работам высочайший приоритет и расширить их масштабы, чтобы получить оружие в возможно кратчайший срок» (июль 1941 г.)⁴.

Доклад Комитета МОД попал на стол личному советнику Черчилля по науке лорду Черуэллу (проф. Ф. Линдемману), который считал, что обладание производством урана-235 позволит «диктовать условия остальной части мира», — писала М. Гауинг, официальный архивист и историк британского управления по атомной энергии. «Как бы сильно я ни доверял своему соседу и ни полагался на него, — считал Черуэлл, — я очень неохотно полностью положился бы на его благорасположение и поэтому не стал бы просить американцев предпринять это дело — я бы просто продолжал обмениваться информацией и приступил бы к производству *здесь* (выделено мной. — *P.T.*), не поднимая перед ними вопроса, займутся ли они этим или нет»⁵. Черчилль, как замечает советник президента Дж. Кеннеди по национальной безопасности М. Банди в своем исследовании «Опасность и выживание», в течение некоторого времени разделял взгляды своего советника по науке Черуэлла и крупнейшего английского физика Дж. Чедвика, который также считал, что весь проект должен быть осуществлен в Англии. Однако вскоре стало ясно, что из-за угрозы немецких бомбежек и при отсутствии должной

³ Для зашифровки комитета было использовано имя английской гувернантки, жившей в семье Н. Бора.

⁴ Gowing Margaret. Britain and Atomic Energy, 1939–1945. L.: Macmillan, 1964. P. 398.

⁵ Ibid. P. 96–97.

промышленной и энергетической инфраструктуры работы придется перевести в США, «хотя политически более привлекательным местом была бы Канада»⁶.

Что касается США, то там многие члены правительства сразу же стали рассчитывать на длительное монопольное владение ядерным оружием, преследуя при этом далеко идущие военно-политические цели. Характерным в этом отношении является известное высказывание руководителя Манхэттенского проекта⁷ генерала Л. Гровса:

«Уже примерно через две недели после того, как я стал во главе этого проекта, у меня не было никаких иллюзий, что нашим врагом будет Россия, и проект осуществляется именно исходя из этой предпосылки»⁸.

Первые зачатки такого американско-английского подхода к нераспространению секретов атомного оружия, в том числе и в отношении своих союзников по антигитлеровской коалиции — СССР и Франции — следовательно, появились, а затем и были закреплены в соответствующих двусторонних договоренностях еще задолго до создания атомного оружия.

Англо-американское сотрудничество в атомной области налаживалось не без трений. Когда американский проект еще только вставал на ноги, «чрезмерно уверенные в себе британцы, — пишет М. Гаунг, — предпочитали атомное сотрудничество полной интеграции проектов, как это предлагалось Рузвельтом осенью

⁶ McGeorge Bundy. *Danger and Survival. Choices about the Bomb in the First Fifty Years*. N.Y.: Random House, 1988. P. 23–29. Заместитель госсекретаря США Д. Ачесон, в 1946 г. возглавлявший подготовку доклада Ачесона–Либлиенталя, также признавал, что к моменту вступления США во Вторую мировую войну британская наука опережала американскую в области ядерной физики (Acheson Dean. *Present at the Creation. My Years at the State Department*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1969. P. 164).

⁷ Специальный округ инженерных войск под названием «Манхэттенский» (Manhattan Engineer District), на который возлагалось создание атомной бомбы, был образован по решению президента Рузвельта 13 августа 1942 г.

⁸ Testimony of General Groves in the Matter of T. Robert Oppenheimer, Transcript of Hearings before the Personal Security Board held in Wash., D.C., from April 12 to May 6, 1954. P. 173, Library of Congress, Wash., D.C. Цит. по: Berezhevskiy Valentin. *Origins of the Cold War: Lessons for Future U.S.–Russian Relations*. Occasional Paper № 4, Center for Russian and Eurasian Studies, Monterey Institute of International Studies, Monterey, CA, 1994. P. 11.

1941 г. Но американский проект вскоре обогнал британский, и американцы больше не нуждались, да и не хотели британской помощи». Англичане «пришли в отчаяние: они самостоятельно не могли идти дальше и были отрезаны от американских знаний»⁹.

В этот период, а именно 5 августа 1942 г., член военного кабинета Черчилля Дж. Андерсон пишет В. Бушу, руководителю американского Управления научных исследований и разработок (Office of Scientific Research and Development — OSRD¹⁰), письмо с предложением об учреждении в будущем международного контроля за использованием атомной энергии и о создании комиссии из представителей США и Англии, которая рассмотрела бы состав будущего «атомного клуба». «Комиссия должна будет рассмотреть вопрос о привлечении других стран, входящих в состав Объединенных Наций и воюющих с общим врагом, таких, как британские доминионы и Россия, а также выработать условия, на которых они смогут участвовать в этой работе». Д. Андерсон ссылаясь при этом на приобретение Англией патентов на открытия французских ученых Х. Хальбана и Л. Коварски (сотрудников Ф. Жолио-Кюри, успешно работавших тогда в Англии, а затем в Канаде над созданием тяжеловодного реактора на природном уране)¹¹.

В своем ответе от 1 сентября В. Буш ограничился общими словами о том, что предложения о международном контроле весьма серьезны, но не относятся к числу неотложных мер¹². В дальней-

⁹ Gowing Margaret. *Niels Bohr and Nuclear Weapons*. In: Niels Bohr. *A Centenary Volume*. Cambridge, MA, and L.: Harvard University Press, 1985. P. 268–269.

¹⁰ Возглавляемое В. Бушем управление, которое осуществляло общее научное руководство атомным проектом, было образовано в июне 1941 г. Именно в это время было принято принципиальное решение о создании атомной бомбы, причем считается, что Буш сыграл ключевую роль в принятии этого решения. В новое управление вошли Национальный совет оборонных исследований (National Defense Research Committee) и Комитет по урану (Committee on Uranium) (Norris Robert S. *Racing for the Bomb*. General Leslie Groves. *The Manhattan Project's Indispensable Man*. South Royalton, Vermont: Steerforth Press, 2002. P. 165, 258–259).

¹¹ U.S. National Archives and Records Administration (U.S. NARA). Wash., D.C., Manhattan Engineer District (MED) Records. Record Group 77, Hurrison–Bundy Files, Roll 9. Target 6. File 107. T. 10–8 (French Situation). J. Anderson to V. Bush. 1942, Aug. 5. Цит по: Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995. С. 22–23.

¹² Там же. С. 23.

шем – в 1944–1945 гг. – В. Буш заинтересуется проблемой международного контроля и станет одним из активных сторонников этой концепции, но это будет уже на более позднем этапе поисков подходов к тому, как избежать послевоенной гонки атомных вооружений. В данном же случае Буш усмотрел в предложении Андерсона о международном контроле (и, в общем-то, вполне справедливо) прежде всего попытку обеспечить полноправное участие Англии в Манхэттенском проекте.

Заместитель Буша по американскому атомному проекту, президент Гарвардского университета Дж. Конэнт, посетивший Англию и ознакомившийся с английскими работами, считал, что англо-американское атомное сотрудничество должно быть строго ограниченным. Его рекомендации были одобрены Рузвельтом и в январе 1943 г. сообщены англичанам. В результате последовал острый конфликт, продолжавшийся восемь месяцев, который «надолго оставил шрамы на взаимоотношениях между военными союзниками»¹³.

Как свидетельствует М. Гауинг, «лишь только после большой борьбы Черчиллю удалось убедить Рузвельта подписать в августе 1943 г. Квебекское соглашение, которое позволило британским ученым принять участие в некоторых разделах американского проекта – и, что самое главное, – в Лос Аламосе, где должны были создаваться бомбы»¹⁴. Однако в Хэнфорд (штат Вашингтон), где строились промышленные реакторы для наработки плутония, англичан так и не пустили.

На Квебекской конференции, проходившей с 14 по 24 августа, стороны договорились о следующем:

1. Мы никогда не используем это средство друг против друга.
2. Мы не применим его против третьих сторон без взаимного согласия.
3. Мы не будем передавать какую-либо информацию о нем третьим сторонам без взаимного согласия.

¹³ Hershberg James G. Conant James B. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. N.Y.: Knopf, 1993. P. 174. Дж. Конэнт продолжал и дальше выражать скептицизм в отношении участия англичан в Манхэттенском проекте. (Ibid. P. 182).

¹⁴ Gowing Margaret. Niels Bohr and Nuclear Weapons. P. 268–269.

4. Учитывая, что основное бремя производства легло на США, британское правительство признает, что Соединенные Штаты будут делиться с Великобританией после войны полученными преимуществами промышленного или коммерческого характера на условиях, которые будут определены президентом США.
5. В Вашингтоне создается Объединенный политический комитет (Combined Policy Committee – CPC), который призван координировать деятельность в атомной области¹⁵.

Соглашение было явно неравноправным, и хотя Рузвельт охарактеризовал его как соглашение «кровного родства», на деле это было соглашение старшего и младшего брата. Достаточно сказать, что США сами определили число британских ученых, которые будут работать в Лос Аламосе (немногим более двадцати), причем Л. Гровс практически самолично отбирал этих ученых.

Рузвельт и Черчилль несколько позднее условились принять меры к тому, чтобы установить монопольный контроль над всеми запасами урана, к которым они могли бы получить доступ. В совместной декларации от 13 июня 1944 г. они согласились, что

«[о]ба правительства будут стремиться к тому, чтобы установить возможно более полный контроль над запасами урана и тория в пределах границ регионов, находящихся под их юрисдикцией, а также и других регионов, находящихся вне контроля обоих правительств и правительств доминионов Индии и Бирмы»¹⁶.

Тогда же между двумя странами было заключено соглашение о создании Объединенного треста развития (Combined Development Trust – CDT) в целях обеспечения урановым сырьем американской и английской ядерных программ, и эта договоренность предусматривала и контрольный механизм – по всей видимости, первый по времени международный контроль в области атомной энергии. Объединенный трест, который возглавил

¹⁵ Sherwin Martin J. A World Destroyed. Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y.: Vintage Books, 1987. P. 85–86.

¹⁶ U.S. NARA. Wash., D.C. Agreement and Declaration of Trust, June 13, 1944. Diplomatic History of the Manhattan Project, Annex №22a. Цит. по: Berezhevskiy Valentin. Origins of the Cold War... P. 12.

Л. Гровс, заключал соглашения с государствами о поставках уранового сырья, при этом предусматривались разведка месторождений урана и тория, приобретение и владение ими, развитие производства, обеспечение хранения. Так, в соглашении с Бельгией содержались положения о том, что все урановые и ториевые руды будут находиться «под эффективным контролем для защиты цивилизации», и, если Бельгия пожелает использовать руды для производства энергии, то это может иметь место только «по консультации и с согласия» США и Великобритании. По оценке Объединенного треста, к декабрю 1945 г. он контролировал 97% всей добычи урана и 65% мировых резервов¹⁷. В целом на Манхэттенский проект ушло 6 тыс. т урановой руды, причем две трети из Бельгийского Конго¹⁸.

18 сентября 1944 г. Рузвельт и Черчилль подписали в Гайд Парке (штат Нью-Йорк) памятную записку, в которой, в частности, говорилось:

«Предложение о том, чтобы информировать мир относительно (атомной бомбы) с целью достижения международного соглашения о контроле над ней и ее применении, неприемлемо. Вопрос о ней по-прежнему должен рассматриваться как чрезвычайно секретный; но когда она будет окончательно изготовлена, возможно, ее следует, после основательного рассмотрения, применить против японцев, которых нужно будет предупредить, что бомбежка будет повторяться до тех пор, пока они не капитулируют».

В заключительном параграфе подчеркивалось, что «должны быть приняты меры, чтобы не было утечки информации (относительно бомбы), особенно русским»¹⁹.

Следует заметить, что аналогичной линии американцы придерживались и в отношении Франции. 19 января 1945 г. специальный помощник военного министра Стимсона Х. Банди в совершенно секретном меморандуме высказывал опасения, как бы

¹⁷ Ozga Deborah Ann. The Principles of Nuclear Control. Thesis submitted in partial fulfillment of requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Politics. Southampton, UK. Southampton University, May 2001. P. 13–16.

¹⁸ Norris. P. 326–327.

¹⁹ President's Map Room Papers, Naval Aide's File, Box 172 – General Folder, Roosevelt Library. Hyde Park, N.Y. Цит. по: Sherwin Martin. P. 284.

Жолио-Кюри сам или через де Голля не поставил в ультимативной форме вопрос о «немедленном» привлечении Франции к атомным работам. Х. Банди озабоченно писал, что в случае отказа французы, причем возможно вместе с русскими, могут произвести «политический взрыв»²⁰. Аналогичные опасения и категорические возражения против передачи атомных секретов Франции, а также России выражал Черчилль в письме своему министру иностранных дел А. Идену от 25 марта 1945 г.²¹

Когда в последние месяцы войны специальная миссия американской разведки «Алсос» (Alsos) была командирована в Германию, чтобы захватить немецких ученых, участвовавших в германском атомном проекте, и прежде всего «объект номер один» – выдающегося немецкого физика В. Гейзенберга, а также все атомное оборудование и ядерные материалы (подробнее об этой миссии см. ниже в следующем разделе настоящей главы), то, поскольку район южнее Штутгарта, где велись основные работы по атомному проекту, отходил под французскую оккупационную зону, была дана установка «задержать ученых и изъять материалы до прихода французов, а если это окажется невозможным, то полностью уничтожить»²². Как следует из этого и многих других фактов, американцы как во время Второй мировой войны, так и в послевоенный период всеми способами стремились не допустить Францию к деятельности, связанной с разработкой атомного оружия.

Идея установления международного контроля над атомной энергией

Но параллельно с изложенным в предыдущем разделе подходом правительственных кругов США и Англии, который был чреват, как выяснилось уже в первые послевоенные годы, серьезными последствиями для судеб мира, вызревали более разумные и более дальновидные представления о том, как человечество должно ответить на вызов, брошенный ему новым научным открытием.

²⁰ Manhattan Engineer District, Harrison–Bundy Files, Folder No. 36. Цит. по: Sherwin. P. 289–290.

²¹ Public Records Office. L. Premier 3 Records, File No. 139/6. Цит. по: Sherwin. P. 290–291.

²² Cassidy David C. Uncertainty. The Life and Science of Werner Heisenberg. N.Y.: W.H. Freeman and Company, 1992. P. 497.

Эти мысли зародились прежде всего в среде ученых, работавших над атомной проблемой, а в дальнейшем их стали разделять и некоторые крупные американские, а также и английские организаторы военных исследований и государственные деятели.

По-видимому, первым, кто задумался над тем, к каким последствиям может привести открытие атомной энергии, был венгерский ученый Л. Сцилард. Он вошел в историю не только как один из крупнейших физиков XX столетия, стоявший у истоков открытия секретов атомной энергии и создания атомного оружия, но и как один из тех выдающихся умов, которые одновременно дали человечеству и ключ к решению проблемы уничтожения этого оружия, с тем чтобы атом мог служить только мирным целям, — идею международного контроля над атомной энергией.

Сцилард родился в Будапеште, получил физическое образование в Берлине, где познакомился с А. Эйнштейном. В 1933 г. перебирается в Англию и осенью того же года впервые высказывает идею цепной реакции в критической массе и получает на нее патент. Перед Второй мировой войной переехал в США.

Сцилард отлично знал высокий уровень ядерной науки в Германии, где атомной проблемой занимались такие талантливые физики, как О. Ган, В. Гейзенберг²³, К.Ф. фон Вайцзекер и др. Его, как никого другого, в предвоенные и первые военные годы осо-

²³ Тут уместно заметить, что в феврале 2002 г. стали известны новые документы из архива Н. Бора, из которых следует, что Гейзенберг, вопреки версии, бытовавшей в западной литературе до последнего времени, о том, будто он сознательно, из лучших побуждений тормозил работы над гитлеровской ядерной бомбой, в действительности активно в них участвовал. В письме на имя В. Гейзенберга, по неизвестной причине не отправленном адресату, Н. Бор в 1957 г. писал, что во время посещения этим немецким ученым и фон Вайцзекером Копенгагена в сентябре 1941 г. оба немца «выразили твердое убеждение, что Германия одержит победу, и поэтому для них было бы глупым надеяться на иной исход войны». «Я также совершенно четко помню, — писал Н. Бор, — что [...] вы оставили у меня твердое впечатление, что под вашим руководством в Германии все делается для создания атомного оружия. Вы сказали, что нет необходимости говорить о деталях, поскольку вы с ними полностью знакомы и в течение последних двух лет работали более или менее исключительно над такими приготовлениями. Я слушал все это, не проронив ни слова, поскольку для человечества это был вопрос огромной важности, и по этому вопросу, несмотря на нашу личную дружбу, мы должны были рассматриваться как стоящие по разные стороны в смертельном бою». (<http://www.nbi.dk/NBA/papers/docs/d01tra.htm>).

бенно мучительно преследовала мысль, что гитлеровская Германия может опередить союзников и выиграть войну с помощью атомного оружия. И, оказавшись на американской земле, он полностью посвятил себя задаче побудить научную общественность и администрацию США к началу реализации атомной программы и в то же время исключить возможность того, чтобы к немцам попала какая-либо информация о бомбе. Сцилард, однако, поначалу столкнулся с почти полным непониманием остроты ситуации в Соединенных Штатах.

Первый, к кому он обратился с предложением возглавить группу ученых, которые работали бы в пользу атомного проекта, был выдающийся датский физик, получивший Нобелевскую премию за создание квантовой теории атома, а в дальнейшем сформулировавший фундаментальное для ядерной физики представление о характере протекания ядерных реакций, Н. Бор, который находился в тот период в Соединенных Штатах. В марте 1939 г. Сцилард встретился с Бором в Принстоне; во встрече участвовали соотечественники Сциларда Ю. Вигнер и Э. Теллер. Но Бор тогда еще не разделял тревоги, охватившей Сциларда. Он считал, что бомбу в принципе можно создать, но для этого потребуется превратить США «в один огромный завод», а что касается секретности, то о возможности расщепления урана уже и так много известно, и обратно в бутылку информацию об этом не вернуть. Бора особенно беспокоила возможность засекречивания работ по атомному ядру²⁴.

Но первый успех не охладил пыл Сциларда, и он лихорадочно продолжил поиски возможностей довести до американского руководства необходимость скорейшего начала работ по созданию атомной бомбы. Следующий его шаг хорошо известен всем, кто интересуется историей американского атомного проекта: венгерский ученый обратился к А. Эйнштейну. Напомним об обстоятельствах возникновения известного письма основателя теории относительности президенту Рузвельту, которые свидетельствуют об удивительной энергии и находчивости, которыми обладал Сцилард, добиваясь своих целей.

²⁴ Powers Thomas. Heisenberg's War. The Secret History of the German Bomb. Da Capo Press, 2000. P. 61–62; Rhodes Richard. The Making of the Atomic Bomb. N.Y., L., Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: Simon & Schuster, 1996. P. 294.

Сцилард знал, что его старший коллега хорошо знаком с бельгийской королевой, и решил уговорить Эйнштейна обратиться к ней с письмом. 16 июля (по другим данным — 12 июля) 1939 г. Ю. Вигнер повез его на машине в местечко Пеконик на Лонг Айленде, где ученый проводил летние месяцы. Когда Сцилард и Вигнер объяснили Эйнштейну, что речь идет о возможности цепной реакции и о создании атомной бомбы, ученый якобы воскликнул: «Daran habe ich gar nicht gedacht!» («Я никогда об этом и не подумал!»)²⁵.

Он согласился написать письмо бельгийскому послу и продиктовал его Вигнеру. В Принстоне оно было переведено на английский язык. Но тем временем вездесущий Сцилард познакомился с выходцем из России А. Саксом, крупным экономистом и бизнесменом, который был вхож к американскому президенту Ф. Рузвельту. Он и подсказал Сциларду, что письмо следовало бы адресовать самому Рузвельту, и только ему. 30 июля Сцилард вновь едет в Пеконик, на этот раз его везет туда Э. Теллер. Письмо Эйнштейн и Сцилард диктуют Теллеру. После перевода и согласования с Саксом Эйнштейн подписывает историческое письмо 2 августа 1939 г.²⁶ Письмо было лично передано Саксом президенту лишь 11 октября 1939 г. Но только после второй встречи с Саксом, состоявшейся на следующий день, Рузвельт убедился в необходимости принятия мер и отдал соответствующие распоряжения²⁷.

Исключительная роль Сциларда в инициировании работ над урановой проблемой признается всеми. Можно без всякого преувеличения утверждать, что без этой инициативы Сциларда было бы весьма сомнительно появление атомного оружия во время Второй мировой войны и неизвестно, когда оно вообще было бы создано и с какого направления началось бы использование атомной энергии — с военного или мирного. Даже генерал Л. Гровс, директор Манхэттенского проекта и постоянный оп-

²⁵ Rhodes Richard. P. 304–305; Lanouette William with Silard Bela. *Genius in the Shadows. A Biography of Leo Szilard, The Man Behind the Bomb*. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. P. 198–199.

²⁶ Текст письма Эйнштейна см.: Lanouette with Silard. P. 205–206. В переводе на русский яз.: Создание первой советской ядерной бомбы — Гл. ред. В.Н. Михайлов. М.: Энергоатомиздат, 1995. С. 21–22.

²⁷ Мальков В.Л. С. 16–17.

понент Сциларда, не доверявший его лояльности и не допустивший его к участию в основных работах по конструированию атомной бомбы в Лос-Аламосе, вынужден был признать: «Да, действительно, я мог бы даже сказать, что если бы не Сцилард, этот вопрос никогда не дошел бы до президента»²⁸.

Но одновременно Сцилард одним из первых стал всерьез задумываться над *политическими последствиями* появления атомной бомбы. Эта мысль его преследовала *еще до войны*. В письме на имя крупнейшего французского физика Ф. Жолио-Кюри от 2 февраля 1939 г. Сцилард писал: «Если высвободится более чем один нейтрон, то возможна цепная реакция. При некоторых обстоятельствах это может повести к созданию бомбы, которая будет представлять крайнюю опасность вообще *и, в особенности, если окажется в руках некоторых правительств*» (выделено мной. — *P.T.*). Публикуя это письмо, французский ученый, а в дальнейшем представитель Франции в Совете управляющих МАГАТЭ Б. Гольдшмидт замечает, что это «первое по времени серьезное определение проблемы нераспространения (ядерного оружия)»²⁹.

В разговоре с одним из руководителей Манхэттенского проекта В. Бушем в январе 1944 г. Сцилард высказал озабоченность опасностью развертывания гонки ядерных вооружений в послевоенном мире. Чтобы предупредить такое развитие событий, Сцилард, часто отличавшийся весьма оригинальными, а иногда даже крайне экстравагантными суждениями, предложил установить международный контроль над всеми мировыми месторождениями урана, если необходимо, с помощью силы и даже используя атомную бомбу (!)³⁰.

В марте 1944 г. он вновь встречается с Бушем и его заместителем Д. Конэнтом. В ходе беседы, продолжавшейся «практически весь день», и последующих встреч Сцилард предложил «несколько вариантов установления международного контроля над атомной энергией для послевоенного мира»³¹. Он даже высказал

²⁸ Lanouette William with Bela Silard. P. 307.

²⁹ Goldschmidt Bertrand. *Atomic Rivals. A Candid Memoir of Rivalries Among the Allies over the Bomb*. New Brunswick and L.: Rutgers University Press, 1990. P. 47.

³⁰ Lanouette with Silard. P. 256.

³¹ Ibid.

мысль о создании мирового правительства как способа установления контроля за нераспространением атомного оружия после войны. Сцилард считал, что хотя «надежда на это невелика», по крайней мере следует попытаться сделать шаги в этом направлении. В то же время он высказал предположение, что если ядерным оружием овладеет несколько стран, то установится «вооруженный мир», иными словами, возникнет тупиковая ситуация типа холодной войны³².

Практически тогда же, когда и Сцилард, сходные мысли о необходимости установления международного контроля в интересах предупреждения послевоенной гонки атомных вооружений начал высказывать, а затем сформулировал и стал настойчиво продвигать Н. Бор.

Бору удалось с помощью англичан в октябре 1943 г. бежать от немцев и добраться из Копенгагена до Лондона через Швецию. Вскоре после прибытия в английскую столицу руководитель британской «Интеллидженс Сервис» С. Мензис устроил в честь Бора обед в отеле «Савой», явно интересуясь его взглядами и планами. На обеде были лорд Черуэлл и некоторые другие английские ученые. Рассчитывая, что дискуссия будет носить технический характер, Черуэлл спросил Бора, считает ли он, что атомная бомба — «практическое предложение». «Мой дорогой профессор, конечно, практическое. Но *не поэтому* я сюда приехал. Я озабочен той политической проблемой, которая возникнет *впоследствии*»³³.

Находясь в Англии в течение нескольких недель перед поездкой в США, Бор имел также встречу с членом военного кабинета Черчилля, курировавшим английские работы по «Тьюб Аллойс» (т.е. по атомной проблеме), — Дж. Андерсоном. Оба согласились, что очевидную опасность может представлять послевоенная гонка вооружений с Россией. Бор не питал никаких иллюзий, что такая проблема может быть легко решена. «Может оказаться очень трудным найти основу для сотрудничества между Востоком и Западом», — сказал он. Что могло бы составить базу

³² Lanouette with Silard. P. 257.

³³ Это высказывание Н. Бора, дошедшее до нас со слов одного присутствовавшего на обеде английского ученого, приводится в монографии Т. Пауэрса о В. Гейзенберге (Powers. P. 238). Выделено курсивом автором этой книги.

сотрудничества? И тут он предложил ответ: открытость. Бор хорошо знал, что наука никогда не может оставаться монополией какой-либо одной страны. Если это прямо и откровенно признать с самого начала, то открытость в науке — в науке, которая скоро может создать бомбы и тем самым поставить под угрозу само существование цивилизации, — заложила бы солидную основу для доверия и открытости также и в политике³⁴.

Бор пробыл в Лос-Аламосе несколько месяцев в качестве научного консультанта. Занимался он общими физическими проблемами, не входя в технологические детали конструирования атомного оружия. Но он все больше убеждался в том, что создание бомбы реально достижимо, и, будучи великим ученым и человеком высоких нравственных принципов, Бор продолжал все время мучительно обдумывать, что следовало бы сделать, чтобы остановить надвигающееся на человечество опасное соперничество между державами в создании нового оружия огромной разрушительной силы. Даже Р. Оппенгеймер, руководитель Лос-Аламосской лаборатории, человек, который внес в дальнейшем крупный вклад в разработку планов международного контроля над атомным оружием, заметив настроения Бора, очевидно, не мог не доложить об этом руководству Манхэттенского проекта:

«Официально и секретно (Бор) приехал помочь в реализации технического предприятия, (но) еще более секретно [...] он приехал, чтобы осуществить свое дело и достичь своей собственной цели»³⁵.

После посещения Лос-Аламоса в декабре 1943 г., когда Бор увидел широкий разворот фронта работ, он высказал в письме Дж. Андерсону, члену кабинета Черчилля, идею установления эффективного международного контроля над атомным оружием, дабы избежать опасного для мира послевоенного международного состязания в создании атомных вооружений³⁶. Бор советовался по этому вопросу и с английским послом в Вашингто-

³⁴ Moore Ruth. Niels Bohr. Alfred A. Knopf, 1966. P. 316. Цит. по: Powers. P. 239.

³⁵ Приводится по: Грабовский М.П. Атомный аврал. *История Науки и Техники*. 2002. № 3. С. 9.

³⁶ Gowing Margaret. Niels Bohr and Nuclear Weapons. P. 270.

не лордом Галифаксом, который рекомендовал ему обратиться непосредственно к Рузвельту.

Бор хорошо знал высокую компетентность русских ученых и прекрасно отдавал себе отчет в том, что Советский Союз не пожалеет усилий, чтобы догнать англосаксов, и, очевидно, уже занимается урановой проблемой. Его убеждение укрепилось, когда в апреле 1944 г. он получил письмо от академика П.Л. Капицы, написанное еще за полгода до этого, с приглашением приехать в Москву, поселиться там и продолжить свою научную деятельность. Бор ответил теплым, но ни к чему не обязывающим письмом, ознакомив с перепиской английские власти.

Датский ученый продолжал искать единомышленников, и ему удалось найти сторонников идеи международного контроля среди довольно высокопоставленных представителей английского руководства (которые прежде всего опасались единоличного атомного господства США в послевоенном мире). М. Гауинг считает, что взгляды Н. Бора в общем и целом разделяли: советник Черчилля по науке лорд Черуэлл; посол в США лорд Галифакс; президент Королевского общества (Академии наук) Г. Дейл; член кабинета Дж. Андерсон (который в марте 1944 г. направил Черчиллю меморандум в поддержку идеи международного контроля); премьер-министр, министр иностранных дел и обороны Южной Африки фельдмаршал Я. Сметс, входивший в состав британского военного комитета. Последний писал Черчиллю 15 июня 1944 г.:

«Открытие (атомной энергии) является самым крупным открытием из когда-либо сделанных наукой. Это открытие и для войны, и для мира, для разрушения и для созидания [...]. Необходимо что-то сделать, чтобы поставить его под контроль, но что именно, сейчас далеко не ясно. Хотя, может быть, и благоразумно держать в данный момент секрет при себе, долго он секретом не останется, и раскрытие его после войны может положить начало самому разрушительному соревнованию в мире. Поэтому было бы разумным вам и президенту еще раз рассмотреть этот вопрос, и особенно вопрос о том, поделиться ли этим секретом со Сталиным. Конечно, между вами должно быть полное доверие, прежде чем секрет будет раскрыт. Но вопрос нельзя позволить затягиваться бесконечно.

Если когда-либо и была потребность в международном контроле, то это именно тот самый случай»³⁷.

По протекции этих лиц между Бором и Черчиллем 16 мая 1944 г. состоялась беседа, которая, однако, завершилась безрезультатно.

Одновременно Н. Бор предпринимает аналогичные шаги в США. 3 июля 1944 г. он пишет президенту Рузвельту меморандум, в котором выражает глубокую озабоченность перспективой послевоенных разногласий между государствами по атомной проблеме и потенциальной опасностью, которую несет в себе наступающая атомная эра. Он предупреждает, что временное преимущество, которое может возникнуть в результате успешного создания атомной бомбы, может быть «перевешено вечной угрозой человеческому обществу» и что поэтому вопрос об установлении международного контроля над использованием атомных материалов требует «самого неотложного внимания». Ученый предложил информировать союзников (т.е. в первую очередь советского союзника, поскольку англичане уже участвовали в Манхэттенском проекте), с тем чтобы избежать в дальнейшем гонки ядерных вооружений и заложить основу для послевоенного сотрудничества. Бор подчеркивал, что только «открытый мир» позволит создать надлежащую среду для установления международного контроля. В развернутом виде эти соображения Бора были опубликованы в 1950 г.³⁸

Благодаря посредничеству члена Верховного суда США Ф. Франкфуртера 26 августа 1944 г. состоялся разговор Бора с Рузвельтом. Президент, как пишет М. Гауинг, держался весьма дружелюбно и откровенно обсуждал с ученым политические проблемы, возникающие в связи с созданием атомной бомбы. Он сказал Бору, что следует попытаться обратиться к России, и это откроет новую эру в истории человечества. Сталин, по мнению Рузвельта, был реалистом, чтобы понимать последствия этой научно-технической революции. Бор, продолжает Гауинг, был «довольно воодушевлен своим разговором с Рузвельтом, набросал черновик письма Капице в духе обсуждавшихся идей и

³⁷ Public Record Office. L. Premier Files of Winston Churchill, 3/139. Цит. по: Bundy McGeorge. P. 125.

³⁸ Bohr Niels. For an Open World. *Bulletin of the Atomic Scientists*. July 1950.

был готов поехать в Россию». После этой беседы с Рузвельтом Н. Бор писал американскому президенту:

«[...] Следует принять во внимание тот факт, что в результате плодотворного международного научного сотрудничества принципы, на базе которых становится осуществимым высвобождение в больших количествах энергии расщепленного ядра атома, во всяком случае, в основном были известны еще до войны и являются, таким образом, общим достижением физиков всего мира.

Известно также, что подготовительные работы предприняты в различных странах, и хотя, кажется, можно считать очевидным, что американско-английские усилия опережают усилия других, любая информация об успехах в этой работе в США, какой бы скудной она ни была, скорее всего вызовет форсирование подобных же усилий повсеместно. К счастью, ход войны устранил любую угрозу военного использования целеустремленных усилий в этой области со стороны Германии. Но следует, однако, помнить, что после разгрома Германии все специальные знания и технический опыт, накопленные в этой стране, как можно предполагать, в равной мере станут достоянием всех великих держав-победительниц.

В этих условиях личные связи между учеными, зародившиеся еще в годы предвоенного сотрудничества, могут, по-видимому, оказаться весьма полезными для выработки (с соблюдением всех правил секретности) понимания того, как высока будет ставка в случае, если ожидаемые исследования в области атомной физики материализуются, а также для подготовки полноценного использования тех огромных выгод, которые может принести честное сотрудничество в практическом осуществлении эффективных мер контроля»³⁹.

Однако надежды Н. Бора, как писала Гауинг, «были грубо развеяны». На совещании между Черчиллем и Рузвельтом в сентябре

³⁹ *Коммунист*. 1984. № 17. Подлинник хранится в документах Роберта Оппенгеймера (Отдел рукописей Библиотеки Конгресса США). Публикация В.Л. Малькова.

1944 г. первому удалось уговорить американского президента усилить контроль за соблюдением атомных секретов. 18 сентября ими была подписана памятная записка, в которой, в частности, говорилось:

«[...] 3. Следует провести расследование деятельности профессора Бора и предпринять шаги, чтобы убедиться, что он не несет ответственности за утечку информации, особенно русским»⁴⁰.

Как Черчиллю удалось заставить Рузвельта совершить такой *volte-face*, «покрыто мраком неизвестности», пишет американский историк П. Уайден. Сама эта памятная записка была обнаружена только после смерти Рузвельта, причем среди документов по военно-морским делам, куда она попала, по-видимому, по ошибке⁴¹.

Однако друзья датского ученого – научный советник британского премьера Черуэлл, член кабинета Андерсон, посол в США Галифакс и др. – взяли его под защиту. Черуэлл в присутствии В. Буша разговаривал с Рузвельтом, и вопрос о преследовании Бора был закрыт.

Активная позиция Н. Бора вызвала живой отклик среди ученых и многих администраторов. Как утверждает биограф Дж. Конэнта Дж. Хершберг, американский ученый, независимо от Бора, еще в мае 1944 г. развивал сходные и даже более детальные соображения о международном контроле. В записке от 4 мая 1944 г., озаглавленной «Некоторые мысли о международном контроле над атомной энергией», американский ученый писал:

- «1) Ассоциация государств для этой цели.
- 2) Международная комиссия по атомной энергии в составе: от Англии, США и России по 3 представителя и 6 представителей от других государств.
- 3) Полная власть Комиссии над всеми работами по атомной энергии.

⁴⁰ Цит. по: Sherwin. P. 284.

⁴¹ Wyden Peter. *Day One. Before Hiroshima and After*. N.Y.: Simon and Schuster, 1984. P. 124.

- 4) Лицензирование исследований и разработок во всех странах.
- 5) Финансирование исследований и разработок во всех странах.
- 6) Все результаты публикуются.
- 7) Инспектирование соответствующими агентами всех лабораторий, предприятий всех видов. Они должны дать присягу всю имеющуюся информацию рассматривать как конфиденциальную.
- 8) Полная открытость информации о сырьевых материалах и потенциальном оружии.
- 9) Наличие наблюдателей и хранителей арсенала, который должен быть размещен в Канаде, где будет минимальная возможность хищения материалов.
- 10) Комиссия будет иметь собственную авиацию и международные войска численностью 10 000 человек, которые принесут присягу Комиссии пресекать захват материалов.
- 11) Право доступа представителей Комиссии, независимо от того, существует ли состояние войны между теми или иными государствами.
- 12) Вмешательство в деятельность Комиссии со стороны правительства любого государства будет рассматриваться как акт войны.
- 13) Право передавать любой материал, относящийся к атомной энергии, из одной страны в другую.
- 14) Выделение материалов осуществляется только по единогласному решению Комиссии. Представители любого государства, отказывающиеся подчиниться решению, лишаются права голоса»⁴².

⁴² U.S. NARA, Wash., D.C. Box 9, folder 97, S-1, Bush-Conant Correspondence, Office of Scientific Research and Development, Record Group 227. Цит. по: Hershberg, P. 757–758.

Хотя записка Конэнта осталась в его архиве и, по мнению Хершберга, никому разослана не была, можно с большой долей уверенности предполагать, что содержащиеся в ней идеи были в дальнейшем использованы при подготовке в 1946 г. доклада Комитета Ачесона—Лилененталя, членом которого являлся Конэнт, хотя основным автором доклада считается Р. Оппенгеймер.

В июле 1944 г. консультант Metallurgical project⁴³ З. Джефрис в письме на имя директора этого проекта и президента Чикагского университета А. Комптона предложил подготовить доклад о перспективах развития атомной энергии в послевоенные годы. В результате в ноябре 1944 г. группой чикагских ученых был подготовлен доклад «Prospectus on Nucleonics», в котором говорилось о «катастрофических возможностях, тающихся в развитии ядерной энергии». Доклад заканчивался следующим выводом:

«Подытоживая, мы считаем, что неизбежное развитие ядерной энергии некоторыми, если не сказать, всеми государствами, ввиду ее потенциальных военных последствий неумолимо говорит в пользу того, чтобы все государства приложили всяческие усилия к сотрудничеству уже сейчас в создании международной организации с полицейскими полномочиями, которая могла бы контролировать по меньшей мере средства ведения ядерной войны»⁴⁴.

Аналогичным образом действовали и некоторые другие ученые. 12 декабря 1944 г. А. Эйнштейн пишет Бору письмо, в котором, сетуя на то, что политики не осознают угрозы миру, проистекающей от атомной бомбы и потенциальной гонки атомных вооружений, настойчиво призывает к тому, чтобы ученые совместно оказали давление на политических лидеров в пользу интернационализации ядерного оружия. Эйнштейн предложил, что-

⁴³ Часть Манхэттенского проекта, занимавшаяся в основном исследованием и методами производства плутония. В Metallurgical laboratory были разработаны проекты промышленных реакторов для наработки плутония, которые были сооружены в Хэнфорде, штат Вашингтон.

⁴⁴ Цит. по: Gard Robert Gibbins, Jr. Arms Control Policy Formulation and Negotiation: 1945–1946. A thesis presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the subject of Political Economy and Government. Harvard University, June 1961. P. 19.

бы инициативу взяли на себя сам Бор, а также Комптон, Черуэлл и русские ученые Капица и Иоффе⁴⁵. Но, предупрежденный друзьями о возможных негативных последствиях такой акции, Бор решил проявить осторожность. 22 декабря он посетил Эйнштейна в Принстоне и заверил его, что ответственные государственные деятели Америки и Англии полностью осознают опасности и возможности, создаваемые бомбой, после чего Эйнштейн на своей идее настаивать не стал.

Над проблемами, поставленными Бором и другими учеными, все больше стали задумываться политические деятели. В Англии это уже упомянутые Андерсон, Галифакс и даже А. Иден, в Вашингтоне — директор Управления научных исследований и разработок В. Буш и его заместитель Конэнт, игравшие ключевую роль в Манхэттенском проекте. В письме на имя последнего Буш писал, что проблемы последствий использования атомной энергии в качестве орудия разрушения после войны обсуждались с президентом Рузвельтом еще в октябре 1941 г. Это, сообщал Буш, беспокоило президента больше, чем угроза со стороны Германии⁴⁶.

19 сентября 1944 г. Буш и Конэнт направили военному министру Г. Стимсону письмо с настойчивой просьбой поставить перед президентом вопросы о выработке внутреннего законодательства по атомной энергии и о заключении соглашения, регулирующего отношения с Великобританией и Канадой по атомной проблеме. Рузвельт высказался за обмен атомной информацией с Великобританией в послевоенный период⁴⁷.

Спустя короткое время Буш и Конэнт обсудили с Г. Стимсоном вопрос о международном контроле и 30 сентября 1944 г. подготовили для него секретный меморандум о международных последствиях создания атомной бомбы, где высказались за международный контроль. В меморандуме Буша и Конэнта с поразительной для того времени дальновидностью подчеркивалось:

«[Д]ля Соединенных Штатов и Великобритании было бы крайне опасно продолжать в полной тайне дальнейшее

⁴⁵ Gowing, Niels Bohr... P. 273–274.

⁴⁶ Rhodes. P. 377–379.

⁴⁷ Gard. P. 22–23.

развитие военных применений (атомной энергии). Если так будет продолжаться, то Россия, несомненно, тайно пойдет тем же путем, а также, возможно, и некоторые другие страны, включая и наших поверженных врагов. Мы не думаем, что можно рассчитывать на то, что контроль над запасами (урана) в течение десятилетия помешает такому тайному развитию в других странах. В особенности если будет создана супер-супер бомба, поскольку запасы тяжелого водорода по существу безграничны, а такие более редкие материалы, как уран и торий, будут использоваться только в качестве детонаторов. Если какое-либо другое государство, а не Великобритания и Соединенные Штаты, первым создаст супер-супер бомбу, то мы окажемся в ужасном положении [...].

В ответ на нестандартную ситуацию, создаваемую появлением этого нового средства, мы предлагаем установить свободный обмен всей научной информацией по этому вопросу под эгидой международного механизма, который получил бы властные полномочия от той ассоциации наций, которая будет создана по окончании нынешней войны. [...] Мы понимаем, что будет сильное сопротивление этому шагу, но мы считаем, что опасности для будущего планеты достаточно велики, чтобы такая попытка была оправдана»⁴⁸.

Энергичный Буш в феврале 1945 г. пишет и направляет в Белый Дом еще один меморандум по вопросу о международном контроле, в котором предлагает, чтобы в разрабатывавшемся тогда Уставе ООН было предусмотрено создание в рамках новой всемирной организации международного научного органа (United Nations International Scientific Section), который взял бы на себя обеспечение полного обмена информацией по всем научным вопросам, которые касались бы военных применений. При этом имелось в виду, что эвентуально ООН возьмет в свои руки контроль над всеми наиболее разрушительными видами вооруже-

⁴⁸ U.S. NARA, Wash., D.C. Manhattan Engineer District Records, Harrison–Bundy Files, Folder No. 69. Цит. по: Sherwin. P. 288.

ний⁴⁹. Существует предположение, что Рузвельт был ознакомлен с этим предложением⁵⁰.

Стимсон во многом разделял озабоченность ученых относительно перспектив гонки вооружений и их идею международного контроля и обращения к Советскому Союзу. 15 марта 1945 г. Стимсон сказал Рузвельту, что предстоит сделать выбор между, с одной стороны, политикой секретности и англо-американской монополией и, с другой, политикой международного контроля, основанной на свободном обмене научной информацией⁵¹. Рузвельт выразил согласие, и Стимсон остался доволен разговором, но президент никаких действий не предпринял. Это была последняя встреча между президентом и военным министром⁵².

Рузвельт до своей смерти, наступившей 12 апреля, так и не принял определенного решения на этот счет. Находясь под непрерывным воздействием противоборствующих сил, Рузвельт явно колебался. Он все больше задумывался над тем, не стоит ли поставить советского союзника в известность относительно завершающихся в США работ над созданием атомного оружия.

Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в ходе Ялтинской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г., во время встречи Рузвельта с Черчиллем в Ливадийском дворце (где находилась резиденция американского президента) Рузвельт спросил английского премьер-министра: «Не настал ли момент информировать Сталина о бомбе?» Черчилль ответил отрицательно, добавив, что такое предложение его просто «шокировало»⁵³. Рузвельт не стал настаивать. В.М. Бережков, рабо-

⁴⁹ Hewlett Richard G. and Anderson Oscar E., Jr. A History of the United States Atomic Energy Commission. The New World, 1939/1946. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1962. P. 333.

К сожалению, эта интересная и полезная идея не получила дальнейшего развития, и в Уставе ООН нет положений о контроле над оружием массового уничтожения, а о разоружении вообще упоминается весьма лаконично. Речь в нем идет лишь о «регулировании вооружений» и о «возможном разоружении» (статьи 26 и 47).

⁵⁰ Gard. P. 25.

⁵¹ Stimson Henry L. & Bundy McGeorge. On Active Service in Peace and War. N.Y.: Random House, 1947. P. 615–616.

⁵² Wyden. P. 128.

⁵³ Public Records Office. L.; Library of Congress, Wash., D.C. Churchill to Eden on March 15, 1945, Premier 3, Record No.139/6. Цит. по: Berezikov. Origins of the Cold War... P. 12.

тавший в годы войны в секретариате В.М. Молотова, писал, что все разговоры в Ливадийском дворце прослушивались и докладывались Сталину⁵⁴. По мнению Бережкова, Сталин, получавший по линии советской разведки регулярную информацию о прогрессе Манхэттенского проекта, уже тогда заключил, что Вашингтон и Лондон держали работы над бомбой в секрете, и, очевидно, считал, что они намереваются использовать это оружие в качестве средства давления на Советский Союз⁵⁵.

Тем временем Сцилард продолжал активную борьбу за решение политических аспектов атомной проблемы. 12 марта 1945 г. Сцилард завершает подготовку меморандума президенту Рузвельту «Атомные бомбы и послевоенная позиция Соединенных Штатов в мире», в котором предупреждает, что выбор, стоящий перед американскими стратегами, предельно ясен: заключить с русскими соглашение о контроле над вооружениями либо победить их в гонке ядерных вооружений. Сцилард считает, что через шесть лет Россия сможет накопить достаточное количество расщепляющегося материала, чтобы изготовить атомные бомбы небольшого размера, которые могут быть скрыты в американских городах для последующего применения. Хуже того, пишет он, «после настоящей войны можно предположить, что окажется возможным сбросить атомные бомбы на города Соединенных Штатов с очень больших расстояний посредством доставки их ракетами». Он предупреждает об опасности превентивной войны. «Такая война может возникнуть в результате опасения, что другая сторона может нанести первый удар, и сколько ни проявили бы доброй воли оба государства, ее было бы недостаточно, чтобы предотвратить войну, если допустить возникновение такой взрывоопасной ситуации». Только всемирная система контроля может предотвратить такую опасность, система, включающая Великобританию и Советский Союз. Путем разбавления и «денатурирования» расщепляющегося урана и плутония (т.е. превращения их в непригодные для военного использования ядерные материалы) мировые державы смогли бы развивать мирное применение ядерной энергии, свободное от угрозы, что ядерное топливо может быть переключено на производство ору-

⁵⁴ Сам Бережков в Ялте не был, но этот факт подтвердил в беседе с автором один из присутствовавших на конференции сотрудников советской делегации.

⁵⁵ Berezikov. P. 12.

зия⁵⁶. Однако очень скоро стало ясно, что идея «денатурирования» оказалась ошибочной.

В последний военный год, еще до появления ядерного оружия, Сцилард демонстрирует удивительный дар предвидения, предсказав характер развития событий в послевоенный период, в том числе и предстоящую гонку вооружений, и холодную войну с ее взаимным ядерным сдерживанием.

Сцилард и на этот раз сомневался, что Рузвельт обратит внимание на его меморандум, и решил вновь обратиться за помощью к Эйнштейну. Он подготовил проект сопроводительного письма, которое тот и подписал 25 марта 1945 г. Одновременно Сцилард устанавливает контакт с женой президента Э. Рузвельт. В начале апреля она дает согласие встретиться с ученым в Нью-Йорке 8 мая, но 12 апреля Рузвельт умирает, и к власти приходит новый президент — Г. Трумэн.

В марте 1945 г. Бор направил Рузвельту еще один меморандум, однако он попал на стол В. Бушу уже после смерти президента. В нем датский ученый поднимал вопросы, идущие уже дальше предложения о целесообразности информирования русских об атомной бомбе. Он писал, что в скором времени будут найдены способы,

«упрощающие методы производства активных материалов и усиливающие их эффективность в такой степени, что это позволит любому государству, располагающему крупными промышленными ресурсами, овладеть силами разрушения, превышающими всякое воображение. Ввиду этого человечество окажется перед опасностью беспрецедентных масштабов, если в должное время не смогут быть приняты меры для упреждения губительного соперничества в создании мощных вооружений и установления международного контроля за производством и применением разрушительных материалов».

Ученый предлагал создать постоянный комитет экспертов при международной организации по поддержанию безопасности, который будет вести учет новых научно-технических открытий

⁵⁶ Lanouette. P. 260.

и рекомендовать соответствующие коррективы в методах контроля. По рекомендации технического комитета организация определяла бы условия, на основании которых будет разрешаться промышленная эксплуатация источников атомной энергии, при надлежащих гарантиях недопущения образования из активных материалов взрывных устройств⁵⁷.

Можно предполагать, что соображения Бора были учтены в дальнейшем при подготовке американских планов международного контроля. А на более позднем этапе эти мысли нашли определенное отражение и при разработке Устава МАГАТЭ и его системы гарантий⁵⁸.

Упорная и дальновидная деятельность Бора в пользу установления международного контроля была активно поддержана В. Бушем. 25 апреля 1945 г. он пишет специальному помощнику Г. Стимсона Х. Банди:

«Несколько дней назад меня посетил д-р Бор. Вы хорошо знаете, что в недалеком прошлом при посредстве судьи Ф. Франкфуртера он имел беседу с президентом Рузвельтом о международных аспектах нашего специального проекта [...]. Его заинтересованность в этой стороне дела целиком продиктована сильнейшим убеждением, что продуманный подход к международной политике в свете этой проблемы является абсолютно необходимым условием для благоприятного развития цивилизации, с чем я совершенно согласен».

Буш предложил создать специальный комитет для обсуждения послевоенных проблем, связанных с появлением атомного оружия, на который следовало бы пригласить Бора выступить с изложением своих взглядов⁵⁹.

В тот же день — 25 апреля — Стимсон впервые после смерти Рузвельта знакомил нового президента с ходом работ над атомной

⁵⁷ Gowing. Niels Bohr. P. 275–276.

⁵⁸ И в дальнейшем датский ученый продолжал предпринимать усилия по сдерживанию гонки ядерных вооружений: в 1948 г. он обращался со своими предложениями к государственному секретарю США Дж. Маршаллу, в июне 1950 г. направил открытое письмо в ООН, а в 1956 г. еще одно открытое письмо Генеральному секретарю ООН Д. Хаммаршельду.

⁵⁹ U.S. NARA. Harrison–Bundy Files. Цит. по: Мальков. С. 49–50.

бомбой (судя по многим американским источникам, Трумэн, будучи вице-президентом, не знал об этих работах⁶⁰). Основной акцент в беседе с новым президентом он сделал на политических последствиях создания атомного оружия и на опасности в будущем распространения этого оружия. Стимсон представил Трумэну меморандум, в котором, в частности, писал:

«[...] Абсолютно очевидно, что мы не в состоянии сохранить за собой эти преимущества (т.е. обладание секретом атомной бомбы. — *P.T.*) на неопределенное время, так как:

а) различные исходные данные, связанные с открытием секрета атомной бомбы и ее производством, хорошо известны многим исследователям во многих странах [...].

б) хотя производство бомбы существующими сейчас методами требует огромных научных и промышленных усилий, а также сырьевых ресурсов, которые не являются неисчерпаемыми, но находятся в основном в руках США и Соединенного Королевства, очень вероятно, что в будущем более легкие и дешевые методы производства будут найдены учеными вместе с открытием более распространенных материалов. В результате весьма вероятно, что в дальнейшем бомба может быть изготовлена и малыми странами и даже отдельными группами или в более короткий срок большой страной.

[...] В результате можно предсказать, что в будущем мы придем к такому положению, когда атомная бомба может быть изготовлена тайно и использована внезапно и эффективно с огромной разрушительной мощью злоумышленно настроенной страной или группой стран против ничего не подозревающей страны или группы стран, пусть даже более крупных по своей территории или по материальным ресурсам. С помощью атомного оружия даже очень сильная, но не ожидающая нападения страна может быть захвачена буквально в считанные дни значительно меньшей страной. Единственное государство, ко-

⁶⁰ Holloway David. *Stalin & the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956.* New Haven and L.: Yale University Press, 1994. P. 120; Hershberg. P. 222.

торое могло бы начать производство этого вида оружия через несколько лет, — это Россия.

[...] Мир, принимая во внимание уровень морали и уровень технической оснащенности, в случае если развитие пойдет по этому пути, окажется заложником атомной бомбы. Другими словами, современная цивилизация может быть полностью уничтожена.

[...] В свете наших сегодняшних подходов к данному роду оружия вопрос о совладении им с другими странами, включая и условия такого совладения, если вопрос будет решен положительно, становится главным вопросом нашей внешней политики. Следует также принять во внимание, что наша руководящая роль в войне и в производстве этого оружия налагает на нас определенные моральные обязательства, от которых мы не можем уклониться без того, чтобы не взять на себя очень серьезную ответственность за любые катастрофические последствия».

С удивительным проникновением в характер возможных последствий появления к тому времени еще даже не испытанного атомного оружия Стимсон писал об опасности его распространения. Он также отлично отдавал себе отчет в том, что проверка соглашения о международном контроле над атомной энергией создаст колоссальные проблемы. Военный министр в своем меморандуме далее указывал:

«Ни одна из систем контроля, которая рассматривалась прежде, не может быть признана адекватной нынешней ситуации и способной эффективно контролировать возникшую опасность. Как внутри любой страны, так и в межгосударственных отношениях установление контроля над этим оружием натолкнется на величайшие трудности и потребует таких далеко идущих прав на инспекцию и внутренний контроль, о которых мы ранее никогда и не помышляли»⁶¹.

Судя по записи беседы, сделанной присутствовавшим на ней генералом Л. Гровсом, Трумэн, видимо, никак не реагировал на

⁶¹ Stimson & Bundy. P. 635–636.

соображения, высказанные Стимсоном относительно международного контроля, но полностью поддержал атомный проект и производимые на него расходы⁶². Президент, вместе с тем, поручил министру создать Временный комитет (Interim Committee) и возглавить его, возложив на комитет «функцию давать президенту советы по различным вопросам, возникающим в связи с нашим предстоящим очевидным успехом в разработке атомного оружия». Однако Временный комитет, просуществовавший до окончания войны, так и не занялся проблемой международного контроля, сосредоточив свое внимание главным образом на вопросах применения атомного оружия. В него, помимо Г. Стимсона и заместителя председателя Дж. Гаррисона (специального помощника министра и президента *New York Life Insurance Company*), вошли заместитель министра ВМФ Р. Бард, В. Буш, Дж. Конэнт, президент Массачусетского технологического института К. Комптон, Дж. Бирнс в качестве личного представителя президента и др. При комитете была образована Научно-техническая группа (Scientific Panel) в составе Р. Оппенгеймера, Э. Лоуренса, А. Комптона и Э. Ферми. Генерал Гровс в качестве советника присутствовал на всех заседаниях комитета.

Тем временем Л. Сцилард стал добиваться встречи с новым американским президентом, но тот, вначале согласившись принять ученого 25 мая, затем направил его к Дж. Бирнсу. Бирнс в то время был еще частным лицом, но пользовался безграничным доверием Трумэна, и до его назначения государственным секретарем США оставалось совсем немного времени. Встреча с Бирнсом состоялась в Спартанбурге, штат Южная Каролина. Вместе со Сцилардом были лауреат Нобелевской премии Г. Юри и заместитель директора Металлургической лаборатории У. Бартки. По пути к Бирнсу ученые договорились поставить перед ним вопросы о том, какое воздействие атомная бомба и ее применение окажут на мировые дела, каково будущее атомной энергии и как следует планировать атомные исследования в послевоенном мире.

⁶² U.S. NARA. Manhattan Engineer District Records, Commanding General's File No. 24. Tab. D. Цит по: Sherwin. P. 293–294.

Состоявшийся 28 мая разговор носил остро полемический характер. Американский историк Уайден его описывает так:

Сцилард: Россия, так же как и США, скоро может стать атомной державой.

Бирнс: По данным генерала Гровса, Россия не имеет урана.

Сцилард: Россия располагает урановыми рудниками Чехословакии. Стоит обдумать предложение об отказе испытать бомбу, что создаст у русских впечатление, будто работы не увенчались успехом.

Бирнс: Это приведет к тому, что Конгресс откажется финансировать ядерные исследования, результаты должны быть очевидны для всех. Россия осуществляет свою экспансию в Восточной Европе, включая родину Сциларда — Венгрию, и в этих условиях демонстрация бомбы и американской военной мощи сделает Советы более управляемыми.

Сцилард: Манипуляции с бомбой испугают Россию, превратят ее в нашего антагониста.

Бирнс: Бомба поможет вытеснить Россию из Венгрии.

Сцилард: Можно ли сейчас говорить о судьбе маленькой Венгрии, если гонка атомных вооружений в конечном счете может разрушить Соединенные Штаты и Россию⁶³.

Беседа с Бирнсом к каким-либо результатам не привела. Бирнс был твердо настроен в пользу применения атомной бомбы и не пожелал рассматривать идеи Сциларда о международном контроле. Ученые обратили внимание на то, что Бирнс говорил не столько о применении бомбы для ускорения окончания войны с Японией, сколько о необходимости продемонстрировать американскую мощь перед Советским Союзом. Меморандум Сциларда о международном контроле был найден историками среди оставшихся бумаг Бирнса.

После беседы с Бирнсом 25 мая в Южной Каролине Сцилард возвратился в Вашингтон и встретился там с Оппенгеймером, кото-

⁶³ Wyden. P. 142–143.

рый прибыл в столицу из Лос Аламоса для участия в заседании Временного комитета, назначенном на 31 мая. Сцилард сказал Оппенгеймеру, что применение атомной бомбы против Японии было бы серьезной ошибкой, но Оппенгеймер с этим не согласился, он был за применение. «Это оружие, – заявил, однако, он, – не имеет военного значения. Оно произведет большой эффект, очень большой эффект, но это оружие не может быть полезным в войне». Он сказал Сциларду, что, тем не менее, было бы важно информировать русских, что у США имеется атомная бомба, дабы не застать их врасплох. Это мнение Сцилард счел разумным.

На заседании Временного комитета Стимсон в своем вступительном слове подчеркнул политическое значение открытия атомной энергии, заявив, что ее применение может «уничтожить или улучшить цивилизацию». В сохранившихся заметках Стимсона к заседанию сказано, что атомная энергия может стать для человечества «либо Франкенштейном⁶⁴, либо средством установления всеобщего мира»⁶⁵.

Эти слова произвели впечатление на Оппенгеймера, и он подумал, что они созвучны мыслям Н. Бора, хотя, насколько ему было известно, датский ученый и военный министр не встречались.

Члены комитета Э. Лоуренс и А. Комптон высказались за расширение производственных возможностей для изготовления оружия. Но Оппенгеймер высказал возражения, указав на то, что после создания и применения атомной бомбы ученых следует вернуть в университеты для возобновления фундаментальных исследований, поскольку во время войны они пользовались лишь плодами прежних открытий. С ним согласился В. Буш.

Оппенгеймер, судя по кратким записям секретаря комитета Арнсона, сказал, что в первую очередь следует поскорее закончить войну. Что же касается исследований, которые привели к созданию оружия, то они только проложили путь к дальнейшим открытиям. Фундаментальные знания в этой области столь широко распространены по всему миру, что следует в кратчайшие

⁶⁴ Т.е. созданным руками человека монстром, который уничтожает создавшего его человека.

⁶⁵ Rhodes. P. 642.

сроки информировать мир о достигнутых результатах. По его мнению, было бы разумно предложить миру свободный обмен информацией с особым упором на развитие мирных применений. Основной целью должно быть повышение благосостояния человечества. Если мы предложим обмен информацией до того, как бомба будет использована, наш моральный престиж значительно возрастет⁶⁶.

Выступая на заседании, Оппенгеймер сказал, что в России всегда благожелательно относились к науке, и высказал мнение, что можно было бы обсудить с русскими данную проблему в предварительном порядке и в самых общих чертах, не раскрывая каких-либо деталей своих промышленных работ. Можно было бы информировать их, что в реализацию этого проекта были вложены огромные усилия всего государства, и выразить надежду на сотрудничество с ними в этой области. Оппенгеймер придерживался, судя по сделанным секретарем комитета записям, твердого убеждения, что не следовало бы заранее предполагать, какую позицию займет Россия.

Оппенгеймер нашел неожиданного союзника в лице начальника штаба армии США генерала Дж. Маршалла, который поднял вопрос о том, не стоит ли пригласить двух видных русских ученых на испытание атомной бомбы «Тринити» в пустыне Аламогордо. Но тут заговорил Дж. Бирнс (он был к этому времени назначен Трумэнном госсекретарем, но еще не был утвержден сенатом), который сказал, что если сообщить русским даже самую общую информацию, Сталин потребует, чтобы его приняли в качестве партнера. Бирнс высказал мнение, которое, как отмечается в записях, было в целом поддержано всеми присутствовавшими участниками комитета, что наиболее желательным курсом действий было бы как можно быстрее вести исследования и производственные работы, с тем чтобы США продолжали идти впереди, и при этом прилагать усилия к тому, чтобы улучшать политические отношения с Россией. Идея проведения демонстративного взрыва на заседании Временного комитета поддержки не получила⁶⁷.

⁶⁶ Rhodes. P. 644.

⁶⁷ Ibid. P. 646–647.

Подождившая дискуссии на этом заседании, Стимсон заявил, что Японии не следует делать предупреждения, и, по предложению Конэнта, он согласился, что наиболее желательной целью явился бы крупный военный завод, в котором было бы занято большое число рабочих и близко к которому находились бы их жилища⁶⁸.

На заседании Временного комитета 1 июня, на котором его председатель Стимсон не присутствовал и которое вел Бирнс, были вначале заслушаны выступления лидеров промышленных корпораций, строивших атомные предприятия, — «Дюпон», «Теннесси Истман», «Вестингауз» и «Юнион Карбайд». Отвечая на вопросы членов комитета, они высказали мнение, что России потребуется от нескольких до десяти лет для создания бомбы.

Комитетом (в отсутствие Г. Стимсона, который, нельзя этого исключать, намеренно не присутствовал на заседании) было единогласно решено рекомендовать президенту, чтобы атомная бомба была применена против Японии как можно скорее, что ее следует сбросить на военный завод, окруженный домами, где живут его рабочие, и что Японии не следует делать предварительного предупреждения. Бирнс на заседаниях Временного комитета отстаивал точку зрения, что американское обладание бомбой сделает Россию более покладистой в Восточной Европе⁶⁹. В итоге победила точка зрения Бирнса, представлявшего в комитете президента, и было решено сохранить в секрете от Советского Союза сведения о бомбе, пока она не будет сброшена на Японию. Трумэну заключение Временного комитета было доложено спустя несколько дней, но не Стимсоном, а Бирнсом. Президент уже тогда принял решение, но официальный приказ последовал позднее⁷⁰, после окончания Потсдамской конференции трех руководителей антигитлеровской коалиции (17 июля — 2 августа), когда Трумэн возвращался на военном корабле в США. Временный комитет так и не занялся рассмотрением вопросов, связанных с последствиями открытия атомной энергии и установлением международного контроля, как это с самого начала предлагал Г. Стимсон. Как отмечал американ-

⁶⁸ Rhodes. P. 648–649.

⁶⁹ Hewlett and Anderson, Jr. P. 355.

⁷⁰ Rhodes. P. 649–651.

ский исследователь Р. Гард, решение о применении атомного оружия было принято «практически без учета последствий для послевоенной внешней политики»⁷¹.

Оппенгеймер после заседания комитета встретился с Н. Бором в английском посольстве в Вашингтоне и, как он вспоминал позднее в своей лекции о Боре в 1963 г. (Бор умер в 1962 г.), попытался утешить его, «но он был слишком мудрым и твердо стоящим на земле человеком, чтобы поддаться на утешения, и вскоре после этого уехал в Англию, будучи совершенно неуверенным в том, что может произойти дальше»⁷². Покидая Вашингтон, Бор попытался встретиться со Стимсоном, но министр отказался его принять⁷³.

Позиция Оппенгеймера была двойственна: он был за применение бомбы и, предлагая обмен информацией с другими странами, заботился прежде всего о престиже Америки. Но позднее он, очевидно, стал лучше понимать глубокий смысл предложений Бора. В лекции о Боре Оппенгеймер говорил:

«Буш, Комптон и Конэнт ясно понимали, что единственное будущее, на которое они могут смотреть с надеждой, — это будущее, в котором все развитие (атомной энергии) будет находиться под международным контролем. И Стимсон понимал это; он понимал, что это (бомба) произведет огромный переворот в жизни человечества; он понимал и то, что центральной проблемой в тот период были наши отношения с Россией. [...] Но существовали и разногласия. Бор был сторонником действий, своевременных и ответственных. Он сознавал, что они должны быть предприняты теми, кто обладает полномочиями нести ответственность и действовать. Бор хотел изменить всю обстановку, в которой эта проблема будет развиваться, достаточно рано, чтобы сама обстановка влияла на развитие проблемы. Он верил в мудрость государственных деятелей и говорил об этом вновь и вновь, но не очень верил в различные комитеты, а Временный ко-

⁷¹ Gard. P. 70–71.

⁷² Rhodes. P. 651.

⁷³ Ibid.

митет был комитетом и доказал это, назначив еще один комитет — научный»⁷⁴.

Тем временем сторонники установления международного контроля над атомной энергией продолжали активно отстаивать преимущества своего подхода. В июне в чикагской Металлургической лаборатории, где под руководством Э. Ферми в декабре 1942 г. заработал первый «атомный котел», были образованы шесть комитетов для выработки рекомендаций правительству относительно послевоенной политики, в том числе Комитет по социальным и политическим последствиям под председательством нобелевского лауреата Дж. Франка. В комитет вошли Л. Сцилард, нобелевский лауреат Г. Сиборг, известный физик и общественный деятель Ю. Рабинович и др. Деятельность Сциларда играла наиболее важную роль при подготовке доклада Комитета Франка. Доклад был подписан всеми его участниками 11 июня.

Доклад Комитета Франка содержал следующие основные выводы: во-первых, Соединенные Штаты не смогут избежать атомной гонки, проводя политику секретности; во-вторых, наибольшие надежды на обеспечение национальной и международной безопасности давало бы установление международного контроля над атомной энергией; в-третьих — и это главное — «если Соединенные Штаты первыми применят это новое средство неразборчивого уничтожения человечества, они потеряют общественную поддержку во всем мире, подстегнут гонку вооружений и подорвут возможность достижения международного соглашения о будущем контроле над этим оружием». «Россия, — говорилось в докладе, — и даже союзные страны, у которых меньше недоверия к нашим действиям и намерениям, а также нейтральные страны будут глубоко шокированы. И будет очень трудно убедить мир, что можно доверять государству, которое смогло втайне произвести и внезапно применить новое оружие, столь же неразборчивое, как ракетная бомба, и в тысячу раз более разрушительное, если оно потом провозгласит желание заключить международное соглашение о запрещении такого оружия»⁷⁵.

⁷⁴ Rhodes. P. 644–645.

⁷⁵ Alperovitz Gar. *The Decision to Use the Atomic Bomb*. N.Y.: Vintage Books. A Division of Random House, Inc., 1996. P. 187.

Вместо применения бомбы против Японии ученые предложили продемонстрировать ее мощь путем взрыва в необитаемой пустыне или на необитаемом острове. Доклад Комитета Франка был рассмотрен Временным комитетом и отклонен им 21 июня. Принципиальное решение о применении бомбы было принято, считает Сиборг, еще до получения в Вашингтоне доклада Франка⁷⁶.

Тем не менее Сцилард с удвоенной энергией продолжает бороться за установление международного контроля над атомной энергией. 17 июля, не зная еще о проведении первого атомного испытания в пустыне Аламогордо, штат Нью-Мексико, он пишет петицию на имя президента с призывом не применять ядерное оружие, в которой приводятся основные аргументы доклада Франка. Под петицией подписались 69 ученых, впрочем, некоторые, включая Э. Теллера, поставить свою подпись отказались. В ней, в частности, говорилось:

«Развитие атомной энергии даст государствам новое средство разрушения. Находящиеся (сейчас) в нашем распоряжении атомные бомбы являются лишь первым шагом в этом направлении, и почти не будет предела разрушительной мощи, которая появится в процессе их дальнейшего развития. Таким образом, государство, которое установит прецедент, использовав для целей разрушения эту вновь высвобожденную силу природы, возьмет на себя ответственность за то, что оно открыло путь к эре опустошения в немыслимых масштабах»⁷⁷.

При сопроводительном письме директора Металлургической лаборатории А. Комптона петиция была направлена в Вашингтон 19 июля и там затерялась между кабинетами. Насколько удалось установить, до Трумэна она не дошла⁷⁸.

Представляет интерес мнение государственного секретаря США в 1960-х гг. Д. Раска, обычно придерживавшегося осторожных и консервативных суждений, который, правда уже задним числом, высказывал сожаление, что в период Манхэттенского проекта не было уделено должного внимания рассмотрению поли-

⁷⁶ Seaborg Glenn T. with Loeb Benjamin S. *Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years*. Lexington, MA, Toronto: Lexington Books, 1987. P. 59–61.

⁷⁷ Rhodes, p. 749.

⁷⁸ Alperovitz. P. 191.

тических аспектов создания атомной бомбы. В своих мемуарах, опубликованных в 1990 г., он писал:

«[...] Мы совершили ошибку с самого начала Манхэттенского проекта. Нам следовало бы создать специальную политическую группу для рассмотрения последствий применения бомбы. К сожалению, те, кто понимал дело и был знаком с Манхэттенским проектом, — Рузвельт, Стимсон и немногие другие — были слишком заняты военными усилиями, чтобы сфокусировать внимание на долгосрочных последствиях создания ядерного оружия. Такая группа могла бы и не повлиять на результат — в отношении либо Хиросимы, либо последовавшей за нею гонки вооружений, но уж во всяком случае были бы просчитаны все возможные варианты»⁷⁹.

Завершим этот раздел напоминанием читателю о том, что страх перед тем, что Гитлер опередит западные страны, первым став обладателем атомной бомбы, и, соответственно, получит козырную карту во Второй мировой войне, на деле оказался напрасным. И хотя немцы располагали Яхимовскими урановыми месторождениями в Чехословакии, имели доступ к бельгийским запасам урана и к норвежскому заводу по производству тяжелой воды (быстро восстановленному после его разрушения союзниками в результате диверсионной операции), германский атомный проект после хорошего старта развивался весьма медленно, особенно после нападения Германии на Советский Союз в 1941 г. Когда Н. Бор смог пробраться из Дании через Швецию на Запад осенью 1943 г., он информировал союзников, что атомные работы в Германии продвигаются с большими трудностями.

Но еще более твердые доказательства этого появились в 1944 г., когда в Европу прибыла группа американских специалистов под кодовым названием «Алсос»⁸⁰. Перед этой группой была поставлена задача захватить в Германии как можно больше ученых, материалов и документов, имевших отношение к работам по урану, и опередить в этом Советский Союз. Ее научным руководителем был физик С. Гудсмит, который обнаружил в ноябре 1944 г.

⁷⁹ Rusk Dean. *As I Saw It*. N.Y.: Penguin Books, 1990. P. 122.

⁸⁰ Alsos — от греч. «священная роща». По-английски «роща» — *grove*, что соответствует фамилии директора Манхэттенского проекта Л. Гровса.

в Страсбургском университете, где работал фон Вайцзекер, документы, свидетельствовавшие о том, что немцы сильно отставали в создании атомной инфраструктуры. Германские ученые были разобщены, входили в разные, часто соперничавшие группы, и столкнулись с огромными сложностями в разделении изотопов урана, хотя и приступили первыми к процессу газового центрифугирования. Курировали урановый проект Г. Геринг и министр вооружений А. Шпеер, которые, видимо, не придавали ему должного значения. После состоявшегося в июне 1942 г. совещания с учеными Шпеер потерял надежду на то, что бомба может быть создана⁸¹.

Незадолго до краха немцы попытались объединить специалистов в одном месте — в Баварии, но было уже поздно. Им даже не удалось построить реактор того типа, который был создан Э. Ферми в 1942 г., но они тем не менее гордились своими успехами в теоретических исследованиях и даже считали, что опережают всех остальных физиков. И только бомбежка Хиросимы убедила виднейших немецких ученых, включая В. Гейзенберга и О. Гана, которые были интернированы в Англии, а их реакция на объявление о Хиросиме записана подслушивающими устройствами, что они катастрофически отстали.

Начало атомной эры

Официально атомная эра началась 16 июля 1945 г., когда было проведено первое испытание американской атомной (плутониевой) бомбы в пустыне Аламогордо. Трумэн был поставлен в известность об успешном испытании во время Потсдамской конференции трех руководителей антигитлеровской коалиции⁸². Американский президент добивался перенесения начала Потсдамской конференции, с тем чтобы использовать факт первого испытания атомной бомбы в своей дипломатической игре. Это был, в сущности, первый акт «атомной дипломатии».

Трумэн, прежде чем информировать Сталина об атомной бомбе, отретировал со Стимсоном, Бирнсом и Черчиллем свой раз-

⁸¹ Powers. P. 291.

⁸² Hewlett and Anderson Jr. P. 360; Norris. P. 399.

говор с советским руководителем. Было решено прямо не говорить об *атомной* бомбе, дабы избежать возможных вопросов Сталина о дальнейшей судьбе этого оружия и о секретах его производства. Разговор состоялся 24 июля после окончания вечернего заседания конференции. Существует несколько версий того, как проходила беседа Трумэна со Сталиным.

Согласно одной из них, подойдя к Сталину без своего переводчика⁸³ и полагаясь на перевод русского переводчика, Трумэн «как бы невзначай» упомянул, что США «располагают оружием необычайной разрушительной силы». В своих мемуарах Трумэн потом напишет: «Русский премьер не проявил особого интереса. Все, что он сказал, это то, что он был рад услышать об этом и надеется, что мы “хорошо воспользуемся этим оружием против японцев”»⁸⁴. Черчилль в своих мемуарах вспоминал: «...лицо Сталина оставалось веселым и радушным. Я находился примерно в пяти метрах от них, наблюдая с большим вниманием за историческим разговором. Я заранее знал, как будет действовать президент. Главное было оценить, какой эффект его слова произведут на Сталина. Я вижу его лицо, как будто это было вчера. Казалось, что он был восхищен. Новая бомба! Чрезвычайной мощи! Вероятно, приведет к скорому решению войны с Японией! Какая удача!»

Но вот А. Иден, который вместе с Черчиллем наблюдал за разговором также с расстояния нескольких метров, писал в своих мемуарах, что Сталин просто кивнул головой и сказал: «Благодарю Вас», никак не комментируя сообщение Трумэна⁸⁵. В.Н. Павлов, переводивший разговор, в интервью советскому историку, а

⁸³ Помощник госсекретаря Ч. Болен, который тогда был переводчиком Трумэна, писал позднее американскому историку Г. Файсу: «Как я себе представляю и как мне помнится, хотя я и не могу припомнить никаких особых замечаний президента на этот счет, он хотел, чтобы сказанное им было воспринято как абсолютно непреднамеренное замечание, и поэтому, оставив меня, своего переводчика, позади, он приблизился к Сталину во время короткого перерыва или в конце заседания, с тем чтобы сделать это. Важно отметить, что не я перевел сказанное президентом и поэтому не слышал, что он говорил» (Library of Congress. Wash., D.C. Herbert Feis Papers. Box 14. Charles Bohlen to Feis. 1960, Jan. 25. Цит. по: Мальков. С. 121–122).

⁸⁴ Truman Harry S. Memoirs. Vol. 1: 1945, Year of Decision. N.Y.: Signet Books, 1965. P. 458.

⁸⁵ Eden Anthony. The Reckoning. Boston: Houghton Mifflin, 1965. P. 635.

в прошлом ответственному сотруднику МИД В.Г. Трухановскому в основном подтвердил рассказ Идена, и, как он припоминает, Сталин вообще ограничился легким кивком головы, и слова «спасибо» произнесено не было⁸⁶.

По мнению ряда историков, Трумэн и Черчилль были убеждены, что Сталин не сознавал, что речь идет об *атомной* бомбе. Но воспоминания советских участников Потсдамской конференции определенно свидетельствуют: Сталин отлично знал, что Трумэн имел в виду атомное оружие. Более того, он еще до отъезда на Потсдамскую конференцию располагал информацией, полученной через советскую разведку, о готовящемся испытательном ядерном взрыве в штате Нью-Мексико⁸⁷.

Маршал Г.К. Жуков вспоминает:

«[...] В ходе конференции после одного из заседаний глав правительств Г. Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомной.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И.В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждал, что, вероятно, И.В. Сталин не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Сталин *в моем присутствии* (выделено мной. — *Р.Т.*) рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал:

⁸⁶ Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М.: Международные отношения, 1985. С. 23.

⁸⁷ Во время встречи с советским агентом Голдом («Раймондом») в Санта-Фе в начале июня 1945 г. К. Фукс передал информацию, что атомное испытание намечено на середину этого месяца. Он сообщил, что мощность взрыва, как ожидается, составит около 10 тыс. т тринитротолуола. 19 сентября он информировал, что присутствовал при испытании первой атомной бомбы (Феклисов А.С. Подвиг Клауса Фукса. *Военно-исторический Журнал*. 1990. № 12. С. 26; Феклисов Александр. За океаном и на острове. Записки разведчика. М.: ДЭМ, 1994. С. 149). О том, что Сталин знал о предстоящем испытании, писали и американские историки. См.: Wyden. P. 226; Holloway. P. 117.

– Цену себе набивают.

И.В. Сталин рассмеялся:

– Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы»⁸⁸.

Подобные воспоминания оставил А.А. Громыко, занимавший в то время пост посла в США. Он писал:

«24 июля после окончания заседания, когда Сталин направился к выходу, президент США задержал его и сказал:

– Я хотел бы сделать конфиденциальное сообщение.

Сталин остановился, а Трумэн сообщил ему следующую информацию:

– Соединенные Штаты создали новое оружие большой разрушительной силы, которое мы намерены применить против Японии.

Эту информацию Сталин принял к сведению спокойно, не проявив каких-либо эмоций. Американский президент, как стало известно позже, был немало разочарован такой реакцией советского руководителя.

Черчилль с волнением ожидал окончания разговора Трумэна со Сталиным. И когда он завершился, английский премьер поспешил спросить президента США:

– Ну как?

Тот ответил:

– Сталин не задал мне ни одного уточняющего вопроса и ограничился лишь тем, что поблагодарил за информацию».

Далее, продолжает Громыко,

«[...] Сталин незамедлительно из Потсдама дал советскому ученому-физику И.В. Курчатову указание ускорить де-

⁸⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. М.: АПН, 1974. Т. 2. С. 418.

ло с созданием атомной бомбы, которое стало мощным импульсом для всего комплекса работ в нашей стране»⁸⁹.

Посол СССР в США в 1960–1980 гг. А.Ф. Добрынин, не присутствовавший на Потсдамской конференции, пишет в своих мемуарах, что после разговора с Трумэном Сталин позвонил Курчатову и приказал ему ускорить работы. Курчатов стал жаловаться на то, что он сталкивается с трудностями: требуется огромное количество электроэнергии, которой не хватает; недостаточно тракторов для расчистки площадок в сибирских лесах для строительства атомных предприятий. «Сталин, – продолжает Добрынин, – тут же принимает решение: во-первых, просто отключить свет в нескольких крупных населенных районах, оставив электроснабжение только для заводов, и переключить электроэнергию на атомный проект, и, во-вторых, предоставить в распоряжение Курчатова две танковые дивизии, с тем чтобы танки использовались в качестве тракторов для расчистки площадок»⁹⁰.

Вряд ли в ходе данного разговора Курчатов затрагивал такие конкретные и тем более технические вопросы, поскольку атомный проект только начинался и находился на стадии научно-исследовательских и лабораторных работ, так что Добрынин, видимо, имел в виду последующие разговоры и обсуждения вокруг проблемы создания инфраструктуры атомной промышленности и хода работ по разработке оружия.

Состоявшийся в Потсдаме 24 июля разговор между Трумэном и Сталиным (если только его можно назвать разговором) имел важное историческое значение. «Сталин, – как верно отмечает американский историк Г. Файс, – был способен скрыть любое проявление того, что ему известно, и подавить любой возникающий признак, что дипломатический и военный баланс между Западом и Советским Союзом может быть поколеблен новым оружием»⁹¹. Именно этот разговор дал неизбежный мощный стимул развертыванию советской атомной программы. Нежелание Трумэна поделиться со Сталиным – союзником США во

⁸⁹ Громыко А.А. Памятное. М.: Госполитиздат, 1988. Кн. 1. С. 221.

⁹⁰ Dobrynin Anatoly. In Confidence. Moscow's Ambassador to Six Cold War Presidents (1962–1986). N.Y.: Times Books, Random House, 1995. P. 23.

⁹¹ Feis Herbert. The Atomic Bomb. Princeton: Princeton University Press, 1970. P. 102.

Второй мировой войне – своими планами применения атомного оружия против Японии и самим фактом создания этого оружия не могло не породить у советского руководителя глубоких сомнений в послевоенной политике Соединенных Штатов и других западных держав в отношении СССР. Это решение США наложило отпечаток на многие события послевоенного периода и в немалой степени способствовало возникновению гонки атомных вооружений.

Попытки некоторых политиков и ученых США содействовать установлению советско-американского контакта по атомной проблеме

В Потсдаме, т.е. еще до применения атомного оружия против Японии, Г. Стимсон подготовил меморандум президенту США «Размышления об основных проблемах, стоящих перед нами», в котором вновь подчеркнул мысль о том, что предотвращение «уничтожения современного цивилизованного мира» зависит от установления «успешного контроля над атомной энергией»⁹². После бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, зная о последствиях применения атомного оружия, и после капитуляции Японии Стимсон, собираясь уже в отставку с поста военного министра, предпринял еще одну, и последнюю, попытку продвинуть решение вопроса о международном контроле над атомной бомбой и договориться об этом в первую очередь напрямик с Советским Союзом.

Взяв краткосрочный отпуск, Стимсон при содействии своего заместителя Дж. Макклоя пишет широко известный теперь меморандум на имя президента Трумэна от 11 сентября 1945 г. «Центральная мысль Стимсона и Макклоя, – отмечает американский историк Дж. Чейс, – сводилась к убеждению в том, что не одни Соединенные Штаты владеют научными атомными секретами – они располагают только техническими возможностями производства бомбы»⁹³. Отталкиваясь от этой мысли, Стимсон настойчиво призывал президента предпринять «прямое» обращение к Советскому Союзу. Стимсон писал в своем меморандуме:

⁹² Gard. P. 93.

⁹³ Chace James. Acheson. The Secretary of State Who Created the American World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. P. 117.

«[...] Если Советский Союз не будет добровольно привлечен к участию на основе сотрудничества и доверия, то мы будем иметь англосаксонский блок, противостоящий Советскому Союзу в обладании этим (атомным) оружием. Такое положение почти неизбежно вызовет в СССР лихорадочную деятельность, направленную на создание бомбы, что практически приведет к тайной гонке, которая примет безысходный масштаб. По некоторым данным, такая гонка, возможно, уже началась»⁹⁴.

«Такое обращение, – продолжал Стимсон, – могло бы в более конкретном плане повести к предложению о прекращении нами работ над дальнейшим усовершенствованием и производством бомбы в качестве оружия войны при условии, что русские и британцы поступят аналогичным образом».

Далее следует, как представляется, наиболее важная часть меморандума:

«Я считаю, возможно, самым главным из всех иных соображений, чтобы это обращение к России было сделано как предложение США, поддержанное Великобританией, но прежде всего как предложение США. Действия какой-либо международной группы государств, включающей множество малых стран, которые не проявили потенциальной силы или ответственности в этой войне, не будут, по моему мнению, серьезно восприняты Советами [...]. Я повторяю, что считаю это самым важным пунктом своей программы (выделено мной. – Р.Т.)».

В этом документе Стимсон поделился своим жизненным опытом:

«Главный урок, который я усвоил за свою долгую жизнь, состоит в том, что единственный способ сделать человека достойным доверия, – это доверять ему, а самый верный способ сделать его не достойным доверия – не доверять ему и выказать ему это свое недоверие».

⁹⁴ Нельзя исключать, что Стимсон уже знал о только что вышедшем секретном постановлении, подписанном Сталиным 20 августа 1945 г., относительно широкого развертывания атомных работ в СССР. (См. о нем подробнее в следующем разделе настоящей главы).

«Мое мнение таково, что Советский Союз скорее откликнется на прямое и откровенное обращение Соединенных Штатов по этому поводу, чем на предложение в порядке какого-то общего международного плана или после явных или скрытых угроз или полуугроз в ходе наших переговоров»⁹⁵.

По некоторым свидетельствам, первоначальная реакция Трумэна была как будто положительной. Однако его новый государственный секретарь Дж. Бирнс был ярким сторонником сохранения американской атомной монополии. Но самая резкая оппозиция плану Стимсона исходила от министра военно-морского флота (и будущего министра обороны) Дж. Форрестола, который был сторонником использования атомного оружия в качестве инструмента американской послевоенной политики. Обсуждение меморандума Стимсона состоялось 21 сентября, в день, когда ему исполнялось 78 лет, и это был его последний день на посту военного министра: он уходил в отставку.

Присутствовавший на заседании министр торговли Г. Уоллес в своем публичном выступлении в 1950 г. рассказывал:

«Министр Стимсон заявил на заседании кабинета 21 сентября 1945 г., что другие страны почти наверняка будут иметь атомную бомбу к 1950 г. Я ему поверил. [...] Однако творцы нашей высокой политики, ничего не понимая в науке, думали, что мы обладаем секретом, который сможем использовать в мирное время как орудие в международных делах. Они не спрашивали себя, что будет с нашей внешней политикой, когда бомбой будут обладать две страны»⁹⁶.

Заместитель госсекретаря Д. Ачесон (Бирнс был в Лондоне на СМВД – Совете министров иностранных дел, учрежденном на Потсдамской конференции для подготовки мирных договоров с бывшими вражескими государствами и решения других вопросов послевоенного урегулирования) поддержал Стимсона, но, как позднее писал в своих мемуарах, «обсуждение не дошло до

⁹⁵ Stimson & Bundy. P. 645.

⁹⁶ Цит. по: Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 56.

существа предмета»⁹⁷. Заседание не привело к какому-либо окончательному решению, но Трумэн сделал первое заявление по международному контролю, объявив: «Я уже решил, что атомная энергия требует строгого контроля как внутри страны, так и в международном масштабе»⁹⁸. Президент попросил участников заседания в письменной форме изложить свое мнение.

Ачесон направил президенту [25 сентября] секретный меморандум, в котором писал, что «политика секретности бесполезна и опасна», поскольку «то, что нам известно, не есть секрет, который мы могли бы сохранить только для себя». Далее в нем говорилось:

«(1) Ученые придерживаются практически единодушного мнения, что теоретическая основа знаний (об атомной энергии) сейчас широко известна; исследования за границей могут приблизиться к нашему нынешнему уровню знаний в сравнительно короткий срок; промышленные разработки в иностранных государствах, например в Советском Союзе, могут сравниться с нашим нынешним уровнем приблизительно через пять лет; малоперспективно разработать эффективные средства обороны от бомбы. [...]

(4) Совместное развитие в настоящее время этого открытия вместе с Англией и Канадой должно восприниматься Советским Союзом как бесспорное свидетельство англо-американских комбинаций, направленных против него. По мнению СССР, много и других доказательств этого.

(5) Невозможно представить, что такое могущественное и стремящееся к усилению своего могущества государство, как Советский Союз, не примет энергичные меры для исправления ситуации. Советское правительство должно будет предпринять и предпримет все усилия к тому, чтобы восстановить ту утрату своей мощи, которая явилась результатом этого открытия. Если мы попытаемся вести политику его отторжения, то в атмосфере подозрительности и вражды оно будет действовать именно так, что приведет к усугублению всех нынешних трудностей в отно-

⁹⁷ Acheson. P. 123.

⁹⁸ Gard. P. 124.

шениях между нами. Если мы объявим себя попечителями развития (этой энергии) на благо всего мира, то с точки зрения русского менталитета это будет не что иное, как открытая политика его отторжения.

(6) Как представляется, идет процесс углубления разногласий с Советским Союзом по всем направлениям. И тем не менее я не вижу, почему основные интересы двух наций должны вступать в конфликт. Долгосрочное взаимопонимание, основанное на твердости, откровенности и взаимном признании основных интересов друг друга мне представляется невозможным, если англо-американцы будут проводить политику исключения России из атомного развития. Если это окажется невозможным, то упорядоченного мира не будет, а наступит вооруженное перемирие.

(7) Вопроса о том, стоит или не стоит пытаться иметь программу взаимного обмена информацией и сотрудничества с Советским Союзом, нельзя избежать путем внесения в Организацию Объединенных Наций предложений о контроле. ООН не может действовать в этой области без соглашения между Соединенными Штатами, Соединенным Королевством и СССР. Такое соглашение, если его нужно будет достичь, должно быть предпринято напрямую, а не путем дополнительных осложнений, если мы с самого начала вовлечем еще пятьдесят или больше стран.[...]

Ачесон рекомендовал предпринять обращение к Советскому Союзу после обсуждения с англичанами, как это требуется имеющимися с ними соглашениями, «с целью выработки программы взаимного обмена научной информацией и сотрудничества в разработке атомной энергии»⁹⁹.

Мы позволили себе привести пространные выдержки из меморандума Ачесона, учитывая весьма трезвые и дальновидные суждения заместителя госсекретаря, который хорошо понимал,

⁹⁹ National Security Archive (NSA). Wash., D.C. The Under Secretary of State. Memorandum Requested by the President. September 25, 1945. Nuclear Non-Proliferation. No. 00003.

к чему может привести иная, чем он рекомендовал, политика в отношении Советского Союза по атомной проблеме. Чейс считает, что Ачесон стал в «моральном отношении последователем» Стимсона¹⁰⁰. Сходной с Ачесоном точки зрения придерживался В. Буш¹⁰¹.

Американские ученые, со своей стороны, также продолжали обращать внимание руководства страны на необходимость тщательного учета политических последствий применения атомного оружия против Японии. Созданная Временным комитетом Научно-технической группы в составе Э. Лоуренса, Р. Оппенгеймера, А. Комптона и Э. Ферми в начале сентября 1945 г., т.е. в последние дни Второй мировой войны, подготовила предложения о целесообразности радикального изменения государственной политики, явно выходя за пределы своих технических полномочий. Члены группы писали, что «результатом дальнейшей работы над этими (атомными) проблемами станет появление оружия, и в количественном, и в качественном отношении более эффективного, чем имеющееся в настоящее время». При этом они отметили «весьма благоприятные [...] технические перспективы» разработки «супербомбы».

Ученые пришли к выводу, что не могут быть «разработаны и предложены эффективные военные контрмеры против атомного оружия» и что они «придерживаются твердого мнения, что никакие военные контрмеры не могут быть найдены». Они не только «не в состоянии наметить программу, которая обеспечит нашему государству в течение ближайших десятилетий гегемонию в области атомного оружия», но и «в равной мере не способны гарантировать, что такая гегемония, если будет достигнута, сможет защитить нас от самого страшного разрушения». И поэтому возникает необходимость в радикальных *политических* решениях:

«Разработка в ближайшие годы более эффективного атомного оружия, — говорилось в заключениях Научно-технической группы, — представляется самым естественным элементом любой государственной политики под-

¹⁰⁰ Chace. P. 119.

¹⁰¹ NSA. Memorandum by the Director of the Office of Scientific Research and Development. September 25, 1945. No. 00004.

держания наших вооруженных сил на высоком уровне мощи; тем не менее мы имеем серьезные сомнения в том, что такое развитие в дальнейшем может способствовать в существенной степени и на постоянной основе предотвращению войны. Мы считаем, что безопасность нашего государства — в отличие от его способности нанести ущерб вражескому государству — не может основываться целиком или даже частично на его научно-техническом потенциале. Она может базироваться только на том, чтобы сделать будущие войны невозможными. Мы высказываем единодушную и настоятельную рекомендацию правительству: несмотря на то, что мы пока не полностью использовали технические возможности в этой области, должны быть приняты все меры, осуществлены все необходимые международные мероприятия для достижения этой главной цели»¹⁰².

Следует полагать, что эти выводы были сформулированы скорее всего Оппенгеймером и поддержаны Комптоном и Ферми. Лоуренс был очевидным сторонником наращивания американского атомного потенциала и буквально за два месяца до этого обращения Научно-технической группы к американской администрации советовал Временному комитету наращивать запасы атомного оружия. Но после окончания войны Лоуренс, по-видимому, все же стал более трезво сознавать важность международного подхода к атомной проблеме. Очевидно, именно поэтому он согласился поддержать сделанные группой выводы.

Но попытка ученых успеха не имела. Через несколько дней после капитуляции Японии Оппенгеймер сам отвез письмо в Вашингтон, чтобы вручить его Стимсону, но того в столице не оказалось. Оппенгеймер встретился с помощником Стимсона Дж. Гаррисоном и с В. Бушем и узнал, что ситуация изменилась к худшему. Трумэн уже отдал приказ (скорее всего, по предложению Бирнса и Гровса), запрещающий передавать кому бы то ни было сведения об атомной бомбе. Письмо ученых было передано Бирнсу, который в ответ сообщил, что в «данной критической международной обстановке» необходимо полным ходом продолжать Манхэттенский проект.

¹⁰² Rhodes. P. 751–752.

Л. Сцилард так же, как и прежде, продолжал отстаивать свои предложения о контроле. И после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки он подготовил еще один меморандум — под названием «Попытка определить платформу для наших бесед с членами американского сената и Палаты представителей», где предлагалось образовать комиссию конгресса по атомной энергии, с членами которой могли бы связываться ученые¹⁰³.

Он также вносит предложение президенту Чикагского университета Р. Хатчинсу созвать конференцию ученых для рассмотрения вопросов контроля над атомной энергией. Конференция проходила с 19 по 21 сентября. В ней приняли участие около 50 ученых и администраторов, в том числе бывший вице-президент, министр торговли Г. Уоллес, председатель Управления гидрооружий в долине реки Теннесси Д. Лириенталь (в дальнейшем первый председатель Комиссии по атомной энергии США). Основное сообщение сделал Сцилард¹⁰⁴. Он заявил, что Россия может создать бомбу через два с половиной года, а через шесть лет иметь достаточно бомб, чтобы уничтожить все города Америки. За это время и США смогут произвести столько бомб, что можно было бы разрушить все крупные города мира. Сцилард высказался за установление международного контроля, который включал бы инспектирование добывающей и производственной деятельности. США могли бы использовать в качестве рычага их положение единственной на тот момент страны, располагающей бомбой, чтобы побудить Россию принять инспекции. В противном случае через три года разразится война. Но постоянный мир может быть достигнут только путем образования мирового правительства. Если это вообще окажется возможным, на его создание потребуется 15–20 или даже 30 лет.

Оценки Сциларда были подвергнуты сомнению, но И. Лангмюир из исследовательской лаборатории «General Electric», незадолго до того посетивший Советский Союз, заявил, что СССР располагает огромным потенциалом, а его наука пользуется беспрецедентной среди остальных стран поддержкой со стороны

¹⁰³ Lanouette. P. 282.

¹⁰⁴ Изложение его выступления и других высказываний основано на дневниковых записях, сделанных участвовавшим в конференции Г/ Сиборгом (Seaborg. P. 61–65).

правительства. Он высказал предположение, что СССР догонит США через пять лет, а через десять уйдет далеко вперед.

Сцилард сказал, что было бы неправильно заранее предугадывать, каким может быть ответ русских. Почему не спросить самого Сталина? Россия обычно поступает, руководствуясь своими интересами, и мир без атомного оружия наверняка будет ей выгоден.

За Сцилардом осталось последнее слово на конференции: он призвал «гарантировать неприкосновенность всем в мире ученым и инженерам, когда они будут информировать о нарушениях согласованных договоренностей (относительно контроля над вооружениями)». Он поставил вопрос о принятии «Акта о правах ученых и инженеров» с тем, чтобы они стали «гарантами международных соглашений о контроле над атомной энергией»¹⁰⁵.

Оппенгеймер 16 октября 1945 г. покидал пост директора Лос-Аламосской национальной лаборатории. По этому поводу в Лос-Аламос приехал генерал Гровс, который от имени военного министра вручил ему специальную памятную грамоту с выражением благодарности за проделанную работу, а сотрудникам лаборатории — памятные значки. Принимая грамоту, Оппенгеймер сказал:

«Мы надеемся, что в будущем мы будем гордиться ею и тем, за что она была присуждена.

Сегодня же эту гордость сдерживает чувство глубокого беспокойства. Если атомные бомбы как новое оружие дополнят существующие арсеналы воюющего мира или арсеналы государств, готовящихся к войне, то придет время, когда человечество будет проклинать Лос-Аламос и то, что произошло в Хиросиме.

Народы мира должны объединиться, иначе они погибнут. Прошедшая война, столь много опустошившая на планете, дала это ясно понять. А атомная бомба донесла эту мысль до сознания всех людей. Люди говорили такие же слова в прежние времена о других войнах, о другом оружии. Но они, эти слова, не возымели действия. Есть некоторые люди, заблуждающиеся относительно смысла ис-

¹⁰⁵ Lanouette. P. 283–284.

тории человечества, которые считают, что эти слова не сбудутся и на этот раз. Но мы не можем так считать. Вся наша деятельность обязывает нас к тому, чтобы объединить мир перед общей опасностью и в правовом, и в человеческом отношении»¹⁰⁶.

Объединенный комитет начальников штабов, со своей стороны, настойчиво высказывался за то, чтобы Соединенные Штаты «сохранили в настоящее время все существующие секреты, касающиеся атомного оружия»¹⁰⁷. В докладе, подготовленном специалистами по новому оружию для Объединенного комитета, говорилось, что «самым серьезным для нас последствием создания атомного оружия является то, что, окажись такое оружие в руках других государств, оно в огромной степени ослабит безопасность континентальных Соединенных Штатов». В докладе предлагалось «поддерживать высочайший уровень секретности в отношении атомной бомбы и не передавать эти секреты никакому государству или Организации Объединенных Наций»¹⁰⁸.

Бирнс также решительно выступил против раскрытия атомных секретов Советскому Союзу. Он был за то, чтобы передать атомную проблему в ООН, очевидно, рассчитывая, что в этой организации не придется делиться конкретной информацией об атомном оружии и все дело можно будет потопить в бесконечных дискуссиях. Как писал М. Банди, «для Бирнса, а также и для Трумэна идея комиссии ООН была способом двигаться вперед, избегая решения трудных вопросов»¹⁰⁹.

Трумэн поддержал Бирнса и военных. 3 октября 1945 г. он направляет послание Конгрессу с предложением принять внутреннее законодательство по контролю над атомной энергией. В послании он также впервые публично объявил о необходимости установления международного контроля, который позволил бы, «если это возможно», привести к откату от применения и создания атомной бомбы. Вскоре в Конгрессе начались слушания по законопроекту, подготовленному администрацией и внесенному членом палаты

¹⁰⁶ Rhodes. P. 758.

¹⁰⁷ NSA. Memorandum by William D. Leahy, Fleet Admiral, Commander in Chief of the Army and Navy. 23 October 1945. No. 00006.

¹⁰⁸ NSA. Overall Effect of Atomic Bomb on Warfare and Military Organization. Report by the Joint Strategic Survey Committee. 30 October 1945, No. 00007.

¹⁰⁹ Bundy McGeorge. Danger and Survival. P. 147.

представителей Мэем и сенатором Джонсоном (законопроект Мэя—Джонсона) о контроле над атомной энергией. Выступая на слушаниях 18 октября, Р. Оппенгеймер заявил:

«Мое убеждение — и, как я думаю, я говорю от имени всех или почти всех ученых — состоит в том, что в будущем наибольшую безопасность для нашего государства от атомного оружия будет представлять установление международного контроля над этим оружием»¹¹⁰.

Что касается английского лейбористского правительства, то первоначально премьер-министр Эттли считал, что в атомных делах он, Трумэн и Сталин должны «совместно держать совет». Однако к ноябрю Великобритании уже была, во всяком случае морально, готова к тому, чтобы приступить к созданию собственной бомбы (хотя официально политическое решение было принято позднее — в начале 1947 г.), и премьер-министр также пришел к выводу, что проблему атомной энергии следует направить на рассмотрение в Организацию Объединенных Наций¹¹¹.

Предложение о передаче атомной проблемы в ООН было поддержано правительством Эттли, хотя еще в августе британский премьер считал, что единственным курсом, который давал бы надежду, были бы «совместные действия США, Соединенного Королевства и России, основанные на действительно реальном подходе к делу». Его влиятельный министр иностранных дел Бевин тоже первоначально (в октябре 1945 г.) был за то, чтобы полностью допустить Россию к технологии производства атомной бомбы¹¹². Как свидетельствует М. Гаунг, некоторые британские министры предлагали, чтобы Англия играла роль посредника между США и СССР. Но в дальнейшем Эттли и Бевин стали выступать за то, чтобы занять «более жесткую» позицию в отношении Советского Союза¹¹³. Что же привело к изменению английского подхода к проблеме? М. Банди приходит к выводу, что осенью 1945 г. в Лондоне созрела мысль о необходимости со-

¹¹⁰ Цит. по: Gard. P. 161.

¹¹¹ Chace James. Sharing the Atom Bomb. *Foreign Affairs*. January/February 1996. P. 137.

¹¹² Gowing Margaret assisted by Arnold Lorna. Independence and Deterrence. Britain and Atomic Energy, 1945–1952. Vol. I. Policy Making. L. and Basingstoke: Macmillan, 1974. P. 69.

¹¹³ Ibid.

здания собственной, британской атомной бомбы. Он приводит следующие слова английского премьер-министра: «Я должен сказать президенту, что мы, естественно, заинтересованы в развитии атомной энергии и в качестве средства самообороны, и в качестве источника промышленной мощи»¹¹⁴.

Позднее Эттли вспоминал: «Все это время мы добивались неуклонного прогресса в исследовательской работе и в конструировании (бомбы) в Англии. И эти работы не испытывали затруднений из-за нехватки денег. Я стремился к полному сотрудничеству с Соединенными Штатами, но не мог согласиться на то, чтобы Англия оказалась в полной зависимости в этой области от своих друзей за океаном»¹¹⁵.

Советский атомный проект

Разрушение Хиросимы и Нагасаки американскими атомными бомбами подтвердило имевшиеся в распоряжении советского руководства данные, что США на деле обладают невиданной доселе мощью — ядерным оружием. Это событие наглядно показало, что Соединенные Штаты в состоянии распоряжаться подобным оружием в качестве инструмента преобладающей силы и могут угрожать сохранению советского государства как великой державы, а также препятствовать распространению коммунистического влияния в мире. Сталину и всему советскому руководству было ясно, что Советский Союз должен как можно скорее положить конец монополии Соединенных Штатов на ядерное оружие и создать в противовес им свою собственную атомную бомбу.

В последнее время появилась довольно много литературы, рассказывающей на основе рассекреченных материалов о том, как начинались атомные работы в СССР¹¹⁶. Поэтому я ограничусь

¹¹⁴ Bundy. P. 154–155.

¹¹⁵ Attlee Clement. As it Happened. N.Y., 1954. P. 288. Цит. по: Трухановский. С. 41.

¹¹⁶ См.: Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат, 1995; Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М.: ЦНИИА-томинформ, 1995; Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... Нижний Новгород—Арзамас-16.: Изд-во «Нижний Новгород», 1995; Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общей редакцией Л.Д. Рябева. Том I, часть I и II, книги 1 и 2. М.; Саров: Наука. Физматлит, 1998, 1999 и мн. др.

здесь только некоторыми основными фактами, тем более что данная тема выходит за рамки настоящего исследования.

Ядерная физика в Советском Союзе сделала большие успехи еще до начала Второй мировой войны. В 1940 г. Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон пришли, в принципе, к тем же выводам, которые О. Фриш и Р. Пайерлс сформулировали в своем известном меморандуме, подготовленном в начале апреля 1940 г.: имея десятикилограммовую массу урана-235, можно сделать бомбу огромной разрушительной силы. Существует мнение, что расчеты Зельдовича и Харитона были более точными, чем вычисления Фриша и Пайерлса¹¹⁷.

В тяжелые годы войны, а именно в 1942 году, были сделаны первые шаги к началу работ по овладению атомной энергией. Толчком к этому послужили предложения самих советских ученых (в частности, известные письма, направленные советскому руководству в 1941 и 1942 гг. физиком-атомщиком Г.Н. Флеровым, открывшим до войны совместно с К.А. Петржаком явление самопроизвольного деления ядер урана) и сведения, полученные разведкой, главным образом от немецкого ученого-антифашиста К. Фукса — участника атомных исследований в Англии и США, который осенью 1941 г. добровольно предложил передавать Советскому Союзу данные об атомных работах на Западе¹¹⁸. Данные разведки в обобщенном виде были сформулированы для доклада Сталину в записке Л.П. Берии, подготовленной в марте 1942 г., но по непонятной причине направленной им Сталину и Молотову только 6 октября. Однако советский руководитель еще ранее — 28 сентября 1942 г. — подписал распоряжение ГОКО № 2352сс «Об организации работ по урану»¹¹⁹.

¹¹⁷ Холлоуэй Дэвид. Некоторые соображения по ранним советскому, американскому, британскому и германскому проектам. Сообщение, сделанное на Международном симпозиуме «Наука и общество. История советского атомного проекта (1940—1950-е гг.)», Дубна 14—18 мая 1996 г. М.: ИздАТ, 1997. Т. 1. С. 554.

¹¹⁸ Феклисов А. За океаном и на острове. М.: ДЭМ, 1994. С. 144.

¹¹⁹ Создание первой советской ядерной бомбы. С. 41—42; Альтшуллер Л.В., Бриш А.А., Смирнов Ю.Н. На пути к первому советскому атомному испытанию. В сб.: История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. ИИЕТ РАН. Выпуск 2. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 17; Атомный проект СССР. Документы и материалы. Том I. 1938—1945. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М.: Наука. Физматлит, 1998. С. 269—270.

О том, как начиналась борьба за освоение атомной энергии, рассказывает заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР М.Г. Первухин в своих воспоминаниях, подготовленных для Политбюро ЦК КПСС в 1967 г. В 1942 г. В.М. Молотов пригласил его к себе и ознакомил со сведениями, полученными от иностранных ученых. После их изучения Первухин предложил Молотову пригласить группу специалистов для оценки этих данных. По рекомендации директора Ленинградского физико-технического института А.Ф. Иоффе были вызваны молодые ученые И.В. Курчатов, А.И. Алиханов и И.К. Кикоин, которые дали положительную оценку достоверности полученных сведений и подготовили письменное заключение с предложением организовать широкие работы по ядерной физике¹²⁰.

15 февраля 1943 г. было принято решение о создании Лаборатории № 2 АН СССР (известной также как лаборатория ЛИПАН) в целях раскрытия путей овладения энергией деления ядер урана и исследования возможности военного применения энергии урана. Руководителем лаборатории был назначен И.В. Курчатов.

Однако в широких масштабах советский атомный проект развернулся лишь после атомной бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки.

20 августа 1945 г. Государственный Комитет Обороны СССР образовал Специальный комитет под председательством Л.П. Берии и Первое главное управление при СНК СССР во главе с Б.Л. Ванниковым для работ «по использованию внутриатомной энергии урана», а также «разработки и производства атомной бомбы»¹²¹.

Вскоре после принятия этих постановлений, решительно ускоривших атомные работы в Советском Союзе, состоялись первые встречи руководителей внешнеполитических ведомств СССР и США, на которых они обменялись первыми «пристрелочными залпами» зарождающейся атомной дипломатии.

Уезжая в Лондон на Совет министров иностранных дел, открывавшийся 11 сентября, Бирнс, по ироническому замечанию

¹²⁰ Создание первой советской ядерной бомбы. С. 45.

¹²¹ Текст постановления ГОКО см.: Атомный проект СССР. Том II. Книга 1. 1945—1954. С. 11—14.

Стимсона, «походил на человека, державшего, так сказать, бомбу в кармане брюк как мощное орудие для решения стоявших проблем»¹²². Молотов тоже держал бомбу, но пока что только в уме. Вопрос об атомной энергии формально в повестке дня Лондонского СМИДа не стоял (он был посвящен послевоенному урегулированию и подготовке мирных договоров с бывшими вражескими государствами), но советский министр сам его затрагивал, правда, только на дипломатических приемах, не раз как бы в шутку задавая госсекретарю один и тот же вопрос: не привез ли тот с собой «бомбу в кармане». По общему признанию, Молотов проводил на сентябрьском СМИДе жесткую линию, Бирнс отвечал ему тем же, и заседание Совета министров завершилось практически безрезультатно.

Однако более осторожно в этот период держался с американскими представителями И.В. Сталин. В беседе с послом США А. Гарриманом 26 октября, как докладывал посол в Вашингтон, советский руководитель, «несмотря на ряд резких высказываний» в адрес администрации США, вел разговор в «спокойной и открытой манере». «У меня такое чувство, что он хотел бы уладить дела вместе с нами, но с большой подозрительностью относится к каждому нашему шагу, который он воспринимает как попытку оказать на него давление»¹²³.

Советское руководство, как следует из вышеизложенного эпизода, стремилось вести дело таким образом, чтобы США, обладая атомной монополией, не могли извлечь из нее политической выгоды, пока Советский Союз отставал в развитии атомной энергии и создании бомбы. После пуска первого советского атомного реактора в конце декабря 1946 г. атомный проект стал быстро набирать темпы, и в августе 1949 г. в казахстанской степи было проведено первое испытание атомной бомбы — СССР стал второй атомной державой.

¹²² Дневники Стимсона, запись от 4 сентября 1945 г. Хранятся в Йельском университете. Цит. по: Holloway, P. 155.

¹²³ U.S. NARA. General Records of the Department of State. Decimal File. 1945–49. RG.59. Main File, 1945–49. Box 3428.711.61/10-2624. Harriman to Secretary of State. 1945, Oct. 26. Цит. по: Мальков. С. 157.

Глава вторая

Рассмотрение в ООН планов международного контроля над атомной энергией в 1940-х гг.

Создание Комиссии ООН по атомной энергии

Взяв курс на передачу вопроса об установлении международного контроля над атомной энергией в Организацию Объединенных Наций, администрация США договорилась с правительствами Англии и Канады о принятии лидерами трех государств Г. Трумэн, К. Эттли и М. Кингом совместной декларации, в которой предлагалось создание Комиссии ООН по атомной энергии. Декларация была принята на совещании трех руководителей в Вашингтоне 15 ноября 1945 г. При этом имелось в виду, что пять постоянных членов Совета Безопасности и Канада возьмут на себя инициативу выступления с предложением на этот счет на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, намечавшейся на январь 1946 г.

«4. [...] Мы в самом начале заявляем, — говорилось в декларации лидеров трех стран, — о нашей готовности, в качестве нашего первого вклада, приступить к обмену основной научной информацией и взаимному обмену учебными и научной литературой в мирных целях с любой страной, которая в полной мере захочет ответить тем же.

5. [...] В осуществление этой политики миру уже была предоставлена основная научная информация, необходи-

мая для развития применения атомной энергии в мирных целях¹²⁴. Наше намерение состоит в том, что со всей дальнейшей информацией такого характера, которая будет время от времени появляться, поступали бы подобным же образом.[...]

6. [...] Мы не убеждены, что распространение специальной информации относительно практического применения атомной энергии до того, как будет возможно обеспечить эффективные, основанные на взаимности и претворяемые в жизнь гарантии, приемлемые для всех стран, поможет конструктивному решению проблемы атомной бомбы. Наоборот, мы считаем, что это могло бы иметь обратный эффект. Мы готовы, однако, поделиться на базе взаимности с другими Объединенными Нациями подробной информацией относительно практического промышленного применения атомной энергии, как только могут быть созданы эффективно претворяемые в жизнь гарантии против использования атомной энергии в разрушительных целях¹²⁵.

7.[...] Мы придерживаемся мнения, что следует как можно скорее учредить Комиссию ООН для подготовки рекомендаций для Организации. [...]

8. Работа комиссии должна проводиться по отдельным этапам, успешное завершение каждого из этих этапов будет развивать необходимое доверие во всем мире до того, как будет начат следующий этап. В частности, считается, что

¹²⁴ Имеется в виду известный доклад Г. Смайса (Henry Smyth), опубликованный американским правительством 12 августа 1945 г. В российской литературе его принято называть Докладом Смита.

¹²⁵ По-видимому, это первое упоминание термина «гарантии» — «safeguards», который в дальнейшем лег в основу американского плана международного контроля, а позднее — системы гарантий Международного агентства по атомной энергии. По замыслу тех, кто ввел в употребление этот термин, он шире понятия международного контроля, которое обычно трактуется как проверка, верификация, поскольку процесс осуществления гарантий включает не только проверку и инспекции на месте, но и меры обеспечения соблюдения соглашения, вплоть до принятия «коррективных» мер создаваемым международным органом и принудительных мер через Совет Безопасности ООН. Кроме того, что также немаловажно, термин «гарантии» не имеет столь одиозной коннотации, как «контроль», с чем некоторые страны, включая Советский Союз и Францию, связывали тогда возможное вмешательство в свои внутренние дела.

комиссия вполне могла бы уделить свое внимание сначала широкому обмену учеными и научной информацией и на втором этапе — достижению полного ознакомления с естественными ресурсами сырьевых материалов»¹²⁶.

В трехсторонней декларации, таким образом, уже определялись основные параметры позиции западных держав по атомной энергии в ООН, а именно, — акцент делался на установление контроля в рамках этой организации и на решение атомной проблемы на поэтапной основе.

Государственный секретарь Дж. Бирнс 23 ноября 1945 г. предложил, чтобы следующее заседание Совета министров иностранных дел состоялось в Москве. Он явно спешил как можно скорее убедить советское правительство поддержать предложение западных стран передать атомную проблему в ООН, чтобы тем самым ослабить критическое восприятие широкими кругами международной общественности факта применения ядерного оружия против Японии.

На московском заседании СМИДа 18 декабря 1945 г. Бирнс передал Молотову и английскому министру иностранных дел Бевину (который, как заявил на заседании госсекретарь, уже был знаком с документом) предложения США относительно учреждения органа ООН по атомной проблеме. В конкретном плане имелось в виду создание Комиссии ООН по атомной энергии. При этом предлагалось, чтобы пять постоянных членов Совета Безопасности совместно с Канадой «взяли на себя инициативу выступления с предложением в этом смысле» на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в январе 1946 г.

Комиссия учреждалась бы Генеральной Ассамблеей в составе всех членов Совета Безопасности, а также Канады, если последняя не является членом Совета, и представляла бы свои доклады членам ООН, Совету Безопасности и Экономическому и Социальному Советам. В ее компетенцию входило бы внесение предложений относительно: расширения обмена основной научной информацией в мирных целях; контроля над атомной энергией для обеспечения ее использования исключительно в мирных це-

¹²⁶ *Department of State Bulletin*. Vol. XIII, № 334. 1945, 18 November. P. 781–782.

лях; изъятия из национальных вооружений атомного и других видов оружия массового разрушения; эффективных гарантий в виде инспектирования и других способов защиты государств, выполняющих условия соглашения, от опасностей, связанных с нарушениями и отклонениями¹²⁷.

Стремясь решить вопрос в ускоренном темпе, Бирнс и Бевин на заседании СМИДа 20 декабря вновь вернулись к вопросу о создании комиссии, но Молотов заявил, что советская делегация еще изучает предложение США. 22 декабря он объявил, что у него имеется встречный проект.

«Коротко говоря, — сказал он на заседании 22 декабря, — суть вопроса заключается в том, что советская делегация присоединяется к предложению американской делегации о создании комиссии по атомной энергии. Советское правительство согласно также с тем, чтобы пять постоянных членов Совета Безопасности, совместно с Канадой, взяли на себя инициативу выступления с этим предложением на первой Ассамблее Организации Объединенных Наций в январе 1946 г.

Советское правительство предлагает внести одно изменение в американское предложение. Советское правительство предлагает, чтобы учреждаемая Организацией Объединенных Наций комиссия по атомной энергии была подчинена Совету Безопасности. Это соответствует Уставу Объединенных Наций, поскольку на Совет Безопасности возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности».

В предложенном Молотовым проекте прямо говорилось, что комиссия «будет состоять при Совете Безопасности и работать под его руководством»¹²⁸.

¹²⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (в дальнейшем — АВП РФ). Ф. 0430, оп. 1, п. 1, д. 2, лл. 64, 68–71.

¹²⁸ Именно такую позицию по отношению к предложению о создании комиссии ООН советовал Молотову занять заместитель Народного комиссара по иностранным делам М.М. Литвинов, который в это время практически уже был не у дел, в записке на имя Народного комиссара от 29 ноября 1945 г. (АВП РФ. Ф. 06, оп. 8, п. 7, д. 91, лл. 1–3).

Быстро ознакомившись с советским проектом, Бирнс выразил «удовлетворение сотрудничеством со стороны советского правительства в этом серьезном вопросе» и сказал, что ему потребуется некоторое время для изучения советского текста¹²⁹.

Уже на следующий день, 23 декабря, Бирнс внес пересмотренный текст, который в немалой степени учитывал советское контрпредложение. США согласились с тем, чтобы комиссия представляла свои доклады Совету Безопасности, однако высказались против того, чтобы она *состояла* при Совете и работала *под его руководством*. Молотов настаивал на своем проекте. В ходе дальнейшего обсуждения Бевин, очевидно по предварительной договоренности с Бирнсом (поскольку последний тут же его поддержал), предложил добавить, что Совет Безопасности будет иметь полномочия давать комиссии указания по вопросам, относящимся к безопасности¹³⁰. Молотовым суть этого предложения была принята, и на следующем заседании 24 декабря, после внесения некоторых дополнительных изменений и уточнений, проект резолюции был согласован. Было также решено, что США, СССР и Англия обратятся к Франции и Китаю, а Англия — к Канаде с предложением стать соавторами проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН¹³¹.

Из архивных документов и имеющейся литературы, основанной на воспоминаниях современников, с очевидностью следует, что решение о создании Комиссии ООН по атомной энергии было принято без сколько-нибудь существенных споров. Предложение Советского Союза относительно большей привязки комиссии к Совету Безопасности, в котором действует право вето постоянных членов, не встретило серьезных возражений со стороны западных держав. Все участники встречи, и особенно США, были удовлетворены тем, что проблема атомной энергии передается на рассмотрение только что созданной международной организации. Бирнс не скрывал своего удивления по поводу быстро принятого решения. Русские, писал он, были неожиданно приветливы и создавали «меньше трудностей по поводу предложения о создании комиссии по атомной энергии, чем я предпо-

¹²⁹ АВП РФ. Ф. 0430, оп. 1, п. 1, д. 2, лл. 157, 166.

¹³⁰ АВП РФ. Ф. 0430, оп. 1, п. 1, д. 2, лл. 167–179, 187–188.

¹³¹ Там же. Лл. 189–191, 199–200.

лагал»¹³². Другой участник московского совещания — Дж. Конэнт был того же мнения: «К большому удивлению всех присутствующих русские не спорили и не вступали в полемику», — писал он В. Бушу¹³³.

В тот период создалась ситуация эйфории по поводу учреждения всемирной организации по поддержанию мира, и все же представляется, что главной предпосылкой и подоплекой столь быстрого достижения согласия было общее для всех трех правительств понимание того, что передача вопроса в ООН никак не помешает национальным планам строительства и развития атомных инфраструктур в их странах, а главное — производству атомного оружия. Трудно не согласиться с мнением американского исследователя Д. Холлоуэя, что Сталин и Молотов «вряд ли могли ожидать большой пользы от комиссии ООН»¹³⁴. Тремя державами, по всей вероятности, как раз и предполагалось, что дискуссии в ООН по вопросам атомной энергии будут даже удобными с точки зрения камуфлирования их подлинных намерений относительно дальнейшего строительства своей атомной промышленности.

В ходе московского СМИДа имел место любопытный эпизод, приоткрывающий линию поведения Сталина в его отношениях с США по атомной проблеме. Если при первом официальном известии от США об атомной бомбе, хотя и сообщенном в завуалированной форме во время Потсдамской конференции, он отреагировал на него весьма туманно и неопределенно, то теперь, после того как в конце августа было принято чрезвычайное решение о скорейшем создании советской атомной бомбы, Сталин уверенно и даже демонстративно заговорил о значении атомной энергии.

В архиве МИД РФ хранится документ, переданный Бирнсом Молотову 26 декабря:

«Генералиссимус Сталин послал через доктора Конэнта свои самые сердечные поздравления американским ученым по случаю их достижений в деле получения атомной

энергии. При этом он выразил надежду, что это открытие будет иметь большое значение для будущего не как оружие войны, а в связи с техническими проблемами промышленности в мирное время»¹³⁵.

Каких-либо пояснений по поводу этой записки Бирнса в архиве МИДа обнаружить не удалось; нет данных и о том, как поздравление было передано госсекретарю и почему это было сделано Сталиным напрямую, без предварительного ознакомления с ним Молотова. Однако некоторый свет на это проливает исследование, опубликованное А. Уламом в 1989 г. — «Сталин как личность и его эпоха» — и уже цитировавшиеся монографии Д. Холлоуэя и Дж. Хершберга.

Дж. Конэнт участвовал в московском СМИДе в качестве научного советника американского госсекретаря и надеялся познакомиться с советскими учеными-атомщиками и выступить с лекцией перед студентами МГУ по проблеме атомной энергии, но не получил разрешения от советского руководства (по другим данным, Молотов как будто сам предлагал Конэнту выступить перед студенческой аудиторией, но это было воспринято как любезность с его стороны, и только¹³⁶). Как-то во время дипломатического приема Молотов снова стал подшучивать над американцами, как он делал это в Лондоне, — на этот раз над Конэнтом: не привез ли и тот в своем кармане атомную бомбу. Сталин резко прервал наркома иностранных дел: не пристало шутить над достижениями американской науки, и произнес тост в честь научных успехов западных ученых. Он при этом сказал: «Мы должны работать совместно, чтобы это великое открытие было использовано для мирных целей»¹³⁷.

По мнению Улама, с которым нельзя не согласиться, Сталин явно не хотел показать, что он каким-то образом озабочен появлением у США атомного оружия¹³⁸. В американской делегации существовало мнение, разделявшееся и Конэнтом, что Сталин, воз-

¹³⁵ АВП РФ. Ф. 0430, оп. 1, п. 2, д. 17, л. 8.

¹³⁶ Gard Robert Gibbins, Jr. Arms Control Policy Formulation: 1945–1946. A thesis in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Harvard University, June 1961. P. 249.

¹³⁷ Hershberg James G. James B. Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. N.Y.: Knopf, 1993. P. 255.

¹³⁸ Ulam Adam. Stalin. The Man and his Era. Boston, 1989. P. 631–632.

¹³² Byrnes James. All in One Lifetime. N.Y.: Harper & Bros, 1958. P. 267–268.

¹³³ Chace James. After Hiroshima. Sharing the Atom Bomb. *Foreign Affairs*. 1996. Jan/Feb. Vol. 75. No 1. P. 137.

¹³⁴ Holloway David. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. New Heaven & L.: Yale University Press, 1994. P. 158.

можно, инсценировал весь эпизод¹³⁹. Судя по всему, Сталин почитал необходимым и в письменной форме зафиксировать свой подход к тому, что научные достижения в атомной области — дело важное, если они направлены на мирные цели. Не в последнюю очередь Сталин, возможно, хотел создать перед западными странами впечатление, что широко разворачивавшиеся тогда в Советском Союзе работы по атомной проблеме, о чем те, по всей вероятности, не могли не знать, преследуют «мирные цели».

Резолюция Генеральной Ассамблеи была принята по предложению шести государств — США, СССР, Англии, Франции, Китая и Канады 24 января 1946 г. Это было первое по счету решение ООН, и оно было принято единогласно. В компетенцию Комиссии ООН по атомной энергии входила подготовка предложений:

- а) относительно распространения между всеми странами обмена основной научной информацией в мирных целях;
- б) относительно контроля над атомной энергией в объеме, необходимом для обеспечения использования ее только в мирных целях;
- в) относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения;
- г) относительно эффективных мер предосторожности¹⁴⁰, путем обследования и применения других методов для защиты государств, соблюдающих соглашения, от возможных нарушений и уклонений¹⁴¹.

Американский план контроля

После принятия Генеральной Ассамблеей ООН решения о создании Комиссии ООН по атомной энергии перед членами комиссии, и прежде всего перед Соединенными Штатами и Совет-

¹³⁹ Hershberg. P. 255.

¹⁴⁰ В официальном русском тексте резолюции ГА ООН был использован термин «меры предосторожности», между тем как в английском оригинале употребляется термин «safeguards» (гарантии). Таким образом, в лексикон ООН именно тогда вошло это ныне общепринятое понятие.

¹⁴¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1(1) от 24 января 1946 г.

ским Союзом, встала задача подготовки своих предложений к ее заседаниям, исходя из тех рекомендаций, которые были приняты Генеральной Ассамблеей ООН.

В США по решению государственного секретаря 7 января 1946 г. был создан комитет «для изучения вопроса о контроле и гарантиях», который возглавил Д. Ачесон. В него вошли В. Буш, Дж. Конэнт, Л. Гровс и Дж. Макклой. При комитете была образована группа консультантов во главе с Д. Лиlientалем, который в период рузвельтовского «Нового курса» руководил строительством гидроэлектростанций на реке Теннесси, а позднее стал первым председателем Комиссии США по атомной энергии. В группу консультантов вошли ученые, специалисты и промышленники, в том числе научный руководитель Манхэттенского проекта Р. Оппенгеймер, деятельность которого, по свидетельству Э. Теллера, сыграла ведущую творческую роль в разработке американского плана. И Оппенгеймер «практически сам подготовил предложения и убедил весь комитет в их эффективности»¹⁴².

План был единогласно одобрен всеми членами комитета, включая Л. Гровса (американские исследователи полагают, что последний подписал его, считая, что русские никогда не согласятся на американское предложение), представлен госсекретарю Бирнсу 16 и опубликован 28 марта 1945 г. В литературе его называют «докладом (или планом) Ачесона—Лиlientаля»¹⁴³.

Но свою истинную позицию в отношении международного контроля Гровс изложил в конфиденциальном меморандуме члену делегации США в Комиссии ООН Дж. Хэнкоку, датированном 2 января 1946 г. Он допускал возможность достижения «удовле-

¹⁴² Teller Edward. Revival of the Baruch Plan. (Unpublished memorandum prepared for the Lawrence Livermore National Laboratory), January 29, 1992. P. 1. (Личный архив автора). Аналогичное свидетельство мы находим у Б. Гольдшмидта, французского ученого, который участвовал в качестве научного советника делегации Франции в работе Комиссии ООН по атомной энергии в 1946—1947 гг.: «Революционная философия (доклада Ачесона—Лиlientаля) обязана гению Р. Оппенгеймера, который вдохновлял усилия группы специалистов, работавших над этой проблемой» (Goldschmidt Bertrand. Atomic Rivals. A Candid Memoir of Rivalries among the Allies over the Bomb. New Brunswick and L.: Rutgers University Press, 1990. P. 312).

¹⁴³ A Report on the International Control of Atomic Energy, Department of State Publication 2498. Wash., D.C. 1946. 16 March.

творительных международных соглашений в отношении атомной энергии, [...] обеспечивающих неприменение атомных бомб ни при каких обстоятельствах». Но такие соглашения, по мнению Гровса, должны предусматривать получение полной информации в любое время относительно деятельности всех государств в атомной области. Поэтому более вероятным результатом, с точки зрения Гровса, будет отсутствие соглашения, и в этом случае три основных государства станут обладателями атомных бомб «в течение 15–20 или даже 5–10 лет».

«Если же развернется гонка атомных вооружений, — писал Гровс, — [...] то Соединенные Штаты должны будут во все времена сохранять абсолютное превосходство в атомном оружии, включая его количество, размеры и мощность, эффективность, средства незамедлительного наступательного применения и обороны от атомного нападения. Мы должны будем также иметь всемирную разведывательную службу, которая во все времена полностью информировала бы нас о любой деятельности других государств в атомной области и об их военных планах. [...]

Если быть подлинными реалистами, а не идеалистами, каковыми мы, как представляется, являемся, нам не следует допускать, чтобы какая-либо иностранная держава, с которой у нас нет прочных союзнических отношений и к которой нет абсолютного доверия, произвела или овладела атомным оружием. Если такая страна приступит к созданию атомного оружия, нам следовало бы уничтожить ее возможности производства оружия до того, как она преуспеет в этом в достаточной степени, чтобы угрожать нам»¹⁴⁴.

Цитируя меморандум Гровса, американский исследователь Р. Норрис справедливо замечает, что директор Манхэттенского проекта стал одним из первых адвокатов превентивной войны в гонке атомных вооружений.

В докладе Ачесона—Лиляенталя были названы три основные причины, требующие установления международного контроля: открытие атомной энергии предоставило в распоряжение чело-

вечества «до сих пор не известное средство разрушения»; невозможно создать адекватную оборону против атомного оружия; ни одно государство не может сохранить монополию на это оружие. США располагают монополией, но «это преимущество исчезнет, и ситуация может измениться в обратную сторону». В докладе подчеркивалось, что хотя «сегодня США располагают монополией на атомное оружие», такая монополия не может быть «перманентной». «Международный контроль подразумевает принятие с самого начала того факта, что наша монополия не может быть длительной».

В докладе подчеркивалось, что поскольку основы использования атома широко известны, «сердцевина сложностей проблемы — в соперничестве между государствами в развитии атомной энергии, которая легко может быть переключена на цели разрушения». Отсюда — вывод о необходимости создания сильного международного органа, который будет уполномочен осуществлять деятельность, связанную с атомным оружием, монополично.

План предусматривал учреждение международного Органа по развитию атомной энергии (Atomic Development Authority) в качестве одного из вспомогательных агентств ООН, в функции которого входили бы:

В области сырьевых материалов. «Первой (выделено мной. — Р.Т.) задачей международного органа будет установление полного контроля над мировыми запасами урана и тория. Где бы эти материалы ни находились в пригодных для использования количествах, международный орган должен владеть или контролировать их на основе эффективного лизинга. Одной из главных задач будет проведение постоянных геологоразведочных работ для определения новых месторождений, с тем чтобы орган имел наиболее полные знания относительно геологии этих материалов в мире». При этом международный орган осуществлял бы их добычу. (Это предложение, как отмечали и американские исследователи, вело бы к тому, что международный орган имел бы право проводить геологическую разведку по всему миру в поисках урановых руд. «Таким образом, — как замечает американский исследователь Р. Гард, — Советский Союз был бы открыт для инспекции и шпионажа с самого начала осуществления соглашения»)¹⁴⁵. Указан-

¹⁴⁴ U.S. NARA. FRUS. 1946. Vol. I. P. 1197–1203.

¹⁴⁵ Gard. P. 391.

ное требование было наиболее болезненным и неприемлемым для суверенных государств, на что обратили внимание и в Москве, и в Париже, и, очевидно, в других столицах.

По промышленным предприятиям. Строительство и эксплуатация атомных реакторов и заводов по разделению изотопов (типа хэнфордских и окриджских).

Научно-исследовательская деятельность. Международный орган осуществляет такую деятельность в том числе и в отношении атомных взрывных устройств, поскольку «исследования в области атомных взрывных устройств, возможно, выявят побочные результаты, которые окажутся полезными для мирной деятельности». Однако международный орган не должен сдерживать, а, наоборот, «должен энергично поощрять исследования на национальном и частном уровне». Если контрольная организация будет заниматься не только принуждением, но и иметь функции развития научных исследований в целях созидания, то это станет «весьма весомым» фактором.

Лицензирование. Международный орган, располагая собственностью на урановые и ториевые рудники и на производимые расщепляющиеся материалы, выдает лицензии на их использование.

Инспекционная деятельность. Будет занимать «существенное место» в работе международного органа, дабы избегать «переключения и уклонения». Развитие атомной энергии и контроль за ее использованием должны быть «нераздельными» функциями.

Обращение в ООН, в частности в Совет Безопасности, будет осуществляться по решению международного органа. Возможно, будет желательно участие вооруженного персонала ООН для охраны атомных предприятий.

План базировался на целесообразности различения *безопасной* и *опасной* деятельности в области атомной энергии. И тут он содержал весьма сомнительное, более того — ошибочное положение о возможности «денатурирования» урана-235 и плутония, т.е. превращения их в ядерные материалы, непригодные для оружейных целей, но полезные для мирных. Современная наука и технология позволяет и тот, и другой материал вновь возвращать в состояние, способное иметь военное применение. Нужно сказать, что уже вскоре после появления доклада Ачесо-

на—Лилиенталя такие ученые, как Э. Теллер и Г. Юри (нобелевский лауреат, открывший дейтерий), публично высказали мнение, что перспективы превращения расщепляющихся материалов в «безопасные» являются преувеличением¹⁴⁶. Л. Гровс также не верил в так называемое «денатурирование» урана, считая это «пустой мечтой», о чем информировал военного министра Р. Паттерсона¹⁴⁷.

Авторы доклада подчеркивали, что для того, чтобы быть на деле эффективным для обеспечения безопасности, план «не должен быть полностью негативистским, не должен подавлять и носить полицейский характер». «Мы имеем дело не просто с военной или научной проблемой, а с проблемой, требующей мудрого государственного управления и учета человеческого фактора». «В организационном отношении план поэтому должен отличаться гибкостью, и его объем мог бы быть как легко расширен, так и сужен». Впрочем, на деле он был весьма далек от этого.

В сопроводительном письме на имя госсекретаря Бирнса члены комитета Ачесона указывали на важность принятия «принципиальных решений высшей политики». Одно из таких решений будет касаться вопроса о том, «в течение какого периода времени *Соединенные Штаты будут продолжать производство бомб. План не требует, чтобы США прекратили такое производство после внесения плана или начала деятельности международного органа* (выделено мной. — *Р. Т.*). На каком-то этапе осуществления плана это потребует». Ачесон исходил из того, что полное осуществление плана потребует 5–6 лет¹⁴⁸.

По свидетельству Дж. Хершберга, конструктивную роль в разработке плана играл Конэнт. Он добивался, чтобы план «имел шанс быть принятым русскими», и считал, что «установление добрых отношений с Россией еще не является полностью безнадежным делом»¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Gard. P. 326.

¹⁴⁷ Norris. P. 480–481.

¹⁴⁸ Hewlett Richard G. and Anderson, Jr. Oscar E. A History of the United States Atomic Energy Commission. The New World, 1939/1946. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1962. P. 548.

¹⁴⁹ Hershberg. P. 265–266.

Однако дальнейшие события приняли иной оборот. Уже в день представления доклада Бирнсу последний сообщил Ачесону, что Трумэн выбрал известного банкира Б. Баруха своим представителем в Комиссии ООН по атомной энергии с поручением, чтобы тот, как выразился один американский исследователь, «продал план остальному миру».

Ачесон и Лилиенталь «были в ужасе». Ачесон пытался убедить госсекретаря Бирнса не делать этого назначения, а Лилиенталь писал в своем дневнике: «Мне стало дурно. Нам нужен был молодой (Баруху исполнилось 75 лет. — Р.Т.), энергичный и не тщеславный человек, с тем чтобы русские почувствовали, что он не будет стремиться загнать их в угол и не будет безразлично относиться к международному сотрудничеству. У Баруха эти свойства полностью отсутствовали»¹⁵⁰. Американская научная общественность также возражала против назначения Баруха¹⁵¹.

Барух начал с того, что убедил Трумэна внести два радикальных изменения в «план Ачесона—Лилиенталья»: во-первых, на деятельность международного контрольного органа не будет распространяться правило единогласия постоянных членов Совета Безопасности (право вето), и, во-вторых, этот орган будет обладать полномочиями по принятию принудительных мер против возможных нарушителей в обход Совета Безопасности, который по Уставу ООН несет «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» и «при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности», действует от имени членов Организации (ст. 24).

Как пишут американские исследователи Р. Хьюлетт и О. Андерсон, «Барух считал введение наказаний условием *sine qua non*. Он отлично понимал, что это может поставить Соединенные Штаты «в противоречие с правом вето», так как в качестве конечного наказания может оказаться необходимая война. Это означало изменение структуры ООН или создание контрольного органа в обход ООН». Барух представил президенту меморандум с изложением своих радикальных поправок к «плану Ачесона—Лилиенталья». Поправки Баруха были одобрены Трумэном: «Изложенные общие принципы одобряются. Г.С. Трумэн. 7 июня

1946 г.»¹⁵². Баруху удалось договориться о кардинальных изменениях в «плане Ачесона—Лилиенталья» с Госдепартаментом и президентом буквально за несколько часов, без какой-либо проработки в соответствующих государственных ведомствах и без согласования с американскими союзниками¹⁵³.

Коренным образом измененный американский план поэтапно установления международного контроля (получивший название «план Баруха») был внесен Соединенными Штатами на первом заседании Комиссии ООН 14 июня 1946 г.

Выступая в комиссии, Барух, изложив американский план, с особой решительностью подчеркнул, что

производство атомных бомб прекратится только тогда, «когда будет согласована и введена в эффективную эксплуатацию адекватная система контроля над атомной энергией, включающая отказ от бомбы как оружия, и установлено заслуженное наказание за нарушения правил контроля, которые будут заклеены как международные преступления». В соглашении будут установлены наказания за: «1) незаконное владение или применение атомной бомбы; 2) незаконное владение или выделение атомных материалов, пригодных для использования в атомной бомбе; 3) захват любого завода или иной собственности, принадлежащих Органу или действующих по его лицензии; 4) умышленное вмешательство в деятельность Органа; создание или эксплуатация опасных проектов в нарушение или при отсутствии лицензии, выданной Международным контрольным органом».

«Вопрос о наказании, — продолжал Барух, — самая сердцевина нашей нынешней системы безопасности. И следует тут же признать, что этот вопрос прямо затрагивает право вето, содержащееся в Уставе ООН в том, что касается области атомной энергии».

«[...] Я хочу очень четко сказать, что меня беспокоит право вето только в том, что касается этой конкретной проблемы. Не должно быть вето для защиты тех, кто наруша-

¹⁵⁰ Chace James. Acheson. P. 127.

¹⁵¹ Gard. P. 356.

¹⁵² Hewlett and Anderson, Jr. P. 573—574.

¹⁵³ Gard. P. 546.

ет торжественно взятые на себя обязательства не разрабатывать атомную энергию для целей разрушения»¹⁵⁴.

После заявления американского представителя стало совершенно очевидно, что план в том виде, как он был предложен Барухом, не будет приемлем ни для Советского Союза, ни для других государств. Не будучи реалистичным, он, собственно говоря, и не был рассчитан на серьезный диалог. Сам Ачесон, вскоре ставший государственным секретарем США, считал, что выдвинутые Барухом условия были «обречены на неизбежный провал». «Незамедлительное, быстрое и безусловное наказание» нарушителей, провозглашенное Барухом в своем выступлении в комиссии ООН, означало бы «войну», как сказал сам Барух американскому президенту¹⁵⁵.

Конэнт, несмотря на публичное приглашение Баруха и уговоры Бирнса, отказался войти в состав делегации США в комиссии ООН. В письме Баруху накануне начала переговоров он предупредил, что все дело закончится катастрофическим провалом:

«Этот план — [...] в высшей степени опасный курс действий, если мы не готовы вести превентивную войну (против России). А после того, как мы выиграем войну, то что тогда?»¹⁵⁶

Даже Трумэн позднее признавался своему госсекретарю, что, выбрав Баруха, он совершил «самую серьезную ошибку, которую когда-либо делал»¹⁵⁷.

По воспоминаниям известного австралийского ученого М. Олифанта, который был научным советником делегации Австралии и присутствовал на заседании комиссии ООН при оглашении «плана Баруха», «многие не-американцы увидели в нем попытку установления *Pax Americana*, где Соединенные Штаты будут единственным обладателем ядерного оружия».

«В то время в ООН, — продолжает Олифант, — не практиковался одновременный перевод. В ходе длинного перевода речи Баруха на другие языки генерал Л. Гровс, военный

руководитель проекта по созданию атомной бомбы, подходил к тем, с кем был знаком, и радостно сообщал им, что русские никогда не примут план Баруха. А поскольку Америка не согласится ни на какой другой, одна Америка в течение длительного времени будет владеть ядерным оружием. Генерал Гровс был уверен, что Советы не смогут создать ядерное оружие менее чем за 10 или 20 лет»¹⁵⁸.

Р. Оппенгеймер, по свидетельству Д. Лилиенталя, вошел в состав делегации США в комиссии ООН, чтобы довести до ее понимания фактическую сторону дела. Но с великим разочарованием он обнаружил, что мало что может сделать в этом отношении. По его мнению, проблема частично состояла в том, что Барух и его команда просто не понимали плана, а также «озабоченность Баруха по поводу “наказания” и “вето” наделала много вреда, так что было мало обсуждения или даже вообще не было обсуждения существа плана».

Но не меньше беспокойства вызывало у Оппенгеймера то, что ему не с кем было вести разговор с другой стороны. «Громыко, — утверждал в своих дневниках Лилиенталь, — не имел никаких полномочий для переговоров, а лица, которые могли бы иметь полномочия, не были известны, никто не мог установить с ними диалог и никто не мог быть уверен, что эти лица знали из первых рук, о чем вообще идет речь»¹⁵⁹.

Д. Раск, госсекретарь США при Дж. Кеннеди и Л. Джонсоне, считал, что

«по “плану Баруха” мы, по-видимому, требовали от Советов слишком многого [...]. Наши предложения по “плану Баруха” и международному контролю шли дальше того, на что мы, американцы, вероятно, сами дали бы согласие, если бы оказались в положении русских. Лучшая проверка любой идеи — проверить, соответствует ли она взаимным интересам. Если бы Советы первыми разработали и применили ядерное оружие и внесли бы точно такое же предложение прежде, чем мы сами раскрыли бы секрет

¹⁵⁴ UN Atomic Energy Commission. Official Records. No. 1, 14 June 1946. P. 8–9.

¹⁵⁵ Chace. After Hiroshima. P. 141.

¹⁵⁶ Hershberg. P. 269–271.

¹⁵⁷ Ibid. P. 141–142.

¹⁵⁸ Oliphant Mark. Three Men and the Bomb. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1989. March. P. 41.

¹⁵⁹ Lilienthal David E. The Journals of David E. Lilienthal. Vol. 2. N.Y.: Harper & Row, 1964. P. 69–70. Цит. по: Bundy. *Danger and Survival*. P. 170.

бомбы, очень маловероятно, чтобы президент Трумэн или Конгресс приняли его. Хотя я сожалею, что мы не добились установления международного контроля в 1940-х гг., мы не можем позволить себе проявлять ханжество в отношении советской непримиримости»¹⁶⁰.

Р. Оппенгеймер считал, что предложения Баруха, в случае их принятия русскими, «означали бы отказ от прошлой советской политики и в определенной мере от основ советской политической теории», что было бы нереально¹⁶¹.

А вот мнение о «плане Баруха» американского дипломата и историка Б. Бечхофера, который в 1950-е гг. в составе делегаций США принимал участие в переговорах о разоружении:

«Содержавшийся в “плане Баруха” подход к вето внес посторонний и ненужный элемент в переговорный процесс, позволивший Советскому Союзу занять позицию, благодаря которой он получил существенную поддержку за пределами своего блока.

Позиция Баруха в отношении вето является экстремальным примером его изоляции от генеральной линии внешней политики США»¹⁶².

Конечно, по большому счету стратегической подоплекой «плана Баруха» служил складывающийся новый послевоенный курс США в отношении Советского Союза, который в дальнейшем получил название «политики сдерживания» СССР («policy of containment»). Официально Трумэн провозгласил ее в своем послании Конгрессу в марте 1947 г. («доктрина Трумэна»).

Идеологической основой этой политики стали соображения, высказанные Дж. Кеннаном, советником посольства США в Советском Союзе, позднее руководителем отдела внешнеполитического планирования Госдепартамента, а в дальнейшем крупным историком, в его известной «длинной» телеграмме, отправленной из Москвы в феврале 1946 г. и впоследствии, в июле 1947 г., опубликованной в виде статьи за подписью «X» в журнале *Foreign*

Affairs. Кеннан на базе анализа советских идеологических установок, которые зиждятся на «непримиримости капитализма и социализма» и «неизбежности победы коммунизма во всемирном масштабе», делал вывод о необходимости сдерживания «советского давления» путем «умелого и бдительного применения мер противодействия» и о целесообразности рассматривать Советский Союз «в обозримом будущем в качестве соперника, а не партнера на политической арене». В то же время Кеннан писал о возможности и желательности оказания влияния на внутривнутриполитическое развитие в Советском Союзе¹⁶³.

Шведский министр по разоружению А. Мюрдаль так характеризовала политический курс США в тот период, когда складывался американский подход к контролю над атомными вооружениями: «[...] “[П]лан Баруха” формировался в то время, когда внешняя политика США развивалась в сторону более националистической *realpolitik*»¹⁶⁴.

Уже в тот день, когда резолюция о создании Комиссии по атомной энергии принималась Генеральной Ассамблеей ООН, Пентагон объявил о плане проведения ядерных испытаний на атолле Бикини в Тихом океане, а через две недели после внесения «плана Баруха» в комиссию ООН началась серия испытаний, на которые были приглашены и иностранные наблюдатели, в том числе советские¹⁶⁵. А тем временем в штабе ВВС США уже вынашивались идеи использования атомного оружия в качестве средства сдерживания через устрашение (*deterrence*). По мнению начальника штаба ВВС генерала К. Лемэя, угроза возмездия, подготовка к возмездию были бы достаточны для того, чтобы предупредить нападение на США¹⁶⁶.

¹⁶³ *Foreign Affairs*. 1947. July. P. 566–582.

¹⁶⁴ Myrdal Alva. *The Game of Disarmament. How the United States and Russia Run the Arms Race*. Nottingham, UK: Spokesman, 1980. P. 73.

¹⁶⁵ Cortright David. *The Coming of Incrementalism. Bulletin of the Atomic Scientists*. 1996. March/April. P. 34. На эти испытания были приглашены по два наблюдателя от стран-членов Совета Безопасности ООН. От СССР участвовали физик-ядерщик М.Г. Мещеряков и профессор С.П. Александров. Отчет Мещерякова и отснятый кинофильм были использованы при создании Семипалатинского полигона. Ученый принимал участие в подготовке и проведении первого советского атомного взрыва. (Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М.: ЦНИИАтоминформ, 1995. С. 152).

¹⁶⁶ Rhodes Richard. *The Making of the Atomic Bomb*. N.Y.: Simon & Schuster, 1986. P. 228.

¹⁶⁰ Rusk. As I Saw It. P. 139.

¹⁶¹ Beckman R.L. *Nuclear Non-Proliferation. Congress and the Control of Peaceful Nuclear Activities*. Boulder, CO: Westview Press, 1985. P. 30.

¹⁶² Bechhoefer Bernhard G. *Postwar Negotiations for Arms Control*. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1961. P. 60.

Показательно также, что именно в это время Конгресс США одобрил закон Макмагона 1946 г. (Atomic Energy Act of 1946), который имел далекоидущие международные последствия. «Он отражал чисто националистический подход к атомной энергии, закрепив политику «секретности и отказа» («*secrecy and denial*») и определив в качестве «закрытых сведений» любую информацию, относящуюся к производству или использованию расщепляющихся материалов»¹⁶⁷. Запреты, вводимые законом Макмагона, распространялись как на военные, так и на мирные применения. «[...] До тех пор пока Конгресс не объявит, что эффективные и готовые к осуществлению международные гарантии не будут установлены, — говорилось в законе, — не должно быть обмена информацией с другими государствами в отношении применения атомной энергии для промышленных целей»¹⁶⁸. Закон учреждал Комиссию по атомной энергии (КАЭ), устанавливая политический контроль над атомным производством, что вызвало отрицательную реакцию американских военных, в особенности генерала Гровса.

4 января 1947 г. Б. Барух подал в отставку с поста представителя США в атомной комиссии ООН, и, как пишут американские историки Дж. и Г. Колко, Трумэн, «очевидно, испытал чувство облегчения по этому поводу, как и по поводу того, что завершилась безуспешная пропагандистская кампания»¹⁶⁹.

Предложение СССР о запрещении атомного оружия

А как формировался подход руководства СССР к рассмотрению атомной проблемы в ООН и как вообще развивалась советская ядерная политика в условиях американской атомной монополии и предпринимавшихся тогда в СССР интенсивных усилий по созданию атомного оружия?

Сталин поручил Молотову сделать первое официальное заявление по атомному вопросу, пустить, так сказать, «пробный шар»,

¹⁶⁷ Clausen Peter A. *Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons*. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1993. P. 14–15.

¹⁶⁸ Раздел 10(1) Закона Макмагона. Цит. по: Clausen. P. 15.

¹⁶⁹ Kolko Joyce and Gabriel. *The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy*. N.Y.: Harper & Row, 1972. P. 109.

пока оставаясь в тени¹⁷⁰. Выступая 6 ноября 1945 г. на торжественном собрании в Москве, Молотов заявил:

«[...] Надо сказать об открытии атомной энергии и об атомной бомбе, применение которой в войне с Японией показало ее громадную разрушительную силу. Атомная энергия еще не испытана, однако, на предмет предупреждения агрессии или на предмет охраны мира. С другой стороны, в настоящее время не может быть технических секретов большого масштаба, которые могли бы остаться достоянием какой-либо одной страны или какой-либо одной узкой группы стран. Поэтому открытие атомной энергии не должно бы поощрять ни увлечений насчет использования этого открытия во внешнеполитической игре сил, ни беспечности насчет будущего миролюбивых народов»¹⁷¹.

В выступлении Молотова был определенный намек на то, что в Советском Союзе идет работа над раскрытием атомных секретов, и в то же время можно было почувствовать даже элемент предупреждения обладателям атомной монополии, правда, еще довольно завуалированный и осторожный.

Первое официальное выступление самого Сталина было еще более осмотрительным, но все же проникнутым стремлением вселить определенную уверенность в сознание советских людей в условиях монопольного владения Соединенными Штатами ядерным оружием. Однако советский руководитель явно избегал касаться внешнеполитического аспекта. Он ограничился

¹⁷⁰ Еще до выступления Молотова в журнале *Новое Время* были опубликованы первые статьи относительно атомной бомбы — за подписью М. Рубинштейна (1 сентября 1945 г.) и полковника Толченова (1 ноября 1945 г.). Хотя эти статьи содержали лишь обзор и анализ сообщений иностранной прессы об атомной бомбе, в них уже был задан определенный тон для ориентировки советской общественности. Так, в заметке Толченова говорилось: «[...] Ни одно из вновь изобретенных средств нападения или защиты никогда не оставалось надолго достоянием какого-либо одного государства. В зарубежной печати высказывается трезвая мысль о том, что в настоящее время наука и промышленность во всех крупных странах находятся на таком уровне, что каким бы производственным секретом ни владела одна из стран, он неизбежно будет вскоре раскрыт и другими. В последнее время многие виднейшие ученые высказались по этому поводу, и все они единодушно пришли к такому мнению».

¹⁷¹ *Известия*. 1945, 7 ноября.

следующим высказыванием в своем выступлении перед избирателями 9 февраля 1946 г.:

«Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и презойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны»¹⁷².

Впрочем, вскоре после этого Сталин резко обрушился на Черчилля за его выступление в США в г. Фултоне, штат Миссури, 5 марта 1946 г., в котором тот бросил крылатую фразу о «железном занавесе», опустившемся над Европой. «Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки», — заявил советский руководитель корреспонденту *Правды*¹⁷³.

Но Черчилль к этому времени уже не занимал официального поста, уступив на выборах лейбористскому правительству Эттли. Конечно, отношение Черчилля к Советскому Союзу было хорошо известно Сталину, который не раз встречался с ним в период Второй мировой войны. В частных беседах, в частности со своим личным врачом лордом Ч. Мораном, бывший премьер открыто высказывался за то, чтобы нанести по Советскому Союзу упреждающий удар до того, как он обзаведется своим ядерным оружием:

«Мы не должны дожидаться, пока Россия будет готова (создать такое оружие). Я думаю, ей потребуется для этих бомб 8 лет, говорил он. Америка знает, что 52% машиностроительной промышленности размещено в Москве, а она может быть стерта с лица земли одной-единственной бомбой»¹⁷⁴.

В обстановке нараставшей напряженности отношений с Западом Советский Союз уже на втором заседании комиссии ООН — 19 июня 1946 г. — внес проект конвенции о запрещении ядерного оружия.

¹⁷² *Известия*. 1946, 10 февраля.

¹⁷³ *Правда*. 1946, 14 марта.

¹⁷⁴ Moran Charles. Churchill: The 1940–1965 Struggle for Survival. Boston, 1966. P. 337–338. Цит. по: Berezchkov. Origins of the Cold War... P. 12.

Советская делегация, прибывшая на сессию комиссии ООН, не имела в своем багаже конкретных предложений по существу атомной проблемы. Однако, когда стало очевидно, что США предполагают внести предложение о международном контроле, в Москве было решено выступить с проектом конвенции о запрещении и уничтожении атомного оружия. Как рассказывал видный советский дипломат А.А. Рошин, после внесения делегацией США «плана Баруха» Молотов поручил Отделу по делам ООН МИД подготовить проект такой конвенции, что и было сделано при сотрудничестве с Договорно-правовым отделом (в работе над проектом участвовал известный юрист-международник И.С. Перетерский). Молотов, по словам Рошина, внес некоторые поправки в проект и представил его Сталину, который в тот же день одобрил проект. Документ был срочно отправлен в Нью-Йорк и внесен на рассмотрение комиссии¹⁷⁵.

Основные положения проекта конвенции сводились к следующему:

- 1) запрещение производства и применения атомного оружия при каких бы то ни было обстоятельствах;
- 2) уничтожение в трехмесячный срок всех запасов готовой и незаконченной продукции атомного оружия;
- 3) признание того, что нарушение данных положений является тягчайшим международным преступлением против человечества;

¹⁷⁵ Рошин А.А. Дома и за рубежом. (Неопубликованная рукопись воспоминаний). С. 139. Рукопись была любезно предоставлена автору вдовой А.А. Рошина О.А. Рошиной. Рошин, полагаясь только на свою память, допустил, однако, небольшую неточность. Поручение подготовить проект конвенции было дано ему до внесения «плана Баруха», поскольку, как следует из архивных документов, Молотов направил Сталину на утверждение этот проект, как и проект документа об организации работы комиссии, 13 июня, и Сталин утвердил оба документа в тот же день; решение Политбюро ЦК ВКП(б) также было оформлено 13 июня, тогда как американский план был внесен в комиссию, как уже указывалось, 14 июня (АВП РФ. Ф. 06, оп. 8, п. 7, д. 99, лл. 3–9; Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: Наука, 1999. С. 46).

4) суровые санкции за нарушение данных положений на основе законов, которые будут изданы договаривающимися государствами¹⁷⁶.

Одновременно советская делегация внесла предложение об организации работы Комиссии по атомной энергии, предусматривавшее учреждение в качестве вспомогательных органов комиссии двух комитетов — по обмену научной информацией и по предотвращению использования атомной энергии во вред человечеству. Обращает на себя внимание тот факт, что первый из комитетов, предложенных к созданию советской делегацией, должен был заниматься обменом научной информацией, в чем Советский Союз был, естественно, весьма заинтересован.

Основной функцией второго комитета было «составление проекта международной конвенции об объявлении вне закона оружия, основанного на использовании атомной энергии, и о запрещении производства такого оружия». В его задачу входила и подготовка рекомендаций «относительно мероприятий, системы и организации контроля за использованием атомной энергии и за соблюдением условий вышеупомянутой международной конвенции об объявлении вне закона атомного оружия» и «относительно разработки системы санкций против незаконного использования атомной энергии»¹⁷⁷. Следует заметить, что это первое по времени, хотя и достаточно общее, упоминание о контроле и санкциях в отношении нарушителей в советском документе.

Но, как видно из хранящегося в Архиве внешней политики РФ документа, первоначально рассматривалась возможность внесения предложения о создании *еще одного* вспомогательного органа комиссии — специального комитета по контролю над атомной энергией с весьма широкими полномочиями, включающими «разработку рекомендаций относительно мероприятий, методов, системы и организации контроля:

а) над проведением научных изысканий, связанных с получением и использованием атомной энергии;

¹⁷⁶ Док. ООН АЕС/31/Rev.1. Приводится по: Сборник предложений СССР, УССР и БССР, внесенных в ООН в 1946–1950 гг. М.: МИД СССР, 1952. С. 2–4. (В дальнейшем: Сборник предложений СССР, УССР и БССР).

¹⁷⁷ Док. ООН АЕС/8. Приводится по: Сборник предложений СССР, УССР и БССР. С. 4–5.

- б) над использованием источников сырья, идущего на производство атомной энергии;
- в) над использованием различного рода установок, агрегатов, аппаратуры и механизмов, предназначенных для получения и использования атомной энергии;
- г) над предприятиями, осуществляющими производство и использование атомной энергии;
- д) над предприятиями, осуществляющими хранение, транспортировку, торговлю сырьем, орудиями производства, а также готовой продукцией и полуфабрикатами атомного производства»¹⁷⁸.

Судя по использованным в проекте формулировкам, предложение было подготовлено с участием технических экспертов, знакомых с атомным производством. Можно предполагать, что руководитель советской делегации в комиссии ООН А.А. Громыко участвовал, а возможно, был и инициатором идеи образования комитета по контролю. Однако по не установленным причинам и не известно, кем именно (во всяком случае, архивных документов на этот счет обнаружено не было), предложение о создании такого комитета советским руководством принято не было, и делегация СССР выступила в пользу создания только двух вспомогательных органов комиссии — по обмену научной информацией и по установлению запрета на атомное оружие.

Хотя история, как говорится, не терпит сослагательного наклонения, кто знает, как пошли бы дела в комиссии ООН с рассмотрением планов международного контроля, если с самого начала Советский Союз выступил бы в поддержку обсуждения конкретных мер контроля в *отдельном* комитете, хотя и одновременно с предложением о запрете атомного оружия. Советское руководство только в конце октября 1946 г., когда первая сессия комиссии была близка к завершению, впервые в определенной форме заговорило о поддержке идеи международного контроля, а детальные предложения, хотя и со множеством различных условий, были внесены лишь в июне 1947 г. (См. ниже в следующем разделе настоящей главы).

¹⁷⁸ АВП РФ. Ф. 047, оп. 1, п. 16, д. 1, лл. 1–3.

Подобно «плану Баруха», советский проект конвенции о запрещении и уничтожении атомного оружия, как видно из приведенных выше его основных положений, также не отличался реалистическим подходом. «План Баруха» и проект конвенции, предложенные обеими державами, по сути были диаметрально противоположны и, соответственно, были взаимно отвергнуты.

В тот период в американских средствах массовой информации уже стала нагнетаться антисоветская истерия. Одновременно и в советской пропаганде (например, в передовой статье журнала *Большевик* за июнь 1946 г.), и во внутренних документах проводилась линия, направленная на ужесточение отношений с США и другими западными странами. Характерным в этом отношении фактом была записка посла СССР в США Н.В. Новикова от 27 сентября 1946 г. «Внешняя политика США в послевоенный период», в которой, в частности, утверждалось, что американская политика, «отражающая империалистические тенденции американского монополистического капитала, характеризуется [...] стремлением к мировому господству», и тем самым подводилась база для оправдания соответствующих ответных мер со стороны СССР¹⁷⁹. В своих воспоминаниях Новиков отмечает, однако, что авторство этой записки было довольно условным, так как сам Молотов проинструктировал посла, как ее написать¹⁸⁰.

Довольно откровенную оценку московских умонастроений дал в интервью американской радиокomпании *СВС* 18 июня 1946 г. заместитель министра иностранных дел (с марта 1946 г. Наркомат иностранных дел был преобразован в МИД) М.М. Литвинов, который вскоре был отправлен в отставку. Литвинов, сторонник послевоенного советско-американского сотрудничества, с огорчением констатировал, что разногласия между Востоком и Западом зашли слишком далеко, чтобы можно было достичь примирения. Причина, по его мнению, заключается в том, что в Москве верх взяла концепция о «неизбежности конфликта между коммунистическим и капиталистическим мирами [...]». В СССР сейчас вернулись к устаревшей концепции географической безопасности». Корреспондент *СВС* не решился передавать это интервью открыто по каналам своей радиовещательной

¹⁷⁹ *Международная Жизнь*. 1990. № 12. С. 148–154.

¹⁸⁰ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. М.: Политиздат, 1989. С. 353.

компании, ограничившись тем, что сообщил о нем американскому посольству в Москве¹⁸¹.

После того как Советский Союз развернул широкомасштабные работы по созданию атомной бомбы, но еще не приступил к ее производству, советское руководство в своих публичных высказываниях стремилось принизить стратегическое значение и разрушительную мощь ядерного оружия и тем самым замаскировать перед народом и мировым сообществом свою озабоченность американской монополией на бомбу.

Соответствующую установку имела и советская пропагандистская машина. Так, при рассмотрении комиссией ЦК ВКП(б) работы Советского информационного бюро его начальник С.А. Лозовский докладывал, что была задержана (т.е. не допущена к публикации) статья, автор которой «изобретение атомной бомбы по своему значению приравнял к Октябрьской социалистической революции. [...] Этого мудрого автора взяли за жабры»¹⁸².

Одновременно принимались меры по повышению боеспособности вооруженных сил и укреплению военно-политического присутствия Советского Союза в Центральной и Восточной Европе, однако в первые послевоенные годы атомный фактор еще не играл значительной роли в советском военном планировании. Оперативный план Группы советских оккупационных войск в Германии, утвержденный главнокомандующим ГСОВГ маршалом В.Д. Соколовским 5 ноября 1946 г., не предусматривал глубокого вторжения советских войск и бомбежек объектов на территории Западной Европы и был сугубо оборонительным по своему характеру. Каких-либо мероприятий, связанных с возможным применением атомного оружия, план не предусматривал¹⁸³. Этот стратегический курс подтверждается и заявлени-

¹⁸¹ U.S. NARA. R.G. 84. Foreign Service Posts of the Department of State. USSR Moscow Embassy. Top Secret Records from the Office of the Ambassador, 1943–1950. Box 3. Цит. по: Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М.: Изд-во Российского университета, 1995. С. 69–70.

¹⁸² Стенограмма заседания комиссии ЦК ВКП(б) под председательством секретаря ЦК А.А. Кузнецова от 28 июня 1946 г. М.: РГАСПИ. Ф. 17, оп. 125, д. 386, л. 47.

¹⁸³ Текст оперативного плана ГСОВГ и карту см.: *Военно-исторический Журнал*. 1989. № 2. С. 27–31 и с. 2 обложки.

ем министра обороны брежневского периода маршала А.А. Гречко о том, что до 1953 г. основу могущества армии и флота продолжали составлять обычные виды оружия и боевой техники, которые применялись в войне против гитлеровской Германии¹⁸⁴. Тем не менее на Западе, особенно в военно-политических кругах, господствовало мнение, что Сталин не демобилизовывал после войны советские войска в массовом порядке, а также поддерживал и усиливал военное присутствие в Восточной Европе в целях противопоставления его американскому атомному оружию.

Однако в своих публичных выступлениях и интервью по атомной проблеме Сталин держался осмотрительно, явно не желая антагонизировать и провоцировать американскую администрацию в период, когда советский атомный проект еще только набирал силу.

В интервью от 23 октября 1946 г. московскому корреспонденту *Sunday Times* А. Верту он говорил:

«*Вопрос:* Считаете ли Вы, что фактически монопольное владение США атомной бомбой является одной из главных угроз миру?»

Ответ: Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб. Конечно, монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против этого существуют, по крайней мере, два средства:

а) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго;

б) применение атомной бомбы будет запрещено»¹⁸⁵.

В ответах на вопросы президента агентства *United Press* Хью-Бейли, опубликованных 30 октября 1946 г., Сталин сказал:

«*Вопрос:* Имеет ли Россия свою атомную бомбу или какое-либо подобное ей оружие?»

Ответ: Нет.

Вопрос: Как, по Вашему мнению, можно лучше всего контролировать атомную энергию? Должен ли этот контроль создаваться на международной основе и в какой степени должны державы жертвовать своим суверенитетом в интересах установления эффективного контроля?»

Ответ: Нужен строгий международный контроль»¹⁸⁶.

Это — первое высказывание И.В. Сталина в пользу международного контроля, сделанное в конце октября 1946 г. Ниже мы попытаемся проанализировать обстоятельства появления этого заявления.

В интервью с сыном бывшего президента Рузвельта Э. Рузвельтом от 21 декабря 1946 г., опубликованном журналом *Look*, Сталин несколько развил свои высказывания о контроле:

«*Вопрос:* Если вы считаете, что Объединенные Нации должны контролировать атомную бомбу, то не должны ли они это делать путем инспекции, установления контроля над всеми исследовательскими институтами и промышленными предприятиями, производящими вооружение всех родов, и мирным использованием атомной энергии? (В этом месте Э. Рузвельт в скобках указывает: «Сталин немедленно задал вопрос: «Вообще?» Я сказал: «Да, но, в частности, согласна ли Россия в принципе с таким планом?»»)

Ответ: Конечно. Но на основе принципа равенства для России не должны делаться никакие исключения, Россия должна подчиняться тем же правилам инспекции и контроля, как и любые другие страны. (В этом месте Рузвельт в скобках указывает: «В его ответе не было никакого колебания. И вопрос о резервации права вето не был даже упомянут»)»¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Ядерный век и война. М.: Известия, 1964.

¹⁸⁵ *Большевик*. 1946. № 17—18. С. 3.

¹⁸⁶ *Правда*. 1946, 30 октября.

¹⁸⁷ *Большевик*. 1947. № 1. С. 2.

Из беседы с известным деятелем республиканской партии Г. Стассеном 9 апреля 1947 г.:

«*Стассен* [...] считает, что дело создания инспектирования, контроля и объявления вне закона использования атомной энергии в военных целях имеет большое значение для всех народов мира. Считает ли *И.В. Сталин*, что имеются перспективы разработки соглашения в будущем о контроле и регулировании производства атомной энергии и о ее мирном использовании?»

Сталин отвечает, что он на это надеется. Между СССР и США имеются большие разногласия по этому вопросу, но, в конечном счете, как он, *И.В. Сталин*, надеется, обе стороны поймут друг друга. По его, *И.В. Сталина*, мнению, будут учреждены международный контроль и инспектирование, и это будет иметь большое значение. Использование атомной энергии для мирных целей вызовет большой переворот в производственных процессах. Что касается атомной энергии для целей военных, то это, по всей вероятности, будет запрещено. Этого требуют желание и совесть народов.

Стассен говорит, что это одна из наиболее важных проблем. Если она будет решена, атомная энергия станет величайшим благодеянием для народов всего мира, а если нет, то она будет величайшим проклятием.

Сталин говорит, что, как он думает, удастся учредить международное инспектирование и контроль. К этому идет дело»¹⁸⁸.

Таким образом, в конце 1946 – начале 1947 г. советский руководитель не раз говорил с одобрением о возможности установления международного контроля над атомной энергией.

Важное значение для понимания тактики Сталина в период, когда Советский Союз еще только овладевал производством атомного оружия, имели также его ответы на вопросы корреспондента агентства *International News Service* К. Смита, в которых он подчеркнул готовность «к постепенному разоружению»¹⁸⁹.

¹⁸⁸ *Правда*. 1947, 8 мая.

¹⁸⁹ *Известия*. 1949, 1 февраля.

Можно констатировать, таким образом, что советское руководство в период американской атомной монополии в целом держалось предупредительно при обсуждении атомных вопросов, маневрировало, в своих публичных заявлениях начиная с октября 1946 г. признавало значение международного контроля и определенно избегало провоцировать США на какие-либо резкие действия.

Но в частной беседе в начале 1947 г. с М. Джиласом, одним из югославских лидеров (дело было до размолвки Сталина с Тито), советский руководитель с нескрываемым восхищением говорил об атомной бомбе: «Это – могущественная штука, мо-гу-шест-венная!» Джилас делится своими впечатлениями от разговора с советским руководителем: «Выражение его лица было полно восторга, и можно было видеть, что он не успокоится, пока у него тоже не будет “могущественная штука”»¹⁹⁰.

Известное заявление Молотова от 6 ноября 1947 г. о том, что «секрета атомной бомбы давно уже не существует», в общем-то соответствовало истине, так как в декабре 1946 г. был запущен первый исследовательский ядерный реактор Ф-1, но до пуска первого промышленного реактора «А» в Челябинске-40 оставалось еще много времени – на проектную мощность в 100 МВт он был выведен в июне 1948 г.¹⁹¹

Работа Комиссии ООН по атомной энергии

Уже с самого начала работы комиссии ООН, после внесения Соединенными Штатами «плана Баруха» и Советским Союзом – проекта конвенции о запрещении и уничтожении атомного оружия, между двумя державами возникли, в сущности, неразрешимые противоречия. Советская сторона усматривала в американском предложении попытку увековечить атомную монополию США, а американское руководство видело в советской конвенции стремление лишить США важного инструмента проецирования своего влияния и могущества в мире в качестве противо-

¹⁹⁰ Djilas Milovan. *Conversations with Stalin*. N.Y.: Harcourt, Brace & World, Inc., 1962. P. 153. Джилас от себя добавляет, что Сталин не упоминал в разговоре, ведутся ли в Советском Союзе работы над ее созданием.

¹⁹¹ Создание первой советской ядерной бомбы. С. 83.

действия «агрессивным устремлениям» Советского Союза. Существовали ли тогда шансы для договоренности — к этому вопросу мы еще вернемся.

Следует заметить, что и со стороны некоторых западных стран, особенно Великобритании, которые уже с начала 1947 г. приступили к осуществлению своего собственного проекта создания атомной бомбы, энтузиазма в отношении «плана Баруха» не было. В атомной комиссии ООН англичане занимали сдержанную позицию по этому предложению, которое по существу их не устраивало. Как рассказывают, Бевин поговаривал о том, что следует забыть о «плане Баруха» и заняться изготовлением своей собственной атомной бомбы. Но идти на открытый разрыв с США Англия по понятным причинам не могла — слишком зависела она от Америки во многих сферах¹⁹². (Подробнее о позиции Англии в отношении американского плана контроля также см. в следующем разделе настоящей главы.)

Оценивая работу комиссии ООН с позиции сегодняшнего дня, американский эксперт по вопросам нераспространения Г. Сокольски пишет:

«США, однако, вряд ли были настроены на компромисс. Учитывая преимущество ядерного оружия как оружия наступательного и стратегического и обладая ядерной монополией в 1945 г., США не были готовы отказаться от такого оружия без контроля и санкций, требуемых “планом Баруха”. По тем же самым причинам Советы были убеждены, что овладение ядерным оружием является императивом. И поэтому ядерные переговоры в ООН быстро зашли в тупик»¹⁹³.

Стороны оказались неспособны завязать серьезный разговор на тему роли ядерного оружия в послевоенном мире в то время, когда, может быть, еще сохранялись какие-то возможности для такого разговора. Во всяком случае, тогда у США было всего не-

сколько атомных бомб¹⁹⁴, а в Советском Союзе работы над созданием ядерного оружия еще только разворачивались.

Между тем со стороны некоторых американских политиков, ученых и специалистов предпринимались попытки помочь установлению диалога с Советским Союзом о контроле над атомной энергией.

Министр торговли США Г. Уоллес (в 1941–1945 гг. вице-президент страны) 12 сентября 1946 г. публично выступил в пользу более глубокого понимания законных интересов безопасности Советского Союза и за более гибкий подход к американско-советским отношениям, что вызвало негативную реакцию администрации. Более того, 17 сентября он опубликовал письмо, написанное им Трумэну 23 июля в ответ на обращение президента к членам кабинета высказать свое мнение относительно внешней политики США. В письме президенту Уоллес охарактеризовал как провокационную внешнюю политику США в целом и «план Баруха» в частности. Этот план он назвал несправедливым в отношении Советов и не дающим надежды на достижение соглашений. Он подверг особой критике очевидную попытку Соединенных Штатов сохранить свой атомный потенциал до тех пор, пока система контроля не будет функционировать в той мере, в которой бы их устраивала. Что же касается права вето, то, по мнению министра торговли, этот вопрос «не должен был вообще подниматься», поскольку «он к делу не имеет никакого отношения»¹⁹⁵. Уоллес вышел в отставку с поста министра торговли, считая, что, если бы США следовали первоначальному «плану Ачесона–Лиlientаля», то дело международного мира значительно выиграло бы¹⁹⁶.

¹⁹⁴ В июне 1946 г. американские запасы атомных бомб составляли 9 единиц типа *Толстяк*, т.е. с плутониевой начинкой, но из-за недостатка нейтронных источников только две из них могли быть приведены в состояние оперативной готовности. Через год — в 1947 г. — боезапас насчитывал 13 бомб (Rhodes. P. 765). По другим источникам, США имели даже меньше единиц атомного оружия. Д. Лиlientаль, занявший пост председателя КАЭ США в январе 1947 г., с удивлением узнал, что атомный запас насчитывал всего лишь одну бомбу, которая, «вероятно, была в состоянии оперативной готовности» (Norris. P. 494).

¹⁹⁵ *New York Times*. 1946, 18 September.

¹⁹⁶ Norris. P. 511.

¹⁹² Трухановский В.Г., Капитонова Н.К. Советско-английские отношения. 1945–1978. М.: Международные отношения, 1979. С. 51.

¹⁹³ Sokolski Henry. Nonproliferation: The Last 50 Years. Wash., D.C.: The Nonproliferation Policy Education Center, Updated March 17, 1996.

Интересные, хотя и не очень реалистические мысли о том, как продвинуть переговоры, высказывал в кругу американской делегации Дж. Конэнт, который после ухода Баруха с поста руководителя делегации США согласился занять пост консультанта преемника Баруха в Комиссии ООН по атомной энергии – генерала Осборна. Конэнт предложил либо вообще отказаться от развития атомной энергетики, либо установить мораторий, дабы добиться запрета на создание и хранение атомного оружия. Он высказывался за то, чтобы создать «временный механизм», который осуществил бы полное уничтожение американских атомных запасов, как только создаваемый по «плану Баруха» международный орган по атомной энергии приступил бы к своей деятельности. Как и можно было ожидать, предложение Конэнта американской администрацией принято не было¹⁹⁷.

Существенный интерес представляет история с появлением предложения по международному контролю академика Д.В. Скобельцына, научного советника советской делегации в комиссии ООН. Архивные материалы не дают ответа на вопрос, какова подоплека его докладной записки на имя В.М. Молотова и Л.П. Берии от 12 октября 1946 г., – являлась ли она инициативой самого ученого или же в действительности академик сыграл роль вспомогательного актера в большой игре, затеянной главным режиссером. Как указывалось выше, Сталин впервые заговорил о международном контроле 30 октября 1946 г. Скобельцын же направил свою записку Молотову и Берии за две с половиной недели до этого. Все же нельзя исключать и того, что академик был инициатором идеи выступления с предложением о контроле; возможно и то, что он это сделал с подачи или при поддержке Громыко. Ученый в своей записке писал:

«Слабость нашей позиции заключается в том, что она дает основания для предположений, что мы якобы отвергаем самую идею контроля [...]».

Между тем при создавшемся положении мы ведь в сущности имеем больше оснований требовать установления контроля, чем Америка.

¹⁹⁷ Hershberg. P. 326, 335.

Вполне мыслимы такие варианты системы контроля, которые были бы весьма обременительны и стеснительны для Америки, с имеющимся уже у нее крупным производством, и, вместе с тем, весьма мало связали бы нас на довольно длительный период времени в будущем [...].

Наша концепция контроля основывалась бы на том, что этот контроль должен действовать в отношении крупных предприятий, которые уже имеются в Америке [...]. Но в отличие от американского плана мы вовсе не будем предусматривать распространение контроля на *исследовательскую деятельность*, направленную на достижение *другими странами* того уровня, который *уже достигла Америка*».

Из записки Скобельцына с очевидностью следует, что он пытался обосновать с научной точки зрения целесообразность выступления советского руководства в поддержку международного контроля над атомной энергией. Чтобы сделать это предложение максимально привлекательным, академик отмечал в своей записке:

«Если предложить такую систему контроля, которая не предусматривала бы запрещение или подконтрольность *исследовательской* деятельности в области производства атомной энергии, то, вероятно, было бы возможно ликвидировать наше отставание прежде, чем система контроля была бы приведена в действие в отношении нас»¹⁹⁸.

И далее:

«Если бы было заключено соглашение о таком контроле над заводами, которые у нас появятся лишь в будущем, но которые уже существуют в Америке, то в течение длительного времени такая система контроля была бы в сущности односторонней, направленной против Америки. В таком случае она, вероятно, и не была бы принята США.

¹⁹⁸ Следует заметить, что в меморандуме, распространенном американской делегацией в подкомитете атомной комиссии ООН еще 5 июля 1946 г., особо подчеркивалось, что международный орган должен «иметь исключительное право научного исследования в области атомных взрывчатых веществ» (АВП РФ. Ф. 06, оп. 8, п. 7, д. 97, л. 34).

Однако наша позиция в области международной “атомной политики” стала бы более сильной»¹⁹⁹.

Записка Скобельцына встретила неожиданно быструю поддержку со стороны руководства МИД. Учитывая, что в комиссии ООН советская делегация в течение многих месяцев резко критиковала международный контроль, представляется по меньшей мере удивительным, что *уже в тот же день, когда она поступила*, руководитель Отдела по делам ООН МИД А.А. Рошин направил заместителю министра В.Г. Деканозову свое заключение, в котором отмечалось, что предложения Скобельцына имеют следующие преимущества:

«1. Контроль над атомными заводами распространялся бы на деятельность американцев в области атомной энергии и не касался бы в настоящее время СССР.

2. Внесение предложения о контроле над атомными заводами создало бы для нас благоприятную политическую позицию в органах ООН в том отношении, что в этом случае мы выступили бы сторонниками контроля над наиболее опасными стадиями атомного производства, а американцы вынуждены были бы занять «оборонительную» позицию, что в еще большей степени ослабило бы их положение в вопросах атомной политики.

3. Учитывая то, что американцы вряд ли пойдут на установление контроля над опасными атомными заводами, такое наше предложение было бы весьма для нас выгодным политически и не содержало бы риска в отношении

¹⁹⁹ АВП РФ. Рассекреченная записка Скобельцына опубликована в *Вестнике МИД СССР*. № 13 (95). 1991. 15 июля. Все выделенные места сделаны Скобельцыным. Следует отметить, что в архиве Физического института Академии наук (ФИАН), где академик был директором, в том числе в спецотделе этого института, не было обнаружено каких-либо документов, относящихся к его записке. Можно поэтому с определенностью сделать вывод, что она была написана им в МИДе и там же была зарегистрирована.

В целом же не просто сделать вывод, было ли предложение академика его личной инициативой, либо инспирировано сверху или выдвинуто им с учетом уже известных ему настроений руководства. Среди коллег ученого существует мнение (в частности, его высказал в беседе с автором академик В.Л. Гинзбург), что Скобельцын не отличался смелостью и инициативностью в постановке вопросов, тем более политических.

необходимости раскрытия каких-либо данных об атомном производстве в СССР».

Рошин предложил, чтобы записка Скобельцына была представлена В.М. Молотову до его отъезда в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, с тем чтобы затем она была направлена «на заключение наших специалистов по атомному производству». Деканозов, как видно по его резолюции на записке Рошина, поставленной им на следующий день, 13 октября, с предложениями Отдела по делам ООН согласился²⁰⁰. Учитывая, что Деканозов был близок к Л.П. Берии, следует полагать, что идея Скобельцына получила поддержку могущественного сановника.

Соображения, выдвинутые Д.В. Скобельцыным, были использованы в дальнейшем при подготовке далеко идущих предложений СССР по установлению контроля над атомной энергией²⁰¹. Эти предложения были разработаны на основе конкретного проекта, подготовленного А.А. Громыко и советской делегацией в комиссии ООН в мае 1947 г.

Отдел по делам ООН, судя по всему, при участии соответствующих специалистов из Первого главного управления при Совмине СССР, оперативно доложил Молотову, что предложение Громыко о внесении в Комиссию советского проекта предложений по контролю является «своевременным и целесообразным». Далее в записке отдела говорилось:

«Текст проекта нами переработан в направлении установления более тесной связи между нашим предложением о

²⁰⁰ АВП РФ. Ф. 047, оп. 1, п. 1, д. 16, лл. 34–35.

²⁰¹ Академик Скобельцын и позднее, после завершения работы комиссии ООН, выступая за запрещение атомного оружия, считал необходимым «осуществление системы контроля, обеспечивающей соблюдение такого запрещения» (открытое письмо в редакцию журнала *Международная Жизнь*. 1954. Декабрь. № 2. С. 111–117).

Несмотря на поддержку советского руководства в тот период, в дальнейшем у него были довольно сложные отношения с атомным ведомством. В 1957 г. министр среднего машиностроения Е.П. Славский, как следует из докладной записки заведующего Отделом международных организаций МИД К.В. Новикова на имя Громыко, настоял на снятии Скобельцына с поста представителя СССР в Научно-консультативном комитете при Генеральном секретаре ООН с мотивировкой, что он «абсолютно не разбирается в атомных делах» и «не стремится к получению знаний в области атомной энергии» (АВП РФ. Ф. 047, оп. 3, п. 89, д. 31, л. 51).

заклучении конвенции по запрещению атомного оружия и проектом предложения об основных положениях организации международного контроля. Кроме того, — говорилось в докладной министру, — переработанный проект содержит в более развернутом виде положения об обязанностях и правах контрольного органа»²⁰².

В архиве МИД имеется также письмо Генерального штаба Вооруженных сил СССР от 28 мая 1947 г. о согласии с этими предложениями министра вооруженных сил Н.А. Булганина²⁰³.

Советские предложения, внесенные на рассмотрение Комиссии по атомной энергии 11 июня 1947 г., предусматривали весьма широкие функции по инспекции и контролю, не затрагивающие, однако, научно-исследовательские работы. В дополнение и в развитие предложения СССР от 19 июня 1946 г. относительно заключения конвенции о запрещении атомного оружия предлагалось учредить в рамках Совета Безопасности Международную контрольную комиссию, которая будет периодически осуществлять инспектирование предприятий, добывающих атомное сырье и производящих такого рода материалы и энергию.

Функции комиссии были детально конкретизированы. Она имела бы право: инспектировать деятельность предприятий, добывающих атомное сырье и атомную энергию; проверять наличные запасы атомного сырья, материалов и полуфабрикатов; изучать производственные операции в объеме, необходимом для контроля; проводить «специальные обследования в случаях возникновения подозрения о нарушении конвенции о запрещении атомного оружия» и т.д. Комиссия имела бы право доступа на любое предприятие по добыче, производству и хранению атомного сырья и материалов, а также по эксплуатации атомной энергии; ознакомления с производственными операциями на предприятиях атомной энергии; проведения взвешивания, промеривания и различного рода анализов; истребования от правительств и проверки различного рода сведений и отчетов и т.п. В новом документе, таким образом, содержалось согласие СССР не только на инспектирование заявленных предприятий,

но и на проведение специальных обследований «в случаях возникновения подозрений о нарушении».

В предложениях по контролю предусматривалось, что государства, подписавшие конвенцию о запрещении атомного оружия, «должны иметь право проводить без ограничений научно-исследовательскую работу в области атомной энергии, направленную на изыскание способов использования ее в мирных целях» (п. 8 b). В то же время и международная комиссия должна иметь возможность проводить научно-исследовательскую деятельность «в области изыскания способов использования атомной энергии для мирных целей» (п. 8c)²⁰⁴.

Внося эти предложения, Советский Союз продолжал настаивать на первоочередном принятии конвенции о запрещении и уничтожении атомного оружия, и только после этого должна была быть заключена конвенция по контролю и инспекциям, обеспечивающая соблюдение конвенции о запрещении этого оружия.

Советский представитель А.А. Громыко, правда, имел дополнительное указание, согласованное с министром вооруженных сил Н.А. Булганиным: «Если [...] партнеры будут настаивать на том, чтобы конвенция о контроле была заключена раньше конвенции о запрещении атомного оружия, то в качестве второй нашей позиции можете предложить *одновременное* (выделено мной. — Р.Т.) заключение и вступление в силу обеих конвенций»²⁰⁵.

Советские предложения по контролю оказались, однако, запоздалым шагом. Как сообщал в Париж на следующий день после их внесения в комиссию ООН научный советник французской делегации Б. Гольдшмидт,

«план был новой уступкой Советов, и если бы он был внесен на год раньше, то оказал бы большое влияние [...]. Я не думаю, что общее соглашение по этой (атомной) проблеме когда-либо может быть достигнуто, но шанс на его достижение увеличился с одного из 10 тысяч до одно-

²⁰² АВП РФ. Ф. 047, оп. 2, п. 4, д. 22, лл. 48–52.

²⁰³ Там же. Лл. 75–80.

²⁰⁴ Док. ООН АЕС/31/Rev.1. Приводится по: Сборник предложений СССР, УССР и БССР. С. 13–15.

²⁰⁵ АВП РФ. Ф. 047, оп. 2, п. 4, д. 210, лл. 79–80.

го из 50, а поскольку это все же шанс избежать войны, оно заслуживает серьезного изучения»²⁰⁶.

В сентябре 1947 г. Советский Союз сделал новый шаг навстречу западным странам по проблеме контроля. Отвечая на письмо представителя Великобритании от 11 августа, советский представитель Громыко направил дополнительные пояснения позиции СССР по контролю. В связи с предлагаемыми периодическими инспекциями было уточнено, что «периодичность инспекций не обязательно должна означать проведение инспекций через правильные, заранее установленные промежутки времени. Инспекция может проводиться в зависимости от надобности по решению Международной контрольной комиссии».

Относительно специальных обследований советским представителем было разъяснено, что они проводятся в случаях возникновения подозрений о нарушении государствами обязательств по конвенции о запрещении атомного оружия.

«Основаниями для подозрений могут быть:

- 1) сообщения одного или нескольких правительств;
- 2) заключения самой Международной комиссии. Основанием для заключения последней могут быть:
  - а) несоответствие между наличием ядерного горючего и данными отчетности;
  - б) сообщения инспекторов».

В ответ на вопрос о возможности инспекции незаявленных предприятий было сообщено, что «нормально инспекторы будут посещать только заявленные предприятия. Что же касается незаявленных предприятий (тайная деятельность), то этот вопрос покрывается ответом на предыдущий вопрос», иными словами, при наличии перечисленных выше условий допускается инспекция незаявленных объектов²⁰⁷.

²⁰⁶ Goldschmidt Bertrand. A Forerunner of the Non-Proliferation Treaty? The Soviet 1947 Proposals, Unpublished paper prepared for Niels Bohr Centennial in the University of Copenhagen, September 27–29, 1985. P. 9. (Личный архив автора).

²⁰⁷ Док. АЕС/31/Rev.1. Приводится по: Сборник предложений СССР, УССР и БССР. С. 16–18.

Как следует из предложений Советского Союза по международному контролю от 11 июня и дополнительных разъяснений от 5 сентября 1947 г., они в некоторых аспектах предвосхищали положения системы гарантий Международного агентства по атомной энергии, которые были приняты в 1960–1970-х гг.

Вместе с тем в ответах А.А. Громыко было вновь подчеркнуто, что по санкциям любые решения может принимать, согласно Уставу ООН, только Совет Безопасности, т.е. при соблюдении принципа единогласия постоянных членов Совета.

Советские предложения по контролю были официально отклонены Соединенными Штатами в апреле 1948 г. с мотивировкой, что они не предусматривали достаточного, с точки зрения США, контроля и к тому же деятельность предлагавшейся СССР контрольной комиссии попадала бы под вето постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Советская сторона к этому времени также пришла к выводу, что переговоры зашли в полный тупик. 24 февраля 1948 г. руководители Отдела по делам ООН МИД С.А. Виноградов и А.А. Роцин в записке на имя заместителя министра А.Я. Вышинского предложили, чтобы советские представители в комиссии ООН придерживались следующей позиции:

«Не проявлять активности с внесением каких-либо новых предложений, настаивая на наших предложениях, внесенных 19 июня 1946 г. и 11 июня 1947 г.

Можно было бы в порядке известной уступки с нашей стороны в вопросе о контроле над атомной энергией согласиться на одновременное заключение конвенции о запрещении атомного оружия и о контроле над атомной энергией, однако считаем существующую в настоящее время обстановку для такой уступки неподходящей».

Вышинский наложил на эту записку положительную резолюцию²⁰⁸.

Эта позиция была доведена и до сведения общественности. 23 мая 1948 г. было опубликовано сообщение ТАСС, в котором подчеркивалось, что «только при наличии решения о запреще-

²⁰⁸ АВП РФ. Ф. 047, оп. 3, п. 10, д. 23, л. 6.

нии атомного оружия есть смысл в установлении международного контроля, чтобы обеспечить действительное проведение в жизнь этого решения».

Одновременно советской делегации было дано указание воздержаться от постановки вопроса об одновременном заключении двух конвенций – по запрещению атомного оружия и по контролю²⁰⁹.

В период работы Комиссии ООН по атомной энергии имела место еще одна попытка со стороны некоторых советских экспертов продвинуть вопрос о контроле за запрещением атомного оружия, а также и сокращением обычных вооружений.

Когда делегация СССР внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН 29 октября 1946 г. проект резолюции о всеобщем сокращении и регулировании вооружений, в нем упоминания о контроле не содержалось²¹⁰. Но уже 1 ноября, т.е. на следующий день после того, как Сталин публично заявил о необходимости международного контроля, заместитель члена делегации на сессии ГА ООН Б.Е. Штейн направил на имя В.М. Молотова докладную записку, в которой, в частности, говорилось:

«Ввиду того, [...] что в американской печати упоминается об отсутствии в нашем предложении ссылки на контроль, а также ввиду позиции, занятой советской делегацией по вопросу о контроле над атомной энергией (при рассмотрении советского предложения о сокращении вооружений), было бы желательно в ходе дискуссии в первой комиссии (сделать) специальное выступление по вопросу о контроле над сокращением вооружений.

[...] Такое выступление могло бы содержать в себе следующие тезисы:

а) Советская делегация внесла предложение по сокращению вооружений. Если Генеральная Ассамблея, на что надеется советская делегация, одобрит в принципе советское предложение и, согласно этому предложению, поручит Совету Безопасности заняться вопросом о сокраще-

нии вооружений, советская делегация внесет в Совет Безопасности конкретный план сокращения вооружений.

б) Одной из частей этого плана несомненно должна быть глава, трактующая вопрос о контроле над выполнением всеми членами ООН будущей конвенции по сокращению вооружений.

в) Самая форма и методы контроля над сокращением вооружений теснейшим образом зависят от конкретного плана сокращения вооружений и методов этого сокращения. В качестве примера можно указать на то обстоятельство, что сокращение вооружений при помощи сокращения военных бюджетов вызовет одну систему контроля, в то время как прямое сокращение численности армии будет требовать другую форму контроля и, наконец, запрещение или ограничение каких-либо отдельных видов вооружений потребует особую форму контроля.

г) Исходя из вышеизложенного очевидно, что до обсуждения и принятия конкретного плана сокращения вооружений невозможно говорить о какой-либо конкретной форме контроля».

К записке Б.Е. Штейна прилагались «Предварительные соображения о плане международного контроля всеобщего сокращения вооружений» и «Проект плана организации международного контрольного органа», который создавался бы в качестве органа Совета Безопасности и действовал бы «по директивам Совета Безопасности». Одной из функций учреждаемой Международной контрольной комиссии было бы «наблюдение, контроль и общее согласование порядка выполнения всеобщего сокращения вооружений, в том числе уничтожения имеющегося запаса атомных бомб, запрещения производства атомного оружия и использования атомной энергии в военных целях».

Создавались бы и национальные контрольные комиссии. Членами Международной и национальных комиссий «не могут быть лица, являющиеся владельцами и крупными акционерами военно-промышленных предприятий, в том числе и предприятий, связанных с производством атомного вооружения [...]». «Для эффективно выполнения своих обязанностей по контролю за сокращением вооружения, уничтожения запасов атомных бомб, запрещения производства атомного оружия и использования атомной энергии в воен-

²⁰⁹ Тимербаев. С. 56.

²¹⁰ Док. ООН A/BUR/42.

ных целях *Международная контрольная комиссия должна располагать полной информацией от Государств-членов Наций о состоянии своих вооруженных сил и боевых средств, включая все их современные элементы*, в том числе и всех основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения [...]». Международная комиссия «должна иметь доступ к обследованию тех отраслей государственной, общественной или частной деятельности, которые связаны с проведением сокращения вооружения, производством атомного оружия и использованием атомной энергии в военных целях». Предварительные соображения и план организации международного контрольного органа подписаны экспертами советской делегации Васильевым, Богденко и Шараповым²¹¹.

Записка Б.Е. Штейна была принята во внимание руководством делегации. Уже 28 ноября 1946 г. советская делегация на Генеральной Ассамблее внесла дополнительное предложение к своему проекту резолюции о всеобщем сокращении и регулировании вооружений, в котором предлагалось предусмотреть создание специальных органов инспекции, для чего образовать комиссию по контролю за выполнением решения о сокращении вооружений и комиссию по контролю за выполнением решения о запрещении использования атомной энергии в военных целях. Спустя несколько дней оно было включено в сводное предложение СССР относительно всеобщего сокращения вооружений²¹². Советское предложение на сессии Генеральной Ассамблеи широкой поддержки, однако, не получило.

Советская делегация в Комиссии ООН по атомной энергии стремилась найти развязки и по некоторым другим аспектам обсуждавшихся вопросов международного контроля. Как указывалось, США стремились к тому, чтобы с самого начала установить контроль над сырьем, в то время как Советский Союз по понятным причинам был заинтересован в том, чтобы прежде всего поставить под контроль атомные предприятия. В начале 1947 г. Громыко попытался найти компромисс, направив в Москву предложение «пойти на одновременный контроль над сырьем и предприятиями», добиваясь в то же время, чтобы

²¹¹ АВП РФ. Ф. 06, оп. 8-г, п. 101, д. 91, лл. 1–8. Формулировки, относящиеся к атомному оружию и контролю над ним, выделены авторами цитируемых документов.

²¹² Док. ООН А/С.1/83, А/С.1/78 и А/С/78/Add.1.

«контролю над предприятиями придавалось большее значение на практике». Это свое предложение он мотивировал тем, что «если мы будем противиться контролю над сырьем, американцы используют нашу позицию для срыва контроля производства (заводов)». Он также предложил, чтобы международному органу было предоставлено право «управления» атомными предприятиями. Громыко писал: «Необходимо добиваться включения в конвенцию положения об установлении международного управления существующими предприятиями сразу же по заключении соответствующей конвенции, а в противном случае не давать согласия на принятие положения об управлении»²¹³.

Просуществовав около трех лет, Комиссия ООН по атомной энергии прекратила свою практическую деятельность в 1948 г., а формально завершила свое существование в 1949 г. (ее последнее заседание состоялось 29 июля). США во время IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН настояли на прекращении работы Комиссии по атомной энергии, деятельность которой потеряла всякий смысл, хотя советская дипломатия в политических целях и продолжала настаивать на продолжении работы Комиссии и даже вносила предложения на этот счет, сознавая, конечно, их неприемлемость для другой стороны.

После прекращения работы Комиссии по атомной энергии Генеральная Ассамблея предложила пяти постоянным членам Совета Безопасности и Канаде провести консультации относительно дальнейшей работы над проблемой международного контроля над атомной энергией. Консультации проходили с августа 1949 по январь 1950 г., но оказались безрезультатными.

В ходе сессии ГА ООН 1949 г. ее председатель К. Ромуло (Филиппины) 3 ноября предпринял попытку стимулировать развитие этих консультаций и конфиденциально предложил шести государствам некоторые соображения о том, на каких идеях они могли бы сосредоточить свое внимание:

- «1) возможность установления кратковременного атомного перемирия вместе с системой инспекции;
- 2) возможность временного запрещения использования атомного оружия с достаточными гарантиями;

²¹³ АВП РФ. Ф. 047, оп. 2, п. 4, д. 22, лл. 1–3.

- 3) возможность дальнейших компромиссов между планами большинства и меньшинства по контролю над атомной энергией;
- 4) возможность нового подхода к основным проблемам контроля»²¹⁴.

По предложению МИД от 25 ноября, подписанному А.А. Громыко и утвержденному И.В. Сталиным, председателю Ассамблеи было сообщено в ответ, что советская делегация «согласна с Вами относительно необходимости продолжить поиски соглашения» по вопросу о запрещении атомного оружия и установления международного контроля над атомной энергией²¹⁵. Ромуло информировал Генеральную Ассамблею о своих предложениях шести государствам и о ситуации на консультациях 20 декабря 1949 г.²¹⁶

Советский Союз прекратил свое участие в консультациях шести стран в связи с тем, что его требование о передаче Китайской Народной Республике, образованной в октябре 1949 г., ее законного места в ООН не было принято Соединенными Штатами и другими западными державами.

Мировая общественность довольно сурово оценила действия в комиссии ООН обеих ядерных держав. Характерным в этом отношении было мнение А. Мюрдаль, которую мы уже цитировали выше. В своей книге «Игра в разоружение. Как США и Россия ведут гонку вооружений», изданной в 1976 г., она писала:

«Возможность поставить ядерное оружие под международный контроль была потеряна с самого начала. Зная сейчас, как развивались события в ходе последующих десятилетий, мы должны считать это трагедией. Даже до того, как комиссия приступила к работе, гонка ядерных вооружений уже началась и продолжалась, не утихая [...].

Если бросить взгляд назад, то поражаешься, как другие члены ООН позволили этому случиться. Спор в Комиссии ООН по атомной энергии шел между двумя основными державами. Британия вела себя как верный сторонник

США. Франция проявляла несколько большую независимость, но не пыталась повернуть спор на путь, который помог бы завязать целенаправленные переговоры»²¹⁷.

Спустя некоторое время, после появления у США и СССР водородного оружия, среди американских ученых и официальных деятелей вновь возродилась идея возвращения к плану международного контроля над атомной энергией.

По свидетельству председателя Объединенного комитета конгресса по атомной энергии, а позднее первого Генерального директора МАГАТЭ С. Коула, осенью 1953 г. Э. Теллер выступил с предложением договориться об установлении международного контроля с теми государствами, которые поддерживали «план Ачесона—Лилененталя». Он считал, что Советский Союз «под давлением мирового общественного мнения» в конечном счете пойдет на такой шаг. Председатель КАЭ Л. Страус, которому Коул передал мнение Теллера, поддержал эту идею. Однако предложение ученого не получило развития²¹⁸, а вскоре Эйзенхауэр выступил в ООН с планом «Атомы для мира», который привел к созданию МАГАТЭ (см. третью главу).

В 1954 г. государственный секретарь Дж.Ф. Даллес в меморандуме Эйзенхауэру высказал аналогичную идею. Он писал:

«Увеличивающаяся разрушительная мощь ядерного оружия и приближение к эффективному атомному паритету создают ситуацию, когда всеобщая война будет угрожать уничтожением западной цивилизации и советского режима и когда национальных задач невозможно будет достичь путем всемирной войны, даже если в ней будет одержана военная победа. [...] Атомная мощь слишком разрушительна, чтобы дать ее использовать в военных целях какому-либо государству».

Даллес высказался за то, чтобы «ее использование в интересах безопасности было интернационализировано», и предложил передать контроль над атомной энергией Совету Безопасности ООН, в котором, однако, не было бы права вето. «Если Совет-

²¹⁴ АВП РФ. Ф. 047. оп. 22а, п. 3, д. 26, лл. 32–35.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Yearbook of the United Nations. 1948–49. Department of Public Information. United Nations, Lake Success, NY, 1950. P. 361.

²¹⁷ Myrdal Alva. P. 76–77.

²¹⁸ Scheinman Lawrence. The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Wash., D.C.: Resources for the Future, 1987. P. 61.

ский Союз был бы готов отказаться от права вето, то группа стран (поддерживающих американское предложение) передала бы ответственность Совету Безопасности». Эйзенхауэр назвал идею Даллеса «интересной», но и она развития не получила, хотя госсекретарь США и в дальнейшем к ней возвращался²¹⁹.

Великобритания и «план Баруха»

Изучением вопроса о международном контроле над атомной энергией английское руководство вплотную занялось в 1945 г. Консультативный комитет, возглавлявшийся членом кабинета Дж. Андерсоном, рассмотрел различные методы контроля: соглашение о неприменении атомного оружия; соглашение о передаче центральному органу всей научно-технической информации по атомной энергии; контроль Организации Объединенных Наций над сырьевыми материалами; сосредоточение монополии по производству активных материалов в руках органа, создаваемого ООН. Комитет пришел к заключению, что при любой схеме политические сложности будут слишком велики без международной инспекции, которая, в свою очередь, будет не работоспособной и неприемлемой для национального общественного мнения²²⁰.

В связи с этим незадолго до конференции в Вашингтоне лидеров США, Англии и Канады, которая состоялась в ноябре 1945 г., был создан комитет под председательством секретаря британского комитета Э. Бриджеса, чтобы еще раз рассмотреть проблему контроля и проанализировать три возможные формы соглашения о контроле: запрет на производство бомб всеми государствами; согласие на их производство только одной международной организацией; согласие на производство атомного оружия

²¹⁹ Smith Gerard C. Take Nuclear Weapons into Custody. *Bulletin of the Atomic Scientists*. December 1990. P. 12; McNamara Robert S. The Changing Nature of Global Security and Its Impact on South Asia. Address to the Indian Defense Policy Forum, New Dehli, November 1992, Washington Council on Non-Proliferation. P. 7–8. Оба автора ссылаются на: Gaddis John Lewis. The Unexpected John Foster Dulles In: Immerman Richard H. (ed.). John Foster Dulles and Diplomacy of the Cold War. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 47–78.

²²⁰ Gowing Margaret assisted by Arnold Lorna. Independence and Deterrence. Britain and Atomic Energy, 1945–1952. Vol. I. Policy Making. L. and Basingstoke: Macmillan, 1974. P. 70.

большой тройкой (США, Великобритания и Россия) или большой пятеркой (плюс к ним – Франция и Китай). Члены комитета пришли к выводу, что никакое соглашение не сможет ограничить свободу какой-либо из великих держав производить атомное оружие (каков дар предвидения!). Поэтому они высказали предложение, чтобы все государства были свободны производить бомбы, но чтобы их применение было запрещено конвенцией, и если какая-либо держава применит бомбу, все другие участники конвенции объявят ей войну и применяют это оружие против нарушителя. В соответствии с устанавливаемым режимом коллективного возмездия и сдерживания будет проводиться полный обмен фундаментальной, но не промышленной информацией. Члены комитета также высказались за то, что любое предложение, сделанное другими странами, о разделе сырьевых материалов, которые США и Великобритания приобрели по секретному соглашению, могло бы состояться в обмен на предоставление значительных преимуществ²²¹.

Однако Эттли расценил эти предложения как «опасно иллюзорные и нереалистические». Предположим, между Америкой и Россией разразится война, станут ли они бороться до конца, не прибегая к ядерному оружию? А если какая-нибудь держава, находясь в смертельной опасности, применит бомбу, то Британия должна будет присоединиться к тем, кто прибегнет к возмездию, даже если во всех других отношениях она будет считать ее правой? «Какое британское правительство, ввиду уязвимости Лондона, возьмет на себя смелость принять обязательство вступить в атомную войну против агрессора, который перед своим поражением сможет разрушить Лондон?» Более того, сказал Эттли, невозможно будет определить, кто именно применил атомную бомбу и кто является виновником, и тем самым эффект неотвратимости немедленного контрнападения будет сведен к минимуму. Он писал, что в атомной войне «тот, кто наносит первый удар, вооружен вдвойне».

Эттли, пишет М. Гауинг, вынужден был вернуться, таким образом, к простой истине: безнадежно пытаться ограничить применение ядерного оружия, если государства не откажутся от своих сугубо национальных интересов и не станут безусловно доби-

²²¹ Gowing Margaret assisted by Arnold Lorna. Independence and Deterrence. P. 70–71.

ваться установления таких международных отношений, при которых война будет полностью исключена из жизни человечества. Уезжая в Вашингтон, он решил поддержать принцип применения Организацией Объединенных Наций принудительных мер по обеспечению международного мира и безопасности, не ограничивать развитие атомной энергии ввиду невозможности эффективного контроля и не вести дело к заключению специальной конвенции, регулирующей применение атомного оружия для пресечения агрессии, ибо контроль, считал британский премьер, невозможен без взаимного доверия. Он ехал в американскую столицу на встречу с Трумэнem и канадским премьером с этими мыслями и будучи убежденным в том, что Россия через несколько лет создаст атомное оружие.

Но в то же время он был намерен как можно лучше укрепить позиции Великобритании в атомных делах и обеспечить самую тесную связь и сотрудничество в этих вопросах с Соединенными Штатами. Эттли опирался и на мнение военных: начальники штабов заявили ему, что если не будет достигнуто международное соглашение по атомной проблеме, то нужно будет создать собственное атомное оружие, что будет жизненно необходимо для безопасности Британии. Комитет Бриджеса настоятельно рекомендовал ему добиваться продолжения соблюдения Квебекского соглашения 1943 г.

Эттли намеревался, продолжает Гауинг, заявить Трумэнy, что Великобритания, «естественно, заинтересована в развитии атомной энергии как в качестве средства самообороны, так и в качестве источника промышленной мощи». Но все же он главным образом был озабочен международными аспектами открытия атомной энергии, однако же считая, как советовало ему его окружение, что в мире национальных государств каждая страна в первую очередь должна заботиться о своих интересах, и он, утверждает Гауинг, «стал проявлять все большее беспокойство по поводу намерений России»²²².

Однако текст Вашингтонской декларации США, Англии и Канады по вопросу о международном контроле и о передаче его на рассмотрение ООН был согласован без особых трудностей

²²² Gowing Margaret assisted by Arnold Lorna. Independence and Deterrence. P. 72–73.

(см. первый раздел настоящей главы). После рассмотрения проблем англо-американского сотрудничества в атомной области Дж. Андерсон и Л. Гровс подписали меморандум относительно дальнейшей деятельности Объединенного политического комитета (Combined Policy Committee), созданного еще на Квебекской конференции в 1943 г. В этом документе говорилось о намерении продолжить военное сотрудничество, но в том, что касается «разработки, конструирования, строительства и эксплуатации предприятий», такое сотрудничество было признано лишь «желательным в принципе». А в отношении применения атомного оружия, в отличие от Квебекской декларации, где предусматривалось принятие решений по такому вопросу на основе согласия, в Вашингтонской декларации говорилось только о «предварительных консультациях» (выделено мной. — *P.T.*) на этот счет²²³.

Тем не менее надежды на продолжение англо-американского сотрудничества не оправдались, и очень скоро: спустя несколько месяцев, летом 1946 г., вступил в силу закон Макмагона, запрещающий передачу атомной информации кому бы то ни было, включая и Великобританию. Договоренность Трумэна и Эттли о «полном и эффективном сотрудничестве», как пишет Гауинг, «не стоила бумаги, на которой она была написана»²²⁴.

С точки зрения Великобритании, основным недостатком доклада Ачесона—Лилененталя, появившегося в марте 1946 г., было его ошибочное положение о возможности «денатурировать» плутоний, т.е. превратить оружейный плутоний в материал, непригодный для военного использования, что выявилось очень скоро. В действительности англичане хорошо понимали, что многие виды деятельности, связанные с производством атомной энергии, на практике были «опасными» и, следовательно, потребовали бы контроля. Более того, если международный орган будет обладать всеми урановыми рудниками в мире, то он станет владельцем и большинства рудников, где добываются золото, олово, медная руда. И по этой причине, пишет М. Гауинг, британское правительство и Консультативный комитет по атомной

²²³ Текст «меморандума Гровса—Андерсона» см.: Ibid. P. 85–86.

²²⁴ Ibid. P. 87.

энергии не испытывали никакого восторга относительно американских предложений.

Но самую большую трудность представляли проблемы политического свойства, поскольку передача в руки международного органа деятельности по развитию атомной энергии на практике означала бы, что предприятия по ее производству создавались бы во всех странах только по совету и с согласия других стран, что было бы вторжением в суверенные дела государств. В английском руководстве отлично понимали, что для Советского Союза (и не только для него) эти предложения были «положительно опасными».

Когда началась работа комиссии ООН и американскую делегацию возглавил Барух, это привело англичан в уныние. Нобелевский лауреат Дж. Чедвик, который возглавлял группу английских ученых, участвовавших в Манхэттенском проекте, иронически сравнивал Баруха с библейским пророком Моисеем, «который пытался предложить человечеству заповедь во имя своего спасения»²²⁵. А когда Барух выступил за отмену права вето в Совете Безопасности, то это сделало перспективы сотрудничества в комиссии ООН «совершенно невозможными»²²⁶.

Но английское правительство каких-либо предложений или инициатив в комиссии не выдвигало. К весне 1946 г., пишет Гаунинг, оно «все более и более стало опасаться каких-либо планов контроля, которые могли бы нанести ущерб своей национальной безопасности». Оно «лишь с неохотой поддержало американский план создания международного органа». Это заметили в Вашингтоне, и назначение английским представителем в комиссии сэра А. Кадогана американцы считали «не внушающим воодушевления выбором». «Американцы полагали, что Великобритания не уделяет работе Комиссии ООН по атомной энергии того внимания и не придает ей того значения, которого она заслуживает. И они правы. Сама идея международной инспекции ядерных объектов приводила в ужас начальников штабов»²²⁷.

²²⁵ Ibid. P. 90.

²²⁶ Ibid.

²²⁷ Roberts Fred. 60 Years of Nuclear History. Britain's Hidden Agenda. Charlbury, Oxfordshire: Jon Carpenter Publishing, 1999. P. 34.

И все же правительство в конце 1946 г. решило продолжать поддерживать американский план международного контроля, но буквально спустя два месяца, — в январе следующего года им было принято решение приступить к созданию собственной атомной бомбы. Какие обстоятельства предшествовали этому решению?

Премьер-министр Эттли уже летом 1945 г. создал сверхсекретный комитет под кодовым названием «Gen-75» для руководства планированием и строительством объектов по производству атомной бомбы²²⁸, а в начале января 1947 г. на заседании специального правительственного комитета (участвовали Эттли, Бевин, лорд-председатель совета Моррисон, министр обороны Александер, министр по делам доминионов Аддисон и министр снабжения Уилмот; военные руководители на это заседание приглашены не были) принимается официальное решение о самостоятельном производстве атомного оружия (кодовое название «Gen-163»). Организационная сторона проекта, работы над которым в лабораториях Англии фактически не прерывались с довоенных времен, была возложена на маршала авиации Портала, а научная — на д-ра У. Пенни. До своего ареста за шпионаж в пользу СССР в начале 1950 г. К. Фукс руководил Отделом теоретической физики атомного центра в Харуэлле.

Но два важных вопроса в отношениях между союзниками оставались неурегулированными: во-первых, по Квебекскому соглашению предусматривалось взаимное вето на применение атомного оружия, от чего США стремились избавиться; и, во-вторых, сохранялся британский контроль над поставками в Америку урана из Бельгийского Конго. Лишь в январе 1948 г. между двумя странами было достигнуто неформальное соглашение, известное как «*Modus vivendi*», согласно которому англичане отказались от вето, в обмен на что США согласились делиться информацией о конструкции реакторов на природном уране. При этом американцы стали получать львиную долю конголезского урана²²⁹.

²²⁸ Об этом советская разведка узнала через Клауса Фукса, в 1946 г. вернувшегося из США в Великобританию, гражданином которой он являлся (Феклисов А.С. Подвиг Клауса Фукса. *Военно-исторический Журнал*. 1990. № 12. С. 27).

²²⁹ Rhodes Richard. Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y.: Simon & Schuster, 1995. P. 299–301; Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М.: Международные отношения, 1985. С. 59.

Год спустя администрация Трумэна в связи с предложением английского правительства и по рекомендации специального комитета под председательством госсекретаря Д. Ачесона (в комитет входили министр обороны Л. Джонсон, председатель КАЭ Д. Лилюенталь и др.) предпринимает попытку возобновить ядерное сотрудничество с Англией, включая «полный обмен информацией об оружии»²³⁰. Однако это встречает решительное противодействие влиятельных сенаторов А. Ванденберга, Б. Хикенлупера, Б. Макмагона и др., которые выступили против «распродажи и раздачи британцам бесценных секретов»²³¹. Окончательный удар по планам сотрудничества, надо полагать, нанес арест в Великобритании в феврале 1950 г. К. Фукса. То, что раскрытие разведывательной деятельности Фукса повлияло на дальнейшее англо-американское сотрудничество в атомной области, подтвердил и Ачесон²³².

В этих условиях англичанам пришлось самостоятельно создавать бомбу, которую они успешно испытали 3 октября 1952 г. на островах Монте-Белло в Индийском океане, предоставленных Великобритании Австралией для этой цели²³³.

Что же касается работы комиссии ООН, то после принятия решения о создании бомбы в начале 1947 г. поддержка британским правительством «плана большинства» стала еще более прохладной. Озабоченность по поводу атомного контроля, писала М. Гауинг, коренилась в общем беспокойстве за национальную безопасность, а не происходила из опасений возможности войны с Россией. И когда в июне 1947 г. начальники штабов представили доклад о британской политике в области обороны, основанной на возможности войны с Россией, Эттли и его министр иностранных дел Бевин выразили свое неудовольствие, причем последний считал, что восстанавливающаяся Германия будет представлять более серьезную угрозу международному миру. В этой обстановке «единственным практиче-

ским спорным вопросом теперь стал вопрос о том, следует ли незамедлительно прекратить переговоры, или же продолжать их из тактических соображений»²³⁴. Как указывалось выше, переговоры в Комиссии ООН по атомной энергии подошли к концу в мае 1948 г., а ее последнее официальное заседание состоялось в июле 1949 г.

Отношение Франции к международному контролю

Французские ученые еще задолго до Второй мировой войны внесли выдающийся вклад в развитие атомной науки. Достаточно назвать открытие И. и Ф. Жолио-Кюри искусственной радиоактивности в 1934 г., за что им была присуждена Нобелевская премия. Ф. Жолио-Кюри первым установил возможность создания ядерного реактора на природном уране с тяжелой водой в качестве замедлителя. Уже в 1939–1940 гг. Жолио-Кюри вместе с Х. Хальбаном и Л. Коварски вел в Коллеж де Франс работы по проектированию такого реактора. Несколько позднее к ним присоединился Ф. Перрен.

После окончания войны Франция возобновляет работы по атомной энергии и с тех пор ведет их с большей последовательностью. Уже в октябре 1945 г. Ш. де Голль создает Комиссариат по атомной энергии, который существует и поныне. Первым руководителем комиссариата становится Ф. Жолио-Кюри, который осуществил пуск тяжеловодного реактора в 1948 г. Международный приоритет Франции в разработке такого типа реактора общепризнан.

В 1950 г., после подписания им Стокгольмского воззвания в пользу запрещения атомного оружия, Ф. Жолио-Кюри освобождают от руководства комиссариатом, и на его место назначают Ф. Перрена. Именно в начале 1950-х гг. принимаются принципиальные решения по атомной проблеме – и политические, и организационно-технические. При решении вопроса о производстве атомной бомбы, как отмечают французские историки, «речь шла скорее о самообороне от своих союзников, чем о создании оружия против своих противников». «Атомный выбор

²³⁰ Acheson Dean. Present at the Creation. My Years at the State Department. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1969. P. 314.

²³¹ Ibid. P. 319.

²³² Ibid. P. 321.

²³³ По свидетельству Д. Ачесона, англичане в 1951 г. обратились с просьбой к США провести испытание изготовленной ими бомбы, но получили отказ.

²³⁴ Gowing. P. 91–92.

Франции был больше функцией соперничества между союзниками, чем диктовался угрозой со стороны противников»²³⁵. Первый пятилетний план развития атомной энергии, предусматривавший производство 50 кг плутония в год, был принят в 1952 г. Поправка коммунистической фракции против проведения военных исследований была отклонена подавляющим большинством голосов в Национальном собрании (518 против 100).

Дальнейшим шагом было решение премьер-министра П. Мендес-Франса, принятое на заседании правительства 26 декабря 1954 г., о том, что Франция «сохраняет за собой военный выбор» («option militaire»). Оно последовало за Парижскими соглашениями, которые разрешали перевооружение ФРГ, запрещая, однако, ей производство атомного и других видов оружия массового уничтожения *на своей территории*. Но окончательное решение о создании ядерного оружия было оформлено в конце 1956 г., после Суэцкого кризиса, когда франко-британское вторжение в Египет было сорвано в результате параллельных демаршей и угроз со стороны Советского Союза и США.

Таким образом, к моменту начала рассмотрения планов международного контроля над атомной энергией в 1946 г. Франция еще не приняла решения о создании своего атомного оружия. И, по словам Б. Гольдшмидта, одного из руководящих работников Комиссариата по атомной энергии, доклад Ачесона–Лилиенталя был воспринят в комиссариате как «фундаментальный документ». Гольдшмидт писал, что хотя в комиссариате «хотели бы, чтобы американской секретности и атомной монополии США был положен конец, мы стремились ослабить утопические аспекты (этого доклада). Мы хорошо понимали, что русские не смогут принять такой проект целиком, но что он, по нашему мнению, представляет отправной пункт для переговоров, которые должны были бы привести к успеху». Но назначение Баруха на пост представителя США в Комиссии ООН по атомной энергии изменило дело. «Тщеславность Баруха восставала против внесения им (в ООН) плана, который не был разработан им самим, [...] и он добился согласия Трумэна на включение дополнительного политического условия, которое отменяло бы в во-

просах контроля над атомной энергией право вето пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН [...]»²³⁶.

Французскую делегацию в комиссии ООН возглавил посол А. Пароди, представитель страны в ООН, его заместителем был Ф. Жолио-Кюри и советниками – физики П. Ожэ и Л. Коварски. Пароди в своем первом выступлении 25 июня 1946 г. сказал:

«Я уполномочен заявить, что цели, которые правительство Франции поставило перед проводимыми ее учеными и инженерами исследованиями, носят исключительно мирный характер. Мы стремимся к тому, чтобы все государства мира как можно скорее поступили аналогичным образом, именно в этих целях Франция с готовностью подчинится режиму, который Организацией Объединенных Наций будет признан наилучшим для обеспечения контроля над атомной энергией во всем мире»²³⁷.

«Что же еще, – вопрошает Гольдшмидт, – он мог бы сказать, учитывая примитивный уровень французских усилий, ведь вопрос о военной программе был внесен в повестку дня лишь через восемь лет». Франция, добавляет ученый, «благосклонно» отнеслась к американскому плану и стремилась к выработке компромиссного решения²³⁸.

Однако с самого начала работы комиссии ООН французская делегация отстаивала необходимость сохранения права вето. На первом заседании первого подкомитета комиссии 2 июля 1946 г. Ф. Жолио-Кюри внес на рассмотрение рабочий документ, в котором, в частности, говорилось:

«Контролирующий орган.

А. Должен существовать специальный международный орган по контролю, который будет создан Генеральной Ассамблеей.

В. Этот орган отчитывается о своей контролирующей и административной деятельности перед Советом Безо-

²³⁵ La France et l'Atome. Etudes d'histoire nucléaire. Sous la direction de Maurice Vaisse. Bruxelles: Bruylant, 1994. P. 41–44.

²³⁶ Goldschmidt Bertrand. Atomic Rivals. P. 313.

²³⁷ UN Atomic Energy Commission. Official Records. No. 3, June 25 1946. P. 37–38.

²³⁸ Goldschmidt. P. 314–315.

пасности и сообщает ему о нарушениях, обнаруженных им»²³⁹.

Когда к концу первой сессии комиссии, завершившейся 30 декабря 1946 г., дело дошло до голосования по американскому плану и он был принят при двух воздержавшихся (СССР и Польша), став теперь уже «планом большинства», Франция, пишет Гольдшмидт, «опасаясь гнева Вашингтона, не посмела воздержаться, но выразила самые решительные резервации в отношении отмены права вето». Пароди заявил, что Франция согласна с содержанием доклада комиссии Совету Безопасности, но имеет оговорку в отношении формулировки о «праве вето». Он предложил исключить из доклада содержащуюся в нем ссылку на вето, поскольку это подразумевало бы изменение Устава ООН. Француза поддержали представители Канады, Великобритании и Австралии. Это вызвало резкий отклик Баруха, но и после его выступления английский представитель продолжал поддерживать предложение Франции.

Делегация Франции занимала особую позицию и по вопросу о времени прекращения изготовления оружия. Когда в первом подкомитете американский представитель Эберштадт заявил, что это произойдет только после того, как будет установлен контроль, Ф. Жолио-Кюри возразил ему, сказав, что производство оружия должно быть прекращено уже в ходе переговоров²⁴⁰.

Франция, тем не менее, вплоть до конца работы Комиссии ООН по атомной энергии, во всяком случае публично, в целом поддерживала американский план контроля. И когда Советский Союз в июне 1947 г. внес свои предложения по международному контролю, Франция их отклонила вместе с Соединенными Штатами. И лишь много лет спустя Гольдшмидт, ставший управляющим от Франции в Совете управляющих МАГАТЭ, в своих мемуарах сетовал на то, что тогда — в 1940-х гг. — были упущены возможности достижения согласия по контролю над атомным оружием. Впрочем, он тут же добавлял, что в условиях недоверия, секретности и взаимной подозрительности рассчитывать на реальное соглашение вряд ли было бы целесообразно.

²³⁹ АВП РФ. Ф. 06, оп. 8, п. 7, д. 97, л. 26.

²⁴⁰ Gard. P. 413.

В дальнейшем Франция, став в 1960 г. обладательницей атомного оружия, какой-либо интерес к контролю (если этот интерес вообще существовал) полностью утратила. Правда, в 1978 г. она выступила на первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН с предложением о создании международного агентства спутников по контролю за разоружением, но было очевидно, что такое предложение не может получить широкой международной поддержки, поскольку всем было ясно, что оно преследовало цель получить доступ к данным разведывательных спутников, которыми в то время Франция не располагала. Французское предложение, как и многие другие, не принятые делегациями, было включено только в перечень предложений, выдвинутых на рассмотрение специальной сессии²⁴¹.

Конец атомной монополии США

Основной причиной прекращения работы Комиссии ООН по атомной энергии был, разумеется, крах американской атомной монополии. Советский Союз произвел ядерный взрыв 29 августа 1949 г. (РДС-1)²⁴².

Первыми сообщили о нем 23 сентября американцы, англичане и канадцы. Сообщение ТАСС о взрыве последовало только 25 сентября, т.е. спустя почти месяц после его проведения²⁴³.

В советском сообщении об атомном взрыве утверждалось, что заявление Молотова от 6 ноября 1947 г. о том, что секрета атомной бомбы «давно уже не существует», означало, что Советский Союз «имеет в своем распоряжении это оружие». В действительности первый промышленный атомный реактор для наработки плутония в Челябинске-40 был пущен в эксплуатацию лишь в

²⁴¹ Заключительный документ специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной разоружению, 30 июня 1978 г. Док. ООН A/Res./S-10/2.

²⁴² РДС расшифровывается как «реактивный двигатель С».

²⁴³ Один из руководящих работников советской разведки П.А. Судоплатов писал, что причина, по которой объявление об атомном взрыве вовремя сделано не было и появилось только после американского сообщения о нем, заключалась в том, что «мы опасались превентивного ядерного удара США. По крайней мере так мне говорил помощник Берии по атомным вопросам Сазыкин» (Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гей», 1996. С. 251).

июне 1948 г. Что касается высокообогащенного урана, то газодиффузионный комбинат № 813 тоже только в 1948 г. получил уран с 75%-ным обогащением, который затем поступал на дообогащение на завод № 418 (оба в Свердловской области), где был доведен методом электромагнитного разделения изотопов до более чем 90%-го обогащения и использован во второй советской бомбе (урановой) в 1951 г. (РДС-2)²⁴⁴.

В сообщении ТАСС от 25 сентября делалась также попытка создать впечатление, будто произведенный 29 августа первый советский атомный взрыв был не единственным ядерным испытанием. В сообщении говорилось, что «в Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов — строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза».

Дело, конечно же, в том, что реальные запасы атомного оружия США никак не были сопоставимы с теми, которыми располагал СССР. У Советского Союза были тогда лишь одна-две атомные бомбы, хотя велись работы и над другими боезарядами. Утверждают, что еще до испытания первой бомбы РДС-1 в различных удаленных уголках страны были устроены взрывы обычных взрывчатых веществ большой мощности, призванные имитировать испытания атомного оружия. Это делалось для того, чтобы убедить американских политиков в возможности нанесения СССР ответного ядерного удара в случае атомного нападения. Раскрыть реальную дату испытания первого атомного заряда значило бы признать, что таких возможностей нет, и это, очевидно, для советского руководства представлялось недопустимым²⁴⁵.

При всей неуклюжести сообщения ТАСС необходимо учитывать, что руководство СССР было в тот период действительно озабочено возможностью превентивного ядерного удара. Как

²⁴⁴ Создание первой советской ядерной бомбы. С. 283–284.

²⁴⁵ Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... / Рук. авт. коллектива Е.А. Негин. Нижний Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1995. С. 180–181.

потом стало известно (а Сталин, видимо, был осведомлен об этом ранее и, во всяком случае, мог предполагать подобное развитие событий), Пентагон имел чрезвычайные планы нанесения атомного удара по Советскому Союзу, как только у США появился достаточный, с точки зрения военных, запас атомных бомб.

К концу 1947 г. США, по оценкам историка американского атомного проекта Р. Роудса, имели в боевой готовности 56 атомных бомб (50 плутониевых и 6 урановых), а ВВС — 35 бомбардировщиков В-29. Оперативный план «Halfmoon» («Полумесяц»), принятый Объединенным комитетом начальников штабов в начале мая 1948 г., включал «атомное приложение» для ВВС под названием «Harrow» («Борона»), которое предусматривало атомный удар по 20 советским городам, что «вызвало бы немедленный паралич по крайней мере 50% советской промышленности»²⁴⁶. Совет национальной безопасности США официально принял, а президент утвердил доктрину сдерживания через устрашение во время берлинского кризиса в ноябре 1948 г., постановив, что США должны «поднять уровень военной готовности, которая поддерживалась бы так долго, как это будет необходимо для сдерживания советской агрессии»²⁴⁷.

В этих условиях и после первого советского ядерного испытания руководство страны проявляло осмотрительность и ориентировало представителей СССР на международных форумах воздерживаться от каких-либо резких высказываний. Так, когда А.Я. Вышинский, выступая в Специальном политическом комитете Генеральной Ассамблеи ООН 10 ноября 1949 г., заявил, что Соединенные Штаты могут допустить просчет в отношении количества атомных бомб в Советском Союзе, ему, по указанию секретаря ЦК Г.М. Маленкова, была направлена телеграмма, в которой обращалось внимание на то, что он «поступил неправильно»:

²⁴⁶ Rhodes. Dark Sun. P. 307, 321. Впрочем, эти бомбы, как пишет Роудс, не были в собранном виде, и потребовалось бы порядка 30 дней для приведения их в состояние оперативной готовности, а для доставки их к цели бомбардировщиками имелось лишь 20 подготовленных летных экипажей. Принятый в следующем, 1949 г., план «Dropshot» предусматривал использование уже 300 атомных бомб против 100 советских городов.

²⁴⁷ Ibid. P. 342.

«Вам не следовало делать заявлений в таком воинственном тоне, особенно имея в виду, что это находится в противоречии с данной Вам к Октябрьской годовщине директивой о необходимости держаться в рамках разъяснения миролюбивого характера политики СССР. Вы должны избегать всего того, что на руку тем кругам в США и некоторых других странах, которые стоят за гонку вооружений, запугивая население своих стран военной мощью Советского Союза»²⁴⁸.

Характерно, однако, что после проведения Советским Союзом второго испытания атомного оружия и появления в его арсенале некоторого, хотя и скромного, запаса бомб тон высказываний Сталина стал меняться. После взрыва в 1951 г. РДС-2 Сталин, отвечая на вопросы корреспондента *Правды*, в частности заявил:

«[...] Испытание атомных бомб различных калибров будет проводиться и впредь по плану обороны нашей страны от нападения англо-американского агрессивного блока [...].

Конечно, агрессоры хотят, чтобы Советский Союз был безоружен в случае их нападения на него. Но Советский Союз с этим не согласен и думает, что агрессора надо встретить во всеоружии»²⁴⁹.

К концу жизни тональность высказываний Сталина, их решительность и уверенность стали еще больше повышаться, особенно когда всю развернулись и стали приближаться к завершению работы по созданию водородной бомбы.

Приводимые в американской литературе данные говорят о том, что к январю 1953 г. США располагали ядерным арсеналом из примерно 1600 бомб, а СССР, по их сведениям, имел к тому времени только около 50 единиц атомного оружия и к середине года — 100. Американцы обладали несколькими сотнями стратегических бомбардировщиков *B-36* и *B-47*, которые могли достичь

²⁴⁸ АВП РФ. Ф. 047, оп. 22а, п. 3, д. 26, лл. 24–25.

²⁴⁹ *Правда*. 1951. 6 октября. Судя по всему, Сталину именно в данный момент требовалось сделать важное, с его точки зрения, публичное заявление по атомной проблеме.

советской территории с баз в Англии, французском Марокко, на Аляске и в других регионах²⁵⁰.

Существует и другая оценка советской атомной стратегии того времени. Согласно этой оценке, если пользоваться принятой сегодня терминологией, можно, очевидно, говорить о том, что Сталин разделял принцип ядерного сдерживания. Как считают некоторые современные специалисты по ядерной стратегии, вопреки многочисленным заявлениям крупных советских военачальников о том, что Советский Союз победит США в атомной войне, «ретроспективный анализ ядерной политики СССР позволяет сделать вывод, что военно-политическое руководство Союза негласно придерживалось так называемой «стратегии выживания». Суть ее можно выразить следующим утверждением: если вы втянете нас в войну, мы будем стремиться в ней выжить, а в ядерной войне создадим неприемлемые для вас последствия. Другими словами — это известная западная концепция гарантированного уничтожения в оборонительном варианте»²⁵¹.

Советские ученые о контроле над атомным оружием

Для составления более полного представления о том, как шел процесс формирования советской политики по ядерной проблеме и по международному контролю над атомной энергией, немалый интерес вызывает вопрос о том, как советские ученые относились к атомному оружию, к тому, как избежать его использования, к возможным последствиям его применения, к установлению международного контроля над ним. Среди наших ученых-атомщиков, как и в Соединенных Штатах, к этим вопросам не было однозначного отношения, хотя подавляющее большинство из них без каких-либо колебаний приняло активное участие в создании атомной бомбы. В первую очередь представляет интерес позиция крупнейшего советского физика ака-

²⁵⁰ Botti Timothy J. *Ace in the Hole. Why the United States Did Not Use Nuclear Weapons in the Cold War. 1945 to 1965.* Westport, CT, and L.: Greenwood Press, 1996. P. 44, 55.

²⁵¹ Старухин В.В. (генерал-майор, зам. начальника управления Главного штаба РВСН), Кузнецов Г.А. (полковник). *Основа стратегической стабильности. Независимое Военное Обозрение.* 1997. № 17.

демика П.Л. Капицы, который, как известно, не участвовал в создании атомного оружия.

Капица был прекрасно знаком с развитием ядерной физики. Повидимому, он первым из советских ученых публично указал на возможность использования ядерной энергии для создания атомного оружия. Выступая на антифашистском митинге ученых в Колонном зале Дома Союзов 12 октября 1941 г., Капица заявил:

«Одним из основных орудий войны являются взрывчатые вещества. Наука указывает принципиальную возможность увеличить их взрывчатую силу в полтора-два раза. Но в последние годы открыты еще новые возможности — использование внутриатомной энергии. Теоретические подсчеты показывают, что, если современная мощная бомба может, например, уничтожить целый квартал, то атомная бомба, даже небольшого размера, если она осуществима, могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения»²⁵².

И неслучайно в одном из первых документов по атомной проблеме, направленном Л.П. Берией на имя Сталина в 1942 г., в списке тех, кто рассматривался в качестве возможного научного руководителя работ по расщеплению атомного ядра, на первом месте значился Капица. Начало работы И.В. Курчатова по созданию атомной бомбы, как известно, относится к весне 1943 г.

Когда 20 августа 1945 г. Сталин образовал при Государственном комитете обороны СССР (ГКО) Специальный комитет по «руководству всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана» под председательством Берии, он включил в него только двух ученых — Курчатова и Капицу. Оба они, наряду с некоторыми другими учеными и администраторами, вошли и в Технический совет при Специальном комитете, который возглавил Б.Л. Ванников²⁵³.

Однако уже 25 ноября 1945 г. Капица в письме на имя Сталина «еще раз» просил его освободить от работы «по атомной бомбе (А.Б.)». Ученый писал: «Хоть и тяжело будет, но, во всяком случае, попробовать надо скоро и дешево создать А.Б. Но не та-

ким путем, как мы идем сейчас, он безалаберен и без плана». Далее он подробно излагал план действий по созданию атомного оружия и объяснял мотивы своего ухода:

«Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом комитете (имеется в виду Специальный комитет — *Р.Т.*) как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо»²⁵⁴.

Капица был освобожден от участия в атомном проекте 21 декабря 1945 г., а затем — в августе 1946 г. — и от руководства Институтом физических проблем АН СССР, созданным им в 1935–1936 гг.

В дальнейшем, в письме на имя Н.С. Хрущева от 22 сентября 1955 г., Капица еще раз объяснил, почему он вышел из проекта:

«[...] Единственной причиной, заставившей меня отказаться от этой работы, было невыносимое отношение Берия к науке и ученым. Мне думается, что моя тогдашняя критика начального хода развития атомных работ была в дальнейшем учтена и оказала пользу. Так что все нарекания на меня, что я, дескать, пацифист и поэтому отказался от работы по атомной бомбе, ни на чем не основаны. *Хотя я лично не вижу, почему следует вменить в вину человеку, если он по своим убеждениям отказывается делать оружие разрушения и убийства?* (выделено мной. — *Р.Т.*)»²⁵⁵.

Эта последняя фраза, как представляется, все же заставляет задуматься о подлинных причинах выхода Капицы из атомного проекта, хотя многие считают, в том числе и его жена, что он ушел из-за разногласий с Берией. Так, американский историк советского атомного проекта Д. Холлоуэй писал: «Письма (Капицы) ясно показывают, что его уход мотивировался не возражениями нравственного или политического порядка против со-

²⁵² *Правда*. 1941, 13 октября.

²⁵³ Текст см.: Атомный проект СССР. Том II. Книга I. С. 11–14.

²⁵⁴ Там же. С. 613–620.

²⁵⁵ Капица П.Л. О науке и власти. М.: Правда, 1990. С. 39.

здания бомбы, а его неудовлетворенностью отношением Берии к ученым и курсом на копирование США»²⁵⁶.

В том же духе высказывалась и жена Капицы Анна Алексеевна. На вопрос о существовании версии, что Петр Леонидович сам не хотел заниматься созданием бомбы, она ответила так: «Он не хотел иметь дело с Берией. Он не мог принимать в этом участия. Вначале он был в Атомном комитете, но потом написал то самое письмо Сталину, в котором указывал, что Берия — как дирижер, который машет палочкой, не понимая партитуры. Вот, например, Курчатов был очень хороший ученый, потрясающий дипломат и тактик. Он умел заставить наших правителей и уважать его, и слушать. Он умел подойти к ним с какой-то такой стороны, когда они чувствовали, что их не презирают, наоборот — запанибрата [...]. Петр Леонидович этого не мог [...]»²⁵⁷.

Среди ряда современников и коллег Капицы, с которыми приходилось беседовать, существует убеждение, что ученый, зная о недоверии к нему всемогущего Берии, возглавлявшего атомный проект, искал удобный повод уйти в сторону без больших потерь и в конце концов нашел такой повод — написать письмо Сталину о том, что он не сработался с Берией. Петр Леонидович полагал, что, учитывая международный авторитет ученого, Сталин не позволит Берии физически расправиться с Капицей. Хотя ему пришлось уйти из основанного им института, все же он остался жив и смог продолжать плодотворную научную работу на своей даче на Николиной горе под Москвой.

И тем не менее не подлежит сомнению, что для Капицы нравственный вопрос представлял большое значение. Это видно по многим источникам и, в частности, из его письма на имя В.М. Молотова, обнаруженного среди архивных документов МИД СССР. В этом письме, датированном 18 декабря 1945 г. (т.е. за несколько дней до освобождения академика от работы над атомным проектом), он предложил выступить в печати со статьей, с тем чтобы «дать более объективное освещение» ситуации, которая «создалась в мировой науке в связи с вопросами

атомной энергии». В изложенных в письме тезисах такой статьи Капица, в частности, писал:

«1. Достигнутые успехи науки и техники в использовании атомной энергии, несомненно, по своей значимости отмечают новую эру в культуре человечества.

2. Главное значение технического использования атомных процессов — это то, что в руки человечества дан новый могущественный источник энергии [...]

5. То, что происходит сейчас, когда атомную энергию расценивают первым делом как средство уничтожения людей, так же мелко и нелепо, как видеть главное значение электричества в возможности постройки электрического стула. Атомная энергия для бомб будет так же мало применяться в будущем, как электричество для электро-казни.

6. Как ни значителен успех научной работы в Америке, но все же техника использования атомной энергии находится в своей инфантильной стадии, главное значение последних научных достижений в том, что показана возможность получения и управления атомной энергией в значительных масштабах. Но над ее практическим использованием надо еще много работать [...].

9. [...] Главное значение в применении атомной энергии лежит в мирных культурных целях, где ей предстоит революционизировать энергетику и ряд других ведущих областей техники.

10. За годы войны советские инженеры и ученые, благодаря эвакуации основных научных учреждений и тяжести борьбы, которая легла непосредственно на них, должны были сосредоточить свои силы на вопросах, связанных непосредственно с войной и менее проблемного характера, чем атомная энергия. Это временно и помешало им принять участие в решении большого числа проблем, связанных с атомной энергией, как это удалось поставленным в более спокойные условия ученым, работавшим за океаном. Советские ученые всегда видели то колоссальное поле деятельности, которое раскрывают перед творческими работниками науки и техники вопросы, связанные с получением и использованием атомной энергии, главным образом для мирного строительства.

²⁵⁶ Holloway. P. 141.

²⁵⁷ Зотиков И. Три дома Капицы. *Новый Мир*. 1995. № 7. С. 206.

11. Благодаря тому, что первый раз за историю науки ее результаты делаются секретными, работа ученых поставлена в нелепое положение. Ученым, вместо того, чтобы дружно со своими коллегами за рубежом дополнять достижения друг друга, приходится в значительной степени заниматься тем, чтобы «открывать открытое». Это самый нездоровый путь развития мировой науки и техники, который может существовать.

12. История никогда еще не показала, что засекречиванием можно остановить развитие науки и техники в стране, где она находится на должном уровне. Это является следствием единого закона развития культуры всего человечества.

13. Несомненно, что последующие поколения будут рассматривать эти извращения в путях развития вопросов атомной энергии, этой важнейшей области мировой науки и техники, свидетелями которой мы являемся, примерно так же, как мы сейчас рассматриваем тот период средневековья, когда в интересах религии и ее служителей тормозилось развитие прогрессивной и передовой науки».

П.Л. Капица завершает письмо Молотову словами, что «тезисы отражают то, что я сейчас думаю, и то, что, я уверен, *думает всюдубольшинство ученых* (выделено мной. — *Р.Т.*)». Ученый просил согласия на опубликование статьи, основанной на этих тезисах.

Точка зрения Капицы относительно необходимости открытости в науке поразительно перекликается с мыслями Н. Бора, изложенными им в его известной статье «Энергия атома. Возможности и вызов. Взгляд ученого», опубликованной в *New York Times* 11 августа 1945 г. (т. е. сразу же после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки), в которой датский ученый впервые открыто высказал свои мысли о необходимости объединения усилий человечества и обеспечения возможности «международного регулирования» во имя того, чтобы «избежать всеобщей угрозы». (Известно, что эта статья была подготовлена заблаговременно и только дождалась официального сообщения о применении ядерного оружия в Японии.)

Первоначально Молотов высказался за то, чтобы разрешить Капице опубликовать статью. Его резолюция на письме — впоследствии им же зачеркнутая — гласила: «Т. Берия. По-моему можно разрешить Капице напечатать такую статью. В. Молотов». Видимо, в

результате обмена мнениями между Молотовым и Берией появилась окончательная резолюция Молотова: «Сообщить т. Капице по телефону, что по-моему лучше подождать с этим»²⁵⁸.

Еще участвуя в атомном проекте, Петр Леонидович ставил перед Спецкомитетом и добивался принятия решений по мирному использованию атомной энергии. Это зафиксировано в протоколах комитета и его Технического совета.

Из протокола № 7 заседания Спецкомитета при СНК СССР. 26 октября 1945 г.:

«VIII: О разработке мероприятий по использованию атомной энергии в мирных целях.

Поручить Техническому совету обсудить предложения Капицы П.Л. об использовании внутриатомной энергии в мирных целях, разработать план мероприятий в этой области и доложить его Специальному комитету.

Председатель Специального комитета при СНК СССР Л. Берия»²⁵⁹.

Из протокола № 8 заседания Технического совета Спецкомитета. 13 ноября 1945 г.:

«5. [Слушали]: Об организации исследовательских работ по использованию атомной энергии в мирных целях (поручение Специального Комитета).

[Постановили]: Поручить тт. Капице П.Л. (созыв), Курчатову И.В., Первухину М.Г. в месячный срок подготовить и внести на рассмотрение Совета предложения об организации [...] исследовательских работ по использованию внутриатомной энергии в мирных целях.

Председатель Технического совета Б.Л. Ванников

Ученый секретарь А. Алиханов»²⁶⁰.

²⁵⁸ *Вестник МИД СССР*. № 10 (68). 1990. 31 мая.

²⁵⁹ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Том. II. Книга I. Атомная бомба. 1945–1954 / Под общей ред. Л.Д. Рябева. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. С. 41.

²⁶⁰ Цит. по: Гапонов Ю.В., Озеруд Ф., Рубинин П.Е. Новый взгляд на поездку Я.П. Терлецкого к Н. Бору в 1945 г. Сборник трудов международного симпозиума: Наука и общество. История советского атомного проекта (1940–1950 гг.). М.: ИздАТ, 1997. Том I. С. 495–496.

Недавно стало известно (благодаря изысканиям секретаря комиссии по научному наследию Капицы П.Е. Рубинина), что русский ученый высказывал мысли о долге ученых в связи с новыми научными открытиями в письме на имя Н. Бора в октябре 1945 г., а также в июле 1946 г. по случаю избрания его Датской академией своим иностранным членом. В письме от 22 октября 1945 г. Капица писал:

«В настоящее время я много раздумываю над проблемами международного сотрудничества работников науки, которое совершенно необходимо для здорового развития культуры во всем мире. Последние открытия в области ядерной физики — я имею в виду знаменитую атомную бомбу — показали еще раз, как мне кажется, что наука не является более «развлечением» университетской профессуры, а стала одним из тех факторов, которые могут повлиять на мировую политику. В наши дни существует опасность, что научные открытия, содержащиеся в секрете, могут послужить не всему человечеству, а могут быть использованы в эгоистических интересах отдельных политических и национальных группировок [...]»²⁶¹.

Отвечая на идею организации сотрудничества ученых, Бор пишет Капице 12 апреля 1946 г. письмо, в котором информирует Петра Леонидовича об избрании его иностранным членом Датской академии наук и искусств и продолжает:

«Что касается организации международной конференции ученых, о которой Вы мне писали, то я убежден, что если Вы и некоторые из Ваших коллег смогли бы принять в ней участие, то многие из наших английских и американских коллег с радостью приветствовали бы встречу с Вами здесь, в Копенгагене. И я готов, как только получу Ваш ответ, приступить к подготовке подобной встречи, которая, на мой взгляд, может быть организована в любое удобное для Вас время»²⁶².

²⁶¹ Капица. С. 236.

²⁶² Архив Капицы в Институте физических проблем им. П.Л. Капицы РАН. Цит. по: Рубинин П.Е. Нильс Бор и Петр Леонидович Капица. *Успехи Физических Наук*. 1997. Январь. Том 167. С. 106.

При получении им диплома члена Датской академии в июле 1946 г. Капица сказал:

«Сейчас, в связи с колоссальными возможностями, которые для человечества открыла атомная энергия, идея [...] интернационального сотрудничества науки подвергается большим опасностям. [...] Центр тяжести проблемы лежит, несомненно, не в военном применении новых открытий, а в той необычайной мощи энергетических источников, которые обещает предоставить человечеству атомная энергия и которые, как можно ожидать, со временем совершенно изменят весь облик нашей культуры. Те опасности, которым подверглось развитие науки в этом направлении, несомненно, самым губительным образом могут сказаться на ходе развития науки и прогресса [...]».

Наши точки зрения (с Н. Бором) совпадают в том отношении, что ученые должны выступить с протестом против засекречивания работ в этом направлении и против всяческих попыток превращения одного из самых замечательных научных достижений в игрушку узко империалистических устремлений или агрессивных замыслов отдельных стран»²⁶³.

Хотя Капица не участвовал в советской атомной программе и создании ядерного оружия, уже тот факт, что в числе советских физиков был ученый такого уровня, оказывал влияние на развитие событий. Интересно, что именно это обстоятельство в немалой степени подтолкнуло американскую администрацию к решению приступить к созданию термоядерного оружия. По свидетельству члена КАЭ США (в последующем ее председателя) Л. Страуса, при рассмотрении этого вопроса в октябре 1949 г. американские ученые Э. Лоуренс и Л. Альварес аргументировали необходимость приступить к работам над водородной бомбой тем, что Капица является одним из самых видных специалистов в области физических свойств легких элементов и что поэтому «логично

²⁶³ Архив Капицы в Институте физических проблем им. П.Л. Капицы РАН. Цит. по: Рубинин П.Е. Нильс Бор и Петр Леонидович Капица. *Успехи Физических Наук*. 1997. Январь. Том 167. С. 102.

ожидать, что Советы с его помощью могут произвести водородную бомбу прежде, чем это сделаем мы»²⁶⁴.

Капица, несмотря на отказ Берии и Молотова дать ему возможность донести до общественности свою позицию по вопросу создания атомной бомбы, после смерти Сталина пишет еще одну статью и направляет ее на этот раз Хрущеву. В статье «Ядерная энергия», датированной 11 января 1955 г. и направленной тогдашнему советскому руководителю 16 января, он подробно описывает свое видение дальнейшего использования ядерной энергии, не лишнее актуальности и сегодня. Капица затрагивает и вопросы контроля над энергией атома. Он, в частности, пишет:

«Так неужели же всегда существовавшая среди людей рознь в политических, религиозных и других мировоззрениях может привести к использованию термоядерной бомбы как к методу доказательства своей правоты и этим самым к общей гибели?»

Очевидно, сейчас есть один выход из создавшегося положения — это категорическое запрещение любого типа атомного оружия и осуществление *строжайшего общественного международного контроля* за выполнением этого запрещения» (выделено мной. — *Р. Т.*)²⁶⁵.

Капица настойчиво подчеркивает свою принципиальную убежденность в необходимости рассекречивания атомных работ:

«Поскольку обе стороны располагают примерно одинаковым количеством знаний в этой (атомной) области, естественно появляется возможность рассекретить эти знания и сделать их достоянием ученых всего мира. Просматривая научную литературу, нетрудно заметить, что такое пока еще робкое рассекречивание ядерной физики уже началось, и можно с уверенностью предсказать, что оно полностью завершится через несколько лет — срок, который нужен соответствующим государственным органам, ответственным за секретность, чтобы осознать и полностью разобраться в создавшемся положении.

²⁶⁴ Strauss Lewis L. *Men and Decisions*. Garden City, NY: Doubleday & Co, 1962. P. 218.

²⁶⁵ *Исторический Архив*. 1994. № 6. С. 122.

Рассекречивание ядерной физики нужно приветствовать, так как оно, несомненно, приведет к прогрессу в научных работах над мирным применением ядерной энергии. Сразу же будет вовлечен в эту работу круг ученых, и начнется сотрудничество ученых, работающих в различных областях знания; этого сейчас остро недостает [...].

Пока главным тормозом, мешающим развитию этой объединенной работы, является секретничество, связанное с научной работой по ядерным процессам. Это мешает объединяться в работе не только ученым в международном масштабе, но, как это видно из иностранной прессы, даже ученым внутри одной страны.

Я уже указал, что сейчас, когда гонка атомного вооружения пришла в тупик, есть все основания предвидеть, что уже в ближайшие годы в области ядерной физики секретность должна прекратиться и это сразу приведет к расцвету науки. Но не надо забывать, что на пути к международному общению ученых все же останется и другое крупное препятствие — это холодная война и ее исток — классовая нетерпимость к коммунистическому мировоззрению. Для любого прогрессивно мыслящего человека в этой нетерпимости, конечно, не может не чувствоваться возрождения средневековых методов борьбы с новыми идеями в науке, подобных тем, которые были когда-то организованы против Коперника, Галилея и их последователей. Людям уже давно следовало понять, что никогда и нигде полицейскими мероприятиями нельзя опровергнуть передовое мировоззрение и приостановить его развитие. Хотелось бы верить, что в наш век такая ситуация долго продолжаться не может и дружное международное сотрудничество ученых снова возродится, и это сразу же двинет вперед мирное применение ядерной энергии»²⁶⁶.

Как представляется, достаточно откровенные ссылки Капицы на полицейский режим в науке имели вполне определенный адрес, что, очевидно, и предрешило решение ЦК КПСС о «нецелесообразности» опубликования статьи академика. В записке

²⁶⁶ *Исторический Архив*. 1994. № 6. С. 124, 128.

Отдела науки и культуры ЦК КПСС утверждалось, что статья Капицы «страдает объективизмом в освещении некоторых политически важных вопросов» и что в ней «объективистски» рассматривается «вопрос о вредном влиянии засекречивания ядерных исследований на прогресс науки»²⁶⁷.

И все-таки можно высказать предположение, что мысли Капицы о важности открытости в науке могли подтолкнуть руководство ЦК к решению о развитии международного сотрудничества в области мирного применения атомной энергии и, в частности, к известному докладу академика Курчатова о работах по контролируемому термоядерному синтезу уже в следующем, 1956 г., в английском атомном центре «Харуэлл».

Так каковы все же были истинные причины нежелания Капицы участвовать в советском атомном проекте? Однозначного ответа на этот вопрос, видимо, быть не может.

Академик И.М. Халатников выдвигает весьма правдоподобную версию. По его мнению, для П.Л. Капицы сразу же возникла проблема его роли в атомном проекте. Руководить многотысячным коллективом было не в духе Капицы, он должен был найти свое место, в котором его могучий ум ученого и инженера мог себя проявить. Ему же приходилось подолгу участвовать в заседаниях, на которых председательствовал Берия. Могушественный сановник был хорошо информирован разведкой о конструкции американской бомбы, которая уже сработала. Естественной была идея, что нужно идти по этому самому пути.

Капица же почти наверняка не располагал такой информацией, и как человек, всегда мыслящий оригинально, стал думать об альтернативных решениях и продвигать их на заседаниях Специального комитета. А поскольку Берия знал больше об американском проекте, чем Капица, его это, продолжает Халатников, очень раздражало. Возникло взаимное недоверие, и ситуация стала критической. Берия к этому моменту понял, что Капица ему для атомных дел не нужен и его можно убрать.

И тут Капица находит нетривиальный и рискованный ход: он пишет Сталину, что Берия руководит атомным проектом, ниче-

²⁶⁷ *Исторический Архив*. 1994. № 6. С. 129–131.

го не понимая в сути дела. Последствия этого хода, по мнению академика Халатникова, Петр Леонидович рассчитал, по-видимому, правильно. Он выиграл — спас себе жизнь. Его могли бы обвинить во вредительстве, а хорошо известно, чем в те времена кончались подобные обвинения²⁶⁸.

А.Д. Сахаров в своих воспоминаниях пишет, что Капица, отказавшись принимать участие в разработке атомного оружия, «выдвигал тогда на первый план не идейные соображения, а несогласие по организационным проблемам и нежелание подчиняться людям, которых он считал ниже себя в научном отношении [...]. Я думаю, что тут была не только уловка, а действительное сочетание разнородных причин, в какой комбинации — трудно сказать»²⁶⁹.

Что касается позиции самого Сахарова, то, как он пишет в своих воспоминаниях, главным для него и других участников группы академика И.Е. Тамма, работавшей над созданием термоядерного оружия, было «внутреннее убеждение, что эта работа **необходима** (выделено мной.— *Р.Т.*)».

«Я не мог не сознавать, какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались. Но только что окончилась война — тоже нечеловеческое дело. Я не был солдатом в той войне — но чувствовал себя **солдатом** этой, научно-технической. [...] Со временем мы узнали или сами додумались до таких понятий, как стратегическое равновесие, взаимное термоядерное устрашение и т.п. Я и сейчас думаю, что в этих глобальных идеях действительно содержится некоторое (быть может, и не вполне удовлетворительное) интеллектуальное оправдание создания термоядерного оружия и нашего персонального участия в этом»²⁷⁰.

А.Д. Сахаров занимался деятельностью, связанной с разработкой термоядерного оружия и примыкающими темами, двадцать лет — с июня 1948 г. по июль 1968 г., когда он был отстранен от секретных работ. В предисловии к изданному в США в 1974 г. сборнику

²⁶⁸ Капица П.Л. Воспоминания, письма документы. М.: Наука, 1994. С. 209–211.

²⁶⁹ Сахаров А.Д. Воспоминания. В 2-х т. М.: Права человека, 1996. Т. 1. С. 179.

²⁷⁰ Там же. С. 141–142.

«Sakharov Speaks» он пишет, что ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях, начиная с 1957 г. Стал писать докладные записки И.В. Курчатову, Н.С. Хрущеву, выступать на совещаниях, опубликовал статью об опасности радиоактивного заражения. Возражал против возобновления ядерных испытаний в 1961 г., которые положили конец трехлетнему советско-американо-английскому мораторию на ядерные взрывы. Весной 1963 г. он по инициативе известного физика профессора В.Б. Адамского поднимает перед министром среднего машиностроения Е.П. Славским вопрос о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой. В августе 1963 г., с заключением Московского договора эта идея была реализована²⁷¹.

В июле 1968 г. Сахаров в письме на имя члена Политбюро ЦК КПСС М.А. Сулова (с письмом был ознакомлен Л.И. Брежнев) поднимает вопрос о моратории или ограничении систем противоракетной обороны²⁷² в тот период, когда советское руководство было категорически против установления какого-либо ограничения на ПРО и когда вокруг Москвы создавался район ПРО. Активную роль в продвижении внутри советского руководства идеи ограничения систем ПРО играли также участники Пагуошского движения академики Л.А. Арцимович и М.Д. Миллиончиков. В 1972 г. был заключен Договор по ПРО, из которого США в одностороннем порядке вышли в 2002 г.

Нужно сказать, что П.Л. Капица с большим пониманием и симпатией относился к жизненной позиции и деятельности А.Д. Сахарова. Как свидетельствует известный театральный режиссер Ю.П. Любимов, в состоявшемся между ними разговоре о том, как разрядить обстановку вокруг Сахарова, Капица сказал: «Они даже не понимают, какого уровня этот ученый. И второе: они совершенно не понимают, что у него комплекс вины. Я ведь не стал делать бомбу для них, а Андрей Дмитриевич стал [...]». И далее Любимов так оценивает действия Капицы в 1945 г.:

²⁷¹ Смирнов Ю.Н., Тимербаев Р.М. Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 г. о частичном запрещении ядерных испытаний). *Ядерный Контроль*. Том 7. № 1. 2001. Январь-февраль. С. 73–87.

²⁷² См.: Горелик Геннадий. Андрей Сахаров. Наука и свобода. М., Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. С. 334–340.

«[Т]о была вовсе не отчаянная, безумная храбрость, которая ничего не дает – кроме ареста. Он все рассчитал, включая и письма свои к Сталину, в которых он писал, что Берия – дирижер, не умеющий читать партитуру. Все рассчитал и пришел к выводу, что он это *должен* сделать. Зато ему потом будет гораздо спокойнее. Его не будет грызть совесть. И ему не придется работать с Берией. *Вместе с ним* создавать советскую атомную бомбу [...]» (Выделено мной. – *P. T.*)²⁷³.

В одном из рассекреченных документов КГБ («Тезисы в отношении Капицы П.Л.», 24.03.60, без подписи), переданных семье П.Л. Капицы в 1995 г., основанном, судя по всему, на донесениях агентов и «данных оперативной техники», излагается разговор П.Л. Капицы с его близким другом, английским физиком, нобелевским лауреатом П. Дираком в октябре 1956 г., когда Дирак приезжал в Москву. Разговор был очень личным, при котором никто из посторонних присутствовать не мог. Прочитываем эти «тезисы»:

«Разговор в октябре 1956 года с английским физиком Дираком. [...] Заявление Дираку о том, что не хотел отдавать себя работе над созданием атомной бомбы, считая ее позорной»²⁷⁴.

Следует упомянуть также о позиции академика Л.Д. Ландау, который руководил теоретическим отделом в институте Капицы. Известно, что Ландау участвовал в атомном проекте как физик-теоретик на начальной стадии²⁷⁵. Он получил звание Героя Социалистического Труда, был трижды удостоен Сталинской премии, позднее стал лауреатом Нобелевской премии, однако занимался «спецработами» (как тогда было принято говорить) не по убеждению, что видно из докладной записки председателя КГБ И.А. Серова на имя заведующего отделом науки ЦК КПСС В.А. Кириллина от 20 декабря 1957 г.

²⁷³ Капица П.Л. Воспоминания, письма... С. 299.

²⁷⁴ Архив Капицы в Институте физических проблем РАН. Сообщено П.Е. Рубининым.

²⁷⁵ Как следует из решений советских правительственных органов, в июне 1948 г. Институту физических проблем АН СССР и лично академику Л.Д. Ландау было поручено произвести расчеты и сравнение эффективности для систем первых советских атомных бомб – от РДС-1 до РДС-5. (Атомный проект СССР. Том II. Книга 1. С. 283, 496).

КГБ докладывал на основании «агентурных данных и оперативной техники», что «еще в 1952 г. он был занят мыслью сделать как можно меньше». По данным КГБ, Ландау говорил, что

«[р]азумный человек должен стараться держаться как можно дальше от практической деятельности подобного рода. Надо употребить все силы, чтобы не войти в гущу атомных дел. В то же время всякий отказ и самоустранение от таких дел должны делаться очень осторожно».

И.А. Серов далее сообщал:

«Ландау считает, что целью умного человека, желающего, елико возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное самоустранение от задач, которые ставит перед собой государство, тем более советское государство, которое построено на угнетении».

«В конце марта (1955 г.) Ландау был вызван вместе с (академиком В.Л.) Гинзбургом к (министру среднего машиностроения А.П.) Завенягину по поводу спецделтельности. [...] Ландау сказал источнику, что он ни за что не согласится опять заниматься спецделами и что ему неприятно вести об этом разговор. По дороге в министерство Ландау предупредил Гинзбурга, чтобы он не вздумал заявить, что Ландау ему нужен для предстоящей работы. Ландау рассказывал источнику после, говорилось далее в докладной КГБ, что министр принял его весьма вежливо и любезно и держался очень хорошо. Ландау быстро убедил присутствующих, что ему не следует заниматься спецработой, но, как он сам выразился, не мог отказаться от предложения изредка разговаривать по этим вопросам. “На самом же деле, конечно, никаких разговоров и не будет”, — сказал Ландау»²⁷⁶.

Нельзя не упомянуть об активной деятельности в пользу ликвидации ядерного оружия академика Л.П. Феокистова, члена Российского Пагуошского комитета. Лев Петрович свыше четверти века занимался разработкой ядерного оружия сначала в Сарове, а затем в Снежинске, где был заместителем научного руководителя ВНИИТФ. В конце 1970-х гг. по личному убежде-

нию оставил разработки в области военного атома, считая, что «тема себя исчерпала», и стал заниматься исключительно мирными проблемами. Незадолго до своей смерти Феокистов написал книгу, в которой выступил за установление «жесткого» международного контроля над атомной энергией²⁷⁷.

Завершим этот раздел словами Ю.Б. Харитона, который, наряду с И.В. Курчатовым, внес решающий вклад в создание и совершенствование ядерного потенциала Советского Союза. Незадолго до своей смерти в 1996 г. в мемориальном послании Комитету Р. Оппенгеймера Харитон не мог не сказать слова покаяния, а главное, завета грядущим поколениям ученых:

«Сознавая свою причастность к замечательным научным и инженерным свершениям, приведшим к овладению человечеством практически неисчерпаемым источником энергии, сегодня, в более чем зрелом возрасте, я уже не уверен, что человечество созрело до владения этой энергией. Я осознаю нашу причастность к ужасной гибели людей, к чудовищным повреждениям, наносимым природе нашего дома — Земли. Слова покаяния ничего не изменят. Дай Бог, чтобы те, кто идет после нас, нашли пути, нашли в себе твердость духа и решимость, стремясь к лучшему, не натворить худшего»²⁷⁸.

* * *

Итак, попытка поставить атомную энергию под международный контроль в первые годы после ее открытия успехом не увенчалась. Существовали ли для этого объективные возможности? Были ли эти возможности упущены, либо их вообще не существовало? Вопрос непростой, он дебатировался уже много лет.

Немаловажным фактором, правда, в основном технико-инфраструктурного характера, было то обстоятельство, что вся созданная или создававшаяся в США атомная промышленность к тому времени находилась в руках государства, частные компании не приступили еще к широкому развитию атомной энергетики.

²⁷⁷ Феокистов Л.П. Оружие, которое себя исчерпало. М.: Российский комитет ВМПАВ, 1999.

²⁷⁸ «Особое выступление академика Юлия Борисовича Харитона» (J. Robert Oppenheimer Memorial Committee. Los Alamos, July 1995. P. 8).

Да и сама военная атомная инфраструктура была еще на начальной стадии развития. В Советском Союзе только строились закрытые города, создавались конструкторские бюро и атомные предприятия. Великобритания тогда еще больше отставала, приняв решение о создании атомной бомбы в 1947 г. и взорвав свое первое ядерное устройство в 1952 г.

Объективно важным обстоятельством, во многом определившим дальнейшее развитие международных отношений, было то, что уже в эти годы выявились такие фундаментальные понятия, раскрывающие сущность атомной проблемы в ее различных измерениях, как значение нераспространения ядерного оружия; ядерное сдерживание; использование ядерного фактора в качестве средства проецирования силы и политического инструмента влияния и повышения престижа государства; необходимость установления международного контроля над атомной энергией в целях избавления человечества от ядерной угрозы и др.

Что касается политических предпосылок и объективных возможностей решения атомной проблемы, то среди некоторой части американских историков и аналитиков существует мнение, что если бы Стимсон и Ачесон смогли настоять на прямом обращении к Москве осенью 1945 г., это могло бы изменить все дело. И хотя Сталин уже в августе того же года принял решение об ускоренном создании советской атомной бомбы, его подчеркнутые осторожные заявления 1946–1947 гг., когда советский атомный проект только разворачивался, может быть, и подтверждают такую возможную историческую версию?

Американский историк Дж. Чейс полагает, что, если Рузвельт был бы жив, то благоприятный поворот событий все же мог бы иметь место. Он полагает, и не без оснований, что американский президент глубоко верил в необходимость тесного сотрудничества великих держав во имя предотвращения новой мировой войны. Стремясь избежать повторения бессилия и провала Лиги Наций, не смогла предотвратить Вторую мировую войну, Рузвельт уже в ее начале обдумывал идею совместной ответственности великих держав за поддержание послевоенного мира и был одним из главных проводников идеи создания Организации Объединенных Наций.

Дж. Чейс приводит мнение М. Банди, что «Рузвельт принял бы близко к сердцу задачу выработки действенного международно-

го соглашения» и «сделал бы эту задачу своим самым насущным предприятием», чего Трумэну не было дано²⁷⁹.

В своем капитальном труде «Опасность и выживание» Банди пишет:

«В какой мере ситуация была бы иной, если Ф. Рузвельт был бы жив и здоров? У него было бы много преимуществ, и не самое меньшее из них — его выдающаяся роль в успехе огромного и начатого в сущности лично им самим предприятия, за которое он взялся с самого начала. То, что он предпринял бы попытку прямых переговоров (с русскими), представляется почти несомненным, но гораздо менее ясно, пошел бы он на соглашение, которое признавало бы и мирилось бы с перспективой создания советского (атомного) оружия. Рузвельт умер, не разрешив своего глубоко противоречивого подхода к будущему мира. Он вовлек свою страну в новую Организацию Объединенных Наций, красноречиво показав необходимость четырех свобод²⁸⁰ и коллективной безопасности, но в равной же степени он взял на себя ведущую роль в проведении дипломатии между великими державами и не разрешил, а лишь оттянул решение фундаментального конфликта между двумя державами [...].

«Мог ли он или кто-либо еще, — продолжает Банди, — обеспечить принятие очевидного императива международного контроля и согласиться с той реальностью, что Советский Союз стоял перед *необходимостью* предпринять соответствующие (ответные) меры. Это представляется маловероятным.

Так что лучшее оказалось врагом хорошего. По мере того, как их разногласия с каждым месяцем становились все более острыми, Москва и Вашингтон продолжали произ-

²⁷⁹ Chase. After Hiroshima. P. 143.

²⁸⁰ В известном послании Конгрессу от 6 января 1941 г. (которое в дальнейшем стало известно как «Послание о четырех свободах») Рузвельт говорил о свободе слова, свободе вероисповедания, свободе от нужды и *свободе от страха*: «[...] Свобода от страха, если это перевести на мирской язык, означает всеобщее сокращение вооружений до такого уровня и таким основательным образом, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против любого соседа — где бы то ни было в мире». Цит. по: Bechhoeffer. P. 15.

носить речи в защиту своих несовместимых предложений в пользу мира без ядерного оружия, в то время как обе державы продолжали рассчитывать на обладание этим оружием в качестве необходимого уравнителя силы, каждая идя своим путем»²⁸¹.

Ответил бы Сталин на инициативу о прямом диалоге, как это предлагал Стимсон и поддерживал Ачесон, и мог бы такой диалог повести к реальным результатам? Исключать этого полностью нельзя, но даже и в этом случае согласие Советского Союза на отказ от своей атомной программы и на установление международного контроля над атомной энергией также представляется маловероятным. Когда же Трумэн, Бирнс и Эттли предложили передать атомную проблему в ООН, перспектива американо-советского партнерства была неизбежно обречена на провал. Весьма характерно, что советское руководство практически без колебаний согласилось на создание Комиссии ООН по атомной энергии, что также, очевидно, свидетельствовало о намерении Сталина потопить эту проблему в бесконечных прениях в ООН.

Имеется свидетельство А.А. Громыко, что «летом 1946 года Сталин и Молотов все еще могли пойти на соглашение с США по атомной проблеме». Однако позднее, в 1980-е гг., Громыко считал, что «сейчас, когда от переговоров с Барухом нас отделяет столько лет, я уверен, что Сталин не отказался бы от создания собственной атомной бомбы. Он хорошо понимал, что Трумэн от атомного оружия не откажется»²⁸². Сын Громыко, Анатолий Андреевич, на основании бесед с отцом и собственных размышлений, вытекающих из этих бесед, также считает, что шанс тогда был упущен, при этом большую ответственность за утраченную возможность должна нести более сильная сторона — Соединенные Штаты, в руках которых уже было атомное оружие²⁸³.

Одним из главнейших факторов, повлиявших на дальнейшее развитие событий, было принятие закона Макмагона 1946 г., который «был направлен на сохранение американской монополии путем секретности и отказа»²⁸⁴.

²⁸¹ Bundy. P. 195–196.

²⁸² Громыко Ан. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: Изд-во ИПО «Автор», 1997. С. 65, 67.

²⁸³ Интервью автора с Анат. А. Громыко 24 июля 2002 г.

²⁸⁴ Clausen. P. 2.

В итоге человечество вступило в изнурительную и взрывоопасную гонку ядерных вооружений. Судить о том, кто ее начал, вряд ли имеет смысл, да и невозможно назвать какую-нибудь одну сторону, на которую можно было бы навесить ярлык виноватой. Судя по всему, как это ни печально признать, эта гонка, очевидно, оказалась неизбежной на этом этапе развития человеческого общества, когда мир был ввергнут в две мировые войны в течение жизни одного поколения и разделен на противоположные общественные системы.

Американский историк А. Шлезинджер полагает, что «холодная война была геополитической неизбежностью, учитывая тот вакуум власти, который создавался в Европе в период Второй мировой войны». По его мнению, «переоценивается важность перехода власти от Рузвельта к Трумэну. [...] Если бы Рузвельт не умер, возможно, в условиях создавшегося вакуума власти американская политика еще более ужесточилась бы, даже быстрее, чем при Трумэне. Ведь в 1940 году он (Рузвельт) называл Советский Союз одной из самых жестоких диктатур в мире»²⁸⁵.

Каковы бы ни были причины возникновения холодной войны (а первопричиной, как признают многие историки, было идеологическое противостояние, многократно усилившееся в связи с появлением после Второй мировой войны двух могущественных держав, которые претендовали на лидерство в мире, причем одна из них уже обладала абсолютным оружием, а другая быстро к этому шла), очевидно, что научно-техническое развитие и создание ядерного оружия радикально вмешались в ход истории. И найти ответ на этот технологический вызов ни две «сверхдержавы», ни мир в целом не смогли. Обе страны не только не продемонстрировали прозорливый государственный подход, проникнутый заботой о будущем человеческого общества, но и заняли непримиримые позиции, что неизбежно привело к гонке вооружений. О причинах и истоках холодной войны написаны сотни и даже тысячи книг и статей, но подлинная история ее возникновения ждет и будет еще немало времени ждать объективных исследователей, которые должны будут иметь в своем распоряжении все необходимые архивные материалы и, что еще

²⁸⁵ *Международная Жизнь*. 1990. № 10. С. 132.

важнее, возможность менее пристрастно, чем современники этих событий, оценить все то, что произошло²⁸⁶.

Сам автор предложения относительно прямого американо-советского диалога о путях разрешения атомной проблемы Г. Стимсон писал Баруху в июне 1946 г., когда только начинала работу Комиссия ООН по атомной энергии, что уже «упущено время решить проблему бомбы таким путем, как я предлагал президенту летом прошлого года». «Как только Трумэн согласился передать вопрос в руки ООН, — пишет профессор Чейс, — идея поставить под контроль будущее атомной энергии была в сущности обречена на провал»²⁸⁷.

С сожалением приходится констатировать и то, что те политические деятели, которые стояли у истоков атомной эры, за редким исключением, не подозревали и не предполагали, с какой проблемой апокалиптических масштабов и разрешимой ли вообще — проблемой распространения ядерных технологий и ядерного оружия — миру придется столкнуться уже начиная с 1950–1960-х гг. По большому счету следует признать, что государственные деятели того времени, не проявив должной дальновидности, упустили, вероятно, единственную возможность, предоставленную историей, предотвратить атомную угрозу и возможность ее распространения, с которой человечеству, видимо, придется иметь дело еще долгие годы, если не вечно.

В этих условиях важно извлечь уроки из того, что произошло, постараться найти в тех идеях и дискуссиях о международном контроле над атомной энергией, проходивших в 1940-х гг., то полезное, что можно было бы применить на практике сейчас, когда, хотелось бы надеяться, появляются реальные возможности приблизить мир к устранению ядерного оружия из жизни человечества.

²⁸⁶ Всесторонне взвешенно о сложности и неоднозначности процессов и явлений, приведших к холодной войне, написал в своих воспоминаниях выдающийся дипломат О.А. Трояновский, очевидец многих важных послевоенных событий и встреч между руководителями СССР и США (Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997. С. 124–143).

²⁸⁷ Chase. Acheson. P. 128.

Глава третья

Существующие системы контроля в области ядерных вооружений

Провал планов по установлению международного контроля над атомной энергией в 1940-х гг. отнюдь не означал, что эта идея оказалась в корне ошибочной и непригодной. Как я постарался показать в первых двух главах, в тот период она не отвечала реалиям международных отношений, практической политике ведущих государств, в первую очередь Советского Союза и Великобритании, да, впрочем, и самих Соединенных Штатов, которые были автором первого плана международного контроля. Если называть вещи своими именами, то США стремились тогда как можно дольше оставаться монопольным обладателем атомной бомбы, а СССР и Великобритания лихорадочными темпами добивались создания своего атомного оружия и вскоре преуспели в этом — соответственно в 1949 и 1952 гг. Это в основном и предредило судьбу «плана Баруха».

Но довольно скоро развитие событий в атомной сфере вновь актуализировало интерес к возрождению концепции международного контроля и к постепенному согласованию конкретных мер по его организации. Начиная с середины 1950-х гг. одна за другой стали разрабатываться меры и создаваться системы международного контроля за ограничением и сокращением ядерных вооружений и обеспечением использования атомной энергии исключительно в мирных целях.

Система гарантий МАГАТЭ

Конец американской атомной монополии и появление новых ядерных государств – Советского Союза и Великобритании – совпали по времени с первыми шагами по развитию мирного использования атомной энергии. На базе инфраструктуры и опыта, приобретенного при создании военной атомной промышленности, стали интенсивно развиваться мирные применения ядерной энергии – вначале в США, СССР и Великобритании, а затем к этому процессу примкнул и ряд других стран. В энергии атома многие видели путь ускоренного промышленного развития и достижения высокого технологического уровня, а также – никак не в последнюю очередь – и создания базы для ее потенциального использования в военных программах. Но в новых условиях идея международного контроля не могла не претерпеть существенных изменений.

В Обнинске (Калужская обл.) в 1954 г. была пущена в эксплуатацию первая в мире АЭС небольшой мощности (5 МВт)²⁸⁸, но значение и воздействие этого события на дальнейшее развитие атомной энергетики было во много раз больше номинальной мощности реактора. В СССР, США и Великобритании начали строить экспериментальные и учебные, а также проектировать вначале небольшие, а потом и крупные энергетические реакторы.

Закладывается первый советский атомный ледокол, с 1951 г. под руководством академика Л.А. Арцимовича начинаются исследования возможностей получения электроэнергии за счет управляемых термоядерных процессов на базе системы *Токамак*, о чем впервые было объявлено И.В. Курчатовым в докладе в английском атомном центре Харуэлл в 1956 г.

Ядерные государства приступили к заключению соглашений о сотрудничестве в области развития и использования атомной энергии в мирных целях со многими другими странами. В США и Великобритании частный сектор живо заинтересовался перспективами производства электроэнергии с помощью атомных реакторов, возможностями завоевания рынков сбыта таких реакторов, вложения капитала в этой области. В США такому развитию, однако, препятствовало действовавшее тогда законода-

²⁸⁸ Эксплуатация АЭС продолжалась до 2002 г.

тельство (закон Макмагона 1946 г., устанавливавший строгий запрет на передачу атомных технологий и материалов другим странам и частному сектору).

В 1953 г. в американском конгрессе начались слушания по новому законопроекту об атомной энергии, который снимал некоторые юридические препятствия для участия частной промышленности в атомной деятельности. Так, разрешалось бы на основании лицензий, выданных Комиссией по атомной энергии (КАЭ), частное владение энергетическими реакторами и расщепляющимися материалами, используемыми в качестве топлива для реакторов. Допускалось бы и международное сотрудничество в области применения атомной энергии при соответствующих гарантиях неиспользования ее в недозволенных целях. Выступая в Объединенном комитете Конгресса по атомной энергии, заместитель государственного секретаря Б. Смит говорил: «Первостепенное значение для наших международных связей вообще имеет поддержание и совершенствование Соединенными Штатами своего руководящего положения в развитии атомной энергии [...]. Положению Соединенных Штатов был бы нанесен большой ущерб, если бы другая страна стала первой в этой области и особенно – если бы Советский Союз превзошел нас в развитии атомной энергии»²⁸⁹. В августе 1954 г. в закон Макмагона были внесены существенные изменения, что позволило США проводить более активную политику в области международного атомного сотрудничества.

Американский план «Атомы для мира». Началось и политическое осмысление новых тенденций в атомной сфере. И тут вновь существенную роль в трансформировании американской политики сыграли ученые, которые настойчиво обращали внимание на то, что развитие мирного атомного сотрудничества может привести к созданию военного потенциала, и этого можно было избежать посредством установления международного контроля. В феврале 1953 г. новому президенту США Д. Эйзенхауэру был представлен доклад группы экспертов во главе с Р. Оппенгеймером, в которую входили В. Буш и в качестве секретаря профес-

²⁸⁹ Atomic Power Development and Private Enterprise. Hearings before the JCAE. 83d Congress, 1st Session, Wash., D.C., 1953. P. 64. Цит. по: Малинин С., Онушкин В. Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. М.: Соцэгиз, 1961. С. 23.

сор Гарвардского университета М. Банди (в дальнейшем советник по национальной безопасности Дж. Кеннеди). Группа была создана государственным секретарем Д. Ачесоном в 1952 г., еще до избрания нового президента — Д. Эйзенхауэра.

В докладе делался вывод, что в будущем у крупных держав не возникнет нехватки делящихся материалов и ядерное оружие будет стоить сравнительно дешево. В этих условиях надо что-то делать с усиливающейся гонкой вооружений. Проанализировав ситуацию с рассмотрением американского «плана Баруха» в ООН, авторы доклада пришли к заключению, что тогдашние разногласия с Советским Союзом были «столь глубоки, что не представлялось вероятным подлинное широкомасштабное политическое урегулирование при жизни нынешнего поколения».

«В принципиальном плане и в конечном счете проблема, поставленная высвобождением атомной энергии, — это вопрос о том, способно ли человечество управлять собой без войны. Теперь, когда люди научились высвобождать эту энергию, нет способа навечно исключить атом из нашей жизни. *Даже если будет установлен в разумной мере полный контроль над атомной энергией, знания об атоме сохранятся* (выделено мной. — *P. T.*), и трудно представить себе, как избежать большой войны, в ходе которой та или другая сторона в конечном счете не создаст и не применит атомные бомбы. В этом отношении в 1945 г. навсегда радикально изменилось существо проблемы вооружений»²⁹⁰.

США, по мнению экспертов, втянулись в слишком жесткую политику массивированного ядерного возмездия, не оставив для себя возможности гибкого реагирования. Чтобы иметь бóльшую свободу выбора действий, требуется работа по информированию законодателей и общественности, для чего следовало бы проводить политику «прямоты, откровенности» («a policy of candor»). Группа рекомендовала, чтобы Соединенные Штаты помогли другим странам понять ядерную опасность и тоже осознать свою ответственность в этом отношении.

²⁹⁰ Hewlett Richard G., Holl Jack M. *Atoms for Peace and War. 1953–1961. Eisenhower and the Atomic Energy Commission.* Berkeley: University of California Press, 1989. P. 42–43.

Доклад группы Оппенгеймера произвел на Эйзенхауэра впечатление. После смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. президент США стал более оптимистически смотреть на возможность улучшения отношений с СССР. Совет национальной безопасности одобрил большинство положений доклада Оппенгеймера, хотя к этому времени уже развернулась травля ученого, которого в конце концов лишили допуска к секретным работам.

Эйзенхауэр в июне 1953 г. высказал мысль о целесообразности выступления США с новым планом по атомной энергии. В сентябре в письме председателю КАЭ Л. Страусу он конкретизировал свое предложение, высказавшись за то, чтобы США и СССР выделили расщепляющиеся материалы на мирные цели. Как писал Страус, Эйзенхауэр сказал ему, что поскольку русские отклонили «план Баруха», нужно сделать новое предложение, которое было бы «безопасным для свободного мира и привлекательным для русских»²⁹¹.

8 декабря 1953 г. Д. Эйзенхауэр представил план «Атомы для мира» на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. В нем предлагалось, чтобы

«главным образом заинтересованные правительства в той мере, которую позволяет элементарная предосторожность, приступили сейчас и продолжали делать совместные вклады из своих запасов обычного урана и расщепляющихся материалов в Международное агентство по атомной энергии». Мы ожидаем, что такое агентство было бы создано под эгидой ООН[...]. Агентство по атомной энергии «взяло бы на себя ответственность за получение, хранение и защиту выделяемых в его распоряжение расщепляющихся и других материалов»²⁹².

Американский специалист по ядерному нераспространению П. Клаузен так расценил план президента:

«Как рассчитывал Эйзенхауэр, план «Атомы для мира» был главным образом средством возобновления американско-

²⁹¹ Strauss Lewis. *Men and Decisions.* Garden City, NY: Doubleday and Co., 1962. P. 337, 357.

²⁹² Текст приводится по: CRS Report for Congress. Compiled by Zachary S. Davis and Warren H. Donnelly. Congressional Research Service. The Library of Congress. Wash., D.C., December 18, 1990.

ветского диалога по разоружению. Предлагавшаяся передача расщепляющегося материала была намеренно скромным первым шагом, который искусно продвигал бы урегулирование трудно поддающихся решению проблем инспекции, строгого выполнения соглашений и международного контроля, обречших на провал «план Баруха» и другие всеобъемлющие подходы. И в то же время в плане (Эйзенхауэра) присутствовал несомненный пропагандистский аспект. Он был призван отвлечь внимание от более радикальных советских предложений по разоружению, при этом для Москвы было бы политически рискованным делом отвергнуть содержащиеся в нем привлекательные черты. Кроме того, предлагаемые передачи (ядерных материалов) имели бы символический характер и ни в коей мере не затронули бы военных возможностей — в особенности с учетом того, что обе страны продолжали производить расщепляющиеся материалы. И в самом деле, предложение совпало с массивным расширением военно-промышленного комплекса США, и Эйзенхауэр прекрасно сознавал, что если план будет осуществлен, он фактически увеличит американское военное превосходство»²⁹³.

По свидетельству современников, президент говорил своим советникам:

«Предположим, США и Советы передадут в ООН на мирные цели по x кг расщепляющегося материала [...]. Количество x могло бы быть установлено на уровне, который мы могли бы легко выделить из наших запасов, но которому Советам было бы трудно соответствовать»²⁹⁴.

План Эйзенхауэра, таким образом, был противоречив и содержал как позитивные элементы, так и некоторый негатив. Но при всей своей неоднозначности план «Атомы для мира», предусматривавший создание международного агентства по атомной энергии с ограниченными полномочиями и ограниченным контролем, был шагом вперед в деле ограничения ядерного распространения. При этом он выгодно отличался от «плана Баруха», который ста-

²⁹³ Clausen Peter A. Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons. P. 30–31.

²⁹⁴ Цит. по: Bundy McGeorge. Danger and Survival. N.Y.: Random House, 1988. P. 290.

вил бы СССР, а также и другие страны в полностью зависимое положение. Новое предложение было более приемлемо для СССР, особенно в условиях, когда быстро набирало темп распространение по миру атомных технологий. И советское руководство увидело в американском предложении это рациональное зерно.

Советско-американские переговоры о создании МАГАТЭ. После смерти Сталина советское руководство было готово завязать диалог с новой американской администрацией. К этому времени обе державы овладели секретом водородной бомбы и испытали ее, к тому же с очень небольшим временным промежутком. В двух испытаниях 1955 г. СССР первым в мире произвел сброс термоядерных бомб с самолета, США первое такое испытание провели в 1956 г.²⁹⁵ Советский Союз достиг статуса самостоятельного ядерного государства, обладающего необходимыми ядерными технологиями.

Это, несомненно, придавало советским руководителям чувство уверенности в силах и возможностях молодой атомной промышленности. В заявлении советского правительства от 21 декабря 1953 г. относительно предложения о создании международного атомного агентства и о передаче ему части ядерных материалов обращалось внимание на то, что, во-первых, «главная масса атомных материалов по-прежнему будет направляться на производство атомных и водородных бомб» и что, во-вторых, «предложение президента Эйзенхауэра несколько не ограничивает саму возможность использования атомного оружия». Тем не менее выражалась готовность принять участие в переговорах о создании агентства, однако в ходе этих переговоров должно было быть *одновременно* рассмотрено следующее предложение:

«Государства-участники соглашения, руководствуясь стремлением к уменьшению международной напряженности, принимают на себя торжественное и безоговороч-

²⁹⁵ Гончаров Г.А. Хронология основных событий истории создания водородной бомбы в СССР и США. Доклад на международном симпозиуме «Наука и общество. История советского атомного проекта (1940–1950-е годы)». Труды симпозиума. Том 1. М.: ИздАТ, 1997. С. 251–252; тот же автор. Термоядерный проект СССР: предыстория и десять лет пути к водородной бомбе. В сб.: История советского атомного проекта. С. 138–139.

ное обязательство не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения»²⁹⁶.

Таким образом, советский ответ также содержал политико-пропагандистский элемент, явно продиктованный стремлением вести переговоры с США о новом атомном органе в наступательном плане.

Первый диалог между В.М. Молотовым и госсекретарем США Д.Ф. Даллесом состоялся во время берлинского совещания министров иностранных дел великих держав в конце января — начале февраля 1954 г. В марте стороны приступили к переговорам, в ходе которых Даллес вручил советскому послу в Вашингтоне Г.Н. Зарубину меморандум, содержащий «предварительные взгляды, поясняющие предложения о Международном агентстве по атомной энергии». Агентство предлагалось учредить «под эгидой ООН». Как оценивал МИД СССР, его роль сводилась бы к получению поставок ядерных материалов от стран-членов, которые имеют запасы таких материалов, для целей поощрения исследований и мирного использования атомной энергии. США были бы готовы сделать «в качестве пожертвования значительный первоначальный взнос». СССР сделал бы «эквивалентное пожертвование». Агентство обладало бы необходимыми полномочиями для «обеспечения того, чтобы выделенный расщепляющийся материал использовался в целях, для которых он был выделен»²⁹⁷.

Советское правительство усмотрело в американских предложениях попытку США создать организацию подобно специализированным учреждениям ООН, в которых американцы тогда безраздельно господствовали. Руководство СССР на основе опыта рассмотрения в ООН «плана Баруха» считало, что вопросы, относящиеся к использованию атомной энергии, непременно должны находиться под неусыпным оком Совета Безопасности ООН как органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, органа, где великие державы, включая СССР, располагают правом вето.

²⁹⁶ К переговорам между правительством СССР и правительством США по атомной проблеме. М.: Госполитиздат, 1954. С. 14–22.

²⁹⁷ АВП РФ. Ф. 047, оп. 16, п. 77в, д. 9, лл. 10–12, 29–34.

Советская реакция была довольно жесткой. В памятной записке, врученной Молотовым Даллесу в Женеве 27 апреля 1954 г., подтверждалась позиция СССР в пользу необходимости запрещения применения атомного оружия и подчеркивалось, что без достижения договоренности об этом «начавшиеся переговоры не могут дать должных результатов».

Американцы тоже решили «проявить характер» и приступили к обсуждению планов создания атомного агентства без СССР — в кругу одних лишь западных стран, хотя сомнительно, что без второго ядерного государства учреждение такой организации имело бы какой-либо смысл. В неофициальной записке, врученной Д.Ф. Даллесом В.М. Молотову в Женеве 1 мая, государственный секретарь сообщил, что «ввиду отсутствия интереса у Советского Союза к тому, чтобы в настоящее время продолжать рассмотрение этого предложения (о создании агентства), Соединенные Штаты будут считать себя свободными в рассмотрении ими вопроса о создании такого агентства совместно с другими заинтересованными странами. Если же Советский Союз впоследствии решит, что желает участвовать в таком обсуждении, Соединенные Штаты будут, конечно, приветствовать это участие»²⁹⁸.

Обмен мнениями между обеими державами все же был продолжен. В советской записке Соединенным Штатам от 22 сентября 1954 г. была выражена готовность «в любое время возобновить переговоры для рассмотрения как предложения Советского правительства, так и предложения правительства США». В записке при этом *впервые* высказывалась готовность рассмотреть вопрос о *гарантиях* мирного применения ядерных материалов:

«В меморандуме правительства США указывается, что возможны такие формы мирного использования атомной энергии, при которых могут быть намечены пути, чтобы создать гарантию против утечки материалов из реакторов, производящих энергию, и что, по мнению правительства США, имеются такие формы мирного использования, при которых вопрос о материалах, идущих на производство атомного оружия, не возникает. Советское правитель-

²⁹⁸ К переговорам между правительством СССР и правительством США по атомной проблеме. М.: Госполитиздат, 1954. С. 40–41.

ство готово рассмотреть в ходе дальнейших переговоров соображения правительства США по данному вопросу»²⁹⁹.

Новым важным элементом в советской записке было также заявление о том, что

«Советское правительство разделяет мнение правительства США относительно того, чтобы соответствующий международный орган докладывал Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее о своей деятельности. Само собой разумеется, что в тех случаях, когда в связи с этим будут возникать вопросы, касающиеся безопасности тех или иных государств, необходимые решения должен принимать именно Совет Безопасности, как орган, на который возложена главная ответственность за поддержание мира и международной безопасности»³⁰⁰.

Трудное начало переговоров о создании агентства во многом объяснялось происходившими в советском руководстве после смерти И.В. Сталина сложными процессами: осмысливанием стратегического и политического значения атомного и водородного оружия, оценкой безопасности СССР в условиях разворачивавшейся гонки ядерных вооружений. Министерство среднего машиностроения (нынешний Минатом), которое тогда возглавлял В.А. Малышев, отрицательно относилось к плану «Атомы для мира». Военные также высказывали возражения против участия в учреждении нового международного атомного органа. Начальник Генерального штаба маршал В.Д. Соколовский писал Молотову 18 сентября 1954 г., что с точки зрения военных интересов вступать в международный орган нецелесообразно, поскольку СССР будет вынужден открыть членам этого органа данные о запасах атомного сырья, уровне атомного производства и пр. Советский же Союз во всяком случае получить новые сведения вряд ли сможет. Он больше проиграет, чем выиграет.

В МИД СССР существовало иное мнение, изложенное в записке Отдела по делам ООН:

²⁹⁹ К переговорам между правительством СССР и правительством США по атомной проблеме. М.: Госполитиздат, 1954. С. 53–54.

³⁰⁰ Там же.

«Неучастие СССР в проектируемом агентстве дало бы США возможность возглавить все это дело, определять направление деятельности этого агентства по их усмотрению, устанавливать условия предоставления помощи различным государствам в области мирного применения атомной энергии и использовать связи с учеными кругами других стран исключительно в своих интересах. Кроме того, неучастие СССР в указанном агентстве могло бы быть использовано американской пропагандой для попытки изобразить Советский Союз в качестве противника международного сотрудничества в этой области»³⁰¹.

Проведение линии по созданию международного агентства в конце концов возобладало, так как она отражала общую тенденцию по налаживанию сотрудничества с Западом, складывавшуюся тогда в советском руководстве. Она объективно соответствовала и стремлению Советского Союза через международный атомный орган предотвратить возможность использования помощи другим странам в атомной области в неблагоприятных целях. В июле 1955 г. была выражена готовность принять участие в многосторонних переговорах. В памятной записке правительству США от 18 июля Советский Союз подчеркнул свою прежнюю позицию, заявив, что вопросы развития международного атомного сотрудничества находятся в прямой зависимости от решения проблемы запрещения атомного оружия, и изложил свои принципиальные подходы к созданию МАГАТЭ. При этом было особо подчеркнуто, что Агентство должно быть создано в рамках ООН и должно представлять доклады СБ и ГА ООН, когда любой из этих органов сделает соответствующий запрос. Расщепляющиеся материалы и специальное оборудование будут предоставляться государствами, оказывающими помощь, непосредственно государствам-потребителям на основе заключенных при содействии Агентства соглашений между заинтересованными государствами. Ответственность за хранение и использование полученных расщепляющихся материалов несет само государство-потребитель в соответствии с заключенным соглашением.

В связи с предложением США о проведении экспертами обеих стран совместного изучения «проблемы, вытекающей из того,

³⁰¹ АВП РФ. Ф.047, оп. 1, п. 64, д. 4, л. 15.

что само применение атомной энергии в мирных целях связано с возможностью увеличения количества расщепляющихся материалов, которые служат основой для производства атомного оружия», в памятной записке подтверждалось согласие на проведение подобного совещания экспертов³⁰². Таким образом, выразилась готовность рассмотреть вопрос о контроле.

Советский Союз высказал также намерение внести в Международный фонд атомных материалов 50 кг расщепляющихся материалов, как только будет достигнуто соглашение о создании Агентства. (США объявили о внесении 100 кг расщепляющихся материалов осенью 1954 г., в июне 1955 г. заявили, что увеличат свой взнос до 200 кг, а потом до 5000 кг. Англичане, со своей стороны, заявили о выделении 20 кг.)

Многосторонние переговоры о создании атомного Агентства. Проект Устава Агентства, выработанный группой западных стран, был направлен правительством США Советскому Союзу 29 июля 1955 г. С советской точки зрения проект был далеко не совершенным документом. В нем не предусматривалось установление достаточно тесной связи между Агентством и ООН, структура Агентства не отличалась демократизмом. Тем не менее советское правительство согласилось, чтобы проект с некоторыми поправками был положен в основу выработки Устава. В памятной записке правительству США от 3 октября 1955 г. советское правительство сделало замечания по проекту Устава, суть которых сводилась к следующему:

1. Поскольку деятельность Агентства будет самым тесным образом связана с использованием расщепляющихся материалов, необходимо предусмотреть в Уставе положение относительно контроля за расходованием поступающих в Агентство материалов с тем, чтобы не допустить их использования в военных целях. Для этого нужно обеспечить надлежащее наблюдение и контроль над работой Агентства со стороны ООН.

2. Устав Агентства должен исходить из признания того принципа, что ни одна страна или группа стран не будет находиться в приви-

³⁰² *Международная Жизнь*. 1956. № 10. С.133. В журнале опубликована переписка между СССР и США по вопросам создания МАГАТЭ с ноября 1954 г. по сентябрь 1956 г.

легированном положении. Агентство должно осуществлять деятельность по оказанию помощи государствам таким образом, чтобы предоставление этой помощи не обуславливалось предъявлением стране, получающей помощь, требований политического, экономического или военного характера, как и иных требований, не совместимых с суверенными правами государства.

3. Контроль и инспекция использования государствами получаемой от Агентства помощи должны осуществляться с соблюдением суверенных прав этих государств. (За этой формулировкой скрывалось критическое отношение к гарантиям, которое советские представители отстаивали в процессе разработки Устава и в течение первых лет деятельности Агентства.— *Р.Т.*)

4. Постоянные члены СБ ООН должны быть включены в Совет управляющих Агентства в качестве постоянных членов.

Советское правительство предложило созвать совещание экспертов правительств наиболее заинтересованных государств (США, СССР, Чехословакии и тех стран, с которыми США вели переговоры о создании Агентства) для совместного рассмотрения вопросов, связанных с выработкой Устава Агентства³⁰³.

По предложению США было условлено, что в августе 1955 г. состоятся предварительные технические переговоры по рассмотрению гарантий (контроля) для создаваемого международного атомного Агентства с участием, наряду с представителями США и СССР, делегаций Великобритании, Франции, Канады и Чехословакии. Делегацию СССР возглавлял директор Физического института АН СССР академик Д.В. Скобельцын, американскую — председатель Генерального консультативного комитета КАЭ США И. Раби, английскую — Д. Кокрофт, французскую — Ф. Перрен.

Обе основные делегации прибыли на переговоры слабо подготовленными. Американская сторона изложила на совещании общие принципы обеспечения физической сохранности и установления процедур отчетности. Академик Скобельцын в основном ограничивался общими рассуждениями и больше задавал

³⁰³ *Международная Жизнь*. 1956. № 10. С.133. В журнале опубликована переписка между СССР и США по вопросам создания МАГАТЭ с ноября 1954 г. по сентябрь 1956 г. С. 143–144.

вопросы, не выдвигая каких-либо предложений. В коммюнике по итогам встречи говорилось, что состоялся «полезный обмен мнениями технического порядка» и что обсуждавшиеся проблемы будут «дополнительно рассмотрены соответствующими правительствами». В отчете госсекретарю США о результатах совещания шести стран И. Раби писал, что позиция советской делегации на совещании «отражала стремление [...] советского правительства к определенно открытым и основанным на сотрудничестве взаимоотношениям с США. [...] Советский представитель и его советники тщательно избегали прямой полемики с США, оставляя открытой дверь для соглашения в будущем, не связывая, однако, себя принятием наших предложений»³⁰⁴.

Администрация США начиная с 1955 г. разработала и стала осуществлять процедуры применения гарантий к своим двусторонним соглашениям в области мирного использования атомной энергии. Процедуры гарантий были двух видов – для исследовательских и для энергетических реакторов, при этом в отношении последних применялся более жесткий контроль. Соглашения о поставках исследовательских реакторов предусматривали передачу только несекретной информации и реакторного топлива менее чем 20%-ного обогащения. Соглашения о гарантиях для поставок энергетических реакторов допускали передачу некоторой секретной информации и обогащенного топлива. При этом в секретных приложениях к соглашениям содержались положения о физической защите и обращении с секретной информацией. Установки по обогащению и переработке облученного ядерного топлива (ОЯТ) Соединенными Штатами не поставлялись³⁰⁵.

США обратились к советскому правительству с предложением изучить возможность применения к своим соглашениям о мирном использовании атомной энергии гарантий, которые предполагалось установить по разрабатываемому Уставу МАГАТЭ, где это предусматривалось бы осуществлять на добровольной основе, в порядке договоренности между соответствующими

³⁰⁴ U.S. National Archives and Records Administration (U.S. NARA). General Records of the Department of State. Special Assistant to the Secretary for Energy and Outer Space. Records Relating to Atomic Energy Matters. Box 79.

³⁰⁵ Ozga Deborah Ann. The Principles of Nuclear Control. Thesis submitted in partial fulfillment of requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Politics. University of Southampton. UK, May 2001. P. 88.

сторонами. Советский Союз, однако, ушел от этого вопроса, заявив, что «к нему можно было бы вернуться после принятия Устава Агентства, с учетом работы конференции и после необходимой ратификации Устава»³⁰⁶.

В своей практике заключения двусторонних соглашений со странами «советского блока» и дружественными развивающимися государствами СССР требовал, чтобы получатели давали юридически оформленные заверения, что помощь будет применяться исключительно в мирных целях и что поставляемое оборудование, топливо и информация не будут передаваться другим государствам и их гражданам, но не выдвигал условия об установлении гарантий на предоставляемых установках. Эти соглашения, вместе с тем, содержали обязательство для стран-получателей о *возвращении* ОЯТ в СССР, чем в определенной степени обеспечивалось, что эти страны не смогут выделять для себя энергетический плутоний, накапливающийся в поставляемом ядерном топливе. Наконец, как правило, советские специалисты наблюдали не только за поставкой, но и за эксплуатацией передаваемых ядерных установок, чтобы не допустить их переключения на недозволенные цели.

Вашингтонское совещание и конференция в Нью-Йорке по разработке Устава МАГАТЭ. С 27 февраля по 18 апреля 1956 г. в Вашингтоне проходило совещание 12 стран по подготовке Устава Агентства.

В директивах правительства советской делегации поручалось исходить из того, что «проект Устава может быть положен в основу для выработки Устава» МАГАТЭ. При этом делегации «следует ограничиться необходимым минимумом поправок, направленных на обеспечение прав и интересов Советского Союза. Наша позиция не должна дать повода для того, чтобы истолковывать отношение Советского Союза к созданию Агентства или к участию в Агентстве как отрицательное». В директивах, в частности, указывалось:

«При обсуждении вопроса о системе инспекций и контроля не возражать против положений, предусмотренных в проекте Устава, но в эти положения внести дополнение, что

³⁰⁶ *Международная Жизнь*. 1956. №10. С. 144–148.

проверка и контроль осуществляются с должным соблюдением суверенных прав государств и в рамках соглашений между государствами и Агентством». (Здесь опять же заметно настороженное отношение к гарантиям, но более конкретно это проявилось при выработке гарантий уже после образования Агентства.)

Делегация должна была также исходить из того, что с научно-технической точки зрения заинтересованность СССР в создании международного органа определялась возможностью получать интересующую советских ученых информацию, которая будет поступать в этот орган, и, кроме того, участие в нем даст возможность устанавливать контакты с научно-техническими кадрами, имеющимися в этой области в других странах³⁰⁷.

Директивы давали возможность советской делегации на Вашингтонском совещании проявлять гибкость: «При голосовании проекта Устава Агентства выступить с изложением основных замечаний Советского Союза по проекту Устава, но голосовать за принятие Устава даже в том случае, если эти замечания не будут приняты»³⁰⁸.

Одним из важнейших на Вашингтонском совещании был вопрос о *взаимоотношениях между Агентством и ООН*. Было согласовано, что между двумя организациями будет установлена тесная связь. Одними из наиболее спорных были вопросы о составе Совета управляющих и взаимоподчиненности создаваемых органов Агентства.

При рассмотрении проблемы гарантий советская делегация, не возражая в принципе против установления необходимой системы инспекции и контроля, в то же время подчеркивала, что проверка и контроль за использованием каким-либо государством помощи, получаемой от Агентства, должны осуществляться лишь в той мере, в какой это необходимо, и при обязательном соблюдении суверенных прав таких государств. Делегация СССР тесно сотрудничала с делегацией Индии в попытках ослабить положения о гарантиях, предлагавшиеся США и Великобританией.

³⁰⁷ АВП РФ. Ф. 06, оп. 15а, п. 24, д. 33, л. 52.

³⁰⁸ АВП РФ. Ф. 047, оп. 2, п. 79, д. 18, лл. 7–11, 38–41.

В итоге Вашингтонское совещание единогласно одобрило проект Устава. Заключительным этапом в создании Агентства стала Международная конференция в Нью-Йорке, проходившая с 20 сентября по 23 октября 1956 г. и собравшая представителей 81 страны.

По проблеме гарантий, рассмотрение которой вызвало на Нью-Йоркской конференции наиболее острую борьбу, США предлагали, чтобы в Устав (ст. XII) были включены примерно те же условия контроля и инспекции, которые предусматривались в двусторонних соглашениях, заключавшихся США с другими странами.

К открытию конференции Советский Союз ужесточил свою позицию по гарантиям. МИД и Минсредмаш внесли в ЦК КПСС предложение изменить советскую позицию в отношении условий контроля за использованием государствами полученной от Агентства атомной помощи в сторону смягчения этих условий, вплоть до исключения из проекта Устава положений об инспектировании государств, получающих атомную помощь. Сохранялись бы лишь положения, предусматривающие обязательство государств предоставлять Агентству отчеты и доклады об использовании получаемой помощи. При этом в Москве исходили из того, что изменение позиции в отношении контроля в сторону его смягчения найдет положительный отклик и встретит поддержку со стороны развивающихся стран, таких, как Индия, Египет, Сирия, Индонезия и др.

В соответствии с директивами правительства советской делегацией на Нью-Йоркской конференции было заявлено, что она «считает достаточной гарантией предусматриваемые в проекте Устава обязательства государств не использовать получаемую от Агентства помощь для производства ядерного оружия, а также обязательства государств представлять отчеты и доклады об использовании помощи, получаемой от Агентства»³⁰⁹.

И действительно, против американской позиции по контролю на конференции выступили делегации Индии, Индонезии, Цейлона (Шри-Ланки), Египта, Ирана, Сирии, Афганистана, Филиппин, Ливана и ряда других стран. Особенно упорно против американских предложений по контролю выступала на конферен-

³⁰⁹ АВП РФ. Ф. 047, оп. 6, п. 117, д. 37, лл. 69, 70.

ции делегация Индии. Франция также возражала против жесткого контроля, считая его посягательством на национальный суверенитет. Французский представитель Б. Гольдшмидт вспоминал: «Индия была лидером оппозиции очень строгому применению гарантий, и Франция, которую я представлял, поддержала ее, предложив смягчить гарантии в отношении естественного урана и настаивая на том, чтобы гарантии не были столь суровыми, чтобы отпугивать будущих государств-членов от обращения к новому агентству за помощью»³¹⁰.

В финале конференции, когда возникла угроза отклонения проекта статьи XII или ее принятия очень небольшим числом голов, Франция и Швейцария предложили компромиссную поправку, которая с некоторыми изменениями была принята. После включения в статью еще некоторых смягчающих ее поправок текст, во многих отношениях близкий к его первоначальной редакции, был единогласно одобрен.

В принятом Уставе Агентство уполномочивается «устанавливать и проводить в жизнь гарантии, имеющие своей целью обеспечить, чтобы специальные расщепляющиеся и иные материалы, услуги, оборудование, технические сведения, предоставляемые Агентством или по его требованию, или под его наблюдением или контролем, не были использованы таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели, и распространять, по требованию сторон, применение этих гарантий на любые двусторонние или многосторонние соглашения или, по требованию того или иного государства, на любые виды деятельности этого государства в области атомной энергии» (ст. III.A.5). На основе этого принципиального положения Устава в статье XII излагается порядок осуществления гарантий.

Ограниченный и компромиссный характер предусмотренной Уставом МАГАТЭ системы гарантий, однако, является очевидным. Контроль может быть установлен только при трех обстоятельствах:

1. Помощь государству-получателю оказывается самим Агентством. Эта помощь на практике носит чрезвычайно

³¹⁰ Goldschmidt Bertrand. The Origins of the International Atomic Agency. International Atomic Energy Agency: Personal Reflections. Vienna: IAEA, 1997. P. 11.

ограниченный характер. Обещанные США, СССР и Великобританией многие сотни килограммов расщепляющихся материалов так и не были предоставлены членам Агентства, за исключением незначительных количеств.

2. Гарантии применяются к двусторонним (или многосторонним) соглашениям о сотрудничестве. Установление контроля зависит, следовательно, от требования государства, предоставляющего помощь, и от согласия на это государства-получателя.

3. Государство само добровольно соглашается поставить под гарантии свою ядерную деятельность. Этот вариант некоторыми скептиками тогда считался гипотетическим и даже наивным, но во всяком случае безвредным. Однако в дальнейшем, после заключения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), именно в соответствии с этим положением все ядерные державы добровольно согласились поставить под гарантии МАГАТЭ свою гражданскую ядерную деятельность (или часть ее), а участники соглашений о зонах, свободных от ядерного оружия, приняли международные гарантии для контроля за обеспечением безъядерного статуса таких зон. В 1996 г. была достигнута договоренность между Россией, США и МАГАТЭ о добровольной постановке под международный контроль расщепляющихся материалов оружейного происхождения (Трехсторонняя инициатива). Конкретные технические, правовые и финансовые аспекты контроля МАГАТЭ были проработаны, о чем было объявлено в сентябре 2002 г.

США считали текст статьи о гарантиях минимальным, но приемлемым выходом, который был «предпочтительнее, чем ничего», и рассчитывали в дальнейшем постепенно усиливать систему контроля³¹¹, что в действительности впоследствии и произошло. Советский Союз, удовлетворившись тем, что не все требования США были приняты и что ему удалось завоевать поддержку ряда развивающихся стран, также согласился на принятие статьи XII.

³¹¹ Clausen. P. 36–37.

Большое место в дискуссиях на конференции занял вопрос о взаимоотношениях между МАГАТЭ и ООН, в рассмотрении которого активность проявляла советская делегация. В Уставе МАГАТЭ была зафиксирована особая форма взаимоотношений между двумя организациями. Не будучи специализированным учреждением ООН, Агентство имеет автономный статус в рамках «семьи ООН».

Уставное положение об особом характере взаимоотношений между МАГАТЭ, ООН и ее Советом Безопасности было конкретизировано в соглашении между МАГАТЭ и ООН, заключенном в 1957 г. Во многом благодаря усилиям Советского Союза текст статьи IX этого соглашения был сформулирован следующим образом:

«Агентство сотрудничает с Советом Безопасности, представляя ему по его требованию такие сведения и оказывая такую помощь, какие могут потребоваться при исполнении им своих обязанностей по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»³¹².

Именно это положение в дальнейшем послужит юридической основой для тесного сотрудничества между СБ и МАГАТЭ в деле разоружения ядерного потенциала Ирака после войны в Персидском заливе в 1991 г.

В отношении другого важного аспекта деятельности МАГАТЭ — его участия в контроле за ограничением ядерных вооружений и разоружением — в Уставе Агентства с общего согласия было записано положение о том, что МАГАТЭ «проводит свою деятельность в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций, направленными на укрепление мира и поощрение международного сотрудничества, и в согласии с проводимой Организацией Объединенных Наций политикой содействия установлению обусловленного гарантиями разоружения во всем мире и в согласии с любыми международными соглашениями, заключенными с соответствию с такой политикой» (ст. III.В.1).

Эта статья Устава в дальнейшей деятельности Агентства стала юридической основой для усилий Агентства по контролю за со-

³¹² Док. МАГАТЭ INFCIRC/11.

блюдением ДНЯО, договоров о зонах, свободных от атомного оружия, и других соглашений.

23 октября 1956 г. Устав МАГАТЭ был единогласно принят Нью-Йоркской конференцией и вступил в силу 29 июля 1957 г.

Основные цели Агентства, как они определены статьей II Устава, состоят в содействии использованию атомной энергии в мирных целях и в обеспечении того, чтобы это *не способствовало «какой-либо военной цели»* (выделено мной. — *Р.Т.*). *Функции* МАГАТЭ заключаются, в соответствии со статьей III, в том, чтобы: во-первых, содействовать научно-исследовательской работе, развитию и применению атомной энергии в мирных целях; во-вторых, обеспечивать услуги, материалы, оборудование и технические средства; в-третьих, способствовать обмену научно-технической информацией; в-четвертых, поощрять обмен научными работниками; в-пятых, устанавливать гарантии; в-шестых, устанавливать нормы безопасности для охраны здоровья; и, в-седьмых, приобретать или создавать любые установки, заводы и оборудование.

МАГАТЭ явилось первой универсальной международной организацией, располагающей функциями контроля и инспекции на территории ее государств-членов. Создание Агентства стало крупным шагом к институционализации международного контроля над атомной энергией.

Система гарантий по Уставу МАГАТЭ. На основе Устава Секретариат к маю 1959 г. подготовил документы об общих принципах и о детальных процедурах гарантий. На сессии Совета управляющих в июне—июле того же года советский представитель заявил о своих возражениях, считая преждевременным и нецелесообразным на данной стадии учреждать систему контроля. Не приняв никаких решений по существу вопроса, Совет решил перенести обсуждение на сентябрьскую сессию 1959 г.

К этому времени стало ясно, что среди стран-получателей единой линии в отношении гарантий нет. Представители Индии, Индонезии и ОАР (Египта) выступали против учреждения системы гарантий, а Бразилия, Аргентина, Пакистан и некоторые другие страны не проявляли четкой позиции по этому вопросу. С оговорками они высказались в поддержку системы гарантий, «рассчитывая, — по оценке МИД СССР, — на то, что американ-

цы передадут со временем под контроль Агентства свои двусторонние соглашения и жесткий американский контроль, осуществляемый по этим соглашениям, будет заменен международным контролем Агентства»³¹³.

Документ о гарантиях был в предварительной форме одобрен Советом в сентябре 1959 г. В нем определялись типы предприятий, к которым должны применяться гарантии, виды помощи, требующие гарантий, количества ядерных материалов, предоставление которых получателю не вызывает необходимости в установлении гарантий, и т.д.

Об отрицательном отношении Москвы к выработке системы гарантий на этом этапе свидетельствовало, в частности, предложение Минсредмаша, сделанное в 1959 г., выступить в Совете управляющих с заявлением о «неудовлетворительной деятельности» МАГАТЭ и с требованием, чтобы Агентство «впредь до заключения соглашения о запрещении атомного оружия и установления контроля за таким соглашением временно отказалось от создания той жесткой системы контроля, которая предусматривается Уставом Агентства, поскольку такой контроль является односторонним – распространяется лишь на страны-получатели помощи от Агентства – и отпугивает страны-члены Агентства от использования такой помощи». Однако министр иностранных дел А.А. Громыко высказал возражения, и такое заявление против разработки системы гарантий сделано не было³¹⁴.

Работа над гарантиями тем временем продолжалась. В январе 1960 г. Совет управляющих рассмотрел процедуры применения гарантий к реакторам тепловой мощности менее 100 МВт, т.е. в основном к исследовательским реакторам, образовав комитет под председательством Г. Рандерса (Норвегия) для детальной проработки процедур гарантий.

³¹³ АВП РФ. Ф. 047, оп. 6, п. 117, д. 37, лл. 74–75.

³¹⁴ Там же. Оп. 5а, п. 108, д. 2, лл. 1–18. В Агентстве было сделано заявление куда более мягкое, но все же критическое в отношении гарантий, чем это предлагал Минсредмаш. Тогдашняя советская позиция по гарантиям отражала неоднозначное отношение советского руководства к проблеме ядерного нераспространения. С одной стороны, в Москве отдавали себе отчет в опасности распространения ядерных материалов и технологий, а с другой – в тот период активно помогали КНР в создании промышленной инфраструктуры для производства атомного оружия.

Доклад комитета рассматривался Советом управляющих, и при постатейном обсуждении документа о гарантиях представителями СССР, Чехословакии и Болгарии был внесен ряд поправок, ориентированных «на приведение системы гарантий и контроля в соответствие с объемом и характером помощи», но за их принятие проголосовали только страны «советского блока» и Индия. В январе 1961 г. Совет управляющих при прохладной поддержке Франции и при пяти воздержавшихся (СССР, Чехословакия, Болгария, Индия и Шри-Ланка) одобрил первый документ МАГАТЭ о гарантиях (INFCIRC/26).

Изменение отношения СССР к гарантиям. В 1962 г. Агентство приступило к практическому осуществлению гарантий в ряде стран – к инспектированию исследовательских реакторов небольшой мощности. Но уже строились энергетические реакторы большой мощности, в частности в Японии, ФРГ и других странах. США добровольно заключили соглашение с Агентством о постановке под контроль крупного энергетического реактора *Янки*, чтобы дать возможность опробовать систему гарантий применительно к мощным реакторам. В этих условиях Совет управляющих в феврале 1963 г. решил, что действующую систему гарантий, принятую для реакторов малой мощности, следует распространить на реакторы любой мощности.

Была создана рабочая группа, в которой Советский Союз поначалу занимал неконструктивную позицию, поддерживая obstructionистскую линию Индии. Тем не менее в советской позиции по гарантиям уже намечались перемены. В июне 1963 г. Совет управляющих *единодушно* постановил распространить INFCIRC/26 в предварительном порядке на более мощные реакторы (INFCIRC/26/Rev.1), который предусматривал более жесткие условия контроля, включая доступ на установки в любое время, и провести общий пересмотр всей системы гарантий. Управляющий от СССР В.С. Емельянов *впервые* активно поддерживал систему гарантий Агентства. Как писал управляющий от Франции Б. Гольдшмидт, Емельянов заявил перед изумленной аудиторией, что «он всегда рассматривал применение гарантий в качестве наиболее важной задачи Агентства»³¹⁵.

³¹⁵ Goldschmidt Bertrand. Le Complexe Atomique. Paris: Fayard, 1980. P. 404.

В феврале 1964 г. Совет учредил рабочую группу под председательством Г. Рандерса для широкого пересмотра системы гарантий, и при конструктивном сотрудничестве со стороны Советского Союза в 1964–1965 гг. группой была разработана и в феврале 1965 г. принята Советом, а в сентябре того же года единодушно утверждена Генеральной конференцией новая система гарантий, применимая к реакторам *любой* мощности (INFCIRC/66).

Изменение подхода Советского Союза к гарантиям, как отмечал американский специалист по ядерному нераспространению Л. Шайнмэн, «не только способствовало развитию политики Агентства в отношении гарантий, но и прибавило легитимности системе гарантий Агентства [...]. Пересмотренная система составила первую программу международных инспекций, взаимно поддерживаемую и Востоком, и Западом. Эта солидарность твердо сохраняется и сегодня»³¹⁶. Это было написано в 1987 г., но данный вывод с полным основанием можно отнести и к настоящему времени.

После принятия документа о гарантиях в отношении реакторов любой мощности возник вопрос о распространении документа на заводы по переработке ОЯТ. Советский Союз поддержал проведение этой работы. Следующим этапом было распространение системы гарантий на заводы по изготовлению ядерного топлива. В рабочей группе МАГАТЭ, рассматривавшей этот вопрос в ноябре 1967 г., советская делегация решительно отстаивала необходимость строгого контроля, учитывая характер подвергаемых гарантиям объектов, и полностью поддержала проект документа, подготовленного секретариатом Агентства. Она выступила против предложения ЮАР, поддержанного ФРГ, Японией и Индией, о том, чтобы гарантии распространялись не на сами заводы, а только на ядерные материалы, находящиеся на них. Руководитель советской делегации Г.П. Аркадьев заявил, что предложение ЮАР расходится с ранее принятым документом о гарантиях в отношении заводов по переработке. Советскую позицию поддержали США, Чехословакия и Аргентина, и предложение ЮАР было отклонено.

Эксперт от ФРГ В. Хефеле выступил с предложением, чтобы инспекции на заводах по изготовлению топлива осуществлялись только в «ключевых местах», т.е. на входе и выходе с предприятий

³¹⁶ Scheinman Lawrence. The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Wash., D.C.: Resources for the Future, 1987. P. 37.

и в пунктах между производственной зоной и зоной хранения, причем контроль осуществлялся бы преимущественно с помощью приборов. Однако делегации СССР, США и Великобритании выступили с возражениями, и предложение немецкого эксперта было отклонено. Проект, подготовленный секретариатом, был принят при минимальных поправках и в июне 1968 г. утвержден Советом управляющих. В сводной форме документ о гарантиях получил индекс INFCIRC/66/Rev.2.

В таком виде указанная система гарантий Агентства действует и сейчас применительно к *отдельным* атомным объектам, в отношении которых между Агентством и соответствующими странами заключены соглашения о гарантиях.

Существовало немало предположений о том, что послужило причиной изменения Советским Союзом в 1963–1964 гг. своего критического отношения к гарантиям в сторону активного включения в работу по усовершенствованию и усилению системы гарантий Агентства. Так, управляющий от Франции Б. Гольдшмидт высказывал предположение, что главной причиной была наступившая после Карибского кризиса 1962 г. разрядка в советско-американских отношениях, которая подтолкнула оба ведущих ядерных государства к заключению в 1963 г. Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой³¹⁷. Шайнмэн также связывает сдвиги в советской позиции с заключением этого договора³¹⁸.

Д. Фишер, многие годы успешно руководивший Отделом внешних сношений Агентства и отвечавший за заключение соглашений о гарантиях, придерживался мнения, что поворот в отношении СССР к гарантиям произошел по той причине, что Советский Союз «обжегся», помогая КНР создавать ядерное оружие, но в последний момент передумал из-за опасений, как бы это оружие не было использовано против «самого благодетеля»³¹⁹.

³¹⁷ Goldshmidt. Le Complexe Atomique. P. 176.

³¹⁸ Scheinman. P. 37.

³¹⁹ Однако в дальнейшем Д. Фишер изменил свое мнение. В 1997 г. он писал: «[...] Нет сомнения, что подоплекой перемены позиции была советская озабоченность по поводу Федеративной Республики Германии и ее развивающейся ядерной программы. Стало ясным, что более строгие международные гарантии будут отвечать интересам Советского Союза, даже несмотря на то, что в 1963 г. отнюдь не было уверенности, что гарантии МАГАТЭ когда-либо будут применяться в ФРГ». (Fischer David. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna: IAEA, 1997. P. 251–252).

В действительности причины перемены в подходе к гарантиям руководства СССР лежали главным образом в том, что Москва в начале 1960-х гг. стала проявлять все большую озабоченность ускоренным развитием атомной энергетической промышленности ФРГ.

В начале 1964 г. МИД СССР запрашивал Минсредмаш об имеющихся у него данных относительно развития атомной энергетики в Западной Германии. В ответе приводились детальные сведения о количестве, мощности, типе, других характеристиках германских исследовательских и энергетических реакторов. Особое внимание было обращено на соглашения, заключенные фирмой *Siemens* с Комиссариатом по атомной энергии Франции о строительстве реакторов на природном уране с графитовым и тяжеловодным замедлителями³²⁰.

Ядерная деятельность ФРГ и других западноевропейских стран находилась вне контроля МАГАТЭ и под гарантиями только Евратома, к которому у Советского Союза тогда никакого доверия не было. В аналитическом материале «ФРГ и гарантии Евратома», подготовленном в МИД СССР в мае 1966 г., отмечалось, что для ФРГ значение Евратома состоит в том, что он потенциально может открыть путь для налаживания производства ядерного оружия. «Даже при наличии формального запрещения производства ядерного оружия в ФРГ последняя может через свое участие в Евратоме создать необходимую научно-техническую и производственную базу для перехода к военному производству»³²¹.

Советский Союз не мог не испытывать озабоченности и в отношении ряда других государств, в частности Японии, где также быстро развивалась атомная деятельность.

Разумеется, общая эволюция международной обстановки после разрешения Карибского кризиса 1962 г. в сторону смягчения напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами, заключение в 1963 г. Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах также содействовали изменению подхода СССР к гарантиям МАГАТЭ в положительную сторону.

Конечно, принятая в 1965 г. система гарантий мало чем напоминала «план Баруха», но все же некоторые его элементы там при-

существовали. Если же сравнивать INFCIRC/66/Rev.2 с советскими предложениями по международному контролю от 11 июня 1947 г., то по своей идеологии документ МАГАТЭ был достаточно близок к этим предложениям.

Разработка системы гарантий по ДНЯО. После вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия в 1970 г. возникла необходимость в создании новой системы гарантий. Если прежняя система гарантий (INFCIRC/66/Rev.2) применяется лишь в отношении *конкретного* материала и оборудования, то договором о нераспространении (статья III) требуется *обязательная* постанова под гарантии *всей* ядерной деятельности в *неядерных* государствах-участниках ДНЯО с тем, чтобы «не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства». Договор стал дальнейшим шагом в развитии концепции международного контроля над атомной энергией, не только охватив таким контролем все неядерные государства-участники ДНЯО, но и подтолкнув также и ядерные державы к принятию принципа гарантий. При разработке новой системы необходимо было также учитывать, что, если Устав Агентства не допускал использования атомной энергии для «какой-либо военной цели», то ДНЯО устанавливал запрет на производство неядерными государствами только ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств.

Система гарантий по договору была разработана в 1970–1971 гг. специальным комитетом Совета управляющих МАГАТЭ при тесном сотрудничестве СССР, США и Великобритании, которые добивались в комитете установления строгой системы вопреки противодействию ФРГ, Японии и некоторых других стран. Новая система, являющаяся всеобъемлющей (*comprehensive*), была утверждена Советом в виде типового проекта соглашения о гарантиях между Агентством и неядерным государством-участником ДНЯО (INFCIRC/153).

По соглашению государство обязуется информировать Агентство о ядерных материалах, которые оно импортирует или производит внутри страны, и сообщать обо всех местах нахождения таких материалов, а инспекторы МАГАТЭ проводят независимую проверку и дают оценку «точности и полноты» (*correctness and completeness*) заявлений государства относительно ядерных материалов и мест их нахождения.

³²⁰ АВП РФ. Ф. 047, оп. 10, п. 116, д. 42, лл. 85–87.

³²¹ Там же. Оп. 12, п. 131, д. 34, л. 68.

Основным способом обеспечения гарантий является учет ядерных материалов, для чего государство создает и ведет национальную систему учета и контроля. Меры Агентства по контролю доступа к ядерным материалам, например, использование печатей на контейнерах и дверях (containment), а также наблюдение с помощью видеокамер и других устройств за ядерными материалами и/или за маршрутами, по которым они проходят (surveillance), применяются для пополнения информации, полученной на основе практики учета материалов, и подтверждения ее неизменности. Целью практики учета является своевременное установление количества ядерного материала, находящегося в ядерной установке, и изменений, которые могут в нем произойти.

Инспекторы МАГАТЭ, обладающие необходимыми привилегиями и иммунитетами, периодически посещают установку с целью проверки инвентарного количества ядерного материала и его изменений, а также для определения правильности отчетов. Проверка включает измерения ядерного материала на месте и отбор проб для последующего анализа в Агентстве.

Результаты проверки и выводы, сделанные инспекторами, Агентство направляет государству. Если данные свидетельствуют о том, что могло иметь место переключение ядерного материала на запрещенные цели, Генеральный директор должен представить доклад Совету управляющих о несоблюдении Устава. Если Совет приходит к выводу, что МАГАТЭ не в состоянии проверить факт отсутствия переключения ядерного материала, он должен представить доклад Совету Безопасности ООН для принятия соответствующих мер по Уставу ООН. Совет управляющих представлял такие доклады по двум странам — по Ираку в 1991 г. и по КНДР в 1992 г., а также в последующие годы.

Из всех неядерных государств-участников ДНЯО 48 еще не выполнили своих обязательств по заключению соглашений о гарантиях с Агентством. Впрочем, практически все эти государства не имеют ядерной деятельности, подлежащей гарантиям³²².

³²² Подробнее о системе гарантий см.: Архангельский И.А., Ермаков С.В., Толченков Д.Л., Хлебников Н.Н. Система международного контроля за мирным использованием атомной энергии. М.: Энергоатомиздат, 1986; Бабаев Н.С., Адамов Е.О., Рыжов М.Н., Соболев И.А. МАГАТЭ. М.: Грин Лон, 1997; Fischer. P. 243–324.

Дополнительный протокол. События, имевшие место в мире в начале 1990-х гг. (выявление тайной деятельности Ирака по созданию ядерного оружия в 1991 г., свертывание ядерной программы в ЮАР в 1991–1992 гг., а также ставшая известной информация, связанная с ядерной деятельностью в КНДР), показали ошибочность предположения о том, что угрозы режиму нераспространения ядерного оружия исходят лишь от тех, кто не является участником этого режима. Но что еще более важно, эти события выявили, что система гарантий МАГАТЭ на основе ДНЯО, которая строится на учете лишь *заявленной* ядерной деятельности и предусматривает довольно ограниченные права доступа к информации и площадкам, на деле не является ни достаточно надежной, ни всеобъемлющей.

Сложившаяся ситуация побудила МАГАТЭ предпринять ряд усилий по укреплению системы гарантий. Совет управляющих подтвердил право на использование специальных инспекций (проводимых Агентством, если оно считает, что информация, предоставленная государством или полученная в результате обычных инспекций, является недостаточной), а также принял решения относительно заблаговременного предоставления информации о конструкции установок, находящихся в стадии строительства или модернизации, о более широкой схеме отчетности по импорту и экспорту ядерных материалов, а также по экспорту специального оборудования и неядерного материала.

Процессу укрепления системы гарантий был дан новый импульс, когда в апреле 1993 г. Постоянная консультативная группа по применению гарантий при МАГАТЭ (SAGSI) представила на рассмотрение Генерального директора Агентства доклад, содержащий рекомендации по повышению эффективности и в то же время экономичности системы гарантий. В результате рассмотрения доклада Советом управляющих Агентства в июле 1993 г. была утверждена программа по созданию более эффективной и более экономичной системы гарантий, широко известная как «Программа 93+2», которая была рассчитана на два года.

Программа предусматривала реформирование и внесение усовершенствований по трем основным направлениям: повышение эффективности доступа МАГАТЭ к информации, облегчение доступа Агентства к местам нахождения материала и рационали-

зация и усовершенствование ряда административных мер, ускоряющих процесс назначения инспекторов.

В результате реализации «Программы 93+2» в мае 1997 г. Совет управляющих принял типовой Дополнительный протокол, изданный Агентством под индексом INFCIRC/540, в качестве стандарта для дополнительных протоколов к соглашениям о всеобъемлющих гарантиях по документу INFCIRC/153.

Этот протокол дал Агентству дополнительные полномочия и важные новые средства повышения действенности и эффективности осуществления гарантий. Он значительно повышает возможности МАГАТЭ обнаруживать незаявленные ядерные материалы и деятельность, предоставляя ему более широкие права доступа к информации, площадкам и другим местам нахождения материала.

Теперь государства, присоединившиеся к Дополнительному протоколу, берут на себя обязательства предоставлять более полный объем информации о своей ядерной деятельности посредством *расширенного* заявления о своих ядерных программах. До этого времени государства-члены МАГАТЭ представляли заявления, которые включали только ядерные материалы и установки, содержащие или могущие содержать заявленные ядерные материалы, находящиеся на территории государства или под его юрисдикцией или контролем. В расширенном заявлении, в дополнение к этой информации, должны содержаться сведения о *всех других видах* ядерной деятельности государства. Эта информация должна включать описание всех процессов и местонахождение всех объектов, относящихся к ядерной деятельности (производство, исследования и разработки, обучение персонала и т.д.).

У Агентства появилось больше возможностей проверить точность и полноту данных расширенных заявлений, а также не только возможные факты переключения заявленного материала, но и наличие незаявленного материала или деятельности, так как значительно расширилась возможность доступа инспекторов МАГАТЭ к местам, где может находиться подобный материал. Основные меры, предусматриваемые Дополнительным протоколом, состоят в следующем:

- 1) получение информации и доступ инспекторов *ко всем аспектам* ядерного топливного цикла государств, *от урановых рудников до хранилищ урановых отходов*, а также к любым другим местам нахождения, где имеется ядерный материал, предназначенный для неядерного использования;
- 2) получение информации об исследованиях и разработках, связанных с ядерным топливным циклом, и механизмы их инспекторования;
- 3) получение информации о *всех зданиях, находящихся на ядерной площадке*, и доступ к ним инспекторов с *краткосрочным уведомлением*;
- 4) получение информации об изготовлении и экспорте *чувствительных технологий, связанной с ядерной деятельностью*, и механизмы инспекций в местах изготовления и импорта;
- 5) *отбор проб окружающей среды за пределами заявленных мест* нахождения в тех случаях, когда МАГАТЭ считает это необходимым;
- 6) административные мероприятия, улучшающие процесс назначения инспекторов, выдачу *многократных въездных виз* (необходимых для необъявленных инспекций) и доступ МАГАТЭ к современным средствам связи.

В целом эти меры существенно укрепляют международную систему гарантий. Теперь в отношении государств, присоединившихся к Дополнительному протоколу, Агентство может делать выводы не только об отсутствии переключения ядерного материала с заявленной деятельности, но и об отсутствии незаявленных ядерных материалов и ядерной деятельности в целом.

Процедуры присоединения к Дополнительному протоколу являются такими же, как и для соглашений о гарантиях. По состоянию на январь 2003 г. Советом управляющих одобрены дополнительные протоколы с 74 государствами, его подписали 67, включая все ядерные. Но только для 29 государств, включая одно ядерное (Китай), Дополнительный протокол уже вступил в силу. Россия и США протокол еще не ратифицировали. Страны Европейского Союза приняли решение об одновременном введении в действие протокола на своих территориях. По данным МАГАТЭ, из членов Союза следующие страны по состоянию на

январь 2003 г. не завершили внутренних процедур по вступлению в силу протокола: Великобритания, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург и Франция.

Из вышеизложенного видно, что количество стран, в которых уже применяется Дополнительный протокол, пока что довольно невелико. Темпы присоединения государств к протоколу оставляют желать лучшего, поэтому в последнее время Секретариат МАГАТЭ предпринимает активные усилия по его продвижению. В 2001 г. Секретариат разработал план действий, призванный содействовать более активному присоединению стран к протоколу. По этому плану Агентство разделило все государства на государства со значительной ядерной деятельностью (группа 1) и государства с незначительной ядерной деятельностью (группа 2). Последним было предложено подписать так называемый «Протокол малых количеств» (Small Quantities Protocol), по которому многие положения типового Дополнительного протокола не применяются (до тех пор, пока государство принадлежит к группе 2).

Среди причин не столь быстрого, как ожидалось, увеличения числа государств, принявших Дополнительный протокол, специалисты называют следующие: во-первых, сказывается отсутствие энтузиазма у таких стран, как, например, Соединенные Штаты, в отношении международных договоров в области ограничения вооружений, разоружения и нераспространения; во-вторых, нежелание стран ближневосточного региона (пока присоединилась только Иордания) подписывать протокол до тех пор, пока к нему не присоединится Израиль, а ведь именно события в этом регионе подтолкнули начать процесс укрепления системы гарантий МАГАТЭ; в-третьих, отмечают, что во время Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2000 г. и в ходе подготовки к такой конференции 2005 г. Дополнительному протоколу не уделялось и не уделяется достаточного внимания, этот вопрос был отодвинут на задний план дискуссиями о выполнении ядерными державами ст. VI ДНЯО относительно достижения полного ядерного разоружения.

Несмотря на определенную озабоченность, которую вызывает довольно медленный процесс присоединения государств к Дополнительному протоколу, этот процесс все же идет, и Агентство предпринимает довольно ощутимые усилия по его продвижению. Сейчас многое зависит от политической воли конкретных

государств. Главный же положительный момент заключается в том, что практически все страны согласны с тем, что систему гарантий МАГАТЭ — как основной контролирующей элемент режима нераспространения ядерного оружия — необходимо эффективно укреплять.

Вопрос, который волнует специалистов и более широкие круги общественности, — сможет ли укрепленная система гарантий обеспечить полную уверенность мирового сообщества в том, что государства, подписавшие Дополнительный протокол, выполнят свои обязательства по нераспространению ядерного оружия и по использованию ядерной энергии в мирных целях. Для этого в первую очередь необходимо, чтобы Дополнительный протокол подписали как можно больше государств, реализуя тем самым потенциал укрепленной системы гарантий.

После принятия типового Дополнительного протокола Агентство продолжает работу над усовершенствованием системы гарантий. С 1998 г. МАГАТЭ приступило к программе разработки *интегрированных гарантий* «integrated safeguards»³²³, которая направлена на оптимизацию системы гарантий с учетом новых мер, предусмотренных Дополнительным протоколом, с целью достижения максимальной эффективности и действенности в пределах выделенных ресурсов. В частности, если Агентство будет убеждено в отсутствии незаъявленных установок по переработке отработанного ядерного топлива, то принятые в настоящее время требования к контролю такого топлива могут быть существенно снижены. Подобная оптимизация может быть проведена и в отношении других категорий ядерного материала, не являющихся критическими с точки зрения ядерного нераспространения. Высвобождающиеся таким образом ресурсы могут быть направлены на применение международных гарантий в отношении все возрастающих количеств подлежащего гарантиям ядерного материала. Интегрированные гарантии могут осуществляться только в государствах, где вступили в силу как соглашение о всеобъемлющих гарантиях, так и Дополнительный протокол. В марте 2002 г. Совет управляющих МАГАТЭ одобрил

³²³ В официальных документах МАГАТЭ на русском языке употребляют термин «комплексные гарантии», что, на наш взгляд, является неудачным переводом.

«концептуальные рамки *интегрированных гарантий*», основанные на изложенных принципах.

Агентство в последнее время расширяет свою деятельность по улучшению контроля за *радиоактивными источниками*, исходя из того, что они потенциально могут быть использованы в качестве радиологического оружия. Принят Кодекс поведения по безопасности и сохранности радиоактивных источников. По оценке МАГАТЭ, подобные источники используются на 20 тысячах установок — главным образом медицинских и промышленных. При этом, как считают в Агентстве, более чем 100 государств не осуществляют за этими источниками элементарного контроля и многие из этих источников являются *бесхозными*.

Добровольная постанова под гарантии установок в ядерных государствах. В начале 1960-х гг. Соединенные Штаты, а затем Великобритания добровольно поставили под гарантии Агентства некоторое количество своих гражданских ядерных установок с тем, чтобы таким образом содействовать процессу принятия гарантий другими государствами.

В тот период Советский Союз возражал против установления контроля МАГАТЭ над ядерными объектами на своей территории, считая это неприемлемым «без осуществления разоружения»³²⁴. В ноябре 1966 г. директор отдела Департамента гарантий Агентства С. Накичич (Югославия) обратился к советскому представителю в Вене с предложением провести на Нововоронежской АЭС разработку практических методов и процедур применения гарантий в отношении водо-водяных реакторов. При этом «работа будет носить только научно-исследовательский характер и никоим образом не связывается с постановкой под гарантии установок, на основе которых такие процедуры разрабатываются»³²⁵. Положительный ответ советской стороны был дан в июне 1967 г.³²⁶ В дальнейшем на Нововоронежской АЭС проходила разработка процедур гарантий для энергетических реакторов типа ВВЭР-440, регулярно проводились курсы по подготовке инспекторов Агентства для применения гарантий на

³²⁴ АВП РФ. Ф. 047, оп. 10, п. 116, д. 42, лл. 81–82 и п. 128, д. 9, лл. 124–129.

³²⁵ АВП РФ. П. 128, д. 9, лл. 124–129.

³²⁶ Там же. Оп. 13, п. 135 д. 7, л. 84.

таких реакторах, строившихся в ряде социалистических стран, а также в Финляндии.

Для содействия получению согласия на принятие гарантий в отношении всей ядерной деятельности неядерных государств, особенно индустриально развитых, в ходе переговоров по статье III ДНЯО возникла необходимость во встречах шагах со стороны ядерных держав. Некоторые неядерные страны (Индия, Бразилия, Швейцария, Швеция, Нигерия, Эфиопия) выступали с весьма радикальных позиций, предлагая, чтобы гарантии на «недискриминационной» основе применялись и в ядерных государствах. Другие неядерные страны (ФРГ, Япония, Италия, Бельгия), не выдвигая столь далеко идущих требований, утверждали, что, открывая свои реакторы и другие ядерные установки для инспекций международными контролерами, они тем самым оказываются в невыгодном с точки зрения промышленной и коммерческой конкуренции положении.

Как отмечал председатель КАЭ США Г. Сиборг,

«чаще всего в качестве конкурента назывался Советский Союз, но нам было ясно, что они на деле были более озабочены конкуренцией со стороны Соединенных Штатов, однако дипломатично умалчивали об этом. Мы пытались ответить на их жалобы тем, что инспекторы МАГАТЭ будут иметь инструкции не вмешиваться в эксплуатацию реакторов. Однако убедительно подать этот аргумент было трудно [...]. Как мне представляется, аргументы относительно коммерческих невыгод, возможно, были несколько надуманными и на деле предназначались для того, чтобы замаскировать сопротивление основным положениям ДНЯО. В некоторых промышленно развитых странах требование об отказе от ядерного оружия на неопределенное время было серьезной внутренней политической проблемой. Однако для любой из них признать это было не вполне респектабельно. Но, с другой стороны, было совершенно респектабельно утверждать, что предлагаемые положения о гарантиях угрожают поставить законное развитие их промышленности в невыгодное положение»³²⁷.

³²⁷ Seaborg Glenn T. with Loeb Benjamin S. *Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years.* Lexington (MA), Toronto: Lexington Books, 1986. P. 297.

В ходе переговоров по ДНЯО представитель США в Комитете по разоружению У. Фостер предложил такой выход: США предоставят МАГАТЭ возможность применять гарантии ко всей американской *гражданской* ядерной деятельности, но при условии, что, во-первых, такое предложение будет сделано только после того, как станет ясно, что оно существенно облегчит принятие статьи III ДНЯО, и, во-вторых, оно будет реализовано только после вступления в силу этого договора, и что договор будет предусматривать обязательные гарантии в неядерных государствах. Американское предложение было официально объявлено президентом Л. Джонсоном 2 декабря 1967 г. Вскоре аналогичное заявление сделал в Комитете восемнадцати представитель Великобритании³²⁸.

С советской стороны тогда каких-либо заявлений не делалось. Советский Союз довольно долго оттягивал постановку под гарантии Агентства своих атомных установок на добровольной основе. Когда СССР дал такое согласие, то, в отличие от США и Великобритании, он одобрил принятие гарантий МАГАТЭ в отношении не всей своей гражданской ядерной деятельности, а только нескольких десятков ядерных установок, поскольку в СССР гражданский и военный секторы атомной отрасли исторически не были разделены и в ряде случаев, например на гражданских научно-исследовательских реакторах, проводились закрытые военные исследования.

Соответствующие соглашения с МАГАТЭ о гарантиях вступили в силу: с Великобританией – в 1978 г., с Соединенными Штатами – в 1980 г., с Францией – в 1981 г., с Советским Союзом – в 1985 г. и с Китаем – в 1989 г.

Практически деятельность Агентства по применению гарантий в государствах, располагающих ядерным оружием, ограничивается небольшим количеством ядерных установок ввиду скромных финансовых возможностей МАГАТЭ. Тем не менее добровольные действия этих государств способствовали отклонению или во всяком случае смягчению утверждений некоторых неядерных стран, что ДНЯО носит дискриминационный характер. В 2001 г. под гарантиями во всех пяти ядерных государствах находились 12 атомных установок, в основном хранилища ядер-

ных материалов, а также заводы по обогащению, плюс еще 3 установки, в которых под гарантиями имелось некоторое количество ядерных материалов³²⁹.

Трехсторонняя инициатива РФ, США и МАГАТЭ. В последние годы Россия и США предпринимают усилия по добровольной постановке под контроль МАГАТЭ расщепляющихся материалов оружейного происхождения, высвобождаемых из ядерных оружейных программ. В 1996 г. Россия, США и Агентство договорились создать прототип системы проверки с целью обеспечения того, чтобы материал оружейного происхождения, выводимый из «оборонных программ», не использовался для каких-либо военных целей. Международная проверка будет основываться на принципе *информационных барьеров*, что позволит международным инспекторам получать необходимые сведения для того, чтобы гарантировать надежность и независимость контроля. В то же время не будет доступа к секретной информации, что обеспечит соблюдение ядерными государствами статьи I ДНЯО.

На встрече министров РФ и США и Генерального директора МАГАТЭ в Вене 16 сентября 2002 г. было констатировано, что трехсторонняя рабочая группа свою задачу по рассмотрению технических, правовых и финансовых вопросов, связанных с установлением контроля, выполнила, в результате чего продемонстрированы практические подходы к реализации такого контроля. Техническим экспертам поручено незамедлительно приступить к обсуждению дальнейшего сотрудничества в трехстороннем формате. Министры и Генеральный директор Агентства договорились рассмотреть результаты этой работы в сентябре 2003 г.³³⁰

В своем выступлении на генконференции Агентства 16 сентября 2002 г. министр РФ по атомной энергии А.Ю. Румянцев заявил, что, как показывает анализ результатов консультаций, проводимых в рамках Трехсторонней инициативы, достигнут достаточный уровень проработки технических, правовых и финансовых аспектов контроля МАГАТЭ над избыточным оружейным расщепляющимся материалом. Предполагается продолжить консультации в трехстороннем формате в контексте реализации положений соглашения между Российской Федерацией и Соеди-

³²⁹ Док. МАГАТЭ GC(46)/2. С. 141.

³³⁰ Press Release IAEA 2002/13, 16 September 2002.

³²⁸ Док. ENDC/PV.353.

ненными Штатами об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, подписанного в сентябре 2000 г. Целью этих консультаций российская сторона считает разработку проекта соответствующего соглашения с МАГАТЭ, позволяющего ему осуществлять меры проверок утилизируемого плутония, заявленного как не являющийся более необходимым для целей обороны. Со своей стороны, министр энергетики США С. Абрахам в выступлении на сессии Агентства предложил созвать международную конференцию для дальнейшего продвижения Трехсторонней инициативы в рамках мирового сообщества.

Гарантии в неядерных странах, не являющихся участниками ДНЯО.

Наряду с неядерными государствами-участниками ДНЯО, имеющими соглашения о гарантиях на основе INFCIRC/153, и ядерными государствами, заключившими на добровольной основе соглашения с МАГАТЭ о постановке под гарантии части своей мирной ядерной деятельности, неядерные страны, не присоединившиеся к ДНЯО, также заключили соглашения с Агентством о применении гарантий к некоторым своим установкам по документу INFCIRC/66/Rev.2. Как правило, это делалось по требованию государств-поставщиков. Такие соглашения заключены с Индией, в том числе о строительстве АЭС в Куданкуламе при содействии России, с Пакистаном и Израилем. Однако в этих государствах соглашениями охватывается лишь небольшое число установок, имеющих гражданское назначение.

Общий объем деятельности МАГАТЭ по гарантиям. По состоянию на конец 2001 г. Агентство имело 225 действующих соглашений о гарантиях со 141 государством. Всего под контролем Агентства по всем соглашениям о гарантиях, включая установки в ядерных государствах, находились более 900 установок и 117 162 «значимых количеств» материалов в различном виде: выделенный плутоний, высокообогащенный уран (ВОУ), низкообогащенный уран (НОУ), облученное ядерное топливо (ОЯТ) и т.п.³³¹

Хотя это сравнительно небольшая доля всего ядерного материала, накопленного в мире с начала атомной эры, тем не менее

³³¹ Док. МАГАТЭ GC(46)/2. С. 140–141.

Под «значимыми количествами» («significant quantities») понимаются материалы прямого назначения: 8 кг по плутонию, 8 кг по урану-233 и 25 кг по урану-235 с обогащением 20 и более процентов.

можно с полным основанием говорить о том, что международный контроль над атомной энергией в значительной степени *уже существует*, постоянно расширяется и имеет неплохие перспективы для дальнейшего развития. МАГАТЭ за 45 лет существования зарекомендовало себя как достаточно надежная всемирная организация, которая не стоит на месте, неизменно совершенствуя свой инструментарий международного контроля. Неслучайно членский состав Агентства постоянно растет, вступающие в него новые члены отдают себе полный отчет в том, что развитие атомной энергии невозможно без применения гарантий для недопущения ее использования в недозволенных целях. МАГАТЭ – бесспорный институциональный фундамент международного режима ядерного нераспространения.

Комитет Цангера и Группа ядерных поставщиков. Эти международные механизмы, определяющие материалы, оборудование и технологии, подлежащие экспортному контролю, и регулирующие его нормы, являются важной составляющей режима ядерного нераспространения и содействуют обеспечению международного контроля над атомной энергией.

Международная система контроля над ядерным экспортом в целях нераспространения основывается на пункте 2 статьи III ДНЯО, согласно которой каждое из государств-участников ДНЯО «обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный материал не распространяются гарантии» МАГАТЭ.

Исходя из данной статьи, совместными усилиями промышленно развитых стран был создан режим контроля над ядерным экспортом, реализуемый через национальные законодательства этих государств на основе международных договоренностей, достигнутых в рамках Комитета Цангера и Группы ядерных поставщиков (ГЯП).

Необходимость формирования международной системы контроля за ядерным экспортом была обусловлена как международно-политическими, так и экономическими факторами. Первоначальным толчком стал факт проведения в 1974 г. Индией, не

входящей в ДНЯО, испытания ядерного взрывного устройства, причем существенное содействие ей было оказано из-за рубежа, прежде всего Канадой, поставившей реактор *CIRUS* без требования о гарантиях. Для государств, которые стали позитивно относиться к проблемам ядерного нераспространения после подписания ДНЯО, индийский взрыв послужил явственным сигналом, что предстоит еще много работы по усилению режима нераспространения. Вторым важным событием, оказавшим воздействие на стремление ряда государств скоординировать усилия, стало многократное увеличение цен на нефть в 1973–1978 гг. В этих условиях ядерная энергетика стала заманчивой альтернативой нефтяной. Поскольку многие эксперты полагали, что уран является относительно редким элементом, то в качестве наиболее вероятной перспективы стали рассматриваться ядерные реакторы с плутониевым топливным циклом. МАГАТЭ предсказывало, что к концу 1980-х гг. плутониевое топливо будет использоваться примерно в 40 государствах³³². Проблема контроля за большими количествами выделенного плутония, который пригоден и для военных целей, представлялась серьезным испытанием для режима ядерного нераспространения.

По мере того как все возрастающее число государств стало проявлять интерес к переработке топлива и выделению плутония, появилась озабоченность, что предприятия по переработке топлива, *даже находясь под гарантиями МАГАТЭ*, могут переключить находящийся под гарантиями плутоний для изготовления ядерного оружия в относительно короткий период, предоставляя мировому сообществу слишком мало времени для организации эффективного воздействия. Так, Пакистан, подталкиваемый проведенным Индией в 1974 г. испытанием, активизировал попытки приобрести во Франции завод по переработке ОЯТ и осуществить секретную программу по обогащению урана. Тайвань, желая укрепить свои позиции в противостоянии с КНР, обратился к Франции с заявкой на покупку технологии переработки ОЯТ и к Великобритании с заявкой на переработку его ОЯТ. Южная Корея, опасавшаяся своего северного соседа и не-

³³² Этот прогноз, однако, не сбывлся. На практике смешанное уран-плутониевое топливо используют только несколько стран, главным образом Франция, Бельгия и Швейцария.

уверенная в надежности обязательств США по ее обороне, добилась приобретения технологии переработки у Франции. Ирак, в ответ на угрозы со стороны Израиля и Ирана, ускорил работы по получению возможности как обогащения урана, так и переработки плутония.

Эти события, наряду с неосмотрительной политикой в области экспорта, проводимой государствами-ядерными поставщиками (например, в 1975 г. ФРГ заключила контракт с Бразилией на поставку технологии, охватывающей весь ядерный топливный цикл), вынудили ведущие государства-экспортеры задуматься о неотложных мерах по упрочению контроля за ядерным экспортом.

Решительные шаги были предприняты в США в период администрации Дж. Картера (1977–1981 гг.). Соединенные Штаты заявили, что не будут далее перерабатывать ОЯТ либо экспортировать технологии обогащения и переработки. В 1978 г. Конгресс США принял Закон о ядерном нераспространении, фактически вводящий норму полноохватных гарантий, которая сегодня стала международно признанной составляющей системы экспортного контроля. Однако в 1970-е гг. она не получила еще широкой поддержки в мире. Решение проблем экспортного контроля можно было найти только на пути международного сотрудничества, и соответствующие усилия предпринимались уже с начала 1970-х гг.

Названный по имени его первого председателя К. Цангера *Комитет Цангера* был создан в 1971 г., чтобы достичь общей договоренности экспортеров-членов ДНЯО относительно взаимоприемлемого определения того, что составляет «оборудование или материал, специально предназначенные или подготовленные для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала», в целях соблюдения обязательств по статье III.2 ДНЯО на основе добросовестной коммерческой конкуренции.

В итоге в августе 1974 г. государствами-поставщиками были согласованы два меморандума: Меморандум А, охватывающий экспорт «исходного и специального расщепляющегося материала» (подпункт «а» статьи III.2), и Меморандум В – экспорт «оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производ-

ства специального расщепляющегося материала» (подпункт «b» той же статьи). В совокупности они составили *Исходный список (Trigger List)*, т.е. перечень предметов, экспорт которых должен контролироваться путем постановки их под гарантии. Были также согласованы Пояснения (Clarifications) к Исходному списку, в которых содержались более детальные характеристики ядерного оборудования.

Что касается применения гарантий к поставляемым экспортерами материалам или оборудованию, то достигнутыми договоренностями предусматривалось, что при поставках в неядерные страны, не являющиеся участниками ДНЯО, правительство-экспортер: а) будет требовать от получателя в качестве условия поставки, что исходные или специальные расщепляющиеся материалы не должны переключаться на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и б) должно удостовериться в том, что к таким поставляемым материалам применяются гарантии по соглашению с Агентством и в соответствии с его системой гарантий.

Рекомендации Комитета Цангера имели определенные недостатки. Прежде всего, эти рекомендации привязаны к ДНЯО. Франция, один из крупнейших ядерных экспортеров, в 1970-е гг. еще не являлась участницей ДНЯО. Вместе с тем она поставила реактор Ираку и передала технологию переработки ОЯТ Южной Кореи и Пакистану.

После произведенного Индией испытания 1974 г. страны-поставщики ядерных технологий пришли к выводу о необходимости выработать новые международные нормы контроля над ядерным экспортом. Кроме того, был нужен механизм, напрямую не привязанный к ДНЯО, что дало бы возможность странам, не присоединившимся к Договору, участвовать в многостороннем режиме контроля над ядерным экспортом.

По инициативе США, СССР и Великобритании начиная с 1975 г. в Лондоне проходили переговоры этих стран совместно с Францией, Канадой, ФРГ и Японией, составивших первоначальную основу *Группы ядерных поставщиков (ГЯП)*, по выработке единых правил регулирования ядерного экспорта.

В 1977 г. ГЯП единогласно приняла Руководящие принципы для ядерного экспорта, взяв за основу Исходный список Комитета

Цангера и расширив его за счет таких чувствительных технологий, как производство тяжелой воды, обогащение урана, переработка ОЯТ.

Участники ГЯП согласились на ряд серьезных дополнительных ограничений и гарантий. В частности, товары, импортируемые неядерными государствами, не должны использоваться для производства каких-либо ядерных взрывных устройств, в том числе для ядерных взрывов в мирных целях. Важным положением стало применение гарантий МАГАТЭ не только при экспорте ядерного материала и оборудования, но и при вывозе ядерных технологий, по крайней мере таких, которые будут сочтены критическими с точки зрения нераспространения. Это положение позволяло ввести контроль над возможным копированием установок по производству тяжелой воды, обогащению урана и переработке ОЯТ, исходя из имевшегося опыта, когда, в частности, Индия получила плутоний для ядерных взрывных устройств с реактора, скопированного с того, который был получен от Канады.

Руководящие принципы требуют таких же заверений в случае реэкспорта, как и при прямой поставке; кроме того, должно быть получено согласие ядерного экспортера на подобную сделку. Было введено требование обеспечения надежной физической защиты предметов ядерного экспорта от хищений и диверсий и определены уровни такой защиты в зависимости от *чувствительности* материала с точки зрения риска распространения.

11 января 1978 г. участники ГЯП (к тому времени их насчитывалось 15) направили в МАГАТЭ письма, к которым прилагался текст Руководящих принципов для ядерного экспорта. МАГАТЭ распространило их как свой официальный документ (INFCIRC/254) в целях информирования всех государств-членов Агентства.

ГЯП, вместе с тем, на первом этапе своей деятельности не смогла решить ряд важных вопросов, что сказывалось на эффективности режима. Среди проблем, которые ставились в ходе встреч ГЯП и которые не удалось тогда решить, был вопрос о полноохватных гарантиях. Отрицательная позиция Франции и ФРГ, отговорки Японии, Италии и Швейцарии не позволили включить требование о распространении гарантий МАГАТЭ на *всю* ядерную деятельность любых государств-получателей, не обладающих ядерным оружием. Советский Союз, активно поддер-

жавший полноохватные гарантии вместе с Великобританией, Канадой и восточноевропейскими странами, не стал вводить данное требование в свое внутреннее законодательство, мотивируя это необходимостью достижения общеобязательной договоренности между *всеми* основными ядерными поставщиками.

Изменение позиции США в 1978, Японии в 1989 и ФРГ в 1990 гг. открыло дорогу для согласованных действий в этой области.

Другой проблемой, требовавшей решения на многосторонней основе, стал контроль за экспортом оборудования и материалов *двойного использования*, а также соответствующей технологии, применяемых в ядерных целях. Поскольку речь шла о значительном расширении контроля над предметами экспорта по сравнению с Исходным списком, односторонние меры государств-поставщиков могли иметь негативные экономические последствия. С большим трудом участники ГЯП пришли в дальнейшем к согласию по поводу создания многостороннего механизма контроля за экспортом продукции двойного использования, применяемой в ядерной области. Слабым звеном было отсутствие механизма обмена информацией и постоянных консультаций между участниками ГЯП.

К 1990-м гг. стали слишком очевидны недочеты режима контроля над ядерным экспортом. Интернационализация научно-технических знаний привела к резкому увеличению числа поставщиков критических технологий. Страны, тайно работавшие над военными ядерными программами, сменили тактику закупок: если ранее они предпочитали строительство ядерного объекта «под ключ», то теперь закупали отдельные товары и технологии двойного использования через посредников и интегрировали эти «узлы» в свою ядерную инфраструктуру. Существовало много обходных путей для размещения заказов на продукцию, подлежащую экспортному контролю.

Так, до операции «Буря в пустыне» Ирак систематически вводил в заблуждение иностранных поставщиков и их правительства относительно конечных получателей закупленных товаров. Широкие рамки иракской программы впоследствии стали побудительным мотивом при принятии решения об ужесточении процедур и контрольных мер МАГАТЭ.

Война в Персидском заливе подтолкнула промышленно развитые страны к переосмыслению политики экспортного контроля, и 27 членов ГЯП после почти 14-летнего перерыва начали работу над совершенствованием этого режима. Встреча в апреле 1992 г. в Варшаве ознаменовала новый этап в эволюции многостороннего режима ядерного экспортного контроля. Во встрече принимала активное участие Россия, взявшая на себя международные обязательства Советского Союза в области ядерного нераспространения.

Приложения к Руководящим принципам для ядерного контроля были обновлены и гармонизированы с Исходным списком, обновленным участниками Комитета Цангера после 1978 г. Были приняты три новых важных документа, касающихся экспорта товаров и технологий двойного использования, применяемых в ядерной области: перечень последних, Руководящие принципы и Меморандум о взаимопонимании по процедурным вопросам. Государство, подписавшее Меморандум, обязывалось обмениваться информацией и уведомлять партнеров о предоставленных и неутвержденных лицензиях. Члены ГЯП также приняли правило, согласно которому, хотя окончательное решение о выдаче лицензии принимает каждое государство исходя из собственного понимания проблемы, все участники обязуются не разрешать экспорт без предварительной консультации с правительством страны, по определенным причинам запретившей экспорт данного товара или технологии.

Было также решено образовать контактный пункт для обмена информацией относительно поставок предметов двойного использования, каковым стала миссия Японии при МАГАТЭ в Вене. Страны-члены ГЯП информируют других членов об имеющихся у них сведениях относительно того, что какая-либо организация или фирма осуществляет поставки в нарушение имеющихся международных договоренностей.

На той же встрече в Варшаве было принято заявление о полноохватных гарантиях (full-score safeguards) как обязательном условии ядерных поставок в любое неядерное государство. Передача ядерных установок, оборудования, компонентов, материала и технологии, упомянутых в экспортном Исходном списке Руководящих принципов для ядерных передач, не должна разрешаться неядерному государству, если оно не ввело в действие

соглашение с МАГАТЭ, требующее применения гарантий в отношении *всего* исходного и специального расщепляющегося материала в его нынешней и будущей мирной ядерной деятельности. Передача может быть разрешена лишь в исключительных случаях, когда она считается весьма важной для *безопасной* эксплуатации существующих установок и если в отношении последних применяются гарантии. Поставщики должны предоставлять информацию и при необходимости проводить консультации, когда они намереваются разрешить такие поставки.

27 марта 1992 г. президент РФ Б.Н. Ельцин подписал указ, который установил, что экспорт из России ядерных материалов, технологий, оборудования, установок и специальных неядерных материалов, предназначенных для их обработки, использования или производства, в любое неядерное государство может осуществляться только при условии постановки всей ядерной деятельности этого государства под гарантии МАГАТЭ. Таким образом, в национальном российском законодательстве был кодифицирован принцип полноохватных гарантий. Это помогло прийти к консенсусу по данному вопросу и принять соответствующее заявление в рамках ГЯП. При этом было согласовано, что подобная политика не применяется к существовавшим на тот момент соглашениям и контрактам.

Решение о введении принципа полноохватных гарантий не имеет обратной силы и, таким образом, не распространяется, в частности, на соглашение между Россией (тогда СССР) и Индией 1988 г. о строительстве АЭС в Куданкуламе при соответствующих гарантиях МАГАТЭ.

В то же время Руководящие принципы ядерного экспорта, принятые в ГЯП, допускают в исключительных случаях экспорт в неядерные государства, не поставившие всю свою деятельность под контроль Агентства, для обеспечения безопасности эксплуатации уже действующих ядерных установок, находящихся под гарантиями МАГАТЭ. В России соответствующее положение было закреплено указом президента В.В. Путина от 6 мая 2000 г.

Основываясь на этом принципе ГЯП, введенном в действие в Российской Федерации упомянутым указом президента, Россия поставила в 2000 г. для АЭС Тарапур в Индии, построенной еще в 1960-х гг. Соединенными Штатами и находящейся под гарантиями Агентства, около 58 т диоксида урана с обогащением от

1,66 до 2,6 %. Однако большинство членов ГЯП, включая США, оспаривают обоснованность приводимого российской стороной довода, что поставка топлива вызвана необходимостью обеспечения безопасности этой АЭС³³³. Аргументированное мнение членов ГЯП разделяют и некоторые российские эксперты.

Принятие нового члена ГЯП осуществляется на основе консенсуса. При рассмотрении вопроса о членстве принимаются в расчет следующие факторы:

- 1) способность поставлять предметы (в том числе путем транзита), включенные в приложения к Руководящим принципам ГЯП;
- 2) приверженность Руководящим принципам ГЯП и осуществление действий в соответствии с ними;
- 3) наличие юридически обязательной национальной системы экспортного контроля, реализующей приверженность действиям в соответствии с Руководящими принципами;
- 4) присоединение к ДНЯО, договорам Тлателолко, Пелиндаба, Раротонга, Бангкокскому договору или другому аналогичному международному соглашению о ядерном нераспространении, а также полное выполнение обязательств по таким договорам;
- 5) поддержка международных усилий по нераспространению ОМУ и средств его доставки.

ГЯП проводит ежегодные пленарные заседания. В дополнение к ним ГЯП имеет рабочие группы, а также, как указывалось, контактный пункт по вопросам режима двойного использования. Участниками ГЯП являются 40 государств, и Европейская комиссия является постоянным наблюдателем. Россия поставила вопрос о привлечении к работе Группы стран-неучастниц, развитых в ядерном отношении и являющихся потенциальными ядерными поставщиками (Китай, Индия, Пакистан, Израиль и

³³³ Подробнее о российско-индийском сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии см.: Федченко В.Г. Российско-индийские отношения в ядерной области и вопросы экспортного контроля. В сб.: *Научные Записки ПИР-Центра*. № 17. Тимербаев Роланд, Шилин Александр и Федченко Виталий. Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы. М.: ПИР-Центр, 2001. С. 61–82.

др.), но эта идея пока поддержки в ГЯП не получила. На своих последних пленарных заседаниях, состоявшихся в 2001 и 2002 гг. в Аспене (штат Колорадо, США) и Праге, Председателю ГЯП, который ротируется на ежегодной основе, поручено продолжать контакты с нечленами Группы, такими, как Китай, Египет, Индия, Индонезия, Иран, Малайзия, Мексика, Пакистан, Израиль в целях укрепления глобального режима нераспространения, в том числе путем усиления применения мер экспортного контроля³³⁴.

Принятые ГЯП договоренности о нормах ядерного экспорта изданы в виде документов МАГАТЭ INFCIRC/254/Rev.5/Part 1 (corrected) и Rev.4/Part 2. ГЯП и Комитет Цангера³³⁵ постоянно работают над совершенствованием списков ядерных предметов и предметов двойного использования с учетом развития соответствующих технологий³³⁶. Договоренности о контроле за ядерным экспортом — важный элемент международного контроля над атомной энергией.

Региональные системы гарантий

Наряду с универсальными организациями — МАГАТЭ, ГЯП и Комитетом Цангера — существуют и региональные организации, имеющие свои системы гарантий и контроля.

Евраторм (Европейское сообщество по атомной энергии) — наиболее ранняя по времени образования региональная организация. Она была создана по Римскому договору 1957 г., который вступил в силу 1 января 1958 г. Первоначальными членами были шесть государств — Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ. Сейчас в Евраторме входят 15 государств-членов Европейского союза (ЕС), и в дополнение к перечисленным вы-

³³⁴ Nuclear Suppliers Group Plenary Meeting, 16–17 May 2002, Cernin Palace, Prague. Press Statement (www.nuclearsuppliersgroup.org).

³³⁵ Комитет сейчас насчитывает 35 членов, включая КНР. Это единственный международный механизм экспортного контроля, в который входит Китай.

³³⁶ Подробнее о ГЯП и Комитете Цангера см.: Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания. М.: ПИР-Центр, 2000; Ядерное нераспространение. Том I. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 335–353; 2nd NSG International Seminar on the Role of Export Controls in Nuclear Non-Proliferation. 8–9 April 1999. United Nations Headquarters. N.Y.

ше Австрия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Португалия, Финляндия и Швеция.

Основной задачей Евратора является содействие созданию и развитию ядерной промышленности, совместное проведение исследовательских работ, обмен научно-технической информацией, создание общего рынка оборудования и сырья. Но при этом должно обеспечиваться условие, что сырье, исходные и специальные расщепляющиеся материалы «не будут переключаться на иные цели, чем те, для которых они предназначены».

Основными органами Евратора являются: Европейский парламент, Совет министров, Комиссия европейских сообществ, Генеральный директорат по энергии Директорат по гарантиям, осуществляющий гарантии в странах Евратора и имеющий свой инспекционный аппарат. Существуют также Агентство Евратора по снабжению, в задачу которого входит обеспечение сырьем и ядерным топливом, а также совместные научно-исследовательские центры в Испре (Италия), Карлсруэ (Германия), Гееле (Бельгия) и Петтене (Нидерланды). В Испре находится постоянный секретариат Европейской ассоциации по исследованию гарантий и их развитию (European Safeguards Research and Development Association). Система гарантий Евратора во многом сходна с гарантиями МАГАТЭ, а в некоторых отношениях является даже более эффективной, однако она распространяется только на определенную группу стран-участниц. Гарантиями охвачена и гражданская атомная деятельность ядерных держав — Великобритании и Франции.

При разработке ДНЯО в 1966–1968 гг. участники Евратора, поддерживаемые Соединенными Штатами, настаивали на том, чтобы в этих странах применялись гарантии Евратора, а не МАГАТЭ. Это на многие месяцы затянуло достижение согласия по статье III о контроле, поскольку Советский Союз и ряд других государств справедливо и обоснованно требовали применения единых международных гарантий Агентства для всех без исключения неядерных государств-участников ДНЯО.

Следует отметить, что среди некоторых американских специалистов, в особенности связанных с работой МАГАТЭ, создание Евратора и особенно проблема взаимоотношений между системами гарантий обеих организаций вызывали серьезные опасения. Первый Генеральный директор МАГАТЭ американец С. Коул даже

направил президенту Д. Эйзенхауэру 15 мая 1958 г. конфиденциальное письмо, в котором высказал озабоченность в связи с тем, что планируемое соглашение о сотрудничестве между Евратомом и Агентством в странах Евратома предусматривает, как он выразился, «самоинспекцию». Коул указал, что такой шаг «будет иметь серьезные последствия для Агентства», и настоятельно призвал принять меры к тому, чтобы «гарантии и учет (ядерных материалов) в Евратоме были возложены на Агентство»³³⁷. 21 января 1959 г. Коул пишет еще одно письмо Эйзенхауэру с требованием, чтобы была создана «единообразная и универсально применимая система гарантий»³³⁸. Обращения Коула даже к американскому президенту действия не возымели. Страны Евратома создали собственную систему гарантий, и на их территориях МАГАТЭ гарантий в тот период не применяло.

На переговорах по ДНЯО по инициативе советской стороны в конечном счете было решено, что Евратом заключит с МАГАТЭ многостороннее соглашение о гарантиях Агентства в странах Евратома³³⁹.

На практике инспекторы Евратома осуществляют свою деятельность под наблюдением инспекторов МАГАТЭ или одновременно с ними, однако совместная деятельность приводила к значительному дублированию и излишним расходам. В связи с этим был принят «новый подход к партнерству» между МАГАТЭ и Евратомом, основанный на принципе «одна задача, один человек», и 28 апреля 1992 г. между двумя организациями заключено соглашение о партнерстве, что привело к существенному снижению объема инспекционной деятельности Агентства в странах Евратома без ослабления эффективности независимого контроля со стороны МАГАТЭ за ядерной деятельностью стран Евратома. Предполагается дальнейшее расширение сотрудничества между МАГАТЭ и Евратомом в целях повышения эффективности и экономичности гарантий.

³³⁷ National Security Archive and Chadwyck-Healey (NSA). Sterling Cole to the President. May 15, 1958. Nuclear Non-Proliferation File, No. 00419.

³³⁸ NSA. Sterling Cole to Dwight D. Eisenhower, President of the United States, January 21, 1959. Nuclear Non-Proliferation File. No. 00518.

³³⁹ Подробнее об этом см.: Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. С. 188.

Контроль за соблюдением соглашений о зонах, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО). ДНЯО признает право любой группы государств заключать «региональные договоры с целью обеспечения полного (выделено мной. — Р.Т.) отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях». На основе проведенного Конференцией по разоружению в 1975 г. «Всеобъемлющего исследования по вопросу о зонах, свободных от ядерного оружия» Генеральная Ассамблея ООН приняла определение понятия такой зоны, которое предусматривает учреждение «международной системы проверки и контроля для обеспечения гарантии выполнения обязательств», взятых на себя участниками зоны³⁴⁰.

К настоящему времени образованы зоны, свободные от ядерного оружия, в Латинской Америке (Договор Тлателолко от 14 февраля 1967 г.), в южной части Тихого океана (Договор Раротонга от 6 августа 1985 г.), в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор от 15 декабря 1995 г.) и в Африке (Договор Пелиндаба от 11 апреля 1996 г.). В целом они охватывают около 100 государств. Ведутся переговоры о создании безъядерной зоны в Центральной Азии.

Каждый из этих договоров содержит положения о проверке и контроле за соблюдением принятых на себя участниками зон обязательств. По первоначальному тексту *Договора Тлателолко* предусматривалось проведение соответствующих инспекций, в том числе и специальных, как Международным агентством по атомной энергии, так и ОПАНАЛ — организацией стран-участниц зоны, однако позднее в договор была внесена поправка, вступившая в силу в 2000 г., которая оставила за МАГАТЭ исключительное право на проведение специальных инспекций. Участники Договора имеют соглашения с Агентством о гарантиях. В октябре 2002 г. Куба ратифицировала Договор Тлателолко. Таким образом, завершилось вступление в силу этого договора в полном объеме.

Договор Раротонга, наряду с применением гарантий МАГАТЭ, предусматривает создание контрольной системы, включающей представление докладов, обмен информацией, проведение консультаций, процедуры подачи жалоб и осуществление спе-

³⁴⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3472В(XXX) от 11 декабря 1975 г.

циальных инспекций (ст. 8 и Приложение 4). Каких-либо сведений о применении статьи 8 в средствах массовой информации не появлялось.

Бангкокский договор также содержит положения о гарантиях и проверке, сходные с Договором Раротонга, однако в полную силу он не вступил ввиду того, что ядерные государства воздерживаются от присоединения к протоколу, распространяющему положения Договора на «исключительные экономические зоны», которые, как правило, простираются на 200 морских миль за пределы береговой черты, что эти страны считают противоречащим свободе судоходства в открытом море.

Договор Пелиндаба предусматривает применение всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ, а также создание Африканской комиссии по ядерной энергии, которая будет иметь право получать отчеты государств-участников о соблюдении положений Договора, рассматривать жалобы сторон и проводить инспекции. При этом, в соответствии с Приложением IV к Договору, «каждый участник должен предоставить миссии инспекторов полный и свободный доступ ко всей информации и местам на своей территории, которые могут быть сочтены инспекторами необходимыми для осуществления инспекции». Договор в силу еще не вступил.

Кроме того, существует *Договор об Антарктике* 1959 г., который установил, что Антарктика используется только в мирных целях, там запрещены любые мероприятия военного характера, в том числе проведение ядерных взрывов и удаление радиоактивных материалов. В Договоре имеются положения о контроле. Каждая сторона, участвующая в совещаниях по Договору, имеет право назначать наблюдателей для проведения любой инспекции, при этом устанавливается «полная свобода доступа в любое время в любой район или все районы Антарктики» (ст. VII). Такие инспекции время от времени проводятся наблюдателями от различных государств, в том числе и российскими представителями.

Как видим, региональные соглашения по ядерному разоружению также содержат далеко идущие положения о международном контроле над атомной энергией.

АБАКК. Необходимость создания Бразильско-аргентинского агентства по контролю и наблюдению (АБАКК) была вызвана многолетним соперничеством между Аргентиной и Бразилией в

развитии ядерных программ, начавшимся еще в 1950-е гг., которое было направлено на предотвращение доминирования какой-либо одной страны в регионе. В перспективе эти программы могли бы привести к возникновению ситуации ядерного сдерживания на субконтинентальном уровне. По мнению специалистов, лихорадочное соперничество в создании «параллельных» атомных проектов было прекращено не столько в силу международного давления или каких-либо договоренностей в области ядерного нераспространения, сколько из-за истощения экономических возможностей сторон³⁴¹.

С начала 1990-х гг. стал развиваться процесс аргентино-бразильского сближения, который существенно снизил уровень военно-политической напряженности между двумя странами. В июле 1991 г. президентами Аргентины К. Менемом и Бразилии Ф.К. де Мелло было подписано Гвадалахарское соглашение, в соответствии с которым было создано АБАКК. В дальнейшем было заключено четырехстороннее соглашение между Аргентиной, Бразилией, АБАКК и МАГАТЭ, подписанное в 1991 г. и вступившее в силу в марте 1994 г. Пакет соглашений, включающий двусторонние обязательства, содержит более жесткие условия по контролю, чем ДНЯО и система гарантий МАГАТЭ.

Основным органом АБАКК является Комиссия, состоящая из двух членов от каждой страны. Секретариат, находящийся в Рио-де-Жанейро, состоит из 9 членов, в том числе из секретаря и заместителя секретаря (одного аргентинца и одного бразильца, которые ежегодно поочередно меняются местами). Этот орган осуществляет гарантии на 75 установках, ими охвачены все ядерные материалы обеих стран. Секретариат располагает 10 техническими экспертами и 70 инспекторами, имеет 14 лабораторий. За десять лет существования АБАКК инспекторы провели 1200 инспекций (4400 человеко-дней инспекций) 75 ядерных установок. АБАКК действует в тесном сотрудничестве с МАГАТЭ. Ожидается, что АБАКК и Агентство разработают Руководящие принципы совместной инспекционной деятельности, а в дальнейшем — договоренность о партнерстве в этой области³⁴².

³⁴¹ Ядерное нераспространение. Том I. С. 201.

³⁴² Заявление секретаря АБАКК К. Э. Паласиоса на 46-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ (16–20 сентября 2002 г.).

Можно констатировать, таким образом, что имеет место поступательное развитие международного контроля над атомной энергией не только на общемировом, но и на региональном уровне. Опыт *двустороннего* контроля в рамках АБАКК мог бы быть использован такими соперничающими государствами, как Индия и Пакистан, а также КНДР и Южная Корея. Между двумя первыми в 1988 г. было заключено Соглашение о ненападении на атомные объекты, вступившее в силу в 1991 г. С января 1992 г. Индия и Пакистан обмениваются списками установок гражданского назначения, однако они недоверчиво относятся к этим спискам. Установление определенной транспарентности помогло бы устранению взаимных подозрений. В начале 1992 г. была подписана и вступила в силу совместная декларация о денуклеаризации Корейского полуострова, которая, в частности, предусматривает отказ от установок по переработке ОЯТ и обогащению урана. Декларация содержит положения о создании Совместной контрольной комиссии и о взаимном проведении инспекций атомных установок, однако эти положения до сих пор не реализованы.

К сфере регионального контроля следует отнести также действия мирового сообщества по установлению мер *специального* международного контроля за уничтожением ядерного и других видов оружия массового уничтожения в таких странах, как Ирак и КНДР.

Ирак. После поражения иракских войск, вторгшихся в августе 1990 г. в Кувейт, от многонациональных сил, действовавших по мандату ООН, и выявления тайной деятельности Ирака по созданию ядерного оружия в нарушение его обязательств по ДНЯО Совет Безопасности ООН принял резолюцию 687 от 3 апреля 1991 г., в соответствии с которой весь потенциал Ирака в области ОМУ и средств его доставки должен был быть уничтожен под контролем ООН и (в том, что касается ядерной деятельности) МАГАТЭ. Для этого была создана Специальная комиссия СБ – ЮНСКОМ (UNSCOM), при этом МАГАТЭ было поручено в сотрудничестве с комиссией разработать и осуществить «уничтожение, изъятие и обезвреживание» ядерных объектов, а в дальнейшем разработать и осуществить план «постоянного наблюдения и контроля за соблюдением» Ираком решения ООН.

Позднее – 15 августа 1991 г. – Совет Безопасности принял резолюцию 707, согласно которой потребовал от Ирака прекратить

всякую ядерную деятельность, за исключением применения изотопов для медицинских, сельскохозяйственных и промышленных целей, до тех пор, пока СБ не решит, что Ирак полностью выполняет резолюцию 687, а МАГАТЭ не придет к такому же заключению относительно соглашения Ирака о гарантиях с Агентством.

Под наблюдением инспекторского аппарата ЮНСКОМ и Агентства решение об уничтожении, изъятии и обезвреживании ядерного потенциала было выполнено. Был также установлен порядок постоянного наблюдения и контроля за выполнением решений ООН. В секретариате Агентства в апреле 1991 г. была создана Специальная группа по Ираку (IAEA Iraq Action Team). С 1991 по 1998 г. МАГАТЭ осуществляло инспекционную деятельность, при этом начиная с августа 1994 г. было проведено более 1500 инспекций в рамках постоянного наблюдения, большинство из которых имели место без предварительного уведомления. В докладе Генерального директора МАГАТЭ Совету Безопасности от 8 октября 1997 г. содержался всеобъемлющий отчет об инспекционной деятельности Агентства в Ираке³⁴³.

К декабрю 1998 г., как писал бывший руководитель спецгруппы Агентства по Ираку Г. Диллон, МАГАТЭ имело полную уверенность в том, что Ирак не произвел ядерного оружия, самостоятельно наработал и получил всего лишь несколько граммов пригодного для оружия ВОУ или выделенного плутония, не получал такой материал со стороны и не располагал физическими возможностями для производства таких количеств пригодного для оружия ядерного материала, которые имели бы какое-либо практическое значение³⁴⁴.

Однако ввиду разногласий, возникших в отношениях США с Ираком, деятельность ЮНСКОМ в декабре 1998 г. была прекращена и резолюцией СБ 1284 (1999) была учреждена новая спецкомиссия по наблюдению, контролю и инспекциям в Ираке – ЮНМОВИК (UNMOVIC). Новая спецкомиссия к своей инспекционной деятельности в течение ряда лет приступить не

³⁴³ Док. ООН S/1997/779.

³⁴⁴ Dillon Garry. The IAEA Iraq Action Team Record: Activities and Findings. In: Iraq. A New Approach. Carnegie Endowment for International Peace, August 2002. P. 37–44.

могла, и Агентство также было лишено возможности выполнять свои функции, вытекающие из решений ООН.

В 2000, 2001 и 2002 гг. инспекторам Агентства, в соответствии с Соглашением о гарантиях с Ираком, была предоставлена возможность провести проверку фактически наличного количества ядерного материала, находящегося в Туваите (обедненного, природного и низкообогащенного урана). Однако ввиду отказа руководства Ирака допустить инспекционную деятельность по решению СБ ООН, в последних ежегодных докладах МАГАТЭ об осуществлении гарантий (Safeguards Implementation Reports) констатируется, что с декабря 1998 г. Агентство не имело возможности осуществлять в Ираке свою деятельность в соответствии с мандатом Совета Безопасности.

8 ноября 2002 г. Совет Безопасности единогласно принял новую резолюцию по Ираку – 1441 (2002), в которой обязал Ирак принять инспекторов ЮНМОВИК и МАГАТЭ фактически под угрозой администрации Дж. Буша силового свержения режима С. Хусейна. С согласия правительства Ирака еще более интрузивные, чем прежде, международные инспекции по мандату Совета Безопасности начались в ноябре 2002 г. В декабре Ирак представил СБ подробный доклад о состоянии своего военного потенциала. Однако тем временем Соединенные Штаты при участии Великобритании значительно увеличили свое военное присутствие в прилегающем к Ираку регионе и 20 марта 2003 г. вторглись в Ирак с целью свержения режима Хусейна без санкции СБ ООН.

С точки зрения перспектив будущего международного контроля, хотя система инспекций для разоружения Ирака была принята Советом Безопасности в ответ на иракскую агрессию против Кувейта и в результате нарушения Ираком своих обязательств по ДНЯО, тем не менее нельзя исключать, что данный прецедент будет учитываться при рассмотрении будущих планов контроля в целях полной ликвидации ядерного оружия.

КНДР. Присоединившись к ДНЯО в 1985 г. в значительной мере под воздействием Советского Союза, КНДР долго затягивала заключение Соглашения о гарантиях с МАГАТЭ и сделала это только в 1992 г. Представленный ею Агентству первоначальный отчет, содержащий инвентарный список всего находящегося в стране ядерного материала, при проверке его инспекторами вызвал целый ряд вопросов. Анализ состава топливных сборок по-

казал, что имело место неоднократное выделение плутония. По некоторым данным, КНДР могла накопить количество плутония, достаточное для изготовления до двух ядерных взрывных устройств, и иметь еще 25–30 кг в ОЯТ³⁴⁵. В начале 1993 г. МАГАТЭ запросило специальную инспекцию двух незаявленных объектов. В ответ руководство КНДР заявило о начале процесса выхода из ДНЯО и прекратило членство в МАГАТЭ.

Возник серьезный кризис в отношениях между Северной Кореей и международным сообществом, в который вмешалась администрация США. Россия в разрешении этого кризиса практического участия не принимала. Наконец, в октябре 1994 г. после длительных консультаций КНДР и США подписали «Рамочную договоренность» (Agreed Framework), в соответствии с которой КНДР взяла на себя обязательства по замораживанию своей ядерной деятельности под наблюдением МАГАТЭ и сохранила свое участие в ДНЯО. Со своей стороны, США обязались принять меры по строительству в КНДР легководных реакторов общей мощностью 2000 МВт и по поставке 500 тыс. т мазута в год. При этом, «когда будет в основном завершено строительство комплекса на легководных реакторах, но до поставки основных ядерных компонентов, КНДР обеспечит полное выполнение ее соглашения с МАГАТЭ (INFCIRC/403), в том числе проведет консультации с МАГАТЭ и предпримет все шаги, которые МАГАТЭ сочтет необходимыми, в отношении верификации точности и полноты первоначального отчета КНДР о всех ядерных материалах в КНДР»³⁴⁶.

По итогам соглашения в марте 1995 г. была сформирована Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО) для строительства реакторов, однако первоначальная договоренность об их пуске в 2003 г. в силу ряда причин не выполняется, что затянет и полную реализацию Соглашения о гарантиях. Закладка фундамента первого из двух реакторных блоков состоялась лишь в августе 2002 г., и, по некоторым оценкам, реакторы вступят в строй не раньше 2009 г.³⁴⁷ Но ожидается, что «основные ядерные компоненты» для первого реактора будут по-

³⁴⁵ Cirincione Joseph with Wolfsthal Jon and Rajkumar Miriam. Deadly Arsenals. Carnegie Endowment for International Peace. Wash., D.C., 2002. P. 241–243.

³⁴⁶ Ядерное нераспространение. Том II. С. 404–406.

³⁴⁷ Deadly Arsenals. P. 247.

ставлены к 2005 г. В этой связи МАГАТЭ ставит вопрос о необходимости заблаговременной подготовки всех мер для полного выполнения Соглашения о всеобъемлющих гарантиях, на что, по оценке секретариата Агентства, потребуется три–четыре года.

МАГАТЭ каждый год констатирует в докладах об осуществлении гарантий, что оно не в состоянии проверить точность и полноту первоначального отчета КНДР и поэтому «не имеет возможности сделать вывод, что заявлен весь ядерный материал, подлежащий гарантиям». До последнего времени Агентство «обеспечивало непрерывное присутствие инспекторов в Нёнбёне с целью контроля за остановкой имеющихся в КНДР реакторов с графитовым замедлителем и связанных с ними установок»³⁴⁸.

Хотя «рамочная договоренность» была Советом Безопасности «с удовлетворением принята к сведению [...] как позитивный шаг в направлении денуклеаризации Корейского полуострова и поддержания мира и безопасности в регионе», это, однако, было сделано в форме согласованного заявления председателя Совета, а не путем принятия резолюции СБ³⁴⁹. Вряд ли поэтому можно признать такую договоренность в качестве общепринятого способа урегулирования проблем, относящихся к нераспространению и разоружению, в рамках существующей системы международных институтов.

В последнее время, особенно после включения администрацией Дж. Буша Северной Кореи в категорию стран, входящих в так называемую «ось зла», перспективы реализации «рамочной договоренности» стали все более проблематичными. В январе 2003 г. КНДР вновь объявила о выходе из ДНЯО и потребовала отъезда инспекторов МАГАТЭ.

Международный контроль за запрещением ядерных испытаний

Контроль за запрещением ядерных испытаний в трех средах — в атмосфере, в космосе и под водой. В середине 1950-х гг. развернулось широкое движение мировой общественности в пользу

³⁴⁸ Док. МАГАТЭ GOV/2002/20. С. 7.

³⁴⁹ Док. ООН S/PRST/1994/64 от 4 ноября 1994 г.

запрета на испытания ядерного оружия в атмосфере, которые приводили к возрастанию радиоактивного загрязнения окружающей человека среды.

В марте 1958 г. Советский Союз в одностороннем порядке приостановил проводившиеся им испытания. В послании президенту США Д. Эйзенхауэру от 4 апреля того же года Н.С. Хрущев призвал Соединенные Штаты присоединиться к этому шагу. В его послании напоминалось о том, что предложения СССР по прекращению ядерных испытаний «предусматривают установление необходимого международного контроля за прекращением испытаний»³⁵⁰. 8 апреля Эйзенхауэр в ответном послании высказался за то, чтобы вначале было проведено «техническое» исследование, после чего следовало бы «приступить к предварительным шагам, необходимым для более значительных дел»³⁵¹.

Москва вскоре дала положительный ответ, и с 1 июля по 21 августа 1958 г. в Женеве было проведено Совещание экспертов по изучению методов обнаружения нарушений возможного соглашения о приостановке ядерных испытаний. В числе экспертов были выдающиеся ученые СССР, США, Великобритании и ряда других стран — Е.К. Федоров, Н.Н. Семенов, И.Е. Тамм, Д. Фиск, Г. Бете, Э. Лоуренс, Д. Кокрофт, У. Пенни и др.

Эксперты рассмотрели сейсмический и акустический методы обнаружения, а также методы сбора радиоактивных продуктов и регистрации взрывов по радиосигналам. Было согласовано, что следует создать сеть, состоящую из 180 контрольных постов, в том числе 160–170 наземных и 10 на кораблях в океанах, а также образовать центр, который координировал бы их работу. В дополнение предлагалось осуществлять регулярные полеты самолетов над водными пространствами океанов для сбора радиоактивных продуктов в атмосфере. В общую структуру контрольной системы эксперты включили и инспекции на месте предполагаемых ядерных взрывов. В итоге совещание пришло к заключению, что «технически осуществимо учредить с определенными возможностями и ограничениями [...] работоспособную и эффективную систе-

³⁵⁰ *Известия*. 1958, 6 апреля. Приводится по: Сборник основных документов МИД СССР. Том II (1967–1958). С. 470–473.

³⁵¹ *Известия*. 1958, 24 апреля. Приводится по: Там же. С. 475–477.

му контроля для обнаружения нарушений соглашения о повсеместном прекращении испытаний ядерного оружия»³⁵².

31 октября 1958 г. в Женеве начались межправительственные переговоры делегаций СССР, США и Великобритании о прекращении ядерных испытаний. Одновременно три державы стали соблюдать мораторий на ядерные взрывы, который продолжался около трех лет — до 1961 г.

Переговоры велись свыше четырех лет — до начала 1963 г., и в центре внимания на них были вопросы контроля за *подземными* взрывами. Они оказались наиболее сложными, особенно вопрос о количестве инспекций на территории участвующих государств. Из-за разногласий по этому вопросу (к завершающему этапу переговоров Советский Союз предлагал проводить по 2–3 инспекции в год на территории каждой ядерной державы в сейсмических районах, в то время как США настаивали на проведении 7 инспекций) переговоры были прерваны³⁵³.

В сущности, главным, решающим фактором, воздвигшим непреодолимый барьер на переговорах о прекращении ядерных испытаний в тот исторический период, была неготовность Соединенных Штатов (а потому и Советского Союза) пойти на полный отказ от испытательных ядерных взрывов по военно-стратегическим соображениям. Однако важно отметить, что разработанные учеными и обсуждавшиеся на трехсторонних переговорах методы контроля явились научной базой, которая в существенной мере облегчила создание системы мониторинга и контроля за соблюдением заключенного в 1996 г. Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

В связи с трудностями заключения соглашения о всеобъемлющем запрещении ядерных взрывов стороны еще в период этих переговоров обменивались мнениями о возможности достижения договоренности о прекращении хотя бы атмосферных ис-

³⁵² Док. EXP/NUC/28. Приводится по: Там же. С. 872–895.

Подробнее о Женевском совещании экспертов см.: Шустов В.В. Совещание экспертов по изучению возможностей обнаружения нарушений соглашения о приостановке ядерных испытаний. *Ядерный Контроль*. Том 8. №2, март–апрель 2002. С. 64–72.

³⁵³ Подробнее о переговорах см.: Шустов В.В. Советский Союз и проблема прекращения испытаний ядерного оружия. М.: Атомиздат, 1977.

пытаний и предлагали различные варианты на этот счет. После завершения переговоров 16 апреля 1963 г. президент Дж. Кеннеди и премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан направили Н.С. Хрущеву идентичные послания, в которых, констатируя, что переговоры не пришли к «определенной договоренности» ввиду различных позиций по числу инспекций на месте, предложили «организовать закрытое трехстороннее обсуждение» нерешенных вопросов, для чего направить в Москву высокопоставленных представителей. В посланиях содержался намек на «ценность и желательность» договоренности в отношении испытаний в атмосфере³⁵⁴. 8 мая 1963 г. Хрущев в ответных посланиях западным лидерам выразил готовность принять в Москве высокопоставленных представителей западных держав³⁵⁵. Публично о готовности заключить соглашение о запрещении атмосферных взрывов Кеннеди объявил в своем выступлении в Американском университете в Вашингтоне 10 июня³⁵⁶, а Хрущев — на митинге в Берлине 2 июля³⁵⁷.

Переговоры о таком соглашении состоялись в Москве в июле–августе, и Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой был подписан 5 августа 1963 г.³⁵⁸

Договор не содержал положений о контроле за его соблюдением. Однако каждая сторона *по умолчанию* вправе использовать свои национальные технические средства контроля. Такими средствами располагают как Соединенные Штаты, так и Советский Союз.

В США система дистанционного обнаружения ядерных взрывов была создана в 1947 г. Именно благодаря этому датчик на борту американского самолета, выполнявшего полеты между Аляской и Японией, зафиксировал в первых числах сентября 1949 г. по-

³⁵⁴ Сборник основных документов МИД СССР. Том VI (1963). С. 101–103.

³⁵⁵ Там же. С. 113.

³⁵⁶ Там же. С. 236–244.

³⁵⁷ Там же. С. 276–278.

³⁵⁸ Подробнее о переговорах в Москве см.: Шустов В.В. Советский Союз и проблема прекращения испытаний... С. 89–101; Смирнов Ю.Н., Тимербаев Р.М. Первый шаг к благоразумию в ядерном мире (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний). *Ядерный Контроль*. Том 7. № 1, январь–февраль 2001. С. 73–87.

вышенную радиацию в верхних слоях атмосферы. Поскольку США в этом году испытаний не проводили, то причиной явления могли быть только радиоактивные продукты деления от советского ядерного взрыва. На основании именно этих данных США первыми объявили о советском испытании 23 сентября, что вначале было воспринято руководителями атомного проекта СССР как утечка информации. Сообщение ТАСС о взрыве, произведенном на Семипалатинском полигоне 29 августа, последовало только 25 сентября.

В Советском Союзе вопрос об изучении и организации дальней регистрации американских ядерных взрывов был поставлен И.В. Курчатовым в 1953 г., тогда же в ЛИПАН (ныне РНЦ «Курчатовский институт») были проведены первые анализы проб радиоактивных продуктов взрывов. Служба специального контроля (ССК) Министерства обороны была образована в 1958 г.³⁵⁹

На основании данных, полученных обеими службами национального дистанционного контроля, стороны не раз, особенно в 1960–1970-е гг., обменивались взаимными демаршами относительно возможных нарушений Московского договора. В какой-то мере поводом для взаимных подозрений могли быть разночтения между русским и английским текстами договора, являющимися равно аутентичными. Дело в том, что он запрещает не только испытания в трех средах, но и любые другие ядерные взрывы «в любой другой среде (т.е. и под землей. — *P. T.*), если такой взрыв вызывает выпадение радиоактивных осадков за пределами территориальных границ государства, под юрисдикцией или контролем которого проводится такой взрыв». В английском тексте употребляется слово не «выпадение», а «debris» (буквально — осколки, радиоактивные продукты, которые могут быть обнаружены не обязательно после выпадения на поверхность земли, но и в воздухе в результате сбора проб специально оборудованными самолетами).

В Договор впервые включено положение о праве государства-участника выйти из него при чрезвычайных ситуациях, если оно решит, что связанные с содержанием договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы страны.

³⁵⁹ Об истории создания ССК МО и ее деятельности см.: Рожденная атомным веком. Сборник исторических очерков, документов и воспоминаний. Второе издание / Под ред. А.П. Васильева. В 3-х частях. М., 2002.

Во всех последующих соглашениях, относящихся к сфере вооружений и их ограничений и сокращений, такое положение также присутствует. Хотя положение о праве выхода не является мерой контроля, оно все же может рассматриваться как определенное сдерживающее средство в плане соблюдения договоренностей. В качестве недавнего примера в этом отношении можно было бы сослаться на то, что США, планируя выход из Договора по ПРО, осуществленный в 2002 г., воздерживались (во всяком случае об этом сообщалось в американских СМИ) от проведения действий, противоречащих этому договору, до наступления даты истечения своих обязательств по нему.

Несмотря на то, что Договор 1963 г. был в дальнейшем фактически заменен другими такого рода соглашениями о ядерных взрывах, в том числе Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, он сохраняет свое значение хотя бы уже потому, что его участниками являются Индия, Пакистан и Израиль, которые связаны обязательствами, касающимися ядерных испытаний, только по этому договору, тем более что перспективы вступления ДВЗЯИ в силу на сегодняшний день являются весьма проблематичными.

Контроль за соблюдением «пороговых» договоров об ограничении подземных ядерных взрывов. В 1974 г. между СССР и США был заключен Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, а в 1976 г. — Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях. К этому времени программы развития ядерных арсеналов СССР и США уже были ориентированы на такие новые возможности, как использование в межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) разделяющихся головных частей индивидуального наведения, создание высокоточных средств доставки, в частности крылатых ракет различных типов. В этих условиях ограничение мощности подземных ядерных взрывов определенным потолком не создавало принципиального барьера для продолжения совершенствования требуемых ядерных боезарядов посредством испытаний сравнительно небольшой или средней мощности.

Договор 1974 г. установил запрет на проведение подземных испытаний ядерного оружия мощностью свыше 150 килотонн, а Протокол к нему предусматривал обмен данными об испытательных полигонах (их координаты, сведения по геологии, гео-

графические координаты подземных испытаний после их проведения, данные по испытаниям для целей калибровки и ряд других). Договор 1976 г., заключенный по настоянию Советского Союза, который продолжал осуществлять программу ядерных взрывов в мирных целях³⁶⁰, запрещал проведение любого отдельного взрыва мощностью свыше 150 килотонн и любого группового взрыва суммарной мощностью свыше полутора мегатонн при условии возможности идентификации каждого отдельного взрыва в группе. Договор о мирных взрывах и Протокол к нему содержали детальные положения о весьма интрузивном контроле, вплоть до доступа к местам проведения взрывов мощностью свыше 100 килотонн. При групповых взрывах суммарной мощностью свыше 500 килотонн допускалось использование на месте взрыва местной сейсмической сети и специального оборудования. При этом проверяющая сторона может по выбору использовать соответствующее сейсмическое или иное оборудование проверяемой стороны или пользоваться своим собственным. В любом случае такое оборудование должно быть проверено и установлено на месте до проведения взрыва³⁶¹.

Соединенные Штаты, однако, затягивали ратификацию договоров, ссылаясь на недостаточность контроля. Отсутствие калибровки для сейсмического метода контроля, а также другие особенности этого метода действительно создавали значительную неопределенность в интерпретации данных. В частности, геологическая особенность Семипалатинского полигона — большая жесткость горных пород, в которых проводились ядерные взрывы, — приводила к тому, что сейсмический сигнал от них оказывался существенно более сильным, чем от эквивалентных взрывов на Невадском полигоне. Это обстоятельство в принципе было известно специалистам, но тем не менее давало повод для подозрений в возможности превышения установленного порога энерговыделения от взрыва.

³⁶⁰ Всего с 1965 по 1988 г. было проведено 124 ядерных взрыва в мирных целях. (Ядерные испытания СССР. Под ред. В.Н. Михайлова. М.: ИздАТ, 1997. С. 177–184). США произвели 27 мирных ядерных взрывов по программе «Плутшер», завершив ее ранее.

³⁶¹ Подробнее о Договоре 1976 г. см.: Михайлов Р. (псевдоним Тимербаева Р.М.) Правовые основы регулирования подземных ядерных взрывов в мирных целях. *Советское Государство и Право*. № 1, 1977. С. 92–99.

В течение полутора десятков лет «пороговые» договоры соблюдались де-факто без их ратификации, прежде чем удалось найти взаимоприемлемое решение проблемы контроля и разработать новые протоколы к договорам 1974 и 1976 гг.

В 1986–1988 гг. сторонами были реализованы совместные программы экспериментальных сейсмических исследований по контролю взрывов для целей калибровки сейсмической аппаратуры сторон в районах Семипалатинского и Невадского полигонов. Первая серия химических взрывов малой мощности была проведена в районе Семипалатинского полигона в сентябре 1987 г., другая серия — в районе Невадского полигона в апреле 1988 г. В 1988 г. был проведен также совместный эксперимент по контролю ядерных взрывов.

В результате к началу 1990-х гг. стороны вышли на взаимоприемлемое решение проблем контроля, и в 1990 г. президентами М.С. Горбачевым и Дж. Бушем в Вашингтоне были подписаны новые протоколы к «пороговым» договорам. Это создало возможность для ратификации договоров, которые вступили в силу в декабре 1990 г. В систему мер контроля за испытаниями ядерных зарядов были включены такие элементы, как обмен информацией о полигонах, о программах ядерных испытаний на ежегодной основе, возможность доступа к месту испытания на стадии его подготовки и получения образцов соответствующих горных пород, ознакомление с конфигурацией заложения контейнера с ядерным взрывным устройством и самого контейнера, а также контроль энерговыделения так называемым «гидродинамическим» методом с помощью измерения скорости ударной волны в момент испытания вблизи точки взрыва. Последнее позволяло получить прямые независимые данные о мощности взрыва с более высокой точностью, чем сейсмическим методом, и, кроме того, обеспечить калибровку сейсмических измерений. Вся упомянутая деятельность проводилась бы с участием персонала контролирующей стороны, который получал доступ к месту испытания. Аналогичный подход применялся бы и для контроля мирных ядерных взрывов.

Разработка протоколов к «пороговым» договорам показала практическую невозможность решения проблемы разграничения взрывов оружейной и мирной направленности. Разграничение осуществлялось бы фактически по формальному призна-

ку — любой взрыв, произведенный на полигоне, заявленном в Договоре 1974 г., считался бы испытательным взрывом ядерного оружия, мирные ядерные взрывы разрешалось проводить только вне полигонов. Естественно, такой подход не исключал бы, тем не менее, скрытой оружейной направленности мирных ядерных взрывов.

В соответствии с разделом XI Протокола 1990 г. была создана Двусторонняя консультативная комиссия для рассмотрения вопросов соблюдения Договора 1974 г. Под эгидой этой комиссии в 1991–1993 гг. были разработаны и подписаны меморандумы о договоренностях относительно ряда конкретных процедур, относящихся к осуществлению этого соглашения.

Таким образом, «пороговые» договоры вывели Советский Союз и США на небывалый уровень взаимной транспарентности по отношению к ядерным испытаниям. В итоге не только оказались возможными ратификация и вступление в силу этих договоров, но и были созданы благоприятные условия для движения к контролируемому запрету на ядерные испытания любой мощности. Это был реальный вклад в развитие и практическую реализацию концепции международного контроля над атомной энергией.

Контроль за соблюдением Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Договором создается глобальная система контроля, включающая в себя современные расположенные по всему миру технические средства мониторинга, политико-дипломатические мероприятия, инспекции на месте. Договоренность о создании такого верификационного механизма стала возможной только в условиях кардинального изменения ситуации в мире, связанной с окончанием эры холодной войны, проявления политической воли со стороны всех стран, участвовавших в разработке ДВЗЯИ.

Вся многолетняя история разработки всеобъемлющего запрета на ядерные испытания свидетельствует о том, что наиболее сложным вопросом на этом пути были контролируемость такого запрета, особенно в том, что касается подземных взрывов, и выбор политически приемлемых мер контроля.

Как было показано выше, проходившие в 1958–1962 гг. в Женеве в трехстороннем формате (СССР, США и Великобритания)

переговоры по вопросу о полном запрещении ядерных испытаний столкнулись с непреодолимыми на тот момент трудностями в вопросе контроля за непроведением подземных ядерных испытаний. Не удалось согласовать число автоматических сейсмических станций, которые устанавливались бы на территории ядерных держав для мониторинга, позволяющего обнаружить подземные ядерные взрывы, а также — самое главное — количество инспекций на месте, проводимых в случае подозрения в нарушении запрета. Другой проблемой была техническая несовершенность на то время средств сейсмического мониторинга, что не позволяло гарантировать обнаружение ядерных взрывов малой мощности. Дополнительные возможности здесь могла бы дать инспекция на месте, но для ее проведения необходимо было прежде всего иметь данные о факте и месте возможного нарушения, что вновь упиралось в ограниченные возможности мониторинга. Еще одной проблемой являлось отсутствие сколь-либо надежных способов проведения различия между испытательными взрывами ядерного оружия — предмета возможного запрета — и ядерными взрывами в мирных целях, идея применения которых в то время имела достаточно широкую поддержку.

Во всех этих проблемах четко проявился характерный для каждой ядерной державы конфликт интересов в отношении мер контроля в существовавших тогда условиях взаимного недоверия и подозрительности. С одной стороны, естественным было требование адекватного контроля за запрещением ядерных испытаний. С другой — оно сдерживалось опасениями, что контроль может быть использован для получения чувствительной информации, не имеющей отношения к ядерным взрывам, но важной с точки зрения национальной безопасности.

«Пороговые» договоры вместе с новыми верификационными протоколами к ним установили к началу 1990-х гг. беспрецедентный уровень взаимной открытости в сфере контроля ядерных испытаний. Были созданы условия, прокладывающие путь для дальнейшего продвижения к контролируемому запрету на любые ядерные взрывы. Как справедливо отмечала американский исследователь проблемы контроля за ядерными испытаниями Н. Галлагер, «супердержавы достигли значительного прогресса по вопросам верификации в тот период, когда соперничество между ними оставалось острым и когда среди тех, кто принимает реше-

ния, не было определенного согласия относительно политики в области контроля над вооружениями»³⁶².

В ходе трехсторонних переговоров о полном запрещении ядерных испытаний, проходивших в 1977–1980 гг. в Вашингтоне и Женеве при администрации Дж. Картера, был достигнут дальнейший сдвиг в решении ряда вопросов контроля. В частности, было в основном оговорено, что на территориях СССР и США будет установлено по 10 сейсмических станций, оснащенных высокоточным оборудованием с согласованными техническими характеристиками, причем предусматривалось бы определенное участие иностранного персонала в его установке и эксплуатации. Было также условлено, что по обоснованному запросу участника может проводиться проверка на месте, а также регулироваться и некоторые другие вопросы контроля подземных взрывов. Участники переговоров в июле 1980 г. представили доклад Конференции по разоружению, в котором, в частности, отмечалось, что «трехсторонняя договоренность об этих общих условиях для проверки на месте представляет собой важное достижение участников переговоров в решении вопросов контроля за соблюдением договора»³⁶³. Однако после прихода к власти республиканской администрации Р. Рейгана трехсторонние переговоры были прекращены.

В феврале 1994 г. в рамках Специального комитета Конференции по разоружению в Женеве начались многосторонние переговоры по разработке ДВЗЯИ. Мандатом спецкомитета Конференции предусматривалось проведение переговоров по универсальному и поддающемуся многостороннему эффективному контролю договору. Исходя из этого, ставилась задача выработки механизма проверки соблюдения ДВЗЯИ. Проблемы, связанные с верификацией, оказались одними из наиболее сложных на переговорах. Имело место определенное противоречие между всеобъемлющим, беспороговым характером запрета на испытания, о котором шла речь на переговорах, и в определенной мере все же ограниченными на практике, хотя, безусловно,

³⁶² Gallagher Nancy W. *The Politics of Verification*. Baltimore and L.: The John Hopkins University Press, 1999. P. 183.

³⁶³ Док. Конференции по разоружению CD/130. Подробнее о трехсторонних переговорах см.: Тимербаев Р.М. *Полное запрещение ядерных испытаний*. М.: Наука, 1986.

более совершенными, чем в 1950–1960-х и даже 1970-х гг., возможностями любой из существующих технологий контроля.

Верификационный механизм должен был иметь глобальный охват, покрывать все среды, быть эффективным и в то же время экономичным с точки зрения затрат на его создание, обеспечивать возможность выявления скрытых нарушений и, таким образом, сдерживать потенциальных нарушителей. В то же время, он должен был иметь приемлемый с политической точки зрения минимально интрузивный характер и не затрагивать законные интересы безопасности государств-участников, не относящиеся к предмету договора.

В итоге сложных переговоров был согласован верификационный механизм, основными элементами которого являются Международная система мониторинга (МСМ), объединяющая 321 станцию сейсмического, радионуклидного, инфразвукового и гидроакустического контроля, а также 16 сертифицированных лабораторий для проведения в случае необходимости углубленного анализа проб, полученных на радионуклидных станциях; Международный центр данных (МЦД), который должен собирать, обрабатывать, архивировать и предоставлять государствам-участникам договора данные, получаемые с объектов МСМ; Политико-дипломатический механизм консультаций и разъяснений в отношении возможных подозрений в нарушении ДВЗЯИ; меры укрепления доверия, предусматривающие предоставление государствами-участниками на добровольной основе данных о проведении крупномасштабных взрывов с применением обычной взрывчатки (в основном речь идет о промышленных взрывах, в частности в горнорудной промышленности); инспекции на месте сомнительного события без права отказа.

В ходе переговоров выдвигалось значительно больше предложений по мерам и объему контроля ДВЗЯИ. Так, индийцы настаивали на специальных мерах транспарентности для контроля деятельности существующих ядерных полигонов. Эта идея была отвергнута, поскольку она противоречила недискриминационному, универсальному характеру ДВЗЯИ, фокусируя контроль в основном на деятельности ядерных держав. Ряд неядерных стран (Германия, Индонезия, Швеция) настаивали на том, чтобы Договор предусматривал запрет на подготовку к ядерным испытаниям и, следовательно, контроль за этим процессом. Ядер-

ные страны выступили и против такого подхода. Во-первых, деятельность, похожая на подготовку к испытаниям, может не иметь ничего общего с намерением нарушить договор (например, бурение скважин для геологоразведочных работ). Во-вторых, это вело бы к усложнению контрольного механизма, повышению интрузивности инспекций на месте, целью которых должно быть только установление факта проведения ядерного взрыва, как это сейчас предусмотрено в договоре.

В качестве методов контроля за непроведением ядерных испытаний предлагалось, в частности Китаем, включить в верификационный механизм спутниковое наблюдение и мониторинг электромагнитного импульса (ЭМИ). Однако в конечном итоге техническими экспертами большинства стран эти методы были признаны избыточными, поскольку их добавление к упомянутым технологиям МСМ не вносило существенных изменений в возможности контрольного механизма по обнаружению нарушений договора. В то же время эти две технологии — весьма дорогостоящие, их включение привело бы к значительному удорожанию всего верификационного механизма. Тем не менее в окончательном тексте ДВЗЯИ имеется положение, предполагающее в будущем возможность добавления в механизм проверки новых технологий мониторинга, в том числе спутникового наблюдения и ЭМИ, после изучения их потенциала с точки зрения повышения эффективности и экономичности всей верификационной системы ДВЗЯИ.

При определении состава и конфигурации основной технической части механизма проверки — МСМ — России удалось добиться решения вопроса о так называемой «равной прозрачности» существующих ядерных полигонов для технических средств МСМ. Дело в том, что исторически, за годы ядерных испытаний, полигон на Новой Земле оказался лучше «пристрелен» многочисленными сейсмостанциями в Скандинавии, которые дают в высокой степени достоверные с низким порогом обнаружения данные. Невадский же полигон имелась возможность контролировать только с помощью телесеизмики, что в сочетании с геологическими условиями этого места приводило к значительно меньшей прозрачности полигона. В итоге эти доводы были приняты в расчет, и в состав МСМ были включены станции (в частности, американская сейсмостанция *Майна*), обеспечивающие соблюдение принципа равной транспарентности полигонов.

Решение вопроса по сфере охвата ДВЗЯИ, которая предусматривает запрещение любого испытательного взрыва ядерного оружия и «любого другого ядерного взрыва», избавило от необходимости поиска решений по контролю за мирными взрывами, которые, как это вытекает из основных обязательств ДВЗЯИ (статья I), также запрещаются. Вместе с тем, по настоянию Китая и не без поддержки России, в договоре оставлена возможность вернуться к вопросу о разрешении проведения мирных ядерных взрывов. Это может сделать предусмотренная ДВЗЯИ Конференция по рассмотрению его действия, которая собирается через 10 лет после вступления договора в силу.

Договором предусматривается, что его верификационный механизм должен быть готов к эксплуатации к моменту вступления ДВЗЯИ в силу. Однако сам этот момент не определен конкретными сроками, поскольку зависит только от выполнения установленного договором условия — ратификации договора 44 государствами (конкретный список приведен в тексте Договора), обладающими потенциалом создания ядерного оружия. В целях осуществления положений ДВЗЯИ, включая проверку его соблюдения, предусмотрено создание в Вене Организации по ДВЗЯИ, которая и должна обеспечивать применение и эксплуатацию верификационного механизма.

После открытия ДВЗЯИ для подписания 24 сентября 1996 г. в Нью-Йорке на встрече государств, подписавших Договор, был принят 19 ноября 1996 г. документ об учреждении Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ (ПК ОДВЗЯИ). В соответствии с ним основной задачей комиссии, которая будет существовать до вступления договора в силу, является создание и временная эксплуатация механизма контроля. Фактически свою работу ПК ОДВЗЯИ и ее Временный технический секретариат (ВТС) начали с марта 1997 г.

Для того чтобы понять сложность, объем и уникальность задач в области создания верификационного механизма, а также объективно оценить конкретные результаты, достигнутые на этом направлении к настоящему времени, рассмотрим основные элементы механизма проверки, их взаимодействие, как это предусматривается положениями ДВЗЯИ.

Технической основой верификационного режима договора является *Международная система мониторинга (МСМ)*. Как ука-

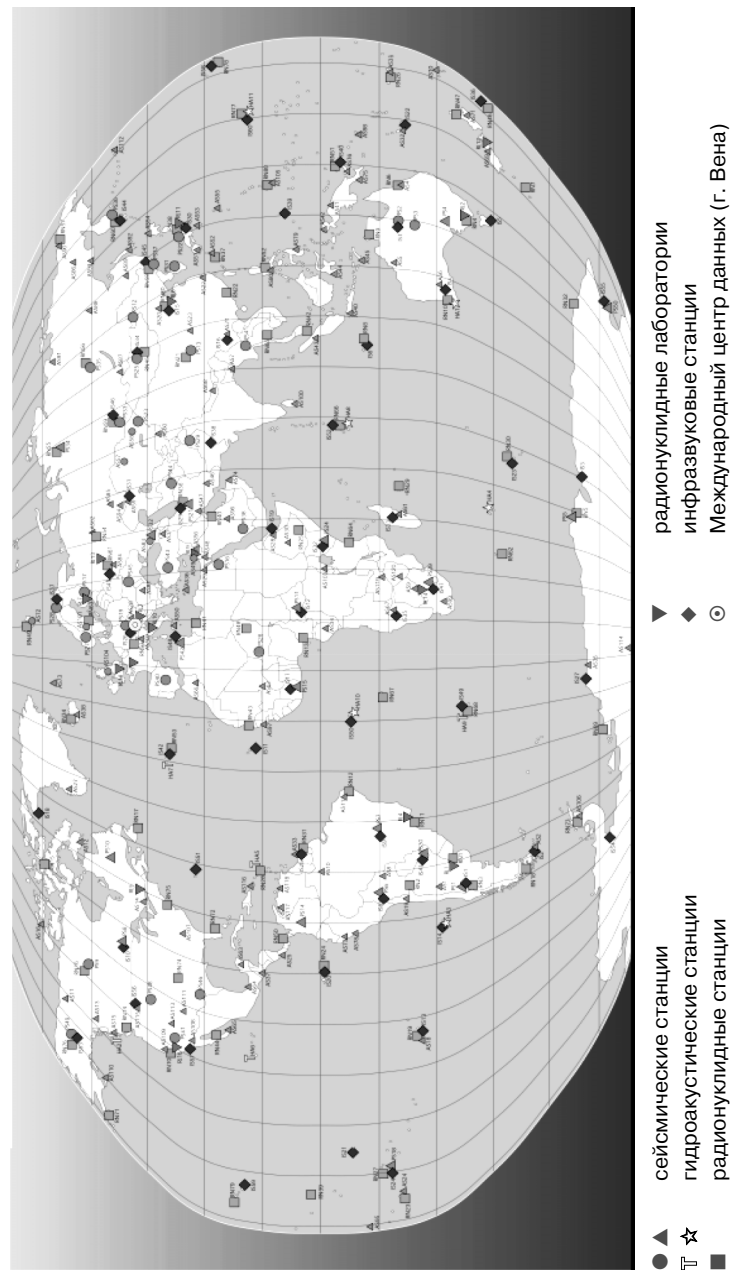
зывалось выше, она включает 321 станцию четырех типов – сейсмические, радионуклидные, гидроакустические, инфразвуковые, расположенные более чем в 90 странах мира, а также в Антарктиде³⁶⁴.

Основной технологией МСМ является сеть *сейсмических* станций. Она состоит из 50 основных сейсмостанций и 120 вспомогательных, которые регистрируют сейсмические волны, возникающие в результате движения земной поверхности, в том числе из-за подземных ядерных испытаний. Станции основной сети – это по большей части сейсмогруппы, в состав каждой из которых входят до 20 сейсмодатчиков. Основные сейсмостанции должны непрерывно передавать данные в МЦД в режиме, близком к реальному времени. Предполагается, хотя это и не записано в договоре, что основная сейсмосьеть должна обнаруживать подземные ядерные взрывы мощностью от одной килотонны и выше, проведенные без применения технологий сокрытия. Назначение вспомогательных сейсмостанций – уточнение данных, полученных станциями основной сети, в отношении места и характера зарегистрированного сомнительного явления. Данные со вспомогательных станций направляются в МЦД только по его запросу, хотя сами они должны работать в постоянном режиме. Исходя из этой задачи, вспомогательные станции были отобраны в основном из числа существующих, для которых либо не требуется, либо нужна минимальная модернизация. Что касается объектов основной сейсмической сети, то более половины из них к моменту создания ПК ОДВЗЯИ не существовало вообще, либо требовало существенной модернизации.

Радионуклидную сеть МСМ составляют 80 станций, которые способны обнаруживать и измерять радиоактивные частицы, остающиеся в атмосфере в результате проведения воздушных ядерных взрывов или подземных испытаний с выходом продуктов взрыва на поверхность. Половина из этого числа станций должна быть также оборудована приборами для обнаружения радиоактивных благородных газов, таких, как аргон-37, ксенон-133, криптон-85, которые могут просачиваться в атмосферу после проведения подземных ядерных взрывов. Предполагается, что первоначальный анализ проводится на самих радионуклид-

³⁶⁴ Статья IV, раздел В; Протокол, часть I; Приложение 1 к Протоколу.

Рис. 1. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Международная система мониторинга

ных станциях, результаты измерений за сутки ежедневно передаются в МЦД. Если возникает необходимость более углубленного анализа, например при обнаружении характерных радионуклидов, то для этого договором предусмотрены 16 специальных лабораторий, в которые могут направляться образцы фильтров, полученные на той или иной радионуклидной станции. Основное предназначение радионуклидной сети – определить природу происхождения (ядерный взрыв или нет) сомнительного явления, обнаруженного средствами других технологий мониторинга. Вместе с тем радионуклидная сеть МСМ обладает способностью регистрации атмосферных ядерных взрывов мощностью менее одной килотонны и в определенной степени их локализации в зависимости от возможности смоделировать процесс переноса воздушных масс. Несмотря на то, что станции радиологического контроля существуют во многих странах мира, объекты радионуклидной сети МСМ в основном приходится создавать заново с учетом специфики задач мониторинга ядерных испытаний.

Наименее развитой технологией МСМ к моменту подписания ДВЗЯИ являлась *инфразвуковая* сеть. Ограниченный опыт ее применения имелся лишь у ядерных держав, да и он в основном относился к 1950–1960-м гг. – периоду многочисленных испытаний в атмосфере. Договором предусматривается создание 60 инфразвуковых станций, способных регистрировать низкочастотные колебания в атмосфере по всему земному шару. В принципе инфразвуковая станция может обнаружить и определить с точностью 1–10 тыс. кв. м место проведения в атмосфере ядерного взрыва мощностью от одной килотонны и более на расстоянии до нескольких тысяч км.

Для обнаружения подводных ядерных взрывов, а также взрывов, проводимых на низкой высоте над поверхностью океана, в состав МСМ включены 11 *гидроакустических* станций. Шесть из них располагаются в Южном полушарии и представляют собой размещенные под водой гидрофоны, которые кабелем соединены с регистрирующим оборудованием, установленным на участке суши (в основном это острова). Еще пять станций являются так называемыми Т-фазными станциями, располагающимися на побережье островов в Северном полушарии. Они регистрируют поверхностные сейсмические волны, возникающие от удара гидроакустической волны о грунт, дно океана. Гидроакустичес-

кая сеть в принципе позволяет обнаружить и определить место с точностью до 1 тыс. кв. км любого ядерного взрыва мощностью даже менее одной килотонны, произведенного в любом месте мирового океана.

Вся информация, получаемая объектами МСМ, направляется в МЦД, где она интегрируется, проходит автоматическую обработку с помощью специальных программ, а также дополнительный анализ экспертами Центра. Смысл такой обработки заключается в том, чтобы выделить из огромной массы данных мониторинга те явления и события, параметры которых схожи с ядерным взрывом. Результаты этой работы отражаются в бюллетенях, выпускаемых МЦД. Все государства-члены имеют равное право безвозмездно получать из МЦД как необработанные данные (объемом, как правило, до 100 мб/сутки), так и стандартный набор его продуктов. Кроме того, МЦД может производить по просьбе государства-участника специальную обработку данных по заданным им параметрам, но уже за дополнительную плату. По смыслу договора, задача технического секретариата и его МЦД – обеспечить получение бесперебойной и достоверной технической информации по всем явлениям, схожим с ядерными испытаниями и зарегистрированным средствами верификационного механизма. Окончательное же решение, является ли то или иное явление ядерным взрывом, остается за государствами-участниками.

Помимо станций МСМ, договором предусмотрена возможность направления данных в МЦД с так называемых «сотрудничающих национальных объектов», которые по сути могут быть такими же станциями, использующими любую из четырех технологий мониторинга ДВЗЯИ, но не включенными в состав МСМ. Такие объекты предлагаются государством-участником добровольно, сооружаются и эксплуатируются за его счет, должны соответствовать всем техническим требованиям, предъявляемым к МСМ. Данные с «сотрудничающих национальных объектов» могут существенно дополнять информацию, получаемую средствами МСМ.

Наиболее интрузивным элементом верификационного механизма являются *инспекции на месте (ИНМ)*³⁶⁵ в районе, где есть ос-

³⁶⁵ Статья IV, раздел D; Протокол, часть II.

нования полагать, что произошло явление, схожее с ядерным взрывом. Единственная цель инспекции на месте, согласно Договору, состоит в прояснении того, действительно ли был произведен испытательный взрыв ядерного оружия или любой другой ядерный взрыв. Запрос на инспекцию на месте может основываться не только на данных МСМ, но и на информации, полученной от национальных технических средств контроля. Решение о начале инспекции принимается после рассмотрения запроса Исполнительным советом будущей ОДВЗЯИ, если за него проголосует не менее 31 из 51 члена Совета. Инспектируемое государство не имеет права отказать принять инспекцию, если такое решение уже принято. Район инспекции ограничивается площадью в 1 тыс. кв. км. Состав инспекционной группы не должен превышать 40 человек. Генеральный директор назначает инспекторов из числа лиц, внесенных в специальный список. Этот список формируется после вступления договора в силу из кандидатов, предложенных государствами-участниками, и сотрудников секретариата, выдвинутых Генеральным директором. Сама инспекция состоит из нескольких этапов (общая продолжительность — до 130 дней), на каждом из которых предусмотрено применение различных технологий и методик, таких, как облеты района инспекции, измерения радиоактивности, сейсмоизмерения, геофизические работы. Допускается даже бурение для получения образцов грунта, которые могли бы подтвердить факт проведения ядерного взрыва. Имеется в виду, что инспекции на месте должны применяться в исключительных случаях. Во избежание злоупотребления правом на запрос ИНМ предусматривается, что государство, которое ее запросило, возмещает все расходы по проведению инспекции, в случае если по ее результатам не подтверждается факт нарушения ДВЗЯИ.

*Механизм консультаций и разъяснений*³⁶⁶ является отдельным элементом режима проверки ДВЗЯИ и призван служить дополнительным фактором, снижающим число необоснованных запросов на инспекцию. В частности, поощряется до направления запроса на инспекцию проведение государствами-участниками консультаций напрямую или через технический секретариат и Исполнительный совет ОДВЗЯИ с целью разъяснения подозре-

ний относительно возможного нарушения договора. При этом государства, в отношении которых возникли подозрения, обязаны предоставлять в определенные договором сроки необходимые разъяснения в случае направления им соответствующего запроса. Также и гендиректор обязан предоставить всю имеющуюся в его распоряжении информацию для разъяснения вопросов соблюдения ДВЗЯИ.

Верификационный механизм ДВЗЯИ включает факультативный, но тем не менее важный элемент — *меры укрепления доверия* в отношении крупных взрывов с применением обычных взрывчатых веществ. Дело в том, что во многих странах мира в различных целях, в основном при горнорудных разработках, ежегодно проводятся крупные взрывы с использованием химических взрывчатых веществ. Характер сейсмических сигналов от таких взрывов зачастую трудно отличить от ядерного испытания. Во избежание неопределенности и возможных необоснованных запросов на инспекции государствам-участникам предлагается на добровольной основе предоставлять заранее сведения (мощность, место, цель) по крупным, свыше 300 т эквивалента ГНТ, химическим взрывам. В некоторых случаях предусматривается также приглашение представителей технического секретариата на место проведения подобных взрывов.

Таковы в основных чертах элементы верификационного механизма, которые создаются Подготовительной комиссией ОДВЗЯИ. Очевидно, что это — разноплановая и объемная задача, требующая организации и привлечения значительных финансовых и материальных ресурсов во многих странах мира. В 1997 г. в распоряжении Подготовительной комиссии ничего, кроме текста ДВЗЯИ и разрозненных национальных технических элементов, не везде и не всегда использовавшихся для целей контроля ядерных испытаний, не было.

Неопределенность со вступлением в силу ДВЗЯИ, а следовательно, отсутствие конкретных сроков, к которым необходимо завершить создание его верификационного механизма, предопределили практически с первых дней работы ПК ОДВЗЯИ не затихающую по сей день дискуссию между ее членами относительно темпов создания такого механизма и, соответственно, уровня финансирования связанных с этим работ, которые составляют более 80% ежегодного бюджета Комиссии.

³⁶⁶ Статья IV, раздел С.

Западные страны (европейские, Канада, Австралия, до последнего времени США и другие) настаивают на ускоренных темпах строительства механизма проверки и готовы поддерживать ежегодный рост бюджета на эти цели. Они утверждают, что функционирующий де-факто верификационный механизм будет весомым аргументом, доказывающим готовность ДВЗЯИ к применению, продемонстрирует эффективность самого режима проверки (естественно, без задействования инспекций на месте) и явится, таким образом, дополнительным стимулом политического воздействия на те страны, которые пока воздерживаются от подписания или ратификации Договора. Эта аргументация со стороны многих государств усилилась после отказа в 1999 г. Сената США ратифицировать ДВЗЯИ, когда в ходе сенатских слушаний прозвучала резкая критика договора в связи с неэффективностью механизма контроля за его выполнением.

В то же время большинство развивающихся стран настаивают на более взвешенном и прагматичном подходе к созданию механизма контроля с учетом реальных перспектив вступления ДВЗЯИ в силу. Такая позиция предусматривает постепенное наращивание усилий и расходов на формирование режима проверки. Кроме того, необходимо учитывать возможности относительно небольшого ВТС (около 300 человек в настоящее время) по освоению выделяемых средств на строительство механизма проверки, значительные трудности юридического и организационного характера, которые приходится решать многим странам в связи с сооружением объектов МСМ. Близкие к этой позиции занимают Китай, Япония, Россия.

Сохраняющаяся неопределенность перспектив вступления в силу ДВЗЯИ делает с каждым годом все более актуальным вопрос определения статуса, функций, а значит, и приемлемых для всех государств-членов объемов финансирования верификационного механизма в подготовительный период, до вступления договора в силу. Сейчас, по истечении более шести лет после открытия ДВЗЯИ для подписания, становится все более очевидным, что вполне вероятна ситуация, когда этот механизм будет готов до того, как договор вступит в силу. В самом тексте ДВЗЯИ об этом ничего не говорится, документ об учреждении ПК ОДВЗЯИ лишь упоминает, что комиссии поручается временная эксплуатация верификационного механизма. Это, естественно, не отвечает на вопросы, в чем заключается смысл существова-

ния до вступления ДВЗЯИ в силу верификационного механизма, если его прямые функции не могут применяться в этот период, и можно ли оправдать поддержание такого дорогостоящего механизма его тестированием в ожидании выполнения условия вступления договора в силу? На балансе этих двух подходов и строится сейчас работа Комиссии и ее секретариата в области строительства механизма проверки.

Как уже упоминалось, наиболее объемной, технической и организационно сложной является работа по созданию МСМ. Процесс создания объектов МСМ можно разбить на три этапа: первый — обследование предполагаемого места сооружения станции МСМ; второй — проектирование и строительные работы на площадке, закупка и установка оборудования; третий — тестирование и сертификация. В соответствии с договором все эти работы должны финансироваться из бюджета ПК ОДВЗЯИ и осуществляться ВТС и его подрядчиками. Исключение составляют случаи, когда такие работы осуществляются самим государством за счет его национальных средств либо с последующей компенсацией путем соответствующего уменьшения взносов этих государств в бюджет Комиссии. Эксплуатация станций МСМ также должна финансироваться за счет Организации (за исключением вспомогательных сейсмостанций). В то же время все объекты МСМ в соответствии с ДВЗЯИ должны являться собственностью государства, на территории которого они размещаются, что предполагает определенные обязательства с его стороны по обеспечению беспрепятственного создания и функционирования объектов МСМ.

Еще в мае 1997 г. Подготовительная комиссия одобрила проект типового двустороннего соглашения между комиссией и государствами-членами договора относительно работ по созданию, модернизации и функционированию объектов МСМ до вступления ДВЗЯИ в силу, и такие соглашения с рядом стран были заключены. Основная сложность здесь состоит в том, что законодательство многих стран не признает ПК ОДВЗЯИ в качестве полноправной международной организации до вступления договора в силу. Отсюда возникают проблемы с освобождением комиссии и ВТС от налогов и прочих сборов за ввозимое оборудование и предоставляемые услуги, а также с предоставлением привилегий и иммунитетов персоналу секретариата. В этих условиях ВТС был избран прагматический путь — проведение соответствующих работ на основе обмена письмами с государства-

ми-членами комиссии. Эти документы предусматривают меньший объем обязательств сторон по сравнению с типовым соглашением и в то же время позволяют осуществлять всю необходимую деятельность по созданию станций МСМ.

К настоящему времени обследования площадок размещения объектов МСМ проведены по более чем 280 станциям (т. е. почти 90%), полностью возведены 135 станций, еще 104 находятся в процессе строительства или по ним ведутся переговоры о заключении контрактов на строительство³⁶⁷. Из сооруженных станций около 25 сертифицированы ВТС на предмет соответствия техническим требованиям, утвержденным комиссией для объектов МСМ, и уже передают данные в МЦД. В целом на создание МСМ в 1997–2002 гг. уже потрачено 161,2 млн долл. и потребуется еще около 110 млн долл. для завершения ее строительства.

Наибольшую степень готовности имеет МЦД. Он полностью укомплектован компьютерным оборудованием, практически завершена установка последней версии программного обеспечения, которая позволит автоматически обрабатывать и интегрировать данные по всем четырем технологиям мониторинга. С 2000 г. начался выпуск продуктов МЦД (бюллетеней) и их распространение, наряду с необработанными данными, государствам-членам комиссии. Ожидается, что в 2003 г. МЦД будет готов к полномасштабным предэксплуатационным испытаниям. Завершение создания МСМ планируется на 2007 г.³⁶⁸

Практически сразу же после начала работ по МСМ и МЦД возникла необходимость выделения вопроса о системе связи в отдельную задачу. Учитывая, что МСМ носит глобальный характер, появилась потребность создания надежной глобальной системы связи (ГСС), которая обеспечивала бы оперативную передачу данных с каждого объекта МСМ в МЦД, обратную связь МЦД со станциями для осуществления контроля их функционального состояния, а также передачу продуктов и данных МЦД государствам в их национальные центры данных. В 1998 г. ВТС заключил контракт на создание ГСС с консорциумом *NOT Telecommunications* сроком на 10 лет. Базовая топология ГСС,

³⁶⁷ Statement by the Executive Secretary of the Preparatory Commission of the СТВО at the 46th session of the IAEA General Conference, 18 September 2002.

³⁶⁸ Ibid.

разработанная этим консорциумом и ВТС, предполагает, что с каждой станции МСМ информация будет передаваться по спутниковым каналам в МЦД и обратно. Кроме того, каналами связи (спутниковыми или наземными), с помощью которых будет осуществляться двусторонняя передача информации между ними и МЦД, будут оборудованы национальные центры данных (НЦД) государств-членов договора. Ряд государств (всего семь, в том числе Россия) в соответствии с положениями договора выбрали вариант, при котором информация с объектов МСМ, расположенных на их территории, направляется в НЦД, а затем уже в МЦД. В связи с тем, что такой вариант не покрывается базовой топологией, таким государствам было предложено создавать свои *независимые* подсистемы связи, которые бы подключались к ГСС через НЦД. В этом случае организация финансирует только канал связи МЦД с НЦД, а также выплачивает государству ежегодную компенсацию из расчета создания на его территории сегмента базовой топологии ГСС, то есть не покрывая расходов на создание и эксплуатацию дополнительных каналов связи станций МСМ с НЦД. Для регулирования отношений государства-члена, выбравшего вариант независимой подсистемы ГСС, и ПК ОДВЗЯИ Комиссия в 2000 г. утвердила проект типового соглашения. К настоящему времени четыре из семи государств, имеющих *независимые* подсистемы ГСС, заключили такие соглашения (Россия пока не заключила). Что касается создания самой ГСС, то сейчас уже полностью функционируют все спутниковые каналы, три региональных узла связи, через которые распределяется вся информация, направляемая в МЦД и из него, установлено 87 терминалов спутниковой связи на объектах МСМ и в НЦД. В целом создание ГСС тесно связано со строительством МСМ, ее готовность будет определяться завершением строительства МСМ в целом.

Задачи, стоящие перед ПК ОДВЗЯИ в области *инспекций на месте (ИНМ)* в период до вступления договора в силу, можно свести к следующим:

- разработка оперативного руководства по ИНМ, а также другой документации, охватывающей все юридические, технические и административные процедуры подготовки и проведения инспекций;

- разработка перечня, согласование спецификаций, приобретение и испытание инспекционного оборудования;
- разработка программы подготовки инспекторов и ее реализация.

Деятельность Комиссии осуществляется одновременно по всем этим направлениям. Уже в начале работы комиссии стало ясно, что технологии ИНМ не столь хорошо отработаны, как в области МСМ. Был организован специальный семинар (проводившийся несколько раз) по методологии, технологиям и оборудованию для ИНМ, который обеспечил эффективное решение вопросов, относящихся к этим областям.

Оперативное руководство по ИНМ, пожалуй, является одним из основных документов, которые должны быть подготовлены к вступлению договора в силу. Это естественно, поскольку ИНМ — наиболее интрузивный элемент верификационного механизма ДВЗЯИ. Насколько важное значение придается государствами-членами договора этому документу, видно из того, что Израиль, к примеру, поставил (во всяком случае на словах) свою ратификацию ДВЗЯИ в прямую зависимость от успешной разработки Оперативного руководства по ИНМ. В результате полутора лет работы редакционной группы специалистов ряда государств (в основном ядерных держав) подготовлен первоначальный Проект переходящего текста руководства на основе национального вклада каждой из стран и наработок ВТС. В июне 2001 г. началась следующая стадия, так называемая переговорная, когда на основе упомянутого проекта уже в официальном формате представители государств-членов договора согласовывают текст руководства. Начало этой работы показало, что согласование проекта — весьма трудоемкий и длительный процесс, который займет не один год.

В области инспекционного оборудования составлены перечни и спецификации инструментария для пассивной сейсмометрии, гамма-радиационных измерений, визуальных наблюдений. Закуплены для испытаний образцы оборудования пассивной сейсмике. В принципе урегулированы вопросы по инфраструктуре хранения и перемещения инспекционного оборудования.

С 1998 г. ВТС проводит ознакомительные курсы обучения потенциальных инспекторов. Составлен и ведется реестр будущих

инспекторов. В 2000 г. в России были проведены первые экспериментальные курсы обучения потенциальных инспекторов. Их цель — дать начало процессу подготовки специалистов по конкретным технологиям проведения ИНМ. Вторые подобные курсы были проведены осенью 2001 г. во Франции. Большой вклад в развитие понимания процесса ИНМ, разработки конкретных процедур ИНМ, которые должны быть отражены в Оперативном руководстве, вносят проводимые ВТС полевые эксперименты по ИНМ и имитационные учения.

Следует иметь в виду, что осуществление ИНМ предусматривается договором только *после* его вступления в силу, а это значит, что завершение создания инфраструктуры ИНМ во многом зависит от момента, который в настоящее время определить невозможно. Закупка полных комплектов инспекционного оборудования и приведение в готовность других элементов инфраструктуры (складов, операционного центра) экономически целесообразны лишь непосредственно перед вступлением ДВЗЯИ в силу. Поэтому ВТС планирует расходы на эти цели в размере 21–35 млн долл. отложить на неопределенное время. В ближайшие же годы будет продолжаться разработка оперативного руководства, подготовка потенциальных инспекторов, составление документации для будущих инспекций, закупка опытных образцов оборудования для целей испытания и обучения.

Если говорить о двух других элементах верификационного механизма — *консультациях и разъяснениях* и *мерах укрепления доверия*, то здесь перед ПК ОДВЗЯИ стоят весьма ограниченные задачи. В положениях Договора достаточно подробно оговорено применение этих элементов, и практически не требуется разработка дополнительной документации. В отношении мер укрепления доверия Комиссией были подготовлены стандартные формуляры для осуществления добровольных уведомлений о проведении крупных химических взрывов. Близка к завершению работа по согласованию ПК ОДВЗЯИ типовых форм запросов и ответов для проведения консультаций и разъяснений.

В целом, по оценке ВТС, механизм проверки соблюдения договора может быть создан в основном в 2006 или 2007 г. При уже выделенных в 1997–2001 гг. 255 млн долл. на эти цели в ближайшие четыре года потребуется около 391 млн долл. (капитальные инвестиции, поддержание работы уже созданных компонентов

верификационного механизма, расходы на персонал ВТС, занятый в этой сфере).

Россия вносит существенный вклад в создание верификационного механизма ДВЗЯИ. Это касается не только и не столько ее взносов в бюджет ПК ОДВЗЯИ (регулярно и в полном объеме выплачиваемых). Российский сегмент механизма проверки ДВЗЯИ состоит из 31 станции МСМ (шесть сейсмостанций основной сети, 13 сейсмостанций вспомогательной сети, восемь радионуклидных станций и четыре инфразвуковых), центральной лаборатории радиационного контроля Минобороны, Национального центра данных в г. Дубна, а также российской независимой подсистемы ГСС (оборудование, каналы связи), которая должна связать воедино объекты МСМ и НЦД России, обеспечить передачу данных в МЦД и получение данных и продуктов МЦД.

Работы по созданию российских объектов МСМ финансируются из бюджета ПК ОДВЗЯИ и осуществляются под эгидой ВТС, который заключает соответствующие контракты с российским генеральным подрядчиком – НИИ импульсной техники Минатома (НИИИТ). Такая схема действует в отношении 23 российских объектов МСМ. Что касается восьми сейсмостанций вспомогательной сети, находящихся в ведении Геофизической службы Российской академии наук, то здесь ВТС напрямую сотрудничает с РАН.

Создание объектов МСМ на территории России началось во второй половине 1998 г., когда был осуществлен первый обмен письмами между российской стороной и ВТС, заложивший основу для осуществления этой деятельности в России и заключения секретариатом соответствующих контрактов с НИИИТ. В 1999 г. был снова произведен обмен письмами, в результате чего охвачен комплекс работ по строительству и модернизации всех российских объектов МСМ.

Были проведены обследования площадок для размещения 29 из 31 российского объекта МСМ. Заключены контракты, осуществляется строительство семи станций МСМ (две сейсмические, три инфразвуковые и две радионуклидные), работы по созданию которых планируется завершить в 2004 г. Согласованы с ВТС и находятся в процессе подготовки контракты для начала работ по установке еще восьми станций.

Как уже упоминалось, Россия выбрала для своей территории вариант так называемой «независимой» подсистемы ГСС для целей ДВЗЯИ. Это означает, что российская сторона взяла на себя обязательство выполнить все работы по подключению ее объектов МСМ к МЦД в Вене через свой НЦД в Дубне. Задачей ВТС является обеспечение подключения российского НЦД к ГСС путем установки канала связи с венским МЦД. Такая работа была проделана в 2000 г. ВТС поставил в российский НЦД оборудование интерфейса и осуществил подключение к оптико-волоконному каналу связи Москва–Вена.

Другим направлением участия России в создании верификационного механизма ДВЗЯИ является привлечение российских организаций к проведению различных курсов подготовки специалистов под эгидой ВТС, а также к участию в технических экспериментах по отработке механизма проверки и задействованного в нем оборудования.

Так, в соответствии с контрактом между НИИИТ и ВТС в июне 1999 г. в Дубне были проведены курсы ВТС для операторов объектов МСМ из стран Центральной и Восточной Европы. В ноябре 2000 г. Российский федеральный ядерный центр ВНИИТФ в Снежинске совместно с ВТС провел экспериментальные курсы обучения для потенциальных инспекторов.

С 2000 г. ВТС проводит эксперимент по сравнительной оценке аппаратуры регистрации радиоактивных благородных газов, в котором принимает участие Радиевый институт им. Хлопина РАН (Санкт-Петербург). На цели эксперимента ВТС выделил российскому институту 206 тыс. долл. Российская аппаратура по обнаружению радиоактивных благородных газов проходит успешное тестирование на радионуклидной станции в Рио-де-Жанейро (Бразилия). В декабре 2000 г. был также заключен контракт между ВТС и НИИИТ на калибровку российских сейсмических станций в Европейской части России.

В последнее время ситуация вокруг ДВЗЯИ и его судьбы вызывает все большую обеспокоенность у сторонников договора. Во многом это связано с отказом в 1999 г. Сената США ратифицировать Договор, негативной позицией администрации Дж. Буша в отношении ДВЗЯИ. Во время сенатских слушаний по ДВЗЯИ, среди прочего, прозвучала резкая критика в адрес создаваемого по договору верификационного механизма. Ее суть сводилась к

тому, что механизм проверки не эффективен, не способен обнаруживать все возможные, в том числе скрытые маломощные ядерные испытания, а значит не может служить сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей.

В докладе специального советника президента Б. Клинтона по вопросам ДВЗЯИ, бывшего руководителя Объединенного комитета начальников штабов генерала Дж. Шаликашвили, который был опубликован в январе 2001 г., эти тезисы весьма аргументированно опровергаются. Шаликашвили, опираясь на мнение заинтересованных ведомств США, показал, что создаваемая МСМ будет существенно дополнять национальные технические средства мониторинга США, особенно по таким регионам, как Китай и Центральная Азия. А их комбинирование существенно понижает порог обнаружения возможных нарушений ДВЗЯИ. Кроме того, как отмечает генерал, правильное и своевременное применение ИНМ поможет устранить имеющиеся сомнения в отношении соблюдения ДВЗЯИ. Дж. Шаликашвили также предлагает продумать систему мер одностороннего или двустороннего порядка в отношении транспарентности и укрепления доверия в том, что касается деятельности на существующих ядерных полигонах³⁶⁹. Следует отметить, что за такую же идею активно выступает исполнительный секретарь ПК ОДВЗЯИ В. Хоффман, который полагает, что определенную роль в решении этого вопроса мог бы сыграть и он сам. В начале 2000 г. Хоффман посетил с ознакомительными визитами закрытый французами полигон на атолле Муруроа и испытательный полигон США в Неваде. Он заявил о намерении продолжить такие посещения, отметив, что это демонстрирует открытость и приверженность ДВЗЯИ соответствующих государств. На наш взгляд, следовало бы предусмотреть возможность приглашения Хоффмана посетить Новоземельский испытательный полигон.

По рекомендации генерала Шаликашвили Национальная академия наук (НАН) США провела техническое изучение проблемы и в июле 2002 г. опубликовала доклад «Технические вопросы, относящиеся к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний». Комитет НАН по подготовке доклада возглавил член академии Д. Холдрен – председатель Комитета

НАН по международной безопасности и контролю над вооружениями (CISAC). В его состав входили бывшие директора атомных лабораторий – Г. Эгню (Лос-Аламос), А. Нарат (Сандия), А. Тривелпис (Окридж), а также Р. Гарвин, С. Кини, В. Пановски и др.

Комитет пришел к следующим выводам:

- Все основные технические проблемы, выдвинутые при отказе Сената ратифицировать ДВЗЯИ, поддаются урегулированию. Возможности контроля за соблюдением договора шире, чем принято считать.
- Верификационный механизм, предусматриваемый договором, надежен и позволяет обнаруживать подземные испытания мощностью до 0,1 килотонны (100 т), а в некоторых районах (например, на Новой Земле) – до 0,01 кт (10 т). При попытках скрытого проведения подземных взрывов (например, путем «декаплинга» или маскирования его под химический) невозможно без риска обнаружения произвести взрыв мощностью более 1–2 кт. С высокой степенью точности обнаруживаются и идентифицируются атмосферные взрывы мощностью 500 т в Северном полушарии и свыше 1 кт во всем мире. Под водой обнаруживаются взрывы мощностью 0,001 кт (1 т). Испытания мощностью в 1 кт обнаруживаются с большой уверенностью в высоких слоях атмосферы и в космическом пространстве на расстоянии 100 млн км от Земли.
- Испытания меньшей мощности, которые могли бы проводиться скрытно, технически трудноосуществимы и дали бы ограниченные результаты. Скрытно могли бы провести испытания только пять ядерных держав, накопивших большой опыт, но такие взрывы не увеличат в существенной мере их возможности в области создания новых образцов ядерного оружия.
- Ядерные государства, не обладающие таким опытом, не смогли бы провести испытания ниже упомянутого порога без помощи государства, имеющего больший опыт их осуществления.

³⁶⁹ www.state.gov/www/global/arms/ctbtpage/ctbt_report.html

- Договор устанавливает барьер на пути самостоятельной разработки эффективного и компактного оружия, основанного на реакции расщепления, а также разработки термоядерного оружия любого типа. Он также ставит преграду развитию новых конструкций более опытными ядерными государствами.
- «Наихудший сценарий при отсутствии режима ДВЗЯИ создает гораздо большую угрозу интересам безопасности США – ввиду появления более эффективного оружия в руках большего числа противников – чем наихудший сценарий скрытых испытаний в условиях такого режима при тех ограничениях, которые создаются системой мониторинга».
- «США располагают техническими возможностями для поддержания уверенности в безопасности и надежности существующих запасов ядерного оружия в условиях ДВЗЯИ при условии наличия адекватных ресурсов для оружейного комплекса Министерства энергетики и при должной целевой направленности в решении этой задачи» (Stockpile Stewardship Program – SSP). Если возникнут непредвиденные проблемы с поддержанием запаса, считают авторы доклада, США будут иметь право выхода из договора.
- «Для Соединенных Штатов и других стран будущий мир, в котором не будет ДВЗЯИ, был бы более опасным, чем мир сегодняшний»³⁷⁰.

Доклад Национальной академии наук США содержит, таким образом, весьма авторитетные научно-технические аргументы в пользу вступления ДВЗЯИ в силу.

К январю 2003 г. 167 государств подписали ДВЗЯИ и 97 ратифицировали. Но из 44 государств, ратификация которых необходи-

³⁷⁰ Technical Issues Related to the Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty. Committee on Technical Issues Related to Ratification of the Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty. National Academy of Sciences. Wash., D.C.: National Academy Press, 2002. Спонсорами доклада были Министерство энергетики США, Госдепартамент, Корпорация Карнеги Нью-Йорка, Фонд Макартуров и Фонд Уильяма и Флоры Хьюлетов.

ма для вступления договора в силу, он ратифицирован лишь 31 государством, включая Россию, Великобританию и Францию. Китай, как и Соединенные Штаты, договор не ратифицировал. Процесс его вступления в силу явно замедлился.

В этих условиях не может не вызывать тревоги тот факт, что в последнее время в Подготовительной комиссии делаются попытки под тем или иным предлогом фактически вести дело к пересмотру некоторых положений ДВЗЯИ (особенно по вопросам ИНМ). В августе 2001 г. США объявили, что, продолжая поддерживать работу по созданию МСМ, они более не будут финансировать и участвовать в деятельности по ИНМ. В этой связи они в одностороннем порядке сократили свой взнос в ВТС на 2002 г. на 770 тыс. долл. Взнос на 2003 г. также будет сокращен примерно на 5%³⁷¹. Представителями администрации Дж. Буша неоднократно делались заявления о необходимости проведения работ по подготовке Невадского полигона к возможному возобновлению испытаний. Все пять ядерных государств, а также Индия и Пакистан пока что соблюдают объявленный ими мораторий на ядерные взрывы³⁷².

Россия продолжает твердо поддерживать договор. На состоявшейся в ноябре 2001 г. в Нью-Йорке конференции участников ДВЗЯИ по ускорению вступления его в силу выступивший от делегации РФ маршал И.Д. Сергеев заявил, что «беспрецедентный в истории уровень создаваемого в рамках ДВЗЯИ международного механизма контроля и имеющиеся современные национальные средства мониторинга позволяют с уверенностью говорить о невозможности скрыть любые нарушения договора». В качестве укрепления мер доверия после вступления в силу ДВЗЯИ Россия готова предложить, в первую очередь США, рассмотреть возможность выработки дополнительных мер контро-

³⁷¹ Kimball Daryl. Executive Director, Arms Control Association. Presentation for the VERTIC Seminar on «CTBT Verification: Achievements and Opportunities». March 18, 2002. Vienna International Center, Vienna. Austria (www.armscontrol.org).

³⁷² Подробнее о системе контроля по ДВЗЯИ и современном статусе создания МСМ см.: Контроль над вооружениями. Справочник. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2001. С. 84–95; Слипченко В.С., Рожков О.В. Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. *Ядерный Контроль*. Том 7. № 4, июль-август 2001. С. 25–36; Ежегодный доклад: 2001 год. Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Вена, 2002.

ля на ядерных полигонах, которые идут значительно дальше требований договора. К этим мерам могли бы относиться «обмен геологическими данными, результатами некоторых экспериментов, установка дополнительных датчиков и другие меры»³⁷³.

Контроль по двусторонним соглашениям между СССР/Россией и США об ограничении и сокращении стратегических вооружений

Заключенные в течение последних тридцати лет двусторонние соглашения между СССР/Россией и Соединенными Штатами об ограничении и сокращении стратегических наступательных и оборонительных вооружений также содержат положения о мерах транспарентности, доверия и контроля, необходимых для того, чтобы стороны имели уверенность в том, что соглашения надлежащим образом соблюдаются. Эти договоренности, однако, предусматривают транспарентность и контроль только в отношении *носителей* ядерного оружия (МБР, БРПЛ, стратегических бомбардировщиков), непосредственно практически не затрагивая само ядерное оружие. На данном этапе это обеспечивает выполнение соглашений, но в дальнейшем, при более радикальных сокращениях стратегических вооружений, потребуется

³⁷³ РИА *Новости*. 2001, 12 ноября.

Следует отметить, что, как не раз заявляли официальные лица США и РФ, на полигонах обеих стран проводятся так называемые «субкритические» (гидродинамические) эксперименты в интересах обеспечения безопасности и надежности существующего ядерного оружия, в ходе которых, как разъяснил министр РФ по атомной энергии А.Ю. Румянцев, происходит сдавливание стенок макета ядерного взрывного устройства с целью обжатия плутония без возникновения цепной реакции (*ИТАР-ТАСС*. 2002, 28 июня).

Не может, вместе с тем, не вызывать озабоченности тот факт, что со стороны официальных лиц США не раз делались заявления о планах разработки новых видов ядерного оружия, в частности глубоко проникающего в землю ядерного взрывного устройства (Robust Nuclear Earth Penetrator – RNEP) для уничтожения подземных целей, на что предлагается выделить в бюджете 2003 г. 15,5 млн. долл. (*U.S. News & World Report*, July 22, 2002) и о необходимости принятия мер по подготовке Невадского полигона к возможному возобновлению испытаний. Со стороны российских официальных лиц, очевидно в качестве ответного шага, также делались заявления о «теоретической возможности» возобновления ядерных испытаний.

выработка соответствующих процедур относительно контроля за сокращением и уничтожением ядерного оружия как такового. Данный вопрос, а также некоторые конкретные соображения на этот счет рассматриваются в четвертой главе.

Отдельные соглашения – такие, как *Договор 1972 г. об ограничении систем противоракетной обороны* (Договор по ПРО), прекративший свое существование в июне 2002 г. после одностороннего выхода из него США, не предусматривая инспекций на местах, устанавливал, что каждая из сторон «использует имеющиеся в ее распоряжении национальные технические средства контроля таким образом, чтобы это соответствовало общепризнанным принципам международного права». При этом стороны обязались «не чинить помех национальным техническим средствам контроля» и, более того, «не применять преднамеренные меры маскировки, затрудняющие осуществление контроля национальными техническими средствами» (ст. XII). Под национальными техническими средствами контроля (НТС) понимаются главным образом средства космического слежения.

Кроме того, Договор по ПРО (ст. XIII) предусматривал создание Постоянной консультативной комиссии, в рамках которой стороны, в частности, могли на добровольной основе обмениваться информацией «для обеспечения уверенности в выполнении принятых обязательств», рассматривать вопросы, «связанные с непреднамеренными помехами» НТС, согласовывать процедуры и сроки уничтожения или демонтажа систем ПРО и др.

Таким образом, этот договор содержал определенные и достаточные положения по обеспечению его соблюдения. Однако прекращение действия Договора освобождает США от обязательств по нему, в том числе от обязательства не чинить препятствий наблюдению из космоса и не применять меры маскировки в том, что касается систем противоракетной обороны. Обязательство не чинить помех НТС остается за Соединенными Штатами теперь лишь по действующему Договору СНВ-1.

В связи с прекращением действия Договора по ПРО становится актуальной проблема возможного размещения оружия в космосе и организации контроля за его размещением.

В прошлом СССР и США испытывали противоспутниковые средства (американское сокращение ASAT) наземного и воздушного базирования, но позднее отказались от развития соответ-

вующих технологий. Договор по ПРО (ст. V) запрещал создание, испытание и развертывание систем и компонентов космического базирования. Но сейчас, после одностороннего выхода США из Договора по ПРО, они свободны от подобного обязательства и могут испытывать и развертывать *SBIRS-Low* (Space Based Infra Red, Low earth orbits) – ключевые компоненты систем НПРО и ПРО театра военных действий. Развитие этих средств идет с отставанием от графика, и их будущее пока неизвестно³⁷⁴, но, тем не менее, вопрос о предотвращении размещения оружия в космосе, или, пользуясь американской терминологией, о запрещении «вепонизации» (weaponization) космоса приобретает актуальность.

На сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 2001 г. министр иностранных дел РФ И.С. Иванов выступил в пользу «всеобъемлющей договоренности о неразмещении оружия в космосе, неприменении силы или угрозы силой в отношении космических объектов», состоящей из следующих ключевых элементов:

- «использование космического пространства в соответствии с международным правом в интересах поддержания мира и безопасности;
- обязательство не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом;
- обязательство не прибегать к применению силы или угрозы ее применения в отношении космических объектов;
- установление механизма контроля за выполнением такой договоренности на основе мер доверия и открытости в космической сфере»³⁷⁵.

В июне 2002 г. делегации России, Китая и некоторых других стран внесли на рассмотрение Конференции по разоружению рабочий документ «Возможные элементы будущей международ-

³⁷⁴ Rhinelander John. Strategic Stability and Arms Control After the ABM Treaty. Presentation at Pugwash Meeting 274 «Impending Challenges to Strategic Stability: Constraining the Nuclear Threat». Moscow, 8–11 July 2002.

³⁷⁵ Док. ООН A/56/PV.7. С. 5.

но-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов».

В том, что касается механизма контроля и осуществления мер укрепления доверия в космосе, в российско-китайском предложении предусматривается, что участники договора обнародуют свои космические программы, будут объявлять о местах запусков и размерах своих космических пусковых площадок, собственности и параметрах объектов, запускаемых в космическое пространство, и уведомлять о пусковой деятельности. При этом будет создана исполнительная организация, в функции которой будет входить:

- принятие к рассмотрению обращений участников в связи с возникшим подозрением в нарушении договора каким-либо участником;
- рассмотрение вопросов, касающихся выполнения принятых участниками обязательств;
- организация и проведение консультаций с участниками в целях урегулирования возникшего подозрения в нарушении договора;
- принятие необходимых мер по прекращению нарушения договора³⁷⁶.

Соединенные Штаты до настоящего времени негативно реагировали на российско-китайское предложение. Впрочем, идея укрепления мер доверия в космосе, по мнению некоторых экспертов, может иметь определенные перспективы, особенно с учетом того, что широкомасштабное использование космического пространства служит интересам всего человечества, да и какие-либо противоправные действия со стороны какого-либо государства в отношении космических объектов неизбежно череваты ответными действиями со стороны других государств.

Существует также вариант решения проблемы неразмещения оружия в космосе, основанный на действующем Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1967 г., который установ-

³⁷⁶ Док. CD/1679.

ливаает запрет на вывод на орбиту вокруг Земли объектов с ядерным оружием и другими видами оружия массового уничтожения (ст. IV). Американские юристы-международники Дж. Банн и Дж. Райнлендер выступают с идеей *расширительного* толкования этого договора, которое распространялось бы на любые виды противоспутникового оружия.

Они ссылаются при этом на статью I Договора, согласно которой исследование и использование космического пространства осуществляются «на благо и в интересах всех стран», и на статью IX, в соответствии с которой, «если какое-либо государство-участник Договора имеет основания полагать, что деятельность или эксперимент, запланированные этим государством-участником Договора или гражданами этого государства-участника Договора в космическом пространстве [...], создадут потенциально вредные помехи деятельности других государств-участников Договора в деле мирного исследования и использования космического пространства [...], то оно должно провести соответствующие международные консультации, прежде чем приступить к такой деятельности или эксперименту». Такое толкование могло бы быть закреплено резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, а в случае расхождений в ООН можно было бы запросить консультативное заключение Международного Суда³⁷⁷.

Дальнейшие соглашения по стратегическим вооружениям требовали более интрузивных методов контроля, чем Договор по ПРО, вплоть до проведения инспекций на местах. До середины 1980-х гг. для позиции Советского Союза была характерна крайняя осмотрительность и даже подозрительность в отношении подобных мер контроля. В основе такого подхода были и общая закрытость советского общества, и мания секретности, и, наконец, стремление отдельных ведомств, связанных с обороной, избежать не только международного контроля, но и возможности приоткрыть завесу над своей деятельностью для внутреннего гражданского контроля, прежде всего с точки зрения обеспечения охраны окружающей человека среды.

В 1986–1987 гг. с политикой гласности пришли перемены и в подходах СССР к международному контролю за осуществлени-

³⁷⁷ Bunn George, Rhineland John. Outer Space Treaty May Ban Strike Weapons. Letter to the Editor. *Arms Control Today*. Vol. 32. No 5. June 2002. P. 24.

ем мер сокращения ядерных вооружений и разоружения. В Москве стали сознавать, что контроль нужен не только нашим контрагентам, но и нам самим для того, чтобы быть уверенными в том, что соглашения полностью выполняются и другими их участниками, в данном случае Соединенными Штатами. Таким образом и советская, и американская стороны пришли к обоюдному пониманию необходимости разработки эффективных мер контроля, которые давали бы максимальную взаимную уверенность в осуществлении договоренностей, что, естественно, требовало больших усилий с обеих сторон и проходило не всегда гладко и ко взаимному удовлетворению, но все же приводило к необходимым результатам.

Одним из важных факторов принятия Советским Союзом и Соединенными Штатами на данном этапе интрузивного контроля явилось то, что обе стороны к этому времени полностью убедились в надежности своего сдерживающего потенциала, которая обеспечивалась стратегическими наступательными вооружениями, иными словами, гарантированным взаимным уничтожением. Именно это обстоятельство, в дополнение к другим политическим и военным составляющим общей геостратегической обстановки середины 1980-х гг., позволило приступить к решению проблемы контроля в ракетно-ядерной области на основе обоюдного согласия допустить инспекцию на местах своих ядерных сил³⁷⁸.

В этом отношении чрезвычайно показателен подписанный в декабре 1987 г. между СССР и США бессрочный *Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности* (Договор о РСМД), который вступил в силу 1 июня 1988 г. Договор предусматривал ликвидацию целого класса ядерных вооружений — ракет средней дальности (дальность которых превышает 1000 км, но не

³⁷⁸ Эту мысль высказал и американский специалист по международному контролю М. Крепон из вашигтонского Центра Г. Стимсона: «Принятие транспарентности для уменьшения ядерной опасности обычно наступает [...] после того, как государства, обладающие ядерным оружием, достигают уверенности в своем сдерживающем средстве. Соединенные Штаты и Советский Союз не принимали инспекции на местах своих ядерных сил до 1986 г., т.е. почти три десятилетия с тех пор, как впервые занялись решением этого вопроса» (Крепон Michael. Missile Defense and the Asian Cascade. In: The Impact of US Ballistic Missile Defenses on Southern Asia. The Henry L. Stimson Center Report No. 46, July 2002. P. 66). Говоря о первоначальных попытках решения вопроса об инспекциях, Крепон, конечно, имеет в виду рассмотрение в ООН планов международного контроля в 1940-х гг., т.е. за *четыре* десятилетия до середины 1980-х гг.

превышает 5500 км) и их пусковых установок; ракет меньшей дальности (дальность которых равна или превышает 500 км, но не превышает 1000 км) и их пусковых установок; вспомогательных сооружений и вспомогательного оборудования; районов развертывания; ракетных операционных баз; ракетных вспомогательных объектов. В состав договоренности, помимо самого договора, входят Меморандум об установлении исходных данных в связи с договором, Протокол о процедурах, регулирующих переоборудование или ликвидацию средств, подпадающих под действие договора, Протокол об инспекциях в связи с договором, Меморандум о договоренности относительно процедур деятельности Специальной контрольной комиссии.

Договором были предусмотрены шесть видов инспекций: проверка исходных данных (на всех объектах, заявленных в Меморандуме об исходных данных); квотные (выборочные) инспекции заявленных объектов; инспекции процессов ликвидации вооружений в местах ликвидации; инспекции по подтверждению факта ликвидации объекта; инспекции по подтверждению факта завершения процесса ликвидации вооружений; инспекции проходных пунктов некоторых (в СССР – в г. Воткинске, в США – в г. Магна, штат Юта) бывших заводов по производству охватываемых договором ракет.

Проверка исходных данных проводилась в течение второго и третьего месяцев после вступления договора в силу. Инспекции, связанные с процессами ликвидации объектов и вооружений, – в течение трех лет после вступления договора в силу, т.е. в сроки, отведенные по договору для ликвидации охватываемых им вооружений. Квотные инспекции – в течение 13 лет действия договора. Инспекции проходных пунктов заводов также осуществлялись в течение 13 лет действия договора, причем на постоянной основе. Инспекционные группы состояли из 10 человек, за исключением групп для инспекций проходных пунктов заводов – в них включалось 30 инспекторов, которые ротировались через определенное время.

За исключением инспекций заводов на постоянной основе, каждая сторона могла проводить 20 инспекций в год в первые три года действия договора, 15 инспекций в год – в течение следующих пяти лет и 10 инспекций в год – в течение последних пяти лет. Через 13 лет после вступления договора в силу – к 1 июня 2001 г. – вся инспекционная деятельность была завершена.

Механизм инспекционного контроля включал следующие элементы: заблаговременное согласование списков инспекторов каждой стороны (не более 200 чел.), которые должны проводить инспекции, а также списков летных экипажей (не более 200 чел.), которые должны доставлять инспекторов в пункты въезда инспектируемой стороны; предоставление инспектирующей стороной уведомления о намерении провести инспекцию за определенное договором время до расчетного момента прибытия в инспектируемую страну (для большинства видов инспекций – за 16 часов), причем инспектируемая сторона должна подтвердить получение такого уведомления; предоставление инспектирующей и утверждение инспектируемой стороной плана полета инспекционной группы с последнего перед прибытием в инспектируемую страну аэродрома взлета; прибытие инспекционной группы в пункт въезда в инспектируемую страну, прохождение таможенных процедур и ее пребывание в нем на протяжении некоторого времени (для большинства видов инспекций – не более 24 часов), в течение которого инспекционная группа должна объявить место инспекции, которую она намерена провести; доставка инспектируемой стороной инспекционной группы к месту проведения инспекции (как правило, воздушным путем) за время не более 9 часов после объявления инспекционной группой места проведения инспекции; при этом через час после такого объявления инспектируемая сторона должна ввести запрет на все перемещения вооружений в месте предстоящего проведения инспекции; проведение инспекции, которое по большинству видов инспекций ограничивается 24 часами, включая послеинспекционные процедуры по подписанию отчета об инспекции (продолжительность инспекций процессов ликвидации – две–три недели); доставка инспекционной группы в пункт въезда в страну с возможностью пребывания в нем до 24 часов; убытие инспекционной группы из страны.

Всего за 13 лет – к 31 мая 2001 г. – СССР/Россией было проведено 272 инспекции на 31 объекте в США и пяти западноевропейских государствах – Бельгии, Великобритании, Германии, Италии и Нидерландах; Соединенными Штатами – 548 инспекций на 116 объектах Советского Союза/России. Дополнительно к этому каждая сторона обеспечила большое количество ротаций инспекционных групп в местах постоянного наблюдения за заводами: в Воткинске – 226 и в Магне – 170. Бывший Советский Союз и Соединенные Штаты ликвидировали соответственно 1846 и 846

ракет. Общее же число ликвидированных элементов ракетных комплексов (ракет, пусковых установок, корпусов головных частей, транспортно-пусковых контейнеров, транспортных средств, стационарных сооружений для пусковых установок, установщиков ракет, емкостей для топлива, учебных ракет и учебных пусковых установок) составило 6161 советских и 2371 американских.

С точки зрения развития концепции и процедур международного контроля в ядерной области представляет существенный интерес тот факт, что в процессе выполнения Договора о РСМД измерялись некоторые параметры *ядерных боеприпасов* (в составе носителей). Дело в том, что в некоторых местах развертывания ликвидированных передвижных ракетных комплексов *Пионер (SS-20)* с головной частью из трех боевых блоков вновь размещались комплексы *Тополь* с моноблочной головной частью. Ракетные комплексы такого типа не подпадали под действие Договора о РСМД, однако их внешняя схожесть с комплексом *Пионер* позволила США выдвинуть требование о проведении *эталонных* радиационных измерений головных частей указанных комплексов, результаты которых были бы основой для их идентификации при инспекциях. При этом, поскольку США не находились в подобной ситуации и не имели на вооружении мобильных ракет, не подпадающих под действие Договора о РСМД, которые были бы сходны с их ракетным комплексом *Pershing*, необходимости в проведении российской стороной аналогичных радиационных измерений американских ядерных боеприпасов не возникло.

В качестве физической основы для радиационного контроля ядерных боеприпасов в рамках Договора о РСМД было принято наличие у оружейного плутония собственного нейтронного излучения, которое может быть зафиксировано в непосредственной близости ($R \sim 1-3$ м) от боеприпаса с помощью пассивных нейтронных измерений. Тем самым стороны соглашались, что все ядерные боеприпасы на носителях, подпадающих под действие договора, обязательно содержат компоненты, выполненные из оружейного плутония. В качестве аппаратуры для измерения количества плутония были выбраны нейтронные радиометры – гелиевые счетчики, размещенные в полиэтиленовом замедлителе. Такая аппаратура позволяет измерять интегральную интенсивность нейтронного излучения за пределами боеприпаса, но не дает информации о спектральных или иных характеристиках этого излучения.

Согласованная для этого методика измерений основана на сравнении результатов измерений эталонного и проверяемого боеприпаса, выполненных в разное время, но в идентичных условиях. Основание для применения такой методики состояло в том, что потоки быстрых нейтронов от головных частей ракетных комплексов *Пионер* и *Тополь* значительно различаются как по уровню, так и по контурным рисункам. В дальнейшем такой методический подход получил общее наименование радиационной, в данном случае «нейтронной паспортизации».

Следует заметить, что эти измерения проводились без применения каких-либо *информационных барьеров* (например, нормирования результатов измерений на максимальное или любое другое измеренное значение).

Процедуры инспекций по Договору о РСМД (в части контроля головных частей) включали в себя следующие основные элементы. Проведение эталонных измерений интенсивности потока быстрых нейтронов на двух ракетах *Пионер* и двух ракетах *Тополь*, расположенных в пусковых контейнерах, находящихся в горизонтальном положении. Эталонные измерения проводились в 79 точках на плоскости размером 4x4 м, расположенной под головной частью (горизонтальные измерения) и в 9 точках вдоль верхней границы цилиндрической части пускового контейнера (продольные измерения). Измерения выполнялись инспектируемой стороной на аппаратуре инспектирующей стороны. После проведения эталонных измерений один из двух контейнеров определенного типа ракет вскрывался, и инспектирующая сторона могла визуально убедиться, что в каждом пусковом контейнере находится соответствующий тип ракеты. Подписанные обеими сторонами результаты эталонных измерений использовались в качестве основы при проведении инспекций.

При проведении квотной инспекции объекта, на котором ранее размещались ракетные комплексы *Пионер*, а впоследствии *Тополь*, измерения потоков быстрых нейтронов производились в 10 точках на горизонтальной плоскости и в четырех точках вдоль верхней границы цилиндрической части пускового контейнера. Эти точки выбирались инспекционной группой из точек эталонных измерений. Алгоритм принятия решения был следующим: если в ходе инспекции результат каждого измерения, полученного для конкретного пускового контейнера, отличается не более

чем на 50% от результата соответствующего эталонного радиационного измерения на ракете *Тополь*, то такая ракета не рассматривается как ракета, подпадающая под действие договора. В случае если результаты инспекционных и эталонных измерений отличаются более чем на 50%, данный пусковой контейнер открывается инспектируемой стороной, с тем чтобы инспектирующая сторона могла убедиться путем визуального осмотра внутренней части, что находящаяся внутри пускового контейнера ракета не является ракетой, подпадающей под действие договора. В любом случае после проведения радиационных измерений на всех пусковых контейнерах в данном месте инспекции инспекционная группа выбирает один пусковой контейнер, который должен быть открыт для визуального осмотра.

Так радиационный контроль применительно к Договору о РСМД был *впервые* введен в практику международной инспекционной деятельности в качестве метода проверки соблюдения соглашений в области ядерного оружия.

Для осуществления инспекционной деятельности в Генеральном штабе ВС РФ была создана инспекционная служба при Национальном центре по уменьшению ядерной опасности. В Министерстве обороны США функционирует Агентство по снижению угрозы (Defense Threat Reduction Agency – DTRA), в рамках которого имеется Управление по инспекциям на местах.

Поскольку Договор является бессрочным, сохраняется Специальная контрольная комиссия, которая при необходимости может собраться для рассмотрения вопросов, относящихся к соблюдению принятых сторонами обязательств. Американские инспекторы продолжают наблюдение за заводом в Воткинске, но уже в связи с Договором СНВ-1. Договор о РСМД имел беспрецедентную по широте программу инспекций на местах, включающую и радиационные измерения, которая была успешно реализована³⁷⁹.

³⁷⁹ Подробнее о системе контроля за соблюдением Договора о РСМД см.: Контроль над вооружениями и военной деятельностью. Справочник. С. 45–60; Медведев В.И. Уроки Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. *Ядерный Контроль*. Том 6, № 4, июль-август, 2000. С. 65–73; Ifft Edward M. Verifying nuclear arms control and disarmament. In: VERTIC Yearbook 2001. L.: 2001. P. 26–27.

31 июля 1991 г. был подписан и 5 декабря 1994 г. вступил в силу *Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений* (Договор СНВ-1). Он предусматривал сокращение в течение семи лет стратегических наступательных вооружений до уровня 6000 ядерных боезарядов и 1600 единиц средств доставки для каждой из сторон, т.е. примерно на 35–40%.

Договор содержал и ряд других ограничений. Так, из 6000 боезарядов не более 4900 могло быть развернуто на баллистических ракетах, а из них не более 1100 на мобильных ракетах и не более 1540 на тяжелых МБР. Правила засчета баллистических ракет исходят из того, что каждая пусковая установка определенного типа считается содержащей ракету определенного типа, а за каждым типом ракеты засчитывается определенное количество боеголовок. Таким образом, общее количество боеголовок на баллистических ракетах можно узнать, подсчитав количество пусковых установок.

Договор СНВ-1 представляет собой весьма объемистый комплекс документов, в который, помимо текста собственно договора, входят Меморандум об установлении исходных данных, Протокол о переоборудовании или ликвидации средств, подпадающих под действие договора, Протокол об инспекциях и деятельности по непрерывному наблюдению в связи с договором, Протокол об уведомлениях, Протокол о забрасываемом весе МБР и БРПЛ, Протокол о телеметрической информации, Протокол о совместной комиссии по соблюдению и инспекциям и ряд других договоренностей и согласованных заявлений. Весь этот комплекс документов составляет более 900 страниц.

4 декабря 2001 г., т.е. через семь лет после вступления СНВ-1 в силу, завершились предусматриваемые договором сокращения. После этого он будет действовать еще восемь лет, если не будет заменен ранее этого срока последующим соглашением о сокращении и ограничении стратегических вооружений, или не будет продлен или расторгнут. В течение периода, который последует после первых семи лет, т.е. до декабря 2009 г., будут соблюдаться все те запреты и ограничения, а также контроль за их соблюдением, которые предусмотрены Договором.

Система контроля за соблюдением Договора СНВ-1 гораздо сложнее, чем по Договору о РСМД. По последнему соглашению

инспекторам нужно было подтвердить ликвидацию и зафиксировать отсутствие данного класса вооружений, в то время как СНВ-1 должен обеспечивать мониторинг ограничений и сокращений и, следовательно, иметь дело с разными количествами и техническими характеристиками стратегических наступательных вооружений.

Поэтому принципиально новым элементом СНВ-1 являлась чрезвычайно масштабная система контроля, потребовавшая огромной работы. Возникавшие сложности зачастую были связаны с асимметрией стратегических сил и различиями в практике каждой из сторон. Так, например, американцы стремились установить максимально жесткий контроль над мобильными наземными системами ракет, поскольку такими системами обладает только Советский Союз/Россия. Со своей стороны, советские переговорщики прилагали максимум усилий, чтобы поставить под строгий контроль воздушный и морской компоненты стратегических сил, по которым значительное преимущество имеют Соединенные Штаты.

Большие трудности возникли при разработке положений Договора и соответствующего протокола о телеметрической информации. Дело в том, что в ходе каждого летного испытания МБР и БРПЛ сторона, проводящая испытание, производит бортовые измерения технических параметров и должна передавать в эфир телеметрическую информацию, получаемую в результате измерений. Такая информация, полученная другой стороной договора, является важным средством контроля за его соблюдением в отношении МБР и БРПЛ. При разработке Договора нужно было согласовать процедуры, которые предотвращали бы преднамеренное или непреднамеренное сокрытие такой информации. А поскольку каждая сторона обладала своей спецификой в проведении испытаний и передаче телеметрической информации, требовалось урегулировать эти различия.

Договор предусматривает всесторонний обмен данными и многочисленными уведомлениями, которые постоянно обновляются, с тем чтобы другая сторона точно знала, где и сколько находится ракет или тяжелых бомбардировщиков каждого типа. Проводятся 13 различных видов инспекций, включая проверку числа ракет и тяжелых бомбардировщиков на каждом объекте, количества боезарядов на баллистических ракетах и тяжелых

бомбардировщиках и т.д. Каждая сторона проводит ежегодно 25–30 инспекций.

В рамках Договора СНВ-1 также предусматриваются некоторые процедуры *радиационного* контроля. В частности, в отношении контейнеров с крылатыми ракетами большой дальности (КРВБ) были определены радиационные меры проверки, которые отвечали бы следующим условиям:

- контейнер не содержит ядерную КРВБ большой дальности (путем измерений на внешней поверхности контейнера);
- КРВБ, хранимая вне контейнера, не является ядерной КРВБ большой дальности;
- содержимое контейнера, извлеченное из него, является неядерным.

Были оговорены процедуры проверки, а также процедуры, подтверждающие, что инспектируемая сторона не предпринимает мер, маскирующих излучение. Последний факт подтверждался путем использования калиброванного радиационного источника.

В рамках договора рассматривался также метод идентификации в составе РГЧ предметов, которые похожи на боеголовки, но не являются ими. Для этой цели предлагалось использовать методы регистрации нейтронных полей. Процедуры радиационного контроля таких предметов в договоре не определены и находятся в процессе согласования в Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям (СКСИ).

В 1993 г. между Россией и США был подписан Договор СНВ-2, предусматривавший сокращение стратегических наступательных вооружений до уровня 3000–3500 ядерных боезарядов для каждой из сторон. По договору для его осуществления должны были использоваться положения о контроле Договора СНВ-1. Однако Договор 1993 г. в силу не вступил. Не получило развития и объявленное обеими сторонами в ходе саммита в Хельсинки в марте 1997 г. намерение разработать Договор СНВ-3, который предусматривал бы снижение потолка стратегических наступательных вооружений до 2000–2500 единиц. При этом президен-

ты РФ и США согласились, что стороны также рассмотрят вопросы, относящиеся к транспарентности ядерных материалов.

Вместо договоров СНВ-2 и СНВ-3 в Москве 24 мая 2002 г. был подписан *Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов* (Договор СНП), предусматривающий, что такие вооружения должны быть доведены до уровня 1700–2200 боезарядов к концу 2012 г. Договор устанавливает (ст. II), что Договор о СНВ (так в нем именуется Договор СНВ-1) «остается в силе в соответствии с его положениями». Таким образом, после вступления в силу нового договора положения о контроле и инспекциях, как и другие предусматриваемые им ограничения, в том числе и радиационные измерения, о которых говорилось выше, должны применяться и к этому договору. Однако Договор СНВ будет оставаться в силе до 4 декабря 2009 г., тогда как Договор СНП 2002 г. будет действовать до 2012 г. Следовательно, сторонам в соответствующие сроки придется решать вопрос о том, как будет обеспечиваться контроль за соблюдением Договора СНП в оставшиеся годы.

В Совместной декларации, подписанной президентами России и США в тот же день, что и Договор о сокращении ядерных потенциалов, говорится, что создается Консультативная группа по вопросам стратегической безопасности во главе с министрами иностранных дел и обороны, которая будет основным механизмом, при помощи которого стороны будут укреплять взаимное доверие, расширять транспарентность, обмениваться информацией и планами, а также обсуждать стратегические вопросы, представляющие взаимный интерес. Эта группа, очевидно, и должна будет со временем определить порядок обеспечения контроля за соблюдением Договора СНП от 24 мая 2002 г. после истечения срока действия Договора СНВ в 2009 г. Хотелось бы выразить надежду, что эта двусторонняя Консультативная группа обратит пристальное внимание на вопросы транспарентности при *уничтожении* ядерного оружия — одну из наиболее сложных проблем в области ядерного разоружения.

Из всего сказанного с очевидностью следует, что и по двусторонним российско-американским соглашениям в области ограничения и сокращения стратегических вооружений заложен крепкий фундамент на пути к дальнейшим мерам установления международного контроля над атомной энергией. При дальней-

шей экспертной проработке методов контроля в ядерной области было бы целесообразно учесть уже приобретенный опыт: возможно, что некоторые процедуры были излишними или, наоборот, недостаточными для выполнения тех задач в сфере транспарентности и контроля, которые могут возникнуть в будущем³⁸⁰.

Кроме перечисленных двусторонних соглашений по ограничению и сокращению стратегических ядерных вооружений, стороны в 1991–1992 гг. объявили о *некоторых мерах по выводу и сокращению тактического ядерного оружия*, однако эти важные и полезные меры осуществляются каждой стороной в одностороннем порядке и не предусматривают какого-либо контроля, если не считать того, что стороны время от времени на добровольной основе объявляют о проделанных в этой области шагах. Так, российская делегация на состоявшейся в апреле 2002 г. сессии Подготовительного комитета Конференции по ДНЯО 2005 г. подробно информировала членов Комитета о ходе реализации Федеральной целевой программы по ликвидации и утилизации ядерных боеприпасов как стратегических, так и тактических вооружений.

Как представляется, в качестве дальнейшего шага следовало бы рассмотреть целесообразность применения некоторых мер транспарентности, в том числе согласованных по договорам о РСМД и СНВ, в отношении возможных договоренностей относительно ограничений или сокращений тактического ядерного оружия.

Практическая деятельность в области транспарентности

За последние десять лет между Россией и США накопился немалый опыт по осуществлению *практической* транспарентности³⁸¹ в областях, имеющих отношение к безопасности, учету, сохран-

³⁸⁰ Автор выражает глубокую признательность В.И. Медведеву и А.Н. Верещаге за неоценимую помощь, оказанную ему при подготовке настоящего раздела монографии.

³⁸¹ Некоторые специалисты, в частности Р. Геттемюллер из Фонда Карнеги за международный мир, предпочитают употреблять термин «естественная транспарентность» (natural transparency).

ности и утилизации избыточных ядерных материалов, ограничению и сокращению ядерных вооружений и к сотрудничеству в авиакосмической и других областях деятельности, которые прежде, во времена холодной войны, считались весьма чувствительными и потому закрытыми. В этот процесс вовлечены тысячи специалистов в обеих странах, мало-помалу накапливается опыт, а также вырабатываются менталитет и общая культура, способствующие дальнейшему развитию транспарентности и мониторинга и, следовательно, повышению взаимного доверия, которые в дальнейшем помогут в выработке и выполнении договоренностей о более глубоких сокращениях ядерных арсеналов и обеспечению верификации таких договоренностей. Эта практическая работа в области транспарентности не всегда регулируется межправительственными или межведомственными соглашениями, а вытекает из практических потребностей взаимовыгодного общения в новых условиях отношений между Россией и США. В то же время следует отметить, что не всегда это проходит гладко, так как частично все еще сохраняются стереотипы закрытости, укоренившиеся в годы холодной войны.

Назовем некоторые из практических мер транспарентности, которые уже довольно успешно применяются на практике:

- С начала 1990-х гг. осуществляется Программа совместного уменьшения угрозы — СУУ (программа Нанна—Лугара), которая содействует сокращению российского ракетно-ядерного арсенала, а также других видов оружия массового уничтожения, выводимых из вооружений и уничтожаемых в соответствии с двусторонними или многосторонними соглашениями (Договор о РСМД, Договор СНВ-1, Конвенция о запрещении и уничтожении химического оружия и др.). Эта же Программа направлена на обеспечение учета, контроля и физической защиты делящихся материалов, утилизацию стратегических атомных подводных лодок, улучшение подготовки персонала, отвечающего за ядерную безопасность, строительство хранилищ для расщепляющихся материалов оружейного происхождения и реализацию других мер в указанных и смежных областях. В ходе осуществления Программы СУУ в России применяются определенные согласованные практические меры транспарентности. К настоящему времени США,

по их оценке, выделили на Программу СУУ порядка 7 млрд долл., в такой деятельности участвуют, в том числе в виде материальной помощи, и некоторые другие государства — Япония, Германия и т.д. Со своей стороны, Соединенные Штаты допускают российских специалистов на некоторые аналогичные американские объекты, хотя соответствующие меры по физической защите и утилизации ядерных материалов США осуществляют самостоятельно и за свой счет.

- Как отмечалось в проведенном ПИР-Центром исследовании, «проблема доступа на объекты российского ядерно-оружейного комплекса относится к одной из наиболее болезненных и трудноразрешимых проблем российско-американского сотрудничества» в реализации программ содействия России по ликвидации «наследия холодной войны». Важно, говорится в этом исследовании, «до предела сузить зону противоречий». «Но при этом необходимо, во-первых, предоставить России надежные гарантии нераспространения конфиденциальной информации, а во-вторых, изучить вопрос о косвенных мерах контроля за использованием тех или иных конкретных видов оборудования, поставляемого из США»³⁸².
- • В ходе встречи «Большой восьмерки» в Кананаскисе (Канада) в июне 2002 г. была достигнута договоренность о Глобальном партнерстве в целях нераспространения оружия и материалов массового уничтожения. Она предполагает выделение партнерами в течение ближайших 10 лет до 20 млрд долл. на реализацию российских программ уничтожения химического оружия, утилизацию списанных атомных подводных лодок и оружейного плутония, а также для трудоустройства российских ученых-оружейников. В том же пакете решение о преобразовании рабочей группы «семерки» по ядерной безопасности в формат «восьмерки» с полноправным

³⁸² Сотрудничество во имя глобальной безопасности. *Научные Записки ПИР-Центра*, № 1 (19), 2002. / Под общей редакцией Ю.Е. Федорова. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 197–198.

участием России к следующему саммиту. При этом программа Глобального партнерства носит как разоруженческий характер, так и направленность на предотвращение доступа террористов к оружию массового уничтожения, ракетам, соответствующим материалам и технологиям.

- В ходе осуществления Программы СУУ российские объекты посещают высокопоставленные официальные лица и законодатели США. В свою очередь, ответственные представители РФ тоже часто посещают соответствующие объекты в США.
- Реализуется сотрудничество между атомными научно-исследовательскими центрами (lab-to-lab cooperation) по разработке методов транспарентности и контроля за уничтожением ядерного оружия. (Подробнее см. во втором разделе четвертой главы.)
- Развивается сотрудничество в области исследования и использования космического пространства. В годы холодной войны был реализован широко известный одноразовый проект *Союз – Аполлон*, сейчас же это сотрудничество приобрело постоянный характер, осуществляется создание и функционирование совместной (с участием и других государств) международной космической станции. Специалисты обеих стран участвуют в работе центров управления полетами в РФ и США.
- Создается совместный российско-американский Центр обмена данными от систем раннего предупреждения в соответствии с двусторонним Меморандумом от 4 июня 2000 г. Образование Центра ведется в Москве, и в нем будут работать военные специалисты обеих стран.
- Определенная работа по транспарентности проводится в рамках находящегося в Москве Международного научно-технического центра (МНТЦ). В ней принимают участие специалисты из ВНИИЭФ и ВНИИТФ. В частности, осуществляется проект «Технические проблемы обеспечения международной стабильности в условиях безъядерного мира», рассчитанный на два года

(2001–2003 гг.). В июле 2002 г. в Москве состоялось обсуждение предварительных докладов, которые содержат весьма полезные идеи и соображения по обеспечению транспарентности в условиях мира, свободного от ядерного оружия. Проект МНТЦ предполагается завершить к середине 2003 г.

Мы перечислили здесь только некоторые, наиболее яркие, примеры практического осуществления и изучения проблем транспарентности, относящихся к ядерной деятельности. Этот список можно было бы продолжить. Хотя некоторые проекты все же носят виртуальный характер, поскольку часто исследуются демонстрационные сценарии и схемы транспарентности, в дальнейшем, когда стороны будут готовы к реальной верификации договоренностей о сокращениях, разрабатываемые сейчас сценарии окажут неоценимую пользу в реализации подобных договоренностей. Так или иначе, вся практическая деятельность в сфере транспарентности содействует образованию *культуры транспарентности и контроля* в атомной области.

Завершая настоящую главу, можно констатировать, что в целом имеются серьезные основания полагать, что за последние несколько десятилетий, начиная с выработки Устава МАГАТЭ в середине 1950-х гг. XX в., в ходе процесса установления контроля за соблюдением целого ряда многосторонних, региональных и двусторонних соглашений в области контроля над ядерными вооружениями накоплен поистине уникальный всесторонний опыт развития систем международного контроля над атомной энергией, который все более расширяется и, будем надеяться, поможет приступить к решению исторической задачи установления международного контроля за уничтожением ядерного оружия – задачи, впервые выдвинутой международной группой ученых-ядерщиков еще в самом начале атомной эры.

Глава четвертая

Дальнейшие перспективы установления международного контроля за сокращением и уничтожением ядерного оружия

Человечество практически с самого начала атомной эры задумывается над тем, как навсегда освободить мир от ядерной угрозы. Вопрос этот стоит в повестке дня Организации Объединенных Наций с момента ее создания. Самая первая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принятая в январе 1946 г., была направлена на решение этой исторической задачи. Но государственным деятелям того времени не хватило дальновидности, мужества и настойчивости сделать решительный шаг, когда для этого имелись уникальные возможности и освоение атомной энергии только начиналось. Сейчас, когда в мире существуют восемь ядерных государств, а еще несколько располагают техническими и промышленными возможностями для создания ядерного потенциала, реализовать эту задачу несравненно сложнее, чем это можно было сделать тогда, когда только одна держава была обладательницей ядерного оружия.

При разработке Договора о нераспространении ядерного оружия в 1966–1968 гг. неядерные государства дали согласие на свой отказ от овладения ядерным оружием лишь при том непременном условии, что государства, обладающие этим оружием, возьмут на себя юридическое обязательство вести переговоры «об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению».

Ныне, когда перед человечеством «во весь рост» встала новая смертельная угроза его существованию — угроза международно-терроризма, который способен использовать для своих целей

оружие массового уничтожения, задача ядерного разоружения и нераспространения, как и ликвидации других видов оружия массового уничтожения, приобретает особую актуальность.

Если можно с определенными оговорками признать, что с окончанием холодной войны гонка ядерных вооружений, во всяком случае в том, что касается основных ядерных держав, ослабевает, то до радикального сокращения ядерных арсеналов и тем более до уничтожения ядерного оружия остается «дистанция огромного размера». И неслучайно на конференциях участников ДНЯО, которые собираются каждые пять лет (эти конференции также можно рассматривать как своеобразный способ оказания давления, а стало быть, и определенного контроля за действиями ядерных держав со стороны международного сообщества), вопрос о ядерном разоружении неизменно является основным камнем преткновения и наиболее острым предметом спора между ядерными и неядерными странами при принятии конференциями заключительных решений. Очередная такая конференция состоится в 2005 г., и можно не сомневаться, что ее участники, отметив значение нового Договора 2002 г. о дальнейшем сокращении стратегических ядерных потенциалов РФ и США и, возможно, других мер в области сокращения вооружений, которые к тому времени могут быть осуществлены, с не меньшей, чем прежде, настойчивостью будут добиваться ускорения движения в направлении полного ядерного разоружения и вовлечения в этот процесс всех государств, располагающих ядерным оружием, — как официально признанных, так и не имеющих такого статуса.

Договоренности в области ядерных сокращений непременно связаны с контролем за их соблюдением. За истекшие годы было выдвинуто немало идей и конкретных предложений о том, как идти к установлению международного контроля над атомной энергией и ликвидации ядерного оружия. Рассмотрим шаг за шагом возможные пути достижения этой цели.

Контроль за запрещением производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ)

Еще с 1940-х гг. ЗПРМ рассматривалось в качестве одного из путей, ведущих к ядерному разоружению. Этот компонент международного контроля над атомной энергией содержался в «докла-

де Ачесона–Лиlientаля» и в «плане Баруха» 1946 г. План был отвергнут Советским Союзом, как было показано во второй главе, поскольку его конкретные параметры способствовали сохранению американской ядерной монополии и на деле не вели к уничтожению атомного оружия. Не испытывали никакого энтузиазма по отношению к нему и англичане, приступившие в 1947 г. к созданию своего ядерного оружия, а также и французы, ставшие на этот путь в середине 1950-х гг. Но сама идея прекращения производства и соответствующего международного контроля за оружейными расщепляющимися материалами в качестве реального, прагматического способа продвижения к цели сокращения запасов и последующей ликвидации ядерного оружия имела и продолжает иметь существенное рациональное зерно. Более того, по мере уменьшения ядерных арсеналов основных ядерных государств ее значение только возрастает.

В пользу прекращения производства делящихся материалов для создания оружия выступали еще в 1954 г. премьер-министр Индии Дж. Неру и в 1956 г. президент США Д. Эйзенхауэр. В апреле 1964 г. по инициативе американской стороны США и СССР объявили о некотором сокращении в одностороннем порядке производства высокообогащенного урана и плутония для ядерного оружия и о направлении в будущем большего количества делящихся материалов на мирные цели; аналогичное заявление было сделано Великобританией³⁸³. О каком-либо взаимном контроле за этими односторонними действиями вопрос, правда, не поднимался.

Отцы-основатели МАГАТЭ предвидели возможность накопления излишков плутония и включили в Устав Агентства положение о порядке обращения с ним. В статье XII.A.5 предусматривается возможность «передачи на хранение Агентству любых излишков любых специальных расщепляющихся материалов [...] сверх тех, которые необходимы» для использования в мирных целях, чтобы «воспрепятствовать накоплению запасов этих материалов, при условии, что после этого, по требованию соответствующего члена или соответствующих членов Агентства, специальные расщепляющиеся материалы, переданные таким об-

³⁸³ Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том VII (1964 г.). М.: МИД СССР, 1965. С. 79–83.

разом на хранение Агентству, будут возвращены незамедлительно соответствующему члену или соответствующим членам Агентства» для использования в мирных целях. С 1978 по 1982 г. в рамках Агентства проходили переговоры о возможности создания Международного хранилища плутония (International Plutonium Storage – IPS), однако стороны не пришли к соглашению, в частности из-за трудностей нахождения взаимоприемлемого места для хранилища и урегулирования вопроса об условиях возвращения делящихся материалов (здесь основные возражения исходили от Индии).

Предложения о прекращении производства расщепляющихся материалов для военных целей и сокращении их запасов выдвигались и позже, в частности Генеральным секретарем ЦК КПСС, впоследствии президентом СССР М.С. Горбачевым в 1989 г. и президентом США Б. Клинтон в 1993 г., в обоих случаях в контексте ООН с указанием на эту меру как предмет для многосторонней договоренности.

Однако запасы оружейных расщепляющихся материалов в мире продолжали расти быстрыми темпами. По оценкам известных специалистов Д. Олбрайта, Ф. Беркхута и У. Уокера, к концу 1994 г. общие запасы плутония составили 1160 т (в том числе 914 т энергетического и 250 т оружейного) и 1770 т высокообогащенного урана³⁸⁴.

Суть проблемы ЗПРМ. К моменту заключения ДНЯО и особенно в дальнейшем ЗПРМ приобрело смысл в первую очередь как средство ядерного нераспространения и во вторую – как путь к ядерному разоружению. Действительно, запрет на производство оружейных расщепляющихся материалов послужил бы едва ли не самой надежной гарантией против появления новых ядерных стран. Его разоруженческое значение связано прежде всего с выводом из оборота расщепляющихся материалов, которые высвобождаются из ликвидируемых боеприпасов, что позволяет сделать процесс разоружения хотя бы отчасти необратимым.

³⁸⁴ Albright David, Berkhout Frans and Walker William. Plutonium and Highly Enriched Uranium. 1996 World Inventories, Capabilities and Policies. SIPRI. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 397.

В широком контексте ЗПРМ имеет наибольший эффект в сочетании с другими мерами по разоружению, а именно с традиционным сокращением ядерного оружия, которое ведет к необходимости утилизации «излишков» боеприпасов, и ДВЗЯИ, который в существенной мере исключает возможность модернизации ядерного оружия, что в целом в определенной мере стимулирует постепенное снятие боеприпасов с вооружения.

Соотношение нераспространенческого и разоруженческого компонентов ЗПРМ будет зависеть от содержания будущей договоренности. Здесь возможны и обсуждаются два варианта:

- прекращение производства ядерных материалов для оружия;
- меры в отношении *существующих запасов* ядерных материалов.

Первый вариант является в основном мерой нераспространения, воздвигая еще один барьер на пути расползания ядерного оружия, в том числе и *вертикального*, ставя предел в первую очередь увеличению ядерного потенциала де-факто ядерных государств — Индии, Пакистана, Израиля, а также появлению новых ядерных стран из числа высокоразвитых в промышленном отношении государств, таких, как, например, Япония, Германия или Южная Корея, которые могли бы в случае принятия политического решения в короткие сроки приступить к созданию атомного оружия. В отношении ядерных государств он предусматривает лишь ненаращивание количества расщепляющихся материалов, что, по крайней мере в отношении России и США, малоактуально, поскольку они фактически более десяти лет не нарабатывают новых количеств оружейных расщепляющихся материалов и уже приступили к сокращению накопленных запасов; выигрышем является постановка ненаращивания под международный контроль, чтобы сделать его необратимым.

Второй вариант является разоруженческой мерой.

При обсуждении этих вариантов сталкиваются разнонаправленные интересы. Так, ядерные державы готовы согласиться с запрещением производства новых материалов для ядерного оружия, но не готовы поставить под контроль его запасы и согласиться на их сокращение под надзором иностранных наблюдателей. Индия возражает против сокращения запасов оружия по

тем же причинам, в то время как Пакистан настроен более радикально, поскольку рассчитывает добиться сокращения индийских запасов. При этом и Индия, и Пакистан проявляют склонность к затягиванию начала переговоров, поскольку это давало бы им возможность наработать еще некоторое количество материалов для ядерного оружия, в то время как большинство ядерных государств (за исключением Китая) уже готовы договориться о ЗПРМ сравнительно быстро. Многие неядерные государства решительно выступают за скорейшее начало переговоров, будучи готовыми пойти и на наиболее ограниченный из возможных вариантов ЗПРМ с учетом того, что он подготовил бы почву для согласования более радикальных шагов в будущем. Большое значение уделяется при этом самоценности системы контроля, в соответствии с которой неядерные страны впервые получили бы определенный доступ к проверке арсеналов оружейных расщепляющихся материалов ядерных государств.

Решение ООН и передача вопроса на Конференцию по разоружению. После многих лет бесплодных обсуждений проблемы ЗПРМ процесс, казалось, пришел в движение в 1993 г., когда на Генеральной Ассамблее ООН удалось единодушно принять Резолюцию «Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других взрывных устройств». Для этого потребовалось пойти на существенный компромисс, определив ключевой элемент будущей договоренности, но в то же время предвещавший последующие споры в процессе переговоров, а именно: ранее внесенные проекты резолюций вели речь о прекращении «производства и накопления» ядерных материалов, что вызывало сопротивление ядерных государств, однако снятие второго слова позволило, наконец, достичь сдвига в ситуации. В принятой резолюции ООН высказалась в пользу заключения «недискриминационного и универсально применимого договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств»³⁸⁵.

Дальнейшим практическим шагом стало решение вопроса о пееговорном мандате на Конференции по разоружению для рассмотрения ЗПРМ, поскольку переговоры такого рода проводят-

³⁸⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 48/75L.

ся именно в рамках этой конференции. Таким шагом должно было стать обсуждение вопроса в Женеве и создание Специального комитета, в рамках которого и велись бы переговоры.

В решениях Конференции по рассмотрению и продлению ДНЯО 1995 г. переговорам по ЗПРМ был отдан второй приоритет после заключения ДВЗЯИ в перечне первоочередных мер по ядерному разоружению. Можно сказать, что ЗПРМ было фактически зафиксировано как одно из *непременных условий* сохранения и укрепления режима нераспространения ядерного оружия.

В марте 1995 г. на Женевской конференции по разоружению удалось принять так называемый «доклад Шеннона» (по имени представителя Канады, который был назначен специальным координатором по ЗПРМ) о создании спецкомитета. Однако эта победа была неполной, поскольку ряд стран (Пакистан, Египет, Иран и Алжир) вновь подняли вопрос о включении в будущий документ проблемы *накопленных запасов* расщепляющихся материалов, против которого активно выступили ядерные государства и Индия. В итоге был принят компромиссный вариант, который основывался на решении Генеральной Ассамблеи, т. е. без упоминания о накопленных запасах, но было разрешено внесение других предложений, включая вопрос о запасах, в ходе переговоров в спецкомитете.

Остался нерешенным вопрос о том, классифицировать ЗПРМ как меру ядерного разоружения или как меру ядерного нераспространения. В первом случае для Индии и Пакистана могла появиться возможность добиться своего признания де-факто в качестве ядерного государства, а официально признаваемые ядерные державы были против такого поворота событий. Во втором случае Индия и Пакистан должны были бы «своими руками» укреплять режим нераспространения. Вопрос был решен на основе компромисса: по требованию Движения неприсоединения («Группы 21» на Женевской конференции) согласование договора по ЗПРМ было классифицировано как пункт 1 повестки дня: «прекращение гонки ядерных вооружений и ядерное разоружение».

Мандат спецкомитета был согласован на основе «доклада Шеннона», но при этом сохранились и проявившиеся в 1995 г. разногласия: ядерные государства и Индия заявили, что мандат не предусматривает включения существующих запасов, в то время как Пакистан и Движение неприсоединения (кроме Индии) за-

явили о намерении предложить включение проблемы запасов в ходе работы спецкомитета. Это предложение было активно поддержано Египтом и другими арабскими государствами, которые настойчиво подчеркивали необходимость постановки под контроль израильских запасов оружейных расщепляющихся материалов.

Немало трудов также потребовалось для того, чтобы заручиться поддержкой Израиля, который опасался поставить свою ядерную программу под международный контроль и возможные сокращения. Тем не менее, под давлением США Израиль согласился поддержать доклад спецкоординатора о создании специального комитета по ЗПРМ, хотя и оговорил, что резервирует свое мнение по существу вопросов, которые будут обсуждаться на переговорах.

В итоге решение об образовании спецкомитета по ЗПРМ и о его мандате для переговоров относительно «недискриминационно-многостороннего и поддающегося международной эффективной проверке договора, запрещающего производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств»³⁸⁶ было принято спустя без малого пять лет после принятия резолюции ГА ООН — лишь в августе 1998 г., под занавес сессии Женевской конференции. Отметим важное положение о том, что согласованный и никем не оспариваемый мандат предусматривает необходимость *установления эффективного международного контроля* за ЗПРМ.

В 1998 г. этот спецкомитет под председательством канадца М. Моэра успел проработать только три недели. Уже тогда ряд делегаций высказал пожелание, чтобы в январе следующего года этот спецкомитет возобновил работу с тем же мандатом, но договориться на этот счет не оказалось возможным. Требовалось сначала решить вопросы, касающиеся учета существующих запасов, соотношения с другими мерами по укреплению режима ядерного нераспространения и ядерному разоружению.

В 1999, 2000, 2001 и 2002 гг. переговоры возобновить не удалось. В соответствии с правилами конференции в начале года требуется заново принять повестку дня, создать спецкомитет и опреде-

³⁸⁶ Док. CD/1547.

лить переговорный мандат, и в этой связи возникли новые препятствия. События показали всю сложность проведения переговоров в многостороннем форуме (в Конференции по разоружению 1999 г. участвовали делегации 61 страны, а в 2002 г. — уже 66 государств), особенно в условиях, когда меняющаяся международная обстановка и эволюция интересов различных стран влияют на расстановку сил и линию поведения национальных делегаций.

Наиболее последовательными сторонниками скорейшего начала переговоров по ЗПРМ оказались ядерные государства, прежде всего США, Россия, Великобритания и Франция. Представитель России настойчиво призывал конференцию к скорейшему возобновлению работы спецкомитета по ЗПРМ и отметил, что Россия считает неправильным «терять время на поиски альтернативных путей к ядерному разоружению, игнорируя неоднократно подтвержденный консенсус по ЗПРМ»³⁸⁷. Важно подчеркнуть, что эта позиция была высказана несмотря на содержащуюся в выступлении жесткую критику в адрес США и НАТО в связи с агрессией против Югославии и не менее жесткое осуждение линии США, направленной на развертывание системы ПРО, что продемонстрировало последовательность интереса России к переговорам по ЗПРМ.

Вскоре после начала сессии 1999 г. США, Великобритания и Франция внесли предложение о том, чтобы конференция не только подтвердила согласованный в предыдущем году мандат, но и приняла решение об автоматическом продлении этого мандата и на последующие годы. Это предложение было логичным, поскольку позволяло обеспечить преемственность работы спецкомитета и избежать ежегодных потерь времени на его подтверждение. Однако на этот раз возникли возражения сразу с двух сторон.

Китай обусловил свое согласие на начало переговоров созданием аналогичного спецкомитета по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве (в 1998 г. договорились, что будет только назначен специальный координатор по этому вопросу) — предложение, против которого резко выступили США, поскольку оно было явно нацелено на противодействие

планам развертывания национальной противоракетной обороны (НПРО). Предложение об усилении внимания к проблеме космического пространства было поддержано и рядом других стран, в том числе Россией, хотя далеко не все считали обоснованной связь этого вопроса с ЗПРМ. В итоге удалось договориться о создании в 2000 г. Рабочей группы по проблеме предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве — компромиссный вариант между спецкомитетом, на котором настаивал Китай, и специальным координатором, о назначении которого была достигнута договоренность годом раньше.

С другой стороны, Индия и Пакистан возражали против придания спецкомитету по ЗПРМ постоянного характера, указывая на то, что это не соответствовало бы общепринятым процедурным правилам Конференции по разоружению. Общепризнанным объяснением сопротивлению, которое делегации этих стран оказывали началу переговоров, считалось их стремление воспользоваться отсрочкой для того, чтобы иметь возможность при необходимости продолжить производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия. В свою очередь Пакистан по-прежнему выступал за введение контроля над существующими запасами, но здесь происходило столкновение с позицией как Индии, так и пяти ядерных держав. С точкой зрения Пакистана, однако, солидаризировалась ЮАР, которая, отказавшись от своей военной ядерной программы, в 1990-е гг. выдвинулась на одну из лидирующих позиций в вопросах ядерного разоружения.

Сохранялась и особая позиция Коалиции за новую повестку дня — КНПД (в которую входят Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, Швеция и ЮАР), настаивавшей на создании спецкомитета по ядерному разоружению, который должен был бы заняться предметной разработкой этапов и графика продвижения к этой цели. Традиционно такая постановка вопроса сталкивается с оппозицией ядерных государств, которые возражают против навязывания им конкретных сроков и мер разоружения, не соглашаясь отдать в чужие руки определение их политики в ядерной области.

Сессии Конференции по разоружению в 2000, 2001 и 2002 гг., однако, не привели к какой-либо развязке, которая позволила бы начать переговоры по ЗПРМ. Противостояние между США и Китаем относительно связи между ЗРПМ и предотвращением

³⁸⁷ *Disarmament Diplomacy*. June 1999. No.38. P. 26.

гонки вооружений в космическом пространстве продолжалось, так же как и попытки неядерных стран связать с ними вопрос о полном ядерном разоружении, т.е. в одном пакете оказались сразу три вопроса.

Конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2000 г., однако, приняла ряд важных решений на этот счет. Как заявление пяти ядерных государств³⁸⁸, так и Заключительный документ конференции³⁸⁹ подчеркнули желательность неотложного начала переговоров по ЗПРМ в соответствии с мандатом 1995 г. («докладом Шеннона»).

Продвижение в вопросе о ЗПРМ, вызвавшее первоначально волну оптимизма среди сторонников этой меры, оказалось, однако, в значительной мере смазано. Стало ясно, что полного консенсуса в мировом сообществе пока не существует, хотя на словах эту идею поддерживают все страны, и что переговоры о ЗПРМ уязвимы по отношению к другим вопросам в большей мере, чем переговоры о ДВЗЯИ.

В связи с американскими планами создания ПРО Китай выдвинул в качестве жесткого условия обсуждение предотвращения милитаризации космоса. Кроме того, готовность Индии и Пакистана идти на уступки после проведенных ими ядерных испытаний оказалась недолговечной. Эти страны вступили в этап «привыкания» к своей новой роли, которая включает в себя определение практически заново национальных интересов в сфере безопасности. Одновременно продолжились процессы расслоения в Движении неприсоединения, связанные во многом с тем, что Индия, ранее выступавшая выразителем их совокупной воли, более не может говорить от имени неядерных стран: бескомпромиссная позиция этой страны в пользу скорейшего ядерного разоружения оказалась скомпрометирована ее своего рода «псевдоядерным» статусом.

На сессии Женевской конференции в 2001 г. Китай еще более осложнил решение вопроса о начале переговоров о ЗПРМ, внеся на рассмотрение конференции в июне 2001 г. проект договора о запрещении оружия в космическом пространстве, который

предусматривает установление запрета на размещение оружия в космосе и на нападение с Земли какими-либо видами оружия на объекты, находящиеся в космическом пространстве. В 2002 г. позиция Китая продолжала оставаться основным барьером на пути начала переговоров по ЗПРМ. Несмотря на закономерность постановки самой проблемы недопущения гонки вооружений в космосе, ее увязка в один узел с ЗПРМ, по мнению многих стран и специалистов, контрпродуктивна.

В конце июня 2002 г. делегации России, Китая и некоторых других стран внесли на рассмотрение Конференции по разоружению рабочий документ «Возможные элементы будущей международно-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов». Россия, таким образом, после одностороннего выхода США из Договора по ПРО активизировала свою позицию по проблеме недопущения размещения оружия в космосе и присоединилась к китайской инициативе по выдвиганию предложения на этот счет. Однако российская сторона, с учетом своих интересов, а также позиции США и других государств, вряд ли пойдет на жесткую увязку данной проблемы с ЗПРМ. Были сообщения о том, что и китайская сторона в будущем может пойти на смягчение своей позиции и согласится на переговоры о ЗПРМ, не настаивая на одновременном начале переговоров о космосе и довольствуясь тем, что проблема космоса будет рассмотрена на менее формальной основе³⁹⁰. Возможно, это означало бы, что Китай близок к завершению накопления достаточного с его точки зрения количества делящихся материалов. Тем не менее при всех обстоятельствах большинство специалистов пока не предвещают быстрого прогресса в вопросе о ЗПРМ.

К оценке *перспектив переговоров по ЗПРМ* в этих условиях приходится подходить с реалистических позиций. По данному вопросу возникает необходимость выбирать между разными альтернативами. Например, следует ли ставить более радикальную цель, включив в договор положение о контроле над запасами расщепляющихся материалов (что потребует значительно боль-

³⁸⁸ Док. NPT/CONF.2000/21.

³⁸⁹ Док. NPT/CONF.2000/28.

³⁹⁰ *Arms Control Today*. July/August 2002. P. 16. У автора также сложилось такое впечатление на основании бесед с некоторыми китайскими представителями.

шего времени на согласование переговорного мандата, а тем более на сами переговоры) или предпочесть более ограниченную, но в то же время более достижимую цель запрета на производство новых расщепляющихся материалов, оставив более масштабные вопросы на будущее? С точки зрения России, США, Великобритании и Франции более предпочтительным является, естественно, второй вариант. Но для Пакистана, Египта и ряда других стран он малопримлем.

В пользу любой из этих точек зрения можно выдвинуть солидные аргументы. Прогресс по ЗПРМ является столь медленным прежде всего потому, что мировому сообществу приходится «ощупью», путем проб и ошибок искать именно то уникальное сочетание мнений и интересов, которое позволило бы в конце концов вступить в серьезные переговоры и согласовать соответствующий договор. Если в ядерной области между Россией и Соединенными Штатами после окончания холодной войны в последнее время стали выстраиваться новые стратегические отношения, позволяющие шаг за шагом достигать определенных договоренностей, то азиатские ядерные государства еще не нашли какого-то общеприемлемого ядерного *модуса вивенди* и пока не проявляют готовности присоединиться к общему процессу снижения ядерной угрозы. Некоторые из них считают, что они пойдут своим особым путем при решении ядерных проблем. В стороне продолжает оставаться и Израиль, который находится в сложном положении в условиях нынешнего резкого обострения ближневосточного кризиса.

Касаясь **возможного содержания будущего договора** по ЗПРМ, а также объема и процедур контроля за его соблюдением, можно предположить, что он скорее всего вначале установит запрет только на производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия, но не затронет — во всяком случае первоначально — существующих запасов таких материалов. Ограничения в отношении накопленных запасов ядерных материалов и контроль за соблюдением таких ограничений, судя по всему, будут вводиться в действие постепенно, если вообще удастся об этом договориться в рамках договора, а не в виде первоначальных односторонних скоординированных шагов. Одновременно будет, очевидно, установлен запрет на передачу и прием оружейных расщепляющихся материалов (по аналогии с запретом передавать и принимать ядерные взрывные устройства, содержащиеся

в ДНЯО) с целью перекрыть возможный канал обхода договора. Это необходимо в связи с тем, что некоторыми важными и, более того, необходимыми участниками будущего договора должны стать государства, не входящие в ДНЯО (Индия, Пакистан и Израиль).

Определенную трудность в ходе переговоров может представлять разграничение плутония и высокообогащенного урана (ВОУ), используемых для производства оружия, топлива реакторов атомных подводных лодок и для энергетических целей. Помимо обеспечения транспарентности и контроля за использованием этих материалов, возможно, придется установить более дробные и, возможно, вводимые поэтапно градации для обогащенного урана с тем, чтобы различить оружейный и энергетический уран (уран с обогащением свыше 20% считается ВОУ), а также оружейный и энергетический плутоний. Это тем более важно, что высокообогащенные расщепляющиеся материалы также используются в качестве топлива в ядерных реакторах АПЛ и надводных судов — как военных, так и гражданских.

Проведенный в Женеве в мае 1998 г. по инициативе Японии технический семинар показал, что необходимость контроля над энергетическими и предназначенными для АПЛ расщепляющимися материалами является наиболее сложным элементом с точки зрения его осуществления. Известно, что ряд неядерных государств, в частности Япония, накопили значительные количества энергетического плутония, который, как известно, при определенных инженерных решениях может быть использован и для оружейных целей³⁹¹. Выступая с инициативой проведения технического семинара, японцы определенно стремились продемонстрировать свои мирные намерения в отношении постоянно увеличивающихся запасов гражданского плутония. Хотя на семинаре не предполагалось выработать какие-либо политические решения, определенный интерес вызвало предложение Австралии о разработке «рамочного соглашения», которое предусматривало бы поэтапный подход к проблеме и для начала декларировало бы общие цели, не устанавливая юридических

³⁹¹ Следует также учитывать, что существует возможность создания ториевого топливного цикла, который мог бы быть использован для получения оружейного материала (U-233).

обязательств. В дальнейшем предполагалось бы заключение юридически обязывающих соглашений.

В конце января 1999 г. в Женеве состоялся еще один семинар по ЗПРМ, в котором участвовали представители государств-участников Конференции по разоружению и эксперты этих стран, а также МАГАТЭ. Российский эксперт на этом семинаре высказал мнение о том, что возможны два основных варианта по сфере охвата договора: договор охватывал бы *все* ядерные материалы и установки или же был бы более *сфокусированным*, распространяющимся только на наиболее чувствительные установки по производству расщепляющихся материалов — заводы по переработке ОЯТ и по обогащению. Первый вариант был бы весьма дорогостоящим и привел бы к увеличению расходов на гарантии МАГАТЭ примерно в три раза. Кроме того, и отдельным государствам пришлось бы пойти на огромные дополнительные расходы, так как, например, в России все бывшие заводы по производству оружейных материалов не были приспособлены для осуществления на них гарантий. К тому же в России военный и гражданский ядерные секторы традиционно были взаимосвязаны. Второй вариант является более прагматичным и предпочтительным. Он предусматривал бы контроль только над всеми заводами по обогащению и выделению плутония³⁹².

В ходе переговоров по ЗПРМ потребуется договориться о применении принципа универсальности к разному статусу государств-участников будущего договора по ЗПРМ с точки зрения контроля. Если для неядерных государств-участников ДНЯО контроль явно будет основываться прежде всего на всеобъемлющих гарантиях МАГАТЭ с обязательным применением принятого в 1997 г. Дополнительного протокола о гарантиях (см. первый раздел второй главы), то в отношении некоторых ядерных государств, в частности России, придется учитывать тот факт, что их ядерный комплекс формировался как смешанный военно-гражданский и что ядерные государства, во всяком случае на начальных этапах, сохраняют запасы ранее произведенных расщепляющихся материалов для военных целей. Это означает, что контролировать, очевидно, можно будет только заявленные

³⁹² Rybachenkov V.I. Some Reflexions on Fissile Material Cut-off Treaty (FMCT). CD Workshop on FMCT. Geneva, January 25–26, 1999. (Личный архив автора).

места хранения расщепляющихся материалов и их производство. Вряд ли можно ожидать проведения инспекций на всех местах хранения до тех пор, пока договор по ЗПРМ не будет расширен за счет включения существующих запасов. Определенный опыт контроля уже накоплен в рамках действующих российско-американских договоренностей по сокращению ракетно-ядерных вооружений. Россия и США разрабатывают совместно с МАГАТЭ методы контроля над расщепляющимися материалами, выводимыми из военной сферы (Трехсторонняя инициатива РФ, США и МАГАТЭ — см. третью главу).

Потребуется также исключить возможность обхода договора за счет переключения расщепляющихся материалов оружейного или близкого к этому качества с разрешенных гражданских нужд на военные. Риск такого переключения, позволяющий быстро увеличить запасы оружейных материалов в случае выхода из договора, может существенно возрасти на этапе, когда количество оружейного плутония и ВОУ сократится: тогда даже незначительное переключение такого рода будет представлять существенную опасность³⁹³.

Наибольшую трудность будет представлять проблема государств, которые де-факто располагают как ядерным оружием, так и некоторыми запасами расщепляющихся материалов. Соглашаясь на применение гарантий МАГАТЭ к своим объектам, эти страны фактически присоединяются к режиму нераспространения ядерного оружия. Однако применение к ним тех же мер контроля, что и к ядерным государствам, может означать по сути признание такого их статуса, хотя с этим, по-видимому, придется смириться. Это, в сущности, предопределено тем, что Резолюция ООН 1993 г. подчеркивает недискриминационный и универсально применимый характер будущего договора. Впрочем, так или иначе, придется учитывать, что ядерные державы,

³⁹³ Стопроцентный контроль на практике вряд ли возможен, и договоры, как правило, негласно исходят из критерия «существенного нарушения», т.е. такого, которое способно повлиять на уровень безопасности других участников договора. В настоящее время можно не беспокоиться о возможном переключении плутония США или Россией из гражданской в военную программу, поскольку количество оружейного плутония и без того избыточно, и обе стороны заинтересованы в его сокращении и уже в принципе договорились об этом. Однако в будущем, когда оружейные запасы сократятся, такое переключение может представлять опасность.

во всяком случае на первых этапах, будут твердо добиваться, чтобы их особый статус был должным образом учтен.

Контроль за ЗПРМ. Не входя на данном этапе в подробности рассмотрения конкретных деталей и процедур контроля, а также возможных расходов на осуществление будущего договора о ЗПРМ (на этот счет имеется полезная литература³⁹⁴), следует отметить, что его разработчикам придется учитывать такие аспекты, как определение степени обогащения урана, подлежащего ограничениям по договору; изотопный состав плутония; наличие или отсутствие полного топливного цикла; масштабы имеющихся «значимых количеств» делящегося материала; своевременность обнаружения нарушений; наличие различных установок по обогащению урана и переработке облученного топлива и многое другое. Особое внимание нужно будет уделить тритию, который, не являясь ядерным материалом, используется в оружии, причем его период полураспада составляет всего около 12 лет.

Необходимо будет тщательно взвесить достаточность нынешней системы гарантий МАГАТЭ (как она прописана в документах INFCIRC/153 и INFCIRC/540), а также вопрос, в какой степени эта система должна быть применима к государствам, обладающим ядерным оружием. Договор должен будет также допускать использование национальных технических средств контроля и обязательство не чинить препятствий таким средствам контроля. Учитывая необходимость обеспечения соблюдения секрет-

³⁹⁴ См., например: Paine E. Christopher, Cohran Thomas B. Practical Interim Steps Toward Nuclear Weapons Elimination and a Fissile Material Control Regime for Nuclear Weapon States. Canberra Commission on the Elimination of Nuclear Weapons. Background Papers, August 1996. P. 99–108; Schaper Annette. A Treaty on the Cutoff of Fissile Material for Nuclear Weapons – What to Cover? How to Verify. Frankfurt: Peace Research Institute Frankfurt. PRIF Reports No. 48, July 1997; Schaper Annette. Principles of the Verification for a Future Fissile Material Cut-Off Treaty (FMCT). PRIF Reports No. 58, January 2001; Shea Thomas. Reconciling IAEA Safeguards Requirements in a Treaty Banning the Production of Fissile Material for Use in Nuclear Weapons or Other Nuclear Explosive Devices. UNIDIR *Disarmament Forum*. Vol. 2. 1999. P. 57; De Klerk Piet. Verification: Technical Dimensions and Costs. Presentation at the seminar on «Breaking Ground on a Fissile Material Cut-Off Treaty». Munich, 23–25 July 1999; Walker William and Berkhout Frans. Fissile Material Stocks: Characteristics, Measures and Policy Options. UNIDIR, 1999; Тимербаев Р.М. К новому соглашению по ограничению ядерных вооружений (о переговорах о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия). *Ядерный Контроль*. Том 43, № 1, январь-февраль, 1999. С. 4–10.

ности, связанной с ядерным оружием (что требуется статьей I ДНЯО), при осуществлении международного контроля, а также и коммерческих секретов потребуются выработка процедур «управляемого доступа» (т.е. ограниченного, но достаточного для целей контроля) к соответствующим установкам и другим местам, куда будут направляться инспекции, и использования принципа *информационных барьеров*, обеспечивающих неинтрузивность контроля.

Следует отметить, что МАГАТЭ уже имеет достаточно широкий опыт и обладает технической базой и кадрами специалистов для контроля за ЗПРМ. В частности, с 1989 г. осуществляется Шестисторонний обогатительный проект (Hexapartite Enrichment Project), в соответствии с которым под гарантии МАГАТЭ поставлены все газоцентрифужные обогатительные предприятия Германии, Нидерландов, Японии, США, Великобритании и Австралии.

Что касается *институциональных решений проблемы ЗПРМ*, то наиболее целесообразным представляется возложение на МАГАТЭ функций международного органа по контролю за соблюдением соответствующего договора. Агентство имеет более чем 40-летний опыт применения гарантий не только во всех неядерных государствах – и участниках, и неучастниках ДНЯО – но и в ядерных государствах, которые заключили добровольные соглашения о постановке под гарантии МАГАТЭ своей гражданской ядерной деятельности.

Среди некоторых специалистов существует ошибочное представление, что проблема разоружения не свойственна МАГАТЭ по его Уставу. Однако придание Агентству новых функций в области ограничения ядерных вооружений вполне соответствует Уставу. Он предусматривает, что Агентство «проводит свою деятельность в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций, направленными на укрепление мира и поощрение международного сотрудничества, и в согласии с проводимой Организацией Объединенных Наций политикой содействия установлению обусловленного гарантиями разоружения во всем мире, и в согласии с любыми соглашениями, заключенными в соответствии с такой политикой» (ст. III.B.1). В этой связи представляется важным, что Агентство имеет эффективно работающий контрольно-исполнительный орган –

Совет управляющих, который зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, в том числе и как международный механизм по соблюдению Договора о нераспространении ядерного оружия после его вступления в силу в 1970 г.³⁹⁵

До вступления в силу договора о ЗПРМ в рамках Агентства следовало бы создать Подготовительную комиссию для осуществления необходимых начальных мероприятий и выработки конкретных процедур контроля в рамках договора с тем, чтобы они могли быть задействованы, как только он вступит в силу. Передача всех функций контроля уже существующей организации — МАГАТЭ — безусловно, позволит сэкономить немало средств на реализацию договора о ЗПРМ.

Определенные *шаги на добровольной и односторонней, а в некоторых случаях и на согласованной основе* в направлении прекращения наработки и даже сокращения количества имеющихся оружейных ядерных материалов уже предпринимаются некоторыми ядерными державами. США, Великобритания и Франция в начале 1990-х гг. прекратили производство таких материалов. Россия поступила аналогичным образом. Три реактора двойного назначения (для производства плутония и снабжения электроэнергией близлежащих городов) пока продолжают функционировать в Северске (Томск-7) и Железногорске (Красноярск-26), однако нарабатываемый ими плутоний остается в форме оксида, не входит в гособоронзаказ и не направляется на производство оружия. Осуществляется программа создания замещающих энергомошностей, в соответствии с которой при финансовой помощи Соединенных Штатов будут построены электростанции на органическом топливе с вводом их в строй в 2005–2006 гг.

Китай официальных заявлений о прекращении производства расщепляющихся материалов не делал. Пакистан также никогда всерьез не рассматривал возможность введения моратория на производство расщепляющихся материалов. Индия также не объявляла мораторий, более того, она даже расширяет их производство. Правительство этой страны отклонило предложение

³⁹⁵ Совет управляющих состоит из 35 членов. В 1999 г. Генеральная конференция МАГАТЭ приняла поправку к Уставу, расширяющую состав Совета до 43 членов, однако эта поправка в силу еще не вступила.

прекратить производство делящихся материалов, если это сделают Пакистан и Китай³⁹⁶.

Определенным, хотя и скромным шагом в направлении транспарентности и осмотрительного обращения с гражданским плутонием явилось согласование в декабре 1997 г. Руководящих принципов обращения с плутонием, опубликованных в виде документа МАГАТЭ INFCIRC/549 в марте 1998 г. Наряду со всеми ядерными державами в согласовании Принципов участвовали Бельгия, Германия, Швейцария и Япония. Принципы регулируют обращение с выделенным плутонием и необлученным плутонием в виде МОКС-топлива. Стороны также договорились об уровнях физической защиты, системе учета и контроля плутония, регулярной проверке отчетности и ежегодном предоставлении информации об инвентарных количествах гражданского плутония и об оценках количества плутония, содержащегося в обработавшем топливе гражданских реакторов.

В 1993 г. между Россией и США было заключено соглашение о продаже Соединенным Штатам в течение 20 лет, т.е. до 2013 г., 500 т ВОУ, переработанного на российских предприятиях в низкообогащенный уран, для использования на американских АЭС. По состоянию на октябрь 2002 г. Россия поставила свыше 4000 т НОУ, полученного из более чем 150 т ВОУ, на сумму 3,5 млрд долл.³⁹⁷

По соглашению между Минатомом РФ и Министерством энергетики США американские представители «имеют право на транспарентность», что позволяет США убедиться в том, что низкообогащенный уран получается из высокообогащенного делящегося материала, извлеченного из оружия. Представители США (до 4 чел.) на постоянной основе имеют возможность регулярно посещать завод в Новоуральске, где производится разбавление ВОУ, и контролировать определение степени обогащения в центральной заводской лаборатории. США могут также

³⁹⁶ Feinstein Lee. Avoiding Another Close Call in South Asia. *Arms Control Today*. July/August 2002.

³⁹⁷ Получаемый за счет поставок из России НОУ позволяет вырабатывать до 10% общего потребления электроэнергии в США (Nuclear.ru. 4 октября 2002). В начале 2003 г. Минатом РФ объявил, что в ядерное топливо превращено более 170 т ВОУ.

до шести раз в год направлять на пятидневный срок своих представителей на три других завода, где производится разбавление высокообогащенного урана (на НПО *Маяк*, в Северск и Железнодорожск). Со своей стороны, российские представители имеют право посещать газодиффузионный завод в Портсмуте (штат Огайо), куда поступает НОУ из России. Наблюдатели РФ могут также периодически посещать пять американских заводов, где из НОУ изготавливаются топливные сборки, для ознакомления с документацией о распределении сборок по коммерческим АЭС США³⁹⁸.

Другим важным вопросом является строительство хранилищ для выводимых из военных программ избыточных оружейных делящихся материалов в России и США. Минатом РФ завершает строительство крупного хранилища таких материалов на НПО *Маяк* в Челябинской области, которое финансируется совместно Россией и США. Предполагается, что первая очередь хранилища, предназначенная для хранения 25 т плутония, извлеченного из боезарядов, будет введена в строй в 2003 г., причем в его конструкцию уже сейчас закладываются элементы, необходимые для международного мониторинга³⁹⁹.

В 2000 г. между Россией и Соединенными Штатами было заключено соглашение об утилизации плутония, заявленного как не являющийся более необходимым для целей обороны, согласно которому каждая страна выведет из оборонных программ и утилизирует в течение 20 лет по 34 т плутония. Стороны решили, что весь утилизируемый плутоний будет переведен в МОКС-топливо для использования на атомных электростанциях. Соглашение предусматривает мониторинг и инспекции в отношении утилизируемого плутония (ст. VII и Приложение «Мониторинг и инспекции»).

В мае 2002 г. во время саммита в Москве президенты РФ и США приняли решение о создании совместных экспертных групп для изучения мер по увеличению количества подлежащего ликвидации расщепляющегося материала для целей оружия и подготов-

³⁹⁸ Ifft Edward M. Verifying nuclear arms control and disarmament. In: VERTIC Yearbook 2001. P. 34–35.

³⁹⁹ Рыбаченков В.И. О российских подходах к обращению с избыточным плутонием. *Ядерное Распространение*. Выпуск 42. Январь-март 2002. С. 36.

ки рекомендаций о совместных усилиях по исследованию и разработке передовых технологий ядерного реактора и топливного цикла, устойчивых с точки зрения нераспространения.

Наконец, как уже отмечалось в третьей главе, на саммите «Большой восьмерки» в Кананаскисе (Канада) в июне 2002 г. его участники согласились ассигновать до 20 млрд долл. в течение следующих десяти лет на «проекты сотрудничества, первоначально в России, для решения вопросов нераспространения, разоружения, борьбы с терроризмом и обеспечения ядерной безопасности». Среди первоочередных задач — уничтожение химического оружия, утилизация списанных ядерных подводных лодок, а также избыточных оружейных расщепляющихся материалов и трудоустройство бывших ученых-оружейников. Участники встречи призвали активизировать усилия по утилизации запасов расщепляющихся материалов, определенных как более не требуемые для целей обороны. При этом «потребуется взаимно согласованные меры и процедуры *эффективного мониторинга, аудита и транспарентности в целях обеспечения соответствия совместных усилий согласованным задачам (включая, при необходимости, необратимость) и подтверждения эффективности работы, установления отчетности за расходующие средства и предоставления адекватного доступа доноров на объекты*» (выделено мной. — Р.Т.). Таким образом, при оказании содействия России в указанных областях определенная транспарентность должна будет иметь место.

Транспарентность и контроль за сокращением и уничтожением ядерного оружия

Установление контроля за сокращением и уничтожением ядерного оружия — одна из самых сложных задач как технического, так и политического характера. Цель контроля, в сущности, одна — дать сторонам соглашения уверенность в том, что оно выполняется в степени, достаточной для обеспечения национальной безопасности сторон. Контроль вряд ли может быть абсолютным, стопроцентным, но он может и должен быть адекватным, отвечающим задаче обеспечения соблюдения соглашений.

Транспарентность — термин, получивший широкое распространение в течение последних 5–10 лет, означает открытость, про-

зрачность. Чем больше прозрачность, тем менее интрузивными, назойливыми и дорогостоящими могут быть инспекции на месте и другие способы контроля. Масштабы транспарентности зависят от охвата, объема и характера соглашения. Например, Договор по ПРО, прекративший свое существование в июне 2002 г., предусматривал верификацию с помощью национальных технических средств контроля, то есть спутников слежения, без каких-либо инспекций на месте. И для данного договора такой контроль считался вполне адекватным. В то же время для бессрочного Договора о РСМД, установившего полный запрет на целую категорию ракетно-ядерных вооружений, потребовался весьма интрузивный контроль, который продолжается и после ликвидации всех носителей, подлежащих уничтожению.

Что же касается соглашения (соглашений) о сокращении и тем более полном уничтожении ядерного оружия, то потребуются гораздо более широкая транспарентность и более интрузивная верификация. Вполне возможно, что если ко времени приближения к конечной цели такого соглашения между его сторонами еще не будет достигнуто должной степени взаимного доверия (а транспарентность и контроль должны будут способствовать повышению уровня доверия), то пришлось бы установить такой международный режим соблюдения соглашения, который включал бы присутствие по решению Совета Безопасности ООН международного вооруженного персонала на тех атомных объектах, которые представляли бы наибольшую опасность с точки зрения возобновления производства ядерного оружия.

И еще одно предварительное замечание. К режиму транспарентности и верификации необходимо заблаговременно быть готовыми, особенно с учетом связанных с этим весьма сложных проблем технического и политического характера. Процесс сокращения ракетно-ядерных вооружений набирает силу: за последние 10–15 лет заключено несколько соглашений на этот счет. Если Россия не подготовится должным образом к решению проблем транспарентности и контроля, то есть опасность того, что в последний момент придется давать согласие на те процедуры, которые разрабатываются другими странами. К сожалению, подобные случаи в прошлом имели место. В Соединенных Штатах уже на протяжении нескольких лет ведется интенсивная проработка вопросов контроля. И неслучайно в Великобритании за

последние два-три года тоже стали заниматься изучением вопросов транспарентности и контроля.

Некоторые разработки в области контроля проводились и проводятся на двустороннем российско-американском уровне, так что было бы неправильно считать, что мы имеем дело с совершенно «не вспаханным полем». И тем не менее впереди огромная работа, темпы осуществления которой зависят прежде всего от политической воли и предвидения участвующих сторон.

Как уже указывалось в третьей главе, соблюдение договоренностей о сокращении стратегических ядерных вооружений до настоящего времени осуществляется прежде всего путем контроля за *носителями* ядерного оружия, который реализуется посредством национальных технических средств контроля и инспекций на местах процессов уничтожения или переоборудования носителей и внешним наблюдением за заводами по производству баллистических ракет.

Необходимо, вместе с тем, отметить, что и в России, и в США, а также в Великобритании уже осуществляется демонтаж снимаемых с вооружения ядерных боезарядов. По данным на 1998 г. в России было демонтировано 11 000 стратегических и тактических боезарядов и ожидало демонтажа 6300. В США было демонтировано 10 512 боезарядов и ожидало демонтажа 1500⁴⁰⁰. Есть все основания полагать, что и после 1998 г. процесс демонтажа продолжается⁴⁰¹. Однако этот демонтаж проводится без какого-либо взаимного и тем более международного контроля.

Если обратиться к *истории исследования проблемы транспарентности ядерного оружия*, то первая попытка была предпринята

⁴⁰⁰ *Bulletin of the Atomic Scientists*. July–August 1998; Diakov Anatoly. Presentation at the RANSAC Workshop, April 1998; Дьяков А.С. Доклад на семинаре в ПИР-Центре «Ратификация Договора СНВ-3 и перспективы выработки и заключения Договора СНВ-3» 8 октября 1998 г., основные положения которого опубликованы в *Независимом Военном Обзрении*. № 34. 1998, 11–17 сентября; U.S. Department of Energy Albuquerque Operations Office, Response to a FOIA request, March 8, 1998.

⁴⁰¹ По мнению некоторых специалистов, РФ и США демонтируют по 1500 ядерных боезарядов в год (Bukharin Oleg and Luongo Kenneth. U.S.— Russian Warhead Dismantlement Transparency: The Status, Problems, and Proposals. Princeton University's Center for Energy and Environmental Studies (CEES) Report No. 314, April 1999. P. 8).

еще в 1989 г., когда по инициативе академика Е.П. Велихова и с согласия советского правительства американская неправительственная организация – Совет по охране естественных ресурсов (Natural Resources Defense Council) – провела замеры гамма- и нейтронного излучения, выделяемого ядерной боеголовкой на судне *Слава* в Черном море.

В 1992 г. между Россией и Украиной было подписано Соглашение о процедурах транспортировки ядерных боезапасов с территории Украины на центральные предзаводские базы в целях их демонтажа и уничтожения. Согласно соглашению Украина получила право направлять группы представителей из трех человек на заводы по серийному производству оружия в Россию для наблюдения за процессом демонтажа боеголовок, прибывающих с Украины. Украинские представители могли контролировать шаг за шагом разборку боезапасов на составные части и их ликвидацию, а также извлечение и разборку ядерного заряда, но не наблюдали за демонтажом физического пакета. При этом в Приложении к соглашению предусматривалось, что все наблюдатели должны назначаться из числа лиц, уже имеющих опыт практической работы с ядерными боезапасами⁴⁰².

14 января 1994 г. президенты Б. Клинтон и Б.Н. Ельцин согласились учредить совместную рабочую группу для рассмотрения мер по обеспечению транспарентности и необратимости процесса сокращения ядерного оружия, включая возможность остановки части расщепляющихся материалов под гарантии МАГАТЭ, при этом особое внимание должно уделяться материалам, высвобождаемым в процессе ядерного разоружения, а также мерам по обеспечению того, что эти материалы не будут использованы вновь для ядерного оружия.

На проходившем в Кембридже (штат Массачусетс, США) 2–6 февраля 1998 г. семинаре, организованном Программой изучения вопросов безопасности Массачусетского технологического института и Центром по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ, Дж. Гудби, возглавлявший американскую делегацию на заседаниях этой совместной рабочей группы, поделился своими выводами относительно состояв-

⁴⁰² Bukharin and Luongo. P. 16 and 27.

шихся в 1994–1995 гг. обсуждений между официальными представителями США и России мер транспарентности и необратимости ликвидации ядерных боезарядов будущих соглашений о сокращении ядерных вооружений.

По его мнению, был достигнут существенный прогресс в области идентификации характера возникающих проблем и путей нахождения их решений. Со времени рассмотрения «плана Баруха» в 1940-х гг., отметил Дж. Гудби, это было первое двустороннее обсуждение существа указанных проблем. В США в конце 1960-х гг. Агентство по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР) провело весьма интенсивное исследование проблемы транспарентности демонтажа боезарядов, включая и полевые эксперименты. Дж. Гудби обратил внимание на то, что после достижения трехсторонней договоренности между РФ, США и Украиной в 1994 г. относительно демонтажа вывозимых из Украины ядерных вооружений украинские представители получили возможность наблюдать за процессом демонтажа ядерных боеголовок. С другой стороны, американские представители осуществляли наблюдение на предприятии в России, где производилось превращение ВОУ в НОУ для последующего направления в США в соответствии с соглашением по ВОУ–НОУ 1993 г.⁴⁰³

Совместная рабочая группа для рассмотрения мер транспарентности и необратимости в процессе сокращения ядерного оружия, созданная по соглашению между президентами Б. Клинтон и Б.Н. Ельциным в январе 1994 г., уже в мае того же года достигла согласия относительно:

- a) рассмотрения возможных способов взаимных инспекций хранилищ, содержащих плутоний и ВОУ, извлеченные из ядерного оружия;
- b) рассмотрения возможных способов объявления всех запасов и мест хранения ВОУ, гражданского и военного плутония;

⁴⁰³ Режим транспарентности по соглашению ВОУ–НОУ, в ходе которого осуществляется проверка того, что конверсия ВОУ в НОУ производится из урана оружейного происхождения, характеризуется специалистами в качестве наиболее успешного примера транспарентности, достигнутого к настоящему времени (Ibid. P. 9).

- с) определения возможных способов того, как сделать необратимым процесс передачи расщепляющихся материалов с военных на невоенные цели.

Указанные функции рабочей группы были расширены на саммите двух держав в сентябре 1994 г., когда президенты России и США согласились:

- обменяться детальной информацией на очередном заседании комиссии Гора—Черномырдина о суммарных запасах ядерных боезарядов и расщепляющихся материалов и о состоянии ядерной безопасности. Стороны согласились разработать процесс обмена такой информацией на регулярной основе;
- поручить совместной рабочей группе рассмотреть к марту 1995 г. дополнительные меры по укреплению доверия и повышению транспарентности и необратимости процесса сокращения ядерного оружия.

Перед саммитом заместитель государственного секретаря Л. Дэвис и заместитель министра иностранных дел Г.Э. Мамедов поручили совместной рабочей группе начиная с марта 1995 г.:

- определить возможные способы того, как сделать необратимой передачу расщепляющихся материалов с военных на невоенные цели;
- рассмотреть возможные способы обмена данных о запасах расщепляющихся материалов, извлеченных из демонтированных боезарядов;
- изучить возможные способы взаимных инспекций хранилищ, содержащих плутоний и ВОУ, извлеченные из ядерного оружия;
- заняться проблемой специальных гарантий, относящихся к прекращению производства расщепляющихся материалов, и возможностью применения специальных методов постановки под гарантии МАГАТЭ расщепляющихся материалов, высвобождаемых в результате процесса разоружения.

По сообщению Дж. Гудби на упомянутом семинаре в Кембридже, совместная рабочая группа должна была доложить о достиг-

нутых результатах в работе на следующем саммите. Во время работы группы Дж. Гудби передал представителям российского МИДа, Министерства обороны и Минатома рабочий материал по транспарентности и необратимости. Правительство США, по словам Дж. Гудби, исходило из целей:

- повышения доверия в интересах улучшения представления сторон о размерах запасов ядерного оружия и расщепляющихся материалов каждой стороны и объема сокращения этих запасов;
- повышения доверия к тому, что сокращения необратимы и, в особенности, что делящиеся материалы, объявленные избыточными для военных нужд, не используются для изготовления нового ядерного оружия;
- повышения у каждой стороны доверия относительно того, что ядерное оружие и расщепляющиеся материалы находятся в безопасности, а также предоставления информации и усиления открытости, необходимых для укрепления взаимного сотрудничества во имя достижения этих целей;
- повышения доверия со стороны общественности, законодателей и международного сообщества к процессу сокращения ядерных вооружений, поддержки взаимных усилий в деле расширения и укрепления режима нераспространения, ратификации и осуществления договоров СНВ и рассмотрения дальнейших мер по ограничению вооружений.

Для достижения этих целей США предполагали создание режима транспарентности и необратимости, который включал бы обмен детальной информацией о суммарных запасах ядерного оружия и запасах расщепляющихся материалов; взаимные инспекции для подтверждения количеств ВОУ и плутония, извлеченных из ядерного оружия; совместную договоренность о мониторинге боеголовок, объявленных избыточными и ожидающими демонтажа; кооперативные меры для подтверждения и уточнения взаимных заявлений о запасах расщепляющихся материалов, включая ограниченное число выборочных проверок в местах хранения делящихся материалов, но не распространяющихся на ядерные материалы в оружии, в топливе для атомных судов и в местах изготов-

ления топлива для атомных судов; обмен материалами по истории производства расщепляющихся материалов, а также визиты на предприятия по производству таких материалов.

16 марта 1994 г. министр энергетики США Х. О'Лири и министр по атомной энергии В.Н. Михайлов согласились приступить к работе по проведению взаимных инспекций в отношении плутония, извлеченного из демонтированного ядерного оружия. На встрече в Москве в мае 1994 г. стороны договорились об ознакомительных поездках в Роки Флэтс (Rocky Flats) и Томск-7 для осмотра соответствующего оборудования и разработки координированных методов измерения при том условии, что процедуры и оборудование не должны раскрывать чувствительные данные о конструкции ядерного оружия и его компонентов. По словам Дж. Гудби, американская сторона также предложила подготовить соглашение об общем режиме подтверждения запасов расщепляющихся материалов после демонтажа ядерного оружия и выступила с идеей о том, чтобы в дальнейшем был изучен вопрос о ВОУ, извлеченном из оружия.

Во время ознакомительной поездки российских специалистов в Роки Флэтс, штат Колорадо, в июле 1994 г. США продемонстрировали с помощью собственного оборудования методы измерения для:

- подтверждения или неподтверждения наличия плутония в контейнере для хранения, основанного на анализе спектра гамма-излучения;
- подтверждения или неподтверждения наличия пороговой массы плутония, основанного на скорости счета нейтронов;
- приблизительной оценки массы плутония, основанной на скорости счета нейтронов внутри контейнера для хранения, который был объявлен Соединенными Штатами как содержащий плутоний;
- подтверждения формы сферы из неизлучающего материала внутри контейнера для хранения, основанного на методе радиографии.

После ознакомительной поездки американских специалистов в Томск-7 на первый план вышли вопросы обеспечения секретно-

сти, на что российская сторона сделала особый упор на встрече в Москве в апреле 1995 г. Дж. Гудби, тем не менее, считает, что в 1994–1995 гг. был достигнут существенный прогресс в деле рассмотрения вопросов транспарентности.

Но остались нерешенными две важные проблемы в области транспарентности и необратимости – договоренность об обмене данными о запасах ядерного оружия и расщепляющихся материалах (по этому вопросу США передали России проект соглашения, который так никогда и не стал предметом обсуждения) и вопрос о последовательном контроле («chain of custody»). Такой контроль по согласованию может быть полным или ограниченным, то есть в зависимости от договоренности предусматривать мониторинг всей цепочки следования боеголовок, объявленных избыточными и подлежащих сокращению, начиная с их снятия с носителя оружия и вплоть до доставки расщепляющихся материалов в места хранения, либо исключать какие-то звенья цепочки, например стадию демонтажа боеголовки.

В совместном заявлении президентов России и США по итогам встречи в Москве 10 мая 1995 г. утверждалось, что стороны проведут переговоры по достижению соглашения, задачей которого будет повышение уровня транспарентности и необратимости сокращений ядерного оружия. Этим заявлением декларировалось, что основными элементами предполагаемого соглашения будут:

- обмен информацией на регулярной основе по общим запасам ядерных боеголовок, накопленным запасам расщепляющихся материалов и их сохранности и безопасности;
- установление взаимного контроля за хранилищами расщепляющихся материалов, высвобожденных при демонтаже ликвидированных боеголовок и объявленных избыточными для нужд обороны;
- другие совместные меры, необходимые для повышения доверия при взаимном обмене информацией по накопленным запасам расщепляющихся материалов.

После этого, однако, российское правительство осенью 1995 г. решило, что переговоры будут продолжены на уровне министерств иностранных дел и что они будут проходить в Женеве или Хельсинки на регулярной основе в более формальной обстанов-

ке. Вашингтон дал на это согласие, и первый раунд переговоров был назначен на ноябрь 1995 г. в Женеве, но незадолго до его начала российская сторона сообщила, что она еще не готова к переговорам, так как ожидает получения инструкций. Наконец, в январе 1996 г. посольство России в Вашингтоне информировало госдепартамент, что в Москве происходит пересмотр политики по транспарентности и переговоры не могут быть возобновлены до его завершения. На этом данный этап обсуждения вопросов транспарентности и необратимости закончился.

С 1996 г., как уже отмечалось, между представителями России, США и секретариатом МАГАТЭ ведется разработка системы проверки делящихся материалов оружейного происхождения, выводимых из оборонных программ, и подготовки типового соглашения и соответствующих технических приложений к нему с тем, чтобы обеспечить необратимость этого процесса (Трехсторонняя инициатива). Имеется в виду, как было официально объявлено обеими сторонами в сентябре 2001 г. во время сессии Генеральной конференции Агентства, что проверка в соответствии с Трехсторонней инициативой будет осуществляться в местах хранения ядерных материалов на комбинате *Маяк* в РФ и в соответствующих хранилищах США — *Savannah River K-Area Material Storage Facility* и *The Lynchburg Babcock and Wilcox Uranium Downblending Facility*. В настоящее время в Линчбурге ВОО на хранении не находится. Агентство уже в течение некоторого времени проводит инспекции избыточного плутония и ВОО в хранилищах в Окридже, Роки Флэтс и Хэнфорде.

В ходе осуществления Трехсторонней инициативы специалистами США и России был разработан метод так называемых «информационных барьеров», который позволил бы международным инспекторам делать во время мониторинга надежные и независимые заключения, достаточные для целей контроля, не имея в то же время доступа к закрытой информации относительно конструкции и других параметров оружия, из которых оно изготовлено, его неядерных компонентов и изотопного состава оружейных ядерных материалов.

Как уже указывалось, основная работа по урегулированию вопросов транспарентности и контроля в рамках Трехсторонней инициативы завершена, и тремя сторонами теперь будут рассматриваться пути ее реализации. Система транспарентности и мо-

нитинга выводимых из военных программ ядерных материалов оружейного происхождения может быть с пользой применена при контроле за отдельными этапами процесса ликвидации самого ядерного оружия, однако она, разумеется, не сможет обеспечить реализацию всей этой задачи.

Следующим шагом явилось совместное заявление президентов России и США 21 марта 1997 г. в Хельсинки о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений, согласно которому стороны обязались приступить к переговорам по соглашению СНВ-3 после вступления в силу Договора СНВ-2. При этом новое соглашение включало бы «меры, касающиеся транспарентности имеющихся в наличии стратегических ядерных боеголовок и их уничтожения, а также любые другие совместно согласованные меры с тем, чтобы способствовать необратимости глубоких сокращений, включая предотвращение быстрого наращивания количества боезарядов» (выделено мной. — *P.T.*). Однако какого-либо продолжения эта договоренность не имела, поскольку переговоры о соглашении СНВ-3 так и не были начаты, а в мае 2002 г. был заключен новый договор о сокращении стратегических потенциалов, контроль за соблюдением которого будет основываться на верификации уничтожения исключительно носителей ядерного оружия, а не самого этого оружия в соответствии с процедурами, предусматриваемыми по Договору СНВ-1.

США, тем не менее, в начале 2000 г., т.е. при демократической администрации Б. Клинтона, вновь попытались реанимировать межправительственное обсуждение транспарентности, передав российской стороне в Женеве Протокол о боеголовках (*Warhead Protocol*), основные положения которого сводились к следующим последовательным шагам:

- обмен информацией о наличии боеголовок по их различным категориям без проверки инвентарных запасов; при этом такой обмен осуществлялся бы поэтапно;
- подтверждение наличия контейнеров на складах, что сводилось бы к допуску представителей другой стороны на склады для проверки числа контейнеров;
- мониторинг демонтажа, также на основе постепенного расширения количества демонтируемых устройств;

- применение метода *информационных барьеров*, сходного с тем, который был разработан для Трехсторонней инициативы РФ/США/МАГАТЭ.

Были сообщения о том, что американская сторона предложила изучить вопросы безопасности и транспарентности складов, предназначенных для ядерных боеприпасов стратегических бомбардировщиков.

Российская сторона, однако, пока не проявила интереса к обновлению межправительственной дискуссии по транспарентности.

Вместе с тем, продолжаются контакты и *сотрудничество между ядерными лабораториями РФ и США*, которые были начаты еще в середине 1990-х гг. 16 декабря 1994 г. стороны заключили межправительственное Соглашение по обмену технической информацией в области сохранности и безопасности ядерных боеприпасов (Warhead Safety and Security Exchange Agreement – WSSX). В 2000 г. действие соглашения о сотрудничестве лабораторий было продлено на пять лет – до 1 июня 2005 г. Сотрудничество регулируется специальным комитетом ответственных представителей Минатома и Минобороны РФ и Министерств энергетики и обороны США. Работа ведется по 14 направлениям и включает в себя вопросы транспарентности и мониторинга. Проводятся семинары и рабочие встречи специалистов соответствующих лабораторий обеих стран, в том числе в Сарове и Снежинске, на которых, как правило, рассматриваются демонстрационные сценарии и модели контроля. Однако в течение последних двух лет какого-либо прогресса в реализации соглашения не отмечалось.

Следовало бы, вместе с тем, выделить ряд уже осуществленных разработок. В частности, заслуживает внимания методика *идентификации* делящихся материалов, разработанная Окриджской национальной лабораторией (Nuclear Materials Identification System – NMIS), которая в настоящее время адаптируется для российских условий. Работы по ее внедрению проводятся в России, в частности во ВНИИЭФ, и включают в себя освоение методики, совместные эксперименты, модификацию и разработку российского варианта.

В Лос-Аламосской лаборатории разработаны два новых подхода к контролю за демонтажом ядерных боеголовок – комплексная система слежения на предприятии и система прозрачности хранилища. При этом предусматривается, что инспектируемая сторона будет обеспечивать и обслуживать контролирующие технологии. Технические характеристики оборудования и получаемая информация должны надежно проверяться инспектирующей стороной. Присутствие инспекторов и помехи работе предприятий сводятся к минимуму. Обе системы были протестированы на заводе «Пантекс» (Pantex) в штате Техас⁴⁰⁴.

Достаточно высоким уровнем обеспечения идентификации ядерных материалов обладают разнообразные *радиоэтикетки* разработки лаборатории Сандиа, Тихоокеанской национальной лаборатории (PNNL), ВНИИЭФ, а также целые системы, созданные на их основе, которые предназначены для контроля сохранности делящихся материалов.

Разработано множество разнообразных по сложности *пломб*, предназначенных для той же цели контроля сохранности делящихся материалов. Проведена работа по оценке уязвимости пломб⁴⁰⁵.

Результаты разработок в области транспарентности регулярно обсуждаются на конференциях и семинарах, в частности на ежегодных конференциях Института обращения с ядерными материалами (Institute of Nuclear Materials Management – INMM).

При разработке проблем международного контроля за сокращением и уничтожением ядерного оружия требуется *учет различных факторов, затрагивающих чувствительные аспекты национальной безопасности* участвующих государств, при этом в первую очередь важно будет иметь в виду следующие:

- специфика производства ядерного оружия, сборки и демонтажа ядерного оружия такова, что при уничтожении любого числа боезарядов контролем будет по необ-

⁴⁰⁴ Гердс Эрик Р., Джонстон Роджер Дж. и Дойл Джеймс Е. Предлагаемый подход к контролю за демонтажом ядерных боеголовок. *Наука и Всеобщая Безопасность*. Том 9. № 2. 2001. С. 18–30.

⁴⁰⁵ Джонстон Роджер Дж. (Лаборатория Лос-Аламос). Пломбы с индикацией вмешательства для ядерного разоружения и обращения с опасными отходами. *Наука и Всеобщая Безопасность*. Том 9. № 2. 2001. С. 9–17.

ходимости охвачен весь жизненный цикл оружейного производства. Поэтому потребуются решить вопрос о том, можно ли будет осуществлять контроль за некоторым или значительным сокращением ядерных боезарядов без постановки под международный контроль *всего* ядерного оружейного комплекса;

- если речь пойдет о подлинно международном контроле, т.е. о контроле со стороны международного органа (например, МАГАТЭ или специально созданной организации), в котором представлены многие государства, в том числе неядерные — а на этом неядерные страны безусловно будут настаивать — процесс осуществления контроля может привести к раскрытию информации об оружии, что вступало бы в противоречие с обязательствами ядерных государств по нераспространению (ст. I ДНЯО). Ядерные государства и сами заинтересованы в сокрытии друг от друга информации о конструкции и других параметрах оружия, хотя основные принципы устройства оружия достаточно широко известны;
- необходимо будет учитывать исторически сложившуюся асимметрию оружейных комплексов различных ядерных государств, а также то обстоятельство, что жизненный ресурс, например, российских ядерных боезарядов значительно меньше американских и, соответственно, ядерный оружейный комплекс является более крупным. При многостороннем ядерном разоружении проблема асимметрии может стать еще более труднопреодолимой — в зависимости, конечно, от реальной ситуации в оружейных комплексах и, главное, от политической воли участвующих государств.

Основные этапы контроля. Коснемся теперь некоторых вопросов контроля сокращаемых и уничтожаемых ядерных боеприпасов, не входя в технические подробности этого процесса, поскольку такого рода детали выходят за рамки настоящего исследования. Жизненный цикл боеприпасов с точки зрения контроля включает следующие основные этапы:

- снятие с носителя и транспортировка на ремонтно-техническую базу;

- подготовка к транспортировке на предприятие по разборке;
- транспортировка;
- демонтаж боевых частей и разборка ядерных зарядов с извлечением деталей, содержащих оружейные делящиеся материалы, и помещением их в контейнеры;
- транспортировка контейнеров с оружейными деталями в хранилище для временного хранения;
- хранение;
- транспортировка контейнеров с оружейными деталями на предприятие по переработке ядерных деталей в несекретные формы;
- транспортировка контейнеров с переработанными материалами к месту постоянного хранения;
- хранение контейнеров с переработанными материалами;
- окончательная утилизация оружейных делящихся материалов⁴⁰⁶.

Как видно из приведенного перечня, контроль за ликвидацией боеголовок потребует значительно больших усилий, нежели процесс уничтожения носителей по действующим сейчас двусторонним соглашениям между Россией и США. Ядерная боеголовка не может быть уничтожена методом подрыва, разрезана или еще каким-либо методом разделена на части, как это делается с носителями ядерного оружия. Процесс ликвидации ядерной боеголовки включает несколько стадий: разборку неядерных компонентов, удаление и разборку первичного ядерного узла, а в случае двухступенчатой боеголовки удаление и разборку термоядерного узла. Затем производится демонтаж первичного заряда, который начинается с удаления системы поддержания микроклимата, разборки и удаления элементов системы детонации ядерного заряда и разборки узлов корпуса крепления центрального заряда («pit»). Детали этого заряда, изготовленные из

⁴⁰⁶ Дьяков А.С. Сокращение ядерных вооружений и вопросы прозрачности. *Ядерный Контроль*. Том 47. № 5. Сентябрь-октябрь 1999. С. 40–41.

расщепляющихся материалов, снимаются и помещаются в специальные контейнеры. Затем производится разборка термоядерного узла, и все детали из ядерных материалов также помещаются в контейнеры. Делящиеся материалы в виде деталей боезарядов содержатся в специальных хранилищах, расположенных на территории предприятий, которые осуществляют сборку и разборку боезарядов, или отдельно от них.

Естественно, что контроль за ликвидацией ядерных боеголовок методом прямого наблюдения ведет к раскрытию весьма секретной информации об их конструкции. Такую информацию составляют общий вес боеголовки, вес содержащихся в ней расщепляющихся материалов, конфигурация, размер и вес деталей из расщепляющихся материалов, их изотопный состав. Отсюда — необходимость применения метода *информационных барьеров*. Судя по всему, потребуется разработка такого метода не только для контроля расщепляющихся материалов оружейного происхождения, но и самих ядерных боезарядов различных типов и их компонентов, в том числе неядерных.

Еще одним существенным обстоятельством, усложняющим осуществление контроля за ликвидацией боеголовок, является то, что как правило демонтаж ядерных боеголовок ведется на тех же предприятиях, где производилась их сборка. Поддержание остающегося в строю ядерного оружия требует периодической замены отслуживших свой срок боеголовок и, следовательно, их производства. Таким образом, через ворота предприятия могут проходить боеголовки одного и того же типа, только в разных направлениях. Одни из них будут предназначены для ликвидации, а другие будут направляться в воинские части. Наконец, снимаемые с уничтожаемых носителей ядерные боеголовки могут быть использованы в других оружейных системах. Необходимо будет учитывать, как уже указывалось, и неизбежную асимметрию между оружейными комплексами различных ядерных государств — как официально признаваемых, так и не признаваемых.

В совокупности все эти обстоятельства значительно затрудняют контроль за ликвидацией сокращаемых боеголовок, что делает необходимой разработку принципиально новых методов контроля.

Совершенно очевидно, что любое соглашение о ликвидации ядерного оружия потребует предоставления всей информации о наличии ядерных боезарядов, местах их производства, хранения

и дислоцирования, а также всех расщепляющихся и неядерных материалов, пригодных для изготовления оружия, и последующей проверки достоверности предоставленной информации, подобно тому, как это делается МАГАТЭ в отношении всей подлежащей гарантиям ядерной деятельности неядерных государств в соответствии с их обязательствами по ДНЯО.

Договоренность о сокращении и уничтожении ядерного оружия должна будет включать:

- обмен сведениями об истории производства расщепляющихся материалов с предоставлением операторских данных о работе промышленных реакторов, радиохимических производств и заводов по производству плутония и урана в металлическом виде;
- обмен данными по общему количеству, типам, времени производства и времени разборки ядерных боеголовок, количеству боеголовок, установленных на носителях, количестве расщепляющихся материалов и боеголовок, находящихся в резерве;
- установление контроля за боеголовками, предназначенными для ликвидации. Контрольная процедура могла бы начинаться с опечатывания контейнеров, в которые помещены снятые с носителей и предназначенные для ликвидации боеголовки. Страна-владелец боеголовок предоставляет контейнеры инспекторам другой стороны, которые их опечатывают без права инспекции содержимого контейнера;
- установление контроля на предприятиях по демонтажу боеголовок. Процедура контроля должна включать как проверку сохранности поступающих на разборку боеголовок в опломбированных контейнерах, так и контроль типа и количества расщепляющихся материалов, вывезенных в процессе демонтажа и вывозимых с завода на хранение.

Осуществление на практике перечисленных мер позволит сторонам соглашения получить тот опыт сотрудничества, который может быть в дальнейшем использован для создания более полной системы контроля на последующих этапах сокращения ядерного оружия. Одновременно международному сообществу должны быть представлены убедительные доказательства не-

уклонного продвижения сторон соглашения по пути сокращения и полного уничтожения ядерного оружия. Наряду со стратегическими ядерными вооружениями соглашение должно будет, естественно, охватывать и тактическое ядерное оружие.

Очевидно, что система мер контроля за уничтожением ядерных боеголовок должна быть построена иначе, чем система контроля за уничтожением носителей. По изложенным выше причинам непосредственная верификация инспекторами одной стороны ликвидации боеголовок другой стороны исключается. Следовательно, процедура контроля должна быть организована таким образом, чтобы гарантировать надежную сохранность всей существенной конструкторской информации той стороны, которая является собственником боеголовки. Одновременно такая процедура должна предоставлять другой стороне достаточно надежные гарантии того, что боеголовки действительно уничтожаются.

Необходимо сразу подчеркнуть, что при данных ограничениях построить такую систему контроля за ликвидацией боеголовок, которая бы со 100%-ной гарантией подтверждала выполнение договорных обязательств, вряд ли было бы возможно. На этот случай на заключительном этапе ликвидации ядерного оружия, очевидно, следовало бы рассмотреть дополнительные меры, полностью исключающие угрозу применения остающегося не уничтоженным ядерного оружия, вплоть до размещения в соответствующих местах международных полицейских сил ООН, о чем речь пойдет в заключительном разделе настоящей главы. Международный персонал ООН также должен будет работать с учетом необходимости применения метода *информационных барьеров*, дабы избежать распространения ядерных технологий в нарушение ДНЯО.

В условиях, когда стороны возможного соглашения обладают сотнями или тысячами боеголовок, представляется, что строить систему контроля за сокращением и ликвидацией ядерных боеголовок следует постепенно, шаг за шагом.

По-видимому, начальный этап внедрения контроля за ликвидацией боеголовок должен включать в себя следующие мероприятия:

- обмен данными об общих количествах оружейного урана и плутония, нарабатанных к дате обмена;

- обмен данными по количеству расщепляющихся материалов, высвобождаемых для оборонных нужд в результате осуществляемых сокращений ядерных арсеналов;
- обмен информацией о том, какие типы боеголовок подлежат ликвидации и в какой последовательности, об их количестве, серийных номерах и местах хранения. Одновременно сюда же включается информация по уже уничтоженным боеголовкам;
- установление международного (очевидно, под эгидой МАГАТЭ) контроля за хранилищами высвобождаемых расщепляющихся материалов и их утилизацией. Инспекторы неинтрузивными методами проверяют содержимое контейнеров при их поступлении в хранилище контролируемой стороны с целью определения количества содержащихся в них оружейного урана или плутония. Они также периодически проводят проверку наличия контейнеров и их целостности в процессе хранения. При вывозе контейнеров из хранилища для утилизации содержащихся в них деталей ядерных зарядов инспекторы проводят аналогичную процедуру контроля и устанавливают на контейнерах контрольные метки (пломбы). По этим меткам контролируется идентичность контейнеров и сохранность их содержимого при ввозе на территорию предприятия, которое осуществляет конверсию. Необходимо отметить, что для оружейного урана методика контроля всех дальнейших операций по его конверсии в низкообогащенный уран отработана и внедрена⁴⁰⁷.

⁴⁰⁷ U.S./Russian Joint Commission on Economic and Technological Cooperation. Report of the Energy Policy Committee – Nuclear. February 1997.

Весьма интересные и заслуживающие внимания соображения о последовательности этапов установления транспарентности и мониторинга предлагают О.А. Бухарин из Принстонского университета и Дж. Дойл из Лос-Аламосской лаборатории. По их мнению, последовательность должна быть такой: 1) мониторинг носителей, 2) мониторинг снятия боеголовок с ракет, 3) мониторинг хранения боеголовок, 4) мониторинг транспортировки боеголовок в места демонтажа и, наконец, 5) мониторинг демонтажа боеголовок (Bukharin Oleg and Doyle James. Transparency and Predictability Measures for U.S. and Russian Strategic Arms Reductions. *Nonproliferation Review*. Summer 2002. Vol. 9, No 2. P. 82–100).

Все эти вопросы неоднократно обсуждались на различных российско-американских переговорах, и по некоторым из них достигнуто понимание на рабочем уровне. Как полагают некоторые российские эксперты, разработанные к настоящему времени российскими и американскими специалистами в рамках программы межлабораторного сотрудничества технические методы позволяют осуществлять контроль на протяжении всего цикла. Однако в реальном процессе некоторые из этапов могут отсутствовать.

Особое место в цикле занимает контроль демонтажа ядерных боезарядов. Его проведение требует выполнения двух противоречивых требований. С одной стороны, контроль должен с высоким уровнем уверенности подтверждать, что ликвидации подвергся реальный заряд, с другой стороны, быть неинтрузивным, т. е. исключить предоставление информации о конструкции заряда контролирующей стороне. Хотя второе условие исключает возможность прямого контроля процесса демонтажа боеприпаса, тем не менее, первое условие также может быть удовлетворено. Идентификация боеголовок в момент отстыковки от носителя, например, посредством регистрации ее неинтрузивного радиационного паспорта и контроль этого паспорта при входе на предприятие по разборке в сочетании с такими мерами, как маркировка и пломбирование контейнеров, используемых для перевозки боезарядов, способны гарантировать высокий уровень уверенности в том, что именно конкретный, снятый с носителя или извлеченный из арсенала боезаряд поступил на предприятие по разборке.

В последующем задача контроля будет состоять в подтверждении двух фактов: во-первых, того, что контейнеры, вывозимые с предприятия по демонтажу и направляемые в хранилище, действительно содержат оружейные делящиеся материалы: во-вторых, того, что эти материалы действительно извлечены из демонтированного боезаряда. Методы гамма-спектроскопии, позволяющие достаточно надежно определять оружейное качество делящихся материалов, апробированы специалистами двух стран в совместных экспериментах, и их использование не должно встретить трудностей технического плана. Что же касается гарантий того, что делящиеся материалы, содержащиеся в контейнерах, в действительности были извлечены из уничтоженных боезарядов, то они могут быть получены за счет определенной организации демонтажа боезарядов и контрольных процедур. Проще всего это можно реализовать на предприятии, за-

дачей которого является исключительно демонтаж уничтожаемых боеголовок. Контроль периметра и входных ворот этих предприятий, контроль за перемещением закрытых контейнеров в его пределах, а также периодическая инспекция помещений предприятия до и после проведения демонтажа способны обеспечить высокую степень уверенности в том, что вывозимые с территории предприятия контейнеры содержат делящийся материал из демонтированных боеголовок. Дополнительной мерой может служить контролируемое уничтожение корпусов боеголовок и других неядерных компонентов⁴⁰⁸.

Следует, вместе с тем, отметить, что определенным сдерживающим фактором для России являются большие финансовые затраты на проведение контрольных мероприятий. Их внедрение потребует существенной перестройки серийных предприятий, баз хранения и обслуживания, а также транспортировки ядерных боезарядов. В условиях ограниченных финансовых возможностей, когда на поддержание своего оружейного ядерного комплекса Россия сегодня расходует гораздо меньший объем средств, чем США выделяют для своего, закрытость является естественной мерой, увеличивающей гарантии безопасности на случай неблагоприятного развития событий⁴⁰⁹.

Что касается вопроса о контроле за *сокращением ядерного оружия* на пути к его ликвидации, то, по всей вероятности, потребуется решить проблему выделения специальных установок для целей международного контроля за сокращаемыми боеприпасами. В настоящее время ни в одном ядерном государстве таких специально приспособленных установок нет. В этой связи можно было бы рассмотреть следующую возможность. В России принято решение о закрытии в 2003 г. двух из четырех заводов по сборке/разборке ядерного оружия – «Старт» в Заречном (бывший Пенза-19) и «Авангард» в Сарове⁴¹⁰. Либо

⁴⁰⁸ Дьяков. С. 41; Гердс, Джонстон и Дойл. *Наука и Всеобщая Безопасность*. Том 9. № 2. 2001. С. 18–30.

⁴⁰⁹ Дьяков. С. 42; Bukharin Oleg and Doyle James. Verification of the Shutdown or Converted Status of Excess Warhead Production Capacity: Technology Options and Policy Issues. (Accepted for Publication in *Science and Global Security*, May 2002). Журнал издается на русском языке под названием *Наука и Всеобщая Безопасность*.

⁴¹⁰ Bukharin and Luongo. P. 6.

тот, либо другой из них могли бы быть использованы для осуществления только демонтажа боезарядов и последующего международного последовательного контроля (chain of custody) вплоть до доставки боезарядов в специальных контейнерах и размещения в долговременном хранилище на комбинате *Маяк* в Челябинской области. Аналогичным образом США могли бы производить такие же операции под международным контролем, например на установке по сборке ядерных устройств, расположенной на Невадском полигоне (Device Assembly Facility – DAF)⁴¹¹, которую, однако, пришлось бы соответствующим образом переоборудовать, поскольку в настоящее время она для этой цели не подготовлена. По мнению американского специалиста Э. Иффта, много лет занимающегося проблемами контроля и инспекций, наиболее подходящим местом был бы завод «Пантекс»⁴¹².

В Великобритании также имеются два объекта – Алдермастон (Aldermaston) и Бергфилд (Burghfield)⁴¹³. Собственно, это фактически два отделения одного комплекса: Алдермастон является научно-исследовательским центром, где производятся компоненты ядерных боеприпасов, тогда как в Бергфилде осуществляется серийная сборка боезарядов. Существуют планы строительства сборочного предприятия в Алдермастоне, после чего Бергфилд был бы закрыт. Так или иначе, одно из предприятий могло бы быть задействовано для контроля за сокращением ядерных боезарядов.

Во Франции сейчас функционирует одно предприятие по сборке боезарядов (Le Longue/Finistere), но в прошлом существовали еще три предприятия. Имеются сведения, что в Китае действует одно предприятие и существуют еще три, однако неизвестно, функционируют ли они в настоящее время. В Израиле имеется одно подземное предприятие⁴¹⁴.

О.А. Бухарин и Дж. Дойл в исследовании, подготовленном для журнала *Science and Global Security*, на которое мы ссылались вы-

ше, предлагают следующие варианты мониторинга, которые могли бы использоваться и в комбинации: мониторинг ликвидации предприятия; постоянный мониторинг по периметру предприятия (по примеру инспекции по Договору о РСМД); мониторинг окружающей среды; наблюдение из космоса и по Договору об открытом небе; инспекции на месте; дистанционный мониторинг (с использованием опыта МАГАТЭ по дистанционному наблюдению за операциями по хранению плутония и переработке ОЯТ); инспекции по краткосрочному уведомлению (также по примеру Договора о РСМД). По мнению авторов этого исследования, следует разработать специальные методы мониторинга для предприятий по сборке/разборке ядерных боеприпасов, которые после прекращения на них работ с ядерным оружием могут продолжать изготавливать неядерные компоненты ядерного оружия или быть переоборудованы для закрытых военных работ с обычным оружием. К этой категории они, в частности, относят предприятие «Авангард» в Сарове.

Определенная работа по изучению методов контроля за сокращением и ликвидацией ядерного оружия проводится также в Великобритании. В 1998 г. при представлении в Палату общин Стратегической доктрины (Strategic Defence Review) государственный министр по обороне заявил, что Великобритания обладает экспертизой в области мониторинга расщепляющихся материалов и ядерных испытаний и теперь планируется разработать способы проверки сокращения ядерного оружия. Он сказал, что такое исследование будет проведено Организацией по атомному оружию (Atomic Weapons Establishment – AWE) в Алдермастоне. В результате в 2000 г. был выпущен первый доклад по этому вопросу: «Надежность, безопасность и контроль»⁴¹⁵. Само появление такого рода исследования не может не свидетельствовать о том, что в Великобритании начали задумываться над перспективной достижения соглашения о сокращении запасов ядерного оружия и, во всяком случае, о возможности начала переговоров по этой проблеме. Как известно, до сих пор Великобритания уклонялась от выполнения своего обязательства по статье VI

⁴¹¹ Bukharin and Luongo. P. 6.

⁴¹² Ifft. P. 39.

⁴¹³ Chalmers Malcolm and Walker William. *Uncharted Waters. The UK, Nuclear Weapons and the Scottish Question*. East Lothian, Scotland: Tuckwell Press, 2001. P. 51.

⁴¹⁴ Bukharin and Doyle.

⁴¹⁵ Confidence, Security & Verification. *The Challenge of Global Nuclear Weapons Arms Control*. Atomic Weapons Establishment: Media & Publishing Group, 2000.

ДНЯО об участии в переговорах по ядерному разоружению, предпочитая действовать в одностороннем порядке⁴¹⁶.

В указанном британском докладе делается вывод о том, что для установления «строгого глобального режима контроля за сокращением ядерных боезарядов» необходимо осуществить следующие меры:

- боезаряды не должны пополнять существующие запасы выше согласованного уровня (учет);
- должен быть установлен адекватный последовательный контроль (*chain of custody*) для боезарядов, направляемых на демонтаж (установление происхождения боезарядов);
- боезаряды, поступающие на демонтаж, должны быть должным образом идентифицированы, с тем чтобы их подлинность была подтверждена;
- демонтаж по возможности должен быть необратимым (утилизация)⁴¹⁷.

Наиболее сложным и важным компонентом этого процесса авторы доклада считают идентификацию и подтверждение подлинности данного конкретного боезаряда. «Решение о том, является ли предлагаемая для сокращения боеголовка той, которая таковой объявлена участвующим государством, будет одним из самых критических аспектов любого соглашения»⁴¹⁸. В докладе предлагаются различные методы подтверждения подлинности, включая радиометрические, отмечается необходимость разработки методов *информационных барьеров* для обеспечения нераспространения, а также предлагаются различные методы контроля в зависимости от типа ядерного боезаряда (плутониевого, уранового, смешанного уран-плутониевого, двухступенчатого водородного).

⁴¹⁶ К настоящему времени Великобритания, отказавшись от воздушного компонента ядерных сил, располагает только морским — четырьмя атомными подлодками типа *Vanguard* с общим числом 160 боеголовок на ракетах *Trident II* и 25 боеголовками в резерве (SIPRI Yearbook 2002. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 545). По мнению отдельных специалистов, одной из причин возникшего интереса к вопросам контроля может являться проблема Шотландии, где в последнее время заметно усиливается тенденция к обретению независимости, а между тем все ядерные силы Великобритании базируются именно в Шотландии (в устье реки Клайд недалеко от Глазго).

⁴¹⁷ Confidence, Security & Verification. P. 4.

⁴¹⁸ Ibid. P. 11.

При этом в докладе подчеркивается, что по мере сокращения запасов ядерных боеголовок и «приближения их к нулю» контроль должен становиться все более строгим и интрузивным. Обращается внимание на необходимость учета политических факторов, что важно для установления необходимого доверия между государствами. Тем не менее стопроцентная уверенность в надежности режима контроля не может быть гарантирована, хотя «приемлемая надежность» контроля достижима⁴¹⁹.

В опубликованном в 2001 г. обзоре проводимых в Алдермастоне работ по исследованию проблем контроля, подготовленном сотрудниками Атомного центра Г. Джорджем и М. Леем, подчеркивается необходимость универсальности применения международного контроля, а именно: Великобритания будет участвовать в мерах контроля «только тогда, когда все государства, потенциально де-юре или де-факто (в зависимости от политических соображений) располагающие ядерным оружием, будут также в нем участвовать». Первыми стадиями в процессе установления контроля должны быть транспарентность (поскольку она, полагают английские специалисты, облегчит процесс переговоров по контролю) и учет (*accountability*). Исследования в Алдермастоне и Бергфилде проводятся с использованием боеголовок ракет *Chevaline*, выводимых из вооружений. Отчет о проделанной работе должен быть представлен Министерству обороны Великобритании в 2003 г. В обзоре содержится призыв к другим странам приступить к аналогичным исследованиям «в качестве подготовки к многосторонней транспарентности и мерам доверия и к обсуждению потенциальных режимов проверки»⁴²⁰. На состоявшейся в апреле 2002 г. сессии Подготовительного комитета Конференции по ДНЯО 2005 г. представитель Великобритании заявил, что в 2005 г. будет представлена информация о проводимой работе для оказания содействия установлению международного контроля, «поскольку это будет иметь жизненно важное значение для подлинно глобального ядерного разоружения»⁴²¹.

⁴¹⁹ Confidence, Security & Verification. P. 9 and 21.

⁴²⁰ George J. Garry and Ley Martin D. Nuclear warhead arms control research at AWE. VERTIC Yearbook 2001. P. 189–206.

⁴²¹ Автор выражает признательность Г. Джорджу за полученную информацию о работах в Великобритании в области контроля и о планах публикации результатов исследований.

По данным некоторых французских источников, во Франции исследования по транспарентности и контролю за уничтожением ядерного оружия не проводятся. Данных по Китаю не имеется, но известно, что представители КНР на международных форумах, в частности на Конференции по ДНЯО 2000 г., резко критически выступали против формулировок заключительного документа, относящихся к транспарентности.

* * *

Рассмотрение перечисленных в данном разделе настоящего исследования мер и предложений по контролю на международном уровне давно назрело, тем более что уже накоплен немалый опыт в этой области. Целесообразно не только продолжить обсуждение этих вопросов на двустороннем межправительственном российско-американском уровне (которое, к сожалению, в последнее время замедлилось), но и постепенно вовлечь в дискуссию другие ядерные государства. Хотелось бы надеяться, что заключение в мае 2002 г. нового Договора о сокращении стратегических потенциалов между РФ и США и решения последнего саммита «Большой восьмерки» в Канаде дадут дополнительный импульс продвижению вперед в вопросах транспарентности и контроля.

Опыт сотрудничества, накопленный к настоящему времени, не должен быть утрачен, в дальнейшем он может быть использован для создания всеобъемлющей системы контроля на последующих этапах сокращения и ликвидации ядерного оружия. Международный контроль над атомной энергией является делом дорогостоящим, но он стоит того, чтобы мировое сообщество загодя разрабатывало научные и технические методы и процедуры контроля. Хотя точных сведений о расходах в мире на эти цели не имеется, по данным Центра исследований, обучения и информации по верификации (Verification Research, Training and Information Centre – VERTIC), они составляют сейчас порядка 2 млрд долл. в год. Львиная доля этой суммы приходится на Соединенные Штаты⁴²². Международному сообществу должны быть представлены убедительные доказательства практической возможности осуществления и неуклонного продвижения по пути к полному уничтожению ядерного оружия.

⁴²² Milne Tom. Global Spending on Nuclear Disarmament Work. VERTIC Research Reports. No. 3, April 2002. P. 43.

Ликвидация ядерного оружия неизбежно потребует поэтапного подхода, и соответствующие этапы сокращений должны быть тщательно и заблаговременно проработаны. Но очевидно и то, что все заранее предусмотреть будет невозможно. Поэтому возникнет необходимость в создании соответствующей подготовительной комиссии или иного международного механизма, который до вступления в силу будущего соглашения или соглашений будет заниматься разработкой детальных процедур международного контроля, как это сейчас имеет место с ДВЗЯИ и, очевидно, будет предусмотрено при заключении Договора о ЗПРМ. Что касается того основного международного механизма по обеспечению соблюдения соглашения о сокращении и ликвидации ядерного оружия, который должен быть учрежден, то тут возможны варианты, в том числе создание специальной международной организации (типа ОДВЗЯИ) или возложение этих функций на МАГАТЭ, что, однако, потребует внесения изменений в Устав Агентства.

Международный контроль при создании мира, свободного от ядерного оружия

С самого начала атомной эры, и даже до того как она наступила, до первого испытательного атомного взрыва в июле 1945 г., передовые умы того времени, в первую очередь ученые-физики, стали обдумывать и обсуждать идею создания мира, в котором не было бы ядерного оружия и атомная энергия использовалась бы исключительно в мирных целях. Уже в 1943–1944 гг. была высказана мысль о целесообразности установления международного контроля над атомной энергией с целью недопущения гонки ядерных вооружений и последующего полного уничтожения ядерного оружия как единственно реального, хотя и чрезвычайно сложного способа достижения безъядерного мира.

Как отмечалось в первой главе, эту идею выдвинули Н. Бор, Л. Сцилард, Р. Оппенгеймер и некоторые другие физики-ядерщики. Они высказывали глубокую озабоченность относительно перспективы послевоенных разногласий между государствами по атомной проблеме и потенциальной опасности, которую несет в себе наступающая атомная эра. Ученые предупреждали, что временное преимущество, которое может возникнуть в результате успешного создания атомной бомбы, может быть «пе-

решено вечной угрозой человеческому обществу» и что поэтому вопрос об установлении международного контроля за использованием атомных материалов требует «самого неотложного внимания». Они выступали за то, чтобы информировать союзников по антигитлеровской коалиции об американском атомном проекте, включая Советский Союз, с тем чтобы избежать в дальнейшем гонки ядерных вооружений и заложить основу для послевоенного сотрудничества. Ими подчеркивалось, что только «открытый мир» позволит создать надлежащую среду для установления международного контроля.

Идея международного контроля получила свое развитие в «докладе Ачесона—Лиlientаля», предусматривавшем учреждение международного органа по развитию атомной энергии, обладающего широчайшими правами, вплоть до распоряжения мировыми запасами урана и тория на правах владения или лизинга и осуществления их добычи. Однако в дальнейшем правительство США внесло два радикальных изменения в «план Ачесона—Лиlientаля»: во-первых, на деятельность международного органа не будет распространяться правило единогласия постоянных членов Совета Безопасности (право вето) и, во-вторых, этот орган будет обладать полномочиями принятия принудительных мер против возможных нарушителей, т.е. действовать фактически в обход Совета Безопасности, который по Уставу ООН является тем международным механизмом, который располагает такими полномочиями. Именно эти дополнительно выдвинутые требования в значительной мере и привели к тому, что «план Баруха» не получил поддержки в ООН ни со стороны СССР, ни, как позднее выяснилось, со стороны Великобритании и Франции.

В противовес американскому плану Советский Союз внес в Комиссию ООН проект конвенции о запрещении и уничтожении всех запасов готовой и незаконченной продукции атомного оружия. Что касается контроля, то предложения по этому вопросу были представлены Советским Союзом только через год — в июне 1947 г., причем эти предложения намеренно не затрагивали научно-исследовательские работы в атомной области, которые тогда в СССР широко разворачивались. Соглашаясь на контроль, Советский Союз настаивал, однако, на том, чтобы вначале была заключена конвенция о запрещении и уничтожении атомного оружия и лишь после нее — конвенция о международном контроле.

Но ни американские, ни советские предложения не отличались реалистичностью. Шанс был упущен, и в итоге мир оказался ввергнутым в изнурительную и взрывоопасную гонку ядерных вооружений.

И все же было бы ошибочным полагать, что обсуждение в 1940-е гг. планов установления международного контроля над атомной энергией прошло впустую. Сама идея международного контроля в дальнейшем — хотя и в сильно урезанном виде — воплотилась в международном органе по атомной энергии, созданном в 1950-е гг., — МАГАТЭ, во всем глобальном режиме ядерного нераспространения, состоящего из широкой системы международных механизмов и национальных мер, основанных на принципах контроля. Идея международного контроля 1940-х гг. в определенной мере лежит в основе тех принципов и процедур контроля, на которых базируются меры по соблюдению двусторонних и многосторонних соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений, заключенных в течение последних десятилетий.

Как уже было показано в предыдущих главах, из действующих международных механизмов контроля особо выделяются система гарантий МАГАТЭ для отдельных ядерных объектов 1965 г. (INFCIRC/66/Rev.2), система гарантий для всей ядерной деятельности неядерных государств-участников ДНЯО 1971 г. (INFCIRC/153), Дополнительный протокол к соглашениям о гарантиях 1997 г. (INFCIRC/540), контрольные системы за соблюдением Договоров РСМД 1987 г. и СНВ-1 1991 г. Создается международная система мониторинга и инспекций на местах для обеспечения соблюдения ДВЗЯИ. Завершилась разработка подходов к международному контролю над ядерными материалами оружейного происхождения России и США, которые могли бы быть использованы и для контроля над высвобождаемыми в результате разоружения такого рода материалами других ядерных государств (так называемая «Трехсторонняя инициатива России/США/МАГАТЭ»).

За годы, прошедшие с появления первых планов международного контроля над атомной энергией, на основе этих планов и их последующего развития и с учетом накопленного опыта сформировались следующие основные принципы контроля, которые

могли бы быть применимы к условиям достижения и поддержания безъядерного мира:

- контроль должен быть всеобъемлющим, глобальным и охватывать все страны и территории мира;
- контроль должен распространяться на все звенья атомного топливного цикла, начиная с добычи сырья и вплоть до утилизации отработанных ядерных материалов;
- контроль должен быть подлинно международным, чтобы в его осуществлении участвовали все государства, и непременно государства, обладающие ядерным оружием или имеющие технико-производственные возможности для его изготовления;
- создание некоторых атомных предприятий, например по обогащению урана и выделению плутония, может иметь место только с согласия международного контрольного органа и с санкции Совета Безопасности ООН;
- контроль на наиболее чувствительных ядерных объектах при необходимости должен обеспечиваться присутствием международного вооруженного персонала ООН;
- контроль должен быть построен таким образом, чтобы не допускать дальнейшего распространения знаний и технологий, могущих способствовать возобновлению производства ядерного оружия и использованию ядерных материалов во вред человечеству, особенно в террористических целях;
- контроль не должен препятствовать использованию атомной энергии в мирных целях на благо социально-экономического прогресса; при этом должна быть полностью исключена возможность переключения ядерных материалов и технологий на недозволенные цели;
- контроль должен вводиться постепенно, поэтапно, по мере достижения договоренностей о все более глубоких сокращениях ядерных вооружений — вплоть до полной контролируемой ликвидации всех видов ядерного оружия.

По многим из этих основных принципов уже разработаны и применяются конкретные процедуры контроля.

После окончания холодной войны наблюдается заметное возрождение интереса к концепции всеобщего международного контроля над атомной энергией. Появляется все больше публикаций, докладов независимых международных комиссий, заявлений бывших военных и дипломатов, ученых и политических деятелей в пользу возобновления работы по продвижению идеи мира, свободного от ядерного оружия. И, пожалуй, ни в одном из предложений о ликвидации ядерных арсеналов не высказывается сомнения в том, что достижение этой цели возможно только на основе установления международного контроля над атомной энергией. Из этих заявлений, исследований и разработок по международному контролю и ядерному разоружению можно было бы выделить (в хронологическом порядке) следующие:

- A Nuclear-Weapon-Free World. Desirable? Feasible? Pugwash Monograph. Ed. by Joseph Rotblat, Jack Steinberger and Bhalchandra Udgaonkar. Executive Editor Frank Blackaby. Boulder — San Francisco — Oxford: Westview Press, 1993, 280 pp. Имеется русское издание: Мир без ядерного оружия: насколько он желателен и осуществим?/Редакторы Дж. Ротблат, Дж. Стейнбергер, Б. Удгаонкар. Исп. редактор Ф. Блэкэби. Ред. русского издания О. Прилуцкий и С. Родионов. М.: Российский Пагуошский комитет, 1994. 218 с. (В 1996 г. вышло в свет 2-е перераб. и доп. издание).
- Спид Роджер. Международный контроль над ядерным оружием (Speed Roger D.. The International Control of Nuclear Weapons. Center for International Security and Arms Control. Stanford University, June 1994. 59 pp.).
- Тимербаев Роланд. Перспективы установления международного контроля над атомной энергией: взгляд из России (Timerbaev Roland. Prospects for International Control of Nuclear Energy: A Russian Perspective. In: Kernwaffenverbreitung und Internationaler Systemwandel. Joachim Krause (Hrsg.). Baden-Baden. Deutschland: NOMOS Verlagsgesellschaft, 1994. P. 477–484).
- Доклад Канберрской комиссии об уничтожении ядерного оружия (Report of the Canberra Commission on the

- Elimination of Nuclear Weapons. Canberra. Australia: National Capital Printers, August 1996. 120 pp.).
- Заявление 61 отставных генералов и адмиралов из 17 стран в пользу создания мира, свободного от ядерного оружия от 5 декабря 1996 г. (Statement on Nuclear Weapons by International Generals and Admirals. *Arms Control Today*, November/December 1996. P. 14–15 and 18)⁴²³.
  - Будущее политики США по ядерному оружию (The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. Committee on International Security and Arms Control. National Academy of Sciences. Wash. – D.C.: National Academy Press, 1997. 110 pp.).
  - Ядерное оружие. Путь к нулю (Nuclear Weapons. The Road to Zero. A Pugwash Monograph. Ed. by Joseph Rotblat. Executive Editor Frank Blackaby. Boulder – Oxford: Westview Press, 1998. 331 pp.).
  - Шапер Аннет и Франк Катя. Мир, свободный от ядерного оружия, – поддается ли он верификации? (Scharer Annette and Frank Katja. A Nuclear Weapon Free World – Can It be Verified? Peace Research Institute Frankfurt. PRIF Reports No. 53, November 1999. 76 pp.).
  - Перед лицом ядерной угрозы. План действий для 21-го века. Доклад Токийского форума по ядерному нераспространению и разоружению (Facing Nuclear Dangers: An Action Plan for the 21st Century. The Report of the Tokyo Forum for Nuclear Non-Proliferation and Disarmament. Tokyo, Japan: Institute of International Affairs and Hiroshima Peace Institute, 1999. 68 pp.).
  - Феоктистов Л.П. Оружие, которое себя исчерпало. М.: Российский комитет ВМПЯВ, 1999. 248 с.
  - Безопасность и выживание. Доводы в пользу заключения Конвенции о запрещении ядерного оружия. Типовая конвенция о запрещении разработки, испытания, производства, хранения, передачи, применения и угро-

⁴²³ От России заявление было подписано восемнадцатью отставными генералами и адмиралами, среди которых были А.И. Лебедь и Б.В. Громов.

- зы применения ядерного оружия и его уничтожения (Security and Survival. The Case for a Nuclear Weapons Convention. The Model Convention on the Prohibition of the Development, Testing, Production, Stockpiling, Transfer, Use and Threat of Use of Nuclear Weapons and Their Elimination. International Association of Lawyers Against Nuclear Arms, International Network of Engineers and Scientists Against Proliferation, International Physicians for the Prevention of Nuclear War. Cambridge, MA: IPPNW, 1999).
- Мартин Дэвид и Рокар Мишель. Угроза ядерного оружия не должна оставаться вечной (Martin David et Rocard Michel. La menace des armes nucléaires ne doit pas être éternelle. *Politique Etrangere*, № 1, Printemps 2000. P. 213–223).
  - Шелл Джонатан. Безрассудство контроля над вооружениями (Schell Johnathan. The Folly of Arms Control. *Foreign Affairs*, September/October 2000. P. 22–46)⁴²⁴.
  - Глобальное уничтожение ядерного оружия. (Global Elimination of Nuclear Weapons. Martin B. Kalinowski (ed.). Baden-Baden: NOMOS Verlagsgesellschaft, 2000. 278 pp.).
  - Ядерное разоружение. Препятствия к запрещению ядерного оружия (Nuclear Disarmament. Obstacles to Vanishing the Bomb. Josef Goldblat. (Ed.). L. and N.Y.: I.B. Tauris & Co Ltd Publishers, 2000. 269 pp.).
  - Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. История, возможности и перспекти-

⁴²⁴ Статья Дж. Шелла, написанная с позиции аболициониста (так в западной литературе часто называют сторонников упразднения, уничтожения ядерного оружия), вызвала несправедливо критическую, на наш взгляд, реакцию американского журнала *Arms Control Today*, который в октябрьском номере за 2000 г. обвинил автора в том, что он будто бы осуждает политику контроля над вооружениями (р. 2). Внимательный и беспристрастный читатель заметит, что Шелл, горячо и аргументированно выступая за ядерное разоружение, как раз в установлении контроля над ядерными вооружениями видит путь к поэтапному достижению мира, свободного от ядерного оружия.

вы дальнейшего взаимодействия. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2001. 328 с.

- Шелл Джонатан, Форсберг Рэндалл и Кортрайт Дэвид. Положить конец ядерной опасности: срочный призыв (Schell Jonathan, Forsberg Randall and Cortright David. End the Nuclear Danger: an Urgent Call. *Disarmament Diplomacy*. July/August 2002. P. 49).

Поскольку настоящее исследование посвящено проблемам *международного контроля* над атомной энергией, мы намеренно не затрагиваем здесь такие вопросы, как, например, стоит ли вообще добиваться ядерного разоружения, какие временные рамки могут потребоваться для достижения этой цели, следует ли и дальше полагаться на ядерное сдерживание в качестве средства поддержания мира и обеспечения безопасности и т.д. По этим вопросам уже долгие годы не утихают споры между сторонниками и противниками ядерного оружия и ядерного сдерживания, существует огромное количество литературы. При этом важно, что число сторонников ядерного разоружения неуклонно растет.

Ведь в принципиальном плане вопрос о необходимости ядерного разоружения сомнений у подавляющего большинства человечества сомнений не вызывает. На этот счет имеются решения ООН и других международных форумов, и даже международные обязательства, в частности такой важный международно-правовой инструмент, как Договор о нераспространении ядерного оружия. На конференции участников этого договора, состоявшейся в 1995 г., где этот договор был продлен бессрочно, в качестве политического условия такого продления была *на основе консенсуса* подтверждена необходимость

«решительного продолжения всеми ядерными государствами систематических и последовательных усилий для сокращения ядерного оружия на глобальном уровне с конечной целью ликвидации этого оружия, а также всеми государствами — усилий по достижению всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем»⁴²⁵.

Аналогичное решение — и также на основе консенсуса — было принято на Конференции по ДНЯО 2000 г. (так называемые «13 шагов»).

Следовало бы подчеркнуть, что в последние годы актуальность и неотложность проблемы ядерного разоружения еще больше возросла. Если в результате окончания холодной войны наметились определенно позитивные изменения в продвижении решения этой проблемы, так сказать, в *трансатлантическо-евроазиатском пространстве*, что выразилось, в частности, в заключении между РФ и США в мае 2002 г. Договора о СНП, то параллельно с этим в Азии гонка ядерных вооружений, наоборот, все больше начинает набирать силу. Причем если во времена холодной войны мир имел дело с биполярным соревнованием между державами с более или менее сравнимыми ядерными потенциалами, то здесь, в Азии, налицо неравносторонний ядерный треугольник, да к тому же еще с двумя очевидными асимметриями (Китай—Индия и Индия—Пакистан), с собственными амбициями, территориальными притязаниями, разными и даже диаметрально противоположными менталитетами и резко выраженными понятиями о престиже и международном статусе. Найти какой-то способ ядерного урегулирования и примирения в этом случае будет намного сложнее. Нельзя исключать и того, что треугольник может превратиться в ядерный четырехугольник (плюс Япония). В этих условиях путь *универсального* и прямого (но, разумеется, поэтапного) ядерного разоружения более соответствует реалиям геополитической обстановки как в данном регионе, так и в мире в целом.

При оценке перспектив роли ядерного фактора в будущем целесообразно учитывать взгляды многих военных стратегов относительно того, что война в ее прежнем понимании с точки зрения использования традиционного оружия, в том числе ядерного (если его считать таковым), исторически себя изживает. Дальнейшее широкомасштабное применение современного оружия вело бы к глобальной катастрофе, гибели цивилизации и среды обитания человечества. Мир, очевидно, вступает в эпоху таких войн, где основную роль будет играть качественно новое оружие следующих поколений, основанное на новейших информационных технологиях (высокоточное оружие, новые виды оружия на базе нанотехнологий, радиоэлектронное подавление, информационно-психологическое и другие виды «несмертельного» оружия, проведение специальных операций и т.д.).

⁴²⁵ NPT/CONF.1995/32 (Part I).

С учетом сказанного выше представляется своевременным уже на данном этапе прогностически подойти к вопросу о движении к миру, свободному от ядерного оружия, и попытаться дать ответ на вопрос: каким мог бы быть такой мир с точки зрения его построения, а также безопасного и надежного поддержания посредством адекватного международного контроля?

Следует в первую очередь отдавать отчет в том — с учетом развития военного и мирного атома, которое произошло со времени появления первых планов международного контроля над атомной энергией в 1940-х гг., — что мы имеем сегодня дело с гигантски разросшейся атомной инфраструктурой, охватившей десятки государств (в списке стран, занимающихся «значительной ядерной деятельностью», который ведется Международным агентством по атомной энергии, числится 70 государств⁴²⁶, и число их, несомненно, будет увеличиваться.

Если в 1946 г., в период выдвижения американского «плана Баруха», лишь США имели ядерное оружие, да и то в количестве нескольких единиц⁴²⁷, то, по данным *Bulletin of the Atomic Scientists*, только у пяти официально признаваемых ядерных держав в 2000 г. насчитывалось 31 500 боезарядов⁴²⁸. В 1946 г. не было ни одной АЭС, и у США имелось лишь несколько промышленных реакторов для наработки оружейного плутония и заводов по обогащению урана. В настоящее же время в мире находятся в эксплуатации почти 440 энергоблоков, не считая многих других атомных объектов — заводов по обогащению урана, изготовлению ядерного топлива, переработке облученного ядерного топлива, хранилищ топлива и радиоактивных отходов, исследовательских реакторов и т.д.

⁴²⁶ Док. МАГАТЭ GC(46)/2. С. 140.

⁴²⁷ В июне 1946 г. американские запасы атомных бомб составляли 9 единиц типа *Толстяк* с плутониевой начинкой, но из-за отсутствия нейтронных источников только две из них могли быть приведены в состояние оперативной готовности. Через год — в 1947 г. — боезапас насчитывал 13 бомб (по другим данным меньше). Но в конце 1949 г. США имели уже около 200 бомб (Rhodes Richard. *The Making of the Atomic Bomb*. N.Y.: Simon & Schuster, 1986. P. 765, 769).

⁴²⁸ *The Bulletin of the Atomic Scientists*. March–April 2000. По данным этого журнала, всего за 55 лет атомной эры было произведено 128 060 ядерных боеприпасов: 70 тыс. в США, 55 тыс. в СССР/России, 1260 во Франции, 1200 в Великобритании, 600 в Китае.

В этих условиях можно, очевидно, с достаточной долей уверенности говорить о том, что тот конкретный *единый* план международного контроля с *единым* органом, который обсуждался в Комиссии ООН по атомной энергии в 1940-е гг., к сегодняшней обстановке и тем более в расчете на дальнейшее развитие событий в атомной сфере неприменим, и ныне следует рассматривать целесообразность образования многофигурного механизма обеспечения надежно контролируемого ядерного разоружения и поддержания мира, свободного от ядерного оружия, но непременно находящегося под единым надзором, контролем Совета Безопасности ООН как органа, несущего по Уставу «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» (например, в виде какого-то специального органа Совета Безопасности, о котором мы скажем ниже). Такой универсальный механизм или комплекс мер международного контроля, который охватывал бы все государства, мог бы состоять из следующих компонентов:

1. Для государств-участников ДНЯО, не обладающих ядерным оружием, в качестве базовой действовала бы уже существующая система гарантий МАГАТЭ, основывающаяся на известном документе INFCIRC/153, которая накопила более чем 30-летний опыт достаточно успешного функционирования. Дополнительный протокол 1997 г. (INFCIRC/540), позволяющий контролировать и *необъявленную* ядерную деятельность, должен будет стать *обязательной* составной частью и нормой контроля в неядерных странах.

Но и этого, по всей видимости, будет недостаточно для обеспечения надлежащего контроля в условиях безъядерного мира. Поэтому необходимо будет разработать некоторые дополнительные меры, в частности для исключения возможности использования в недозволенных целях накопленных запасов гражданского (энергетического) плутония, который, как уже было давно доказано, тоже может быть использован промышленно развитыми странами для изготовления ядерного оружия. Существует, в частности, лазерный метод обогащения энергетического плутония, с помощью которого можно превратить получаемый на водо-водяных реакторах плутоний в более пригодный для использования в оружии.

По данным МАГАТЭ, всего на конец 1998 г. насчитывалось 195,3 т *выделенного* гражданского плутония в хранилищах при за-

водах по переработке, на предприятиях по изготовлению топлива, в виде необлученного МОКС-топлива и т.д. В том числе в Бельгии имелось 3,8 т, в Китае — 0, во Франции — 75,9 т, в Германии — 6,6 т, в Японии — 4,9 т, в России — 30,9 т, в Швейцарии — менее 50 кг, в Соединенном Королевстве — 69,1 т и в США — 4,6 т⁴²⁹. Эти данные, основанные на заявлениях соответствующих государств, не дают, однако, полного представления о количествах плутония, которыми обладают эти страны, поскольку в ряде случаев плутоний, принадлежащий одной стране, находится на хранении в другой. Так, значительная часть выделенного японского плутония находится во Франции и Великобритании. Кроме того, в приведенный список включены только девять стран, участвовавших в разработке Руководящих принципов обращения с плутонием и представивших Агентству соответствующие данные о гражданском плутонии (Plutonium Management Guidelines).

По другим оценкам, сделанным Д. Олбрайтом, директором американского Института научных исследований в области международной безопасности (Institute for Science and International Security), на конец 1998 г. складывалась следующая картина относительно запасов выделенного гражданского плутония: Соединенное Королевство — 59,8 т, Франция — 40,3 т, Бельгия — ~2,8 т, Германия — ~23 т, Япония — 29,3 т⁴³⁰, Швейцария — ~1 т, Россия — 30,3 т, США — ~4–5 т, Китай — 0, Индия — 0,7 т, Нидерланды — 1,2 т, Италия — ~0,5 т, Швеция — 0,83 т, Испания — 0. Итого — 195 т. По прогнозам Д. Олбрайта, количество плутония в 2003–2004 гг. возрастет до ~240 т, но затем, очевидно, начнет постепенно снижаться по мере его использования в энергетических реакторах в виде МОКС-топлива⁴³¹.

Хотя энергетический плутоний в неядерных странах-участницах ДНЯО находится под гарантиями МАГАТЭ, никто не может гарантировать того, что в безъядерном мире какая-нибудь страна

⁴²⁹ INFCIRC/549.

⁴³⁰ По данным Института ядерного контроля (Nuclear Control Institute), в 2002 г. Япония имела 38 т энергетического плутония, из которых 5 т находились в стране, а остальные во Франции и Великобритании. (<http://www.nci.org/02NCI/04/mm-jpu-paper.htm>).

⁴³¹ Albright David. Civil Plutonium Inventories — Quantities and Uncertainties. Presentation at the Conference «Civil Separated Plutonium Stocks — Planning for the Future», Carnegie Endowment for International Peace, Wash., D.C. March 2000. (http://www.isisonline.org/publications/civil_pu_conference/index.html).

не выйдет из договора и, заблаговременно подготовившись, не воспользуется своим плутонием для целей агрессии или угрозы агрессии.

С учетом этого, возможно, нужно будет предусмотреть присутствие вооруженного персонала ООН по решению Совета Безопасности ООН в местах хранения запасов гражданского плутония и изготовления смешанного уран-плутониевого топлива, используемого в атомных электростанциях.

Кроме того, необходимо будет учитывать то обстоятельство, что существуют некоторые страны, отказавшиеся от обладания и создания ядерного оружия и присоединившиеся к ДНЯО, но в свое время накопившие определенный опыт и знания в военной атомной области и, возможно, продолжающие сохранять и развивать экспертизу в этой сфере. К странам, имевшим военные ядерные программы, относятся ЮАР, Аргентина, Бразилия, Швеция и ряд других. Не исключено, что могут потребоваться дополнительные меры контроля для подобных государств.

2. Для восьми государств, обладающих ядерным оружием (Россия, США, Великобритании, Франции, Китая, а также Индии, Пакистана и Израиля), по всей видимости, следовало бы на первых этапах установить отдельные режимы контроля за мирной и за военной ядерной деятельностью. Что касается мирной деятельности, то следует предусмотреть постановку *всей гражданской* ядерной деятельности под такие же гарантии МАГАТЭ, как и для неядерных государств, согласно пункту **1** выше. Это относилось бы к любым атомным установкам, включая и исследовательские реакторы двойного назначения, существующим в некоторых государствах, как, например, в России, где исторически гражданский и военный секторы не были четко разделены.

В соответствии с системой гарантий Агентства потребовалось бы создание во всех ядерных странах национальных систем учета и контроля за ядерным материалом и представление Агентству инвентарных списков всего находящегося в этих государствах ядерного материала с последующей проверкой инспекторами МАГАТЭ в установленные сроки точности и полноты таких списков. В связи с этим ядерные государства должны будут восстановить историю наработки расщепляющихся материалов, как это было сделано ЮАР в связи с ее решением о денуклеаризации. Определенный опыт в отношении истории накопления

расщепляющихся материалов ядерной державой имеется в Великобритании⁴³².

3. Для тех же восьми ядерных государств предусмотреть международный контроль с участием МАГАТЭ за высвобождающимися в процессе сокращения ядерными материалами оружейного происхождения на основе разработанных процедур в соответствии с Трехсторонней инициативой России/США/МАГАТЭ. Такой контроль должен соответствовать условиям статьи I ДНЯО и предусматривать установление так называемых *информационных барьеров*, которые позволяли бы международным инспекторам получать необходимую информацию для обеспечения надежности и независимости результатов контроля и необратимости разоруженческого процесса, исключая при этом доступ к секретной информации.

Процесс ядерного разоружения для восьми перечисленных выше государств по необходимости будет проходить поэтапно и осуществляться на основе договорных двусторонних или многосторонних юридически обязательных соглашений. В соответствии с имеющимися решениями ООН и Конференции по разоружению (в рамках которой уже согласован переговорный мандат для соответствующего специального комитета) первоначальным международным соглашением, как уже отмечалось в первом разделе настоящей главы, стали бы договор или конвенция о прекращении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ).

Для начального этапа ядерных сокращений возможен и путь принятия односторонних обязательств. Учитывая чрезвычайно важное значение вовлечения в процесс ядерных сокращений всех без исключения государств, располагающих ядерным и взрывными устройствами, включая Индию, Пакистан и Израиль, можно было бы пойти на то, чтобы поначалу они взяли на себя односторонние обязательства. Однако, конечно, намного предпочтительнее путь юридически обязывающих соглашений в духе того договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, который был подписан президентами РФ и США в мае 2002 г. и который предусматривает почти трехкратное сокращение таких потенциалов к 2012 г.

⁴³² Confidence, Security and Verification. P. 9.

Но в дальнейшем должен быть разработан *многосторонний* договор о ликвидации и утилизации всех ядерных боезарядов, включая и тактические, а также средств их доставки, предусмотрев в то же время возможность конверсии баллистических ракет для мирного использования космоса. Определенный опыт по контролю за ликвидацией средств доставки ядерных боезарядов уже накоплен по договорам РСМД и СНВ-1, но для уничтожения самих боеголовок потребуются гораздо большая транспарентность и более интрузивный контроль, о чем говорилось в предыдущем разделе настоящей главы, поэтому для реализации этого процесса будет необходим и неизбежен поэтапный подход.

На заключительном этапе потребуются установление строгого международного контроля, по-видимому, с участием вооруженного персонала ООН за местами хранения и утилизации ядерных боезарядов, с сохранением такого контроля за хранилищами ядерных материалов оружейного происхождения на весьма длительный период до тех пор, пока такие материалы не будут надлежащим образом утилизированы и не будут представлять никакого риска ядерного распространения. Согласно экспертным оценкам по состоянию на конец 1999 г. имелось следующее количество оружейного плутония и высокообогащенного урана (в тоннах):

	Плутоний	ВОУ
Соединенные Штаты	100	635
Российская Федерация	130	970
Соединенное Королевство	7,6	15
Франция	5	24
Китай	4	20
Итого	247	1664
Израиль	0,51	?
Индия	0,310	?
Пакистан	0,005	0,690
КНДР	0,03–0,04	–
ЮАР	–	0,4
Итого	0,86	1,09
Общий итог	248	1665⁴³³

⁴³³ Institute for Science and International Security (ISIS) Website: <http://www.isis-online.org/mapproject/supplements.html>. По данным ISIS, в ЮАР, демонтировавшей свои боезапасы и присоединившейся к ДНЯО в начале 1990-х гг., ВОУ превращен в уран неоружейного качества. Ядерный материал находится под гарантиями МАГАТЭ.

Между США и Россией имеется межправительственное соглашение об утилизации каждым государством по 34 т оружейного плутония. Стороны намерены переработать плутоний в МОКС-топливо для последующего сжигания в энергетических реакторах. По договоренности между двумя странами и при содействии США на Урале сооружается хранилище для плутония, высвобождаемого из военной программы. В Великобритании правительственной программы по утилизации оружейных и гражданских расщепляющихся материалов не имеется⁴³⁴. По всей видимости, и в двух других официально признанных ядерных государствах таких программ также нет.

Кроме того, потребуются соответствующие меры контроля в отношении высокообогащенного урана, как находящегося на хранении, так и используемого в атомных подводных лодках. Между РФ и США, как указывалось, имеется соглашение о продаже Россией американцам 500 т ВОУ в разбавленном виде для снабжения топливом АЭС.

5. Необходимо будет полностью реализовать существующую уже 25 лет международную программу по замене высокообогащенного урана на низкообогащенный (т.е. ниже 20% по U-235) в качестве загрузки исследовательских и экспериментальных реакторов (Reduced Enrichment for Research and Test Reactors — RERTR). Около 350 таких действующих или остановленных реакторов существуют в 58 странах⁴³⁵.

Потребуется адекватного решения и проблема ядерного топлива для атомных подводных лодок и атомных двигателей гражданских судов, в частности ледоколов, которые нашли широкое применение в России. Атомные подлодки стратегического назначения, т.е. несущие баллистические ракеты с ядерными боеголовками, в условиях безъядерного мира будут ликвидированы или переоборудованы для разрешенных целей, но другие субмарины, не имеющие носителей ядерного оружия, и, конечно, гражданские атомные суда сохранятся. Как правило,

⁴³⁴ Chalmers and Walker. P. 152.

⁴³⁵ Bunn Matthew, Holdren John P., Wier Anthony. Securing Nuclear Weapons and Materials: Seven Steps for Immediate Action. Project for Managing the Atom. Belfer Center for Science and International Affairs. John F. Kennedy School of Government. Harvard University. Cambridge, MA, May 2002.

их реакторы работают на обогащенном уране. Система гарантий МАГАТЭ (документ INFCIRC/153, пункт 14) предусматривает определенные положения на этот счет, однако, возможно, придется эти положения усилить, чтобы полностью закрыть какие-либо лазейки для неразрешенного использования ВОУ.

6. Особые меры контроля должны быть приняты в отношении ядерных научных центров и лабораторий, занимающихся в настоящее время конструированием и поддержанием боеготовности и надежности ядерного оружия (таких, как ВНИИЭФ, ВНИИТФ, ВНИИ автоматики, Лос-Аламосская лаборатория, Ливерморская лаборатория, лаборатория Сандия, соответствующие ядерные научные центры во Франции, Китае, Индии, Пакистане, Израиле). Такие особые меры контроля потребуются и на предприятиях, производящих монтаж и демонтаж ядерных боезарядов. Необходимый международный контроль должен быть установлен и в научно-исследовательских центрах, связанных с созданием носителей ядерного оружия. Возможно, и в данном случае нужно будет рассмотреть целесообразность присутствия на подобных объектах вооруженного персонала ООН.

7. При производстве ядерного оружия используются многочисленные неядерные технологии, а также мощные обычные взрывчатые вещества. Именно поэтому государства, входящие в Группу ядерных поставщиков (ГЯП), в 1992 г. разработали меры экспортного контроля и в этой области — Руководящие принципы для передачи имеющихся отношение к ядерной деятельности оборудования, материалов, программного обеспечения и соответствующей технологии двойного использования и согласовали список такого оборудования, материалов и технологии (INFIRC/254/Rev.4/Part.2).

В условиях мира, свободного от ядерного оружия, потребуются введение контроля за некоторыми видами неядерной деятельности, имеющей возможное отношение к разработке и созданию ядерного оружия как в ядерных, так и неядерных государствах. Научные сотрудники ВНИИТФ в рамках проекта МНТЦ «Технические проблемы обеспечения международной стабильности в условиях безъядерного мира» предложили некоторые методы контроля за неядерной деятельностью, в частности со-

здание специального аналитического центра по контролю неядерных установок двойного использования, располагающего правом проведения инспекций, и введение системы мониторинга неядерных площадок и объектов, где возможна деятельность по разработке ядерного оружия⁴³⁶.

8. Должен быть введен в силу ДВЗЯИ, для чего необходима ратификация Договора всеми 44 государствами, перечисленными в Приложении 2 к договору, включая Соединенные Штаты, Китай, Индию, Пакистан, Израиль, КНДР и другие государства⁴³⁷. Контроль за соблюдением договора будет осуществляться, как это предусмотрено договором, Организацией по ДВЗЯИ, находящейся, как и МАГАТЭ, в Вене, что позволит лучше координировать деятельность обеих организаций в условиях решения проблемы ЗПРМ и принятия других мер, ведущих к созданию безъядерного мира.

В развитие обязательств по этому договору необходимо будет закрыть и ликвидировать под соответствующим международным контролем существующие испытательные полигоны (Невадский, Ново-Земельский, Лобнорский, Похранский и Чагайский). При этом можно будет использовать опыт ликвидации Семипалатинского полигона в Казахстане. Само собой разумеется, что ко времени полной ликвидации ядерного оружия должны быть запрещены и так называемые «субкритические ядерные эксперименты», допускаемые по ДВЗЯИ.

9. Для международного контроля в условиях безъядерного мира следует использовать спутники слежения, для чего можно было бы создать специальный координационный центр, в который стекалась бы информация, поступающая с национальных спутников. Следовало бы также рассмотреть целесообразность использования Договора по открытому небу 1992 г., который устанавливает режим открытого неба для проведения наблюдательных полетов над территориями государств, входящих в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (в ней также

⁴³⁶ Рубаненко Н.Ф., Чернокун С.П. (ВНИИТФ). Неядерные признаки деятельности по разработке ядерного оружия. Доклад по проекту МНТЦ № 656, представленный на семинаре в Москве 12 июля 2002 г.

⁴³⁷ К настоящему времени (2002 г.) из этих 44 государств только 31, включая Россию, Великобританию и Францию, ратифицировало ДВЗЯИ.

участвуют США и Канада). Такой режим должен быть распространен и на другие государства мира. Следовало бы также обдумать целесообразность использования для контроля беспилотных самолетов.

Разумеется, каждое государство имело бы право пользоваться национальными техническими средствами контроля, при этом должно быть гарантировано, что этим средствам контроля не должно чиниться каких-либо помех.

10. На соответствующем этапе, когда процесс ядерного разоружения достаточно продвинется, при Совете Безопасности ООН целесообразно создать специальную комиссию или какой-либо другой соответствующий орган по обеспечению соблюдения всех соглашений по ядерному разоружению. Комиссия должна будет располагать по решению СБ весьма широкими полномочиями, в том числе правом иметь вооруженный персонал ООН для соблюдения обязательств по ядерному разоружению, включая обеспечение сохранности ядерных материалов, которые могут быть использованы для возобновления производства ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, и обеспечения необратимости процесса разоружения⁴³⁸.

Определенный опыт создания подобных комиссий уже имеется (комиссии Совета Безопасности по разоружению Ирака — UNSCOM и UNMOVIC). Следует также использовать богатый опыт миротворческих операций ООН с использованием вооруженных формирований, предоставляемых государствами-членами ООН. Конечно, потребуется специальная подготовка та-

⁴³⁸ Существует и идея создания ядерных сил ООН под эгидой Совета Безопасности в качестве *промежуточного шага* к безъядерному миру, которую высказывали, в частности, председатель Российского Пагуошского комитета, ныне покойный академик В.И. Гольданский (*Известия*. 1991, 8 ноября), Роджер Спид в исследовании, выпущенном Стэнфордским университетом (Speed Roger. P. 31–36), Комитет по международной безопасности и контролю над вооружениями Национальной академии наук США (The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. P. 94–95). Мы не разделяем это предложение, полагая, что более целесообразно идти непосредственно, но, разумеется, поэтапно, под надлежащим международным контролем, к миру, свободному от ядерного оружия. Акад. Л.П. Феоктистов также отрицательно относился к идее создания международных ядерных сил, справедливо считая, что эксплуатация такого сложного устройства, как ядерный заряд, требует навыков, знаний, обновления таких знаний. В результате оружие может остаться принадлежностью некоторых стран, и даже одной страны (Феоктистов. С. 192–194).

ких формирований для осуществления тех специфических функций, которые будут возложены на них для обеспечения контроля за ликвидацией ядерного оружия.

Для того чтобы Совет Безопасности ООН мог эффективно выполнять свою роль высшего международного органа по контролю за осуществлением ядерного разоружения и по обеспечению необратимости разоруженческого процесса, необходимо существенно повысить его авторитет и придать ему более представительный характер. Эффективность деятельности и авторитетность Совета во многом будет зависеть от согласованности действий его нынешних постоянных членов, в первую очередь Соединенных Штатов, России и Китая, так как очевидно, что без согласия между ними никакое ядерное разоружение вообще не может быть осуществлено. Хотелось бы надеяться, что новые глобальные вызовы безопасности, такие, как угроза терроризма с использованием оружия массового уничтожения и опасность распространения такого оружия, дадут новый импульс усилиям государств в направлении принятия коллективных мер по поддержанию международного мира и безопасности через Организацию Объединенных Наций.

Что касается придания Совету более представительного характера, то давно назрел вопрос о расширении его членского состава. Необходимо, прежде всего, увеличить число его постоянных членов. По нашему мнению, целесообразно ввести в состав Совета Безопасности в качестве постоянных членов пять государств — Германию, Японию, Индию, одну страну Африки и одно государство Латинской Америки. Для большей представительности следует также расширить количество избираемых членов Совета с 10 до 15. Таким образом состав Совета Безопасности имел бы 25 членов, что адекватнее отражало бы общий членский состав ООН, который насчитывает сейчас 191 государство⁴³⁹.

Что касается права вето постоянных членов Совета Безопасности, то, на наш взгляд, следовало бы сохранить его только для

⁴³⁹ Международное агентство по атомной энергии, которое также должно будет играть значительную роль в осуществлении контроля за ядерной деятельностью государств в процессе разоружения, в 1999 г. приняло решение о расширении состава Совета управляющих с 35 до 43 членов (при общем числе членов 134 и предстоящем, в связи с решениями сессии МАГАТЭ 2002 г., расширении до 137). Исполнительный совет Организации по ДВЗЯИ будет насчитывать 51 члена.

первоначальных постоянных членов, которые являются и официально признанными государствами, обладающими ядерным оружием. При этом, в случае расширения состава Совета и включения в него дополнительных постоянных членов, нынешние постоянные члены взяли бы на себя торжественное обязательство применять его лишь в тех исключительных случаях, которые могли бы привести к катастрофическим последствиям для человечества. Новые постоянные члены, по всей вероятности, потребуют уравнивания в правах с уже существующими, и этот вопрос должен быть всесторонне рассмотрен. Но, учитывая ту роль, которую продолжают играть в сегодняшнем мире те пять держав, которые изначально стали обладателями права вето и являются официально признанными ядерными державами, больше доводов в пользу того, чтобы этим правом располагали только нынешние постоянные члены.

В обстановке, когда Соединенные Штаты предпочитают в данный исторический момент больше полагаться на свои односторонние действия по поддержанию безопасности, иногда создавая на одноразовой основе коалиции государств в этих целях, ООН переживает не лучшие времена. Но вряд ли кто-либо возьмется оспаривать тот факт, что всемирная организация основана на единственно возможном принципе в мире, базирующемся на существовании суверенных наций-государств, — на согласии и коллективных действиях основных государств, без которых поддержание международного мира и безопасности просто невозможно. Не стоит забывать, что этот подход был предложен при создании ООН во время Второй мировой войны Ф. Рузвельтом при полной поддержке И.В. Сталина и У. Черчилля. Поэтому представляется очевидным, что когда дело дойдет до ядерного разоружения, этот принцип будет полностью востребован.

Образование международного механизма обеспечения ядерного разоружения на сегодняшний день, разумеется, не является самым насущным вопросом. Прежде всего необходима коллективная воля для того, чтобы начать и завершить путь радикальных ядерных сокращений. Но к созданию такого механизма необходимо исподволь готовиться.

11. Нельзя исключать, что по мере сокращения ядерных арсеналов фактор ядерных вооружений, уменьшающихся в своих коли-

чествах в процессе движения к безъядерному миру, мог бы приобрести большее значение в качестве средства решения военными средствами конфликтов и противоречий между государствами. С учетом этого следовало бы рассмотреть целесообразность создания всемирной системы противоракетной обороны при научно-техническом сотрудничестве государств, располагающих соответствующими технологиями, прежде всего США и России. Подобная всемирная система ПРО, на наш взгляд, тоже должна быть создана под эгидой Совета Безопасности ООН.

12. Соблюдению условий безъядерного мира содействовало бы широкое использование *общественного* контроля. Пагуошские конференции по науке и мировым проблемам (Pugwash Conferences on Science and World Affairs) уже не один год выступают за такой общественный контроль. На сегодняшний день достижение некоторого успеха приходится в основном на долю неправительственных экологических организаций, прилагающих усилия по защите окружающей среды, но и они сталкиваются с трудностями в ряде стран, не исключая и Россию⁴⁴⁰.

Однако в условиях мира, свободного от ядерного оружия, многие «секреты» станут пережитком прошлого, сохранится только задача обеспечения нераспространения ядерных знаний, технологий и материалов, которые могли бы стать объектом интереса со стороны террористов или иных злоумышленников. Поэтому появятся широкие возможности для вовлечения общественных организаций и отдельных граждан в поддержание статуса безъядерного мира.

13. Осуществление ядерного разоружения отнюдь не снимало бы задачу поддержания и укрепления универсального режима ядерного нераспространения, поскольку даже в случае ликвидации всего без исключения ядерного оружия оставались бы ядерные материалы, используемые для мирных задач, таких, как атомная энергетика, но которые могли бы быть при соответствующей переработке приспособлены и для запрещенных целей. Сохранялись бы также технологии и оставались бы специалисты — носители знаний в области конструирования и изготовления ядерного оружия. Поэтому любые международно-правовые

⁴⁴⁰ См. основательную обзорную статью на тему общественного контроля: Meier Oliver and Tenner Clare. Non-governmental monitoring of international agreements. In: VERTIC Yearbook 2001. L.: VERTIC, 2001. P. 207–227.

акты, предусматривающие создание мира, свободного от ядерного оружия, должны будут также содержать необходимые положения, обеспечивающие *постоянное* поддержание во всем мире режима ядерного нераспространения.

В частности, в целях предотвращения ядерного терроризма нужно будет создать глобальный режим физической защиты и обеспечения надежной сохранности ядерных материалов, которые будут использоваться в мирных целях, для чего потребуются значительно укрепить действующую Конвенцию о физической защите ядерного материала 1980 г. и разрабатываемую новую, усиленную конвенцию о физической защите ядерного материала и ядерных установок, придать им универсальный характер, включая положения об обязательности норм физзащиты для всех государств, причем не только при международных перевозках, но и при перемещениях и хранении внутри страны.

14. Ядерное разоружение в своей совокупности (проведение переговоров, разработка и осуществление контроля, функционирование международного контрольного механизма, ликвидация или переоборудование оружия и средств его доставки, расходы на переподготовку и социально-экономическое обустройство высвобождающегося военного персонала, восстановление экологически загрязненной окружающей среды и т.п.) будет довольно дорогостоящим процессом, и тем, кому придется иметь дело с решением этой проблемы, придется все это учитывать. Не подлежит, однако, сомнению, что такие расходы не идут ни в какое сравнение с тем ущербом, который может быть нанесен применением ядерного оружия даже в ограниченном размере, и объемами тех средств, которые тратятся на ядерные, ракетные и другие вооружения.

В подтверждение приведем только некоторые данные, лежащие на поверхности. Один индийский специалист подсчитал, что применение 15-килотонной ядерной бомбы против Мумбая (Бомбея) приведет к единовременной гибели от 200 до 800 тыс. человек⁴⁴¹. Общие военные расходы в мире составляют порядка

⁴⁴¹ Ramana M.V. Bombing Bombay? Effects of Nuclear Weapons and a Case Study of a Hypothetical Explosion. Security Study Program. Center for International Studies. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology. (<http://www.fas.org/nuke/guide/india/target/primer/bombay.pdf>).

800 млрд долл. Между тем МАГАТЭ расходует на гарантии всего лишь менее 90 млн долл. в год, включая и внебюджетные средства. Конечно, восстановление окружающей среды от последствий производства ядерного оружия потребует колоссальных расходов (в 1995 г. Генеральное счетное управление США подсчитало, что только для Соединенных Штатов это обойдется в 300 млрд, а возможно, и в один триллион долл.), но эти расходы так или иначе понадобятся, поскольку восстановление окружающей среды необходимо даже и без соглашений о разоружении⁴⁴².

15. Совместное заявление ядерных держав об их намерении отказаться от ядерного сдерживания и об их твердой приверженности полной ликвидации ядерного оружия не в качестве какой-то отдаленной цели, что они беспрестанно акцентируют в своих индивидуальных или коллективных декларациях и даже в юридически обязывающих соглашениях (в частности, в ДНЯО), а в качестве *практически разрешимой* задачи, уже само по себе явилось бы принципиально новым фактором для начала процесса реализации цели создания мира, свободного от ядерного оружия. Для этого следовало бы провести специальный саммит пяти ядерных держав (другой вариант — «Большой восьмерки») и пригласить на него представителей Индии, Пакистана, Израиля и некоторых других государств (в частности, Германии и Японии), а также в качестве наблюдателей — Генерального секретаря ООН и Генерального директора МАГАТЭ.

На такой встрече следовало бы определить порядок подготовки всех необходимых юридических документов, требуемых для выработки условий и путей построения мира, свободного от ядерного оружия, и образовать соответствующие группы правительственных и технических экспертов. Было бы важно привлечь к этой работе в той или иной форме и представителей международных и национальных неправительственных организаций, которые уже в течение многих лет исследуют данную проблему и выработали немало практических предложений на этот счет.

⁴⁴² Полезную работу на эту тему опубликовал в 2002 г. Институт ООН по исследованию проблем разоружения (UNIDIR): Willett Susan. Costs of Disarmament — Rethinking the Price Tag: A Methodological Inquiry into the Costs and Benefits of Arms Control (UNIDIR/2002/5).

Как представляется, Россия могла бы проявить инициативу в этом отношении, высказавшись за то, чтобы совместить рассмотрение проблемы ядерного разоружения с одним из ближайших саммитов «Большой восьмерки» по текущим международным политическим и экономическим вопросам.

Мы отдаем себе отчет в том, что некоторые из положений, которые высказаны в этом исследовании, неизбежно носят предположительный характер и время будет постоянно вносить коррективы в те представления о путях достижения сокращения и ликвидации ядерных вооружений, которые на сегодняшний день в общих чертах могут выглядеть логичными. Очевидно и то, что в данном исследовании мы не смогли охватить все вопросы, которые возникают в связи с ликвидацией ядерного оружия. Однако, на наш взгляд, важно и даже необходимо попытаться составить хотя бы самое общее представление о том, как на сегодняшний день могли бы выглядеть контуры мира, в котором не было бы ядерного оружия. Это нужно сделать прежде всего для того, чтобы яснее видеть, каким должен быть международный контроль, обеспечивающий соблюдение мира и безопасности в условиях отсутствия ядерного оружия и продолжающегося развития мирного использования атомной энергии и в каком направлении следовало бы дальше вести работу над созданием и установлением такого контроля.

Заклучение

События, развивающиеся в мире в конце XX – начале XXI в., создают благоприятные условия для пересмотра роли ядерного фактора в быстро меняющейся международной обстановке, для дальнейшего наращивания усилий по продвижению к миру, свободному от ядерного оружия, и – соответственно – к поступательному воплощению в жизнь концепции и практики международного контроля над атомной энергией.

Прежде всего, это окончание многолетнего идеологического и политического противостояния между Соединенными Штатами и Советским Союзом/Россией и их союзниками, завершение холодной войны и усиливающаяся тенденция к всесторонней интеграции государств в мировом сообществе наций в интересах ускорения социально-экономического прогресса человечества. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами о сокращении стратегических наступательных потенциалов от 24 мая 2002 г. формально закрепил факт окончания холодной войны и положил начало процессу построения новых стратегических отношений между державами, а также в более широком международном контексте, включая перспективу отказа от военных доктрин, построенных на принципе ядерного сдерживания, и возможность ускорения движения к миру, свободному от ядерного оружия.

Еще одним фактором, подталкивающим к форсированию сокращения ядерных вооружений, укреплению международного режима ядерного нераспространения и усилению ядерной безопасности, является возникновение в последнее время новых угроз и вызовов мирному существованию человечества, на которые обладание ядерным оружием не дает и не может дать адек-

ватного ответа, а также рост опасности международного терроризма, что в особо трагической форме проявилось в сентябре 2001 г. во время нападения на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке. Соединенные Штаты, первыми ставшие обладателями ядерного оружия, первыми же испытали на себе иллюзорность того, что ядерное оружие действительно может служить надежным средством сдерживания против нападения на страну международных террористов или каких-либо других сил.

Другим существенным обстоятельством, заставляющим всерьез задуматься о тщетности расчета на всеильность ядерного оружия как средства обеспечения безопасности, является угроза использования ядерных материалов, накопленных в огромных количествах во многих государствах за более чем пятидесятилетнюю историю атомной эры, в качестве «грязной бомбы» – радиологического оружия, опасность нападений на атомные электростанции и даже возможность создания террористами примитивного ядерного взрывного устройства для осуществления своих преступных целей. Угроза ядерного терроризма – еще один весомый аргумент в пользу полного отказа от ядерного оружия.

В настоящем исследовании мы попытались показать, что хотя первоначальные обсуждения в 1940-х гг. концепции установления международного контроля над атомной энергией успеха не имели по ряду объективных и субъективных причин, о чем, конечно, сейчас можно только сожалеть, сама она в принципе была здоровой и в целом рациональной. Более того, за многие десятилетия, что прошли с тех пор, по ряду направлений ограничения ядерных вооружений некоторые из обсуждавшихся тогда принципов и методов контроля были реализованы на международном или двустороннем (СССР/Россия – США) уровне. Усилиями правительств и их экспертов в ходе переговоров были согласованы и многие другие способы и процедуры международного контроля. Немалую роль в проведении исследований и осуществлении разработок в данной сфере играли и играют многочисленные международные и национальные неправительственные организации. Культура транспарентности и контроля достаточно глубоко проникла в ткань международного общения, и этот процесс продолжает неуклонно развиваться. Тем самым создана солидная база для продолжения и наращивания усилий в этой области.

Многолетний опыт показывает, что сложность разработки мер контроля говорит в пользу *заблаговременной* подготовки предложений о методах и процедурах контроля, не дожидаясь того, когда правительства будут готовы приступить к переговорам и согласованию международных договоренностей о сокращении или уничтожении тех или иных видов ядерных вооружений. Неподготовленность к этому может оказаться причиной последующих осложнений и даже негативных последствий для той или иной стороны соглашения. Контроль неизбежно затрагивает интересы национальной безопасности, и ее обеспечение требует кропотливой работы над изысканием таких способов контроля, которые, создавая уверенность в выполнении соглашений их участниками, в то же время не наносили бы ущерба интересам государств.

Многое в развитии концепции международного контроля над атомной энергией и в ее реализации на практике будет зависеть от политической обстановки, которая будет складываться в мире, а также и от вовлеченности в этот процесс широкой международной общественности. Международный контроль — это прежде всего активная готовность к *коллективным* действиям, что по самой природе вещей должно исключать какие-либо односторонние шаги, тем более в такой критической области с точки зрения обеспечения национальной безопасности, как ядерные вооружения. Только время покажет, пойдут ли на это вообще, и если да, то как скоро крупные державы, прежде всего Соединенные Штаты.

Но, как нам представляется, складывающаяся в мире ситуация уже сейчас и тем более в дальнейшем будет способствовать тому, что только коллективный путь к решению вопросов контроля и отказа от ядерного фактора как средства обеспечения безопасности (неважно какого — реального или виртуального) может дать желаемые результаты на благо отдельных государств и человечества в целом.

Необходимо будет учитывать и то важное и чрезвычайно сложное обстоятельство, что в процессе установления международного контроля непременно должны будут участвовать и сравнительно новые, и совсем еще недавно появившиеся на «атомной сцене» «актеры» — такие азиатские страны, как Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея, а также государства этой части мира (например, Япония), которые при соответствующем политическом решении тоже могут в короткие сроки встать на путь ядерного во-

оружия. Ядерные амбиции — этого исключать нельзя — могут лелеять и некоторые другие государства, например Иран.

Из общения с представителями перечисленных выше стран и независимыми экспертами складывается убеждение, что в условиях наличия между ними многочисленных территориальных, этнических и религиозных конфликтов отношение к роли ядерного оружия как средства решения таких споров в этих регионах может быть иным, чем то, которое выработалось между государствами, обладающими ядерным оружием, на протяжении многих десятилетий. Кроме того, в данных регионах могут преобладать и другие представления о ценности человеческой жизни. Да и опыта общения с ядерным оружием, разработки ядерных доктрин и понимания всех сложностей и тонкостей ядерного фактора и многих технических аспектов, относящихся к ядерному оружию, в этих странах гораздо меньше, чем там, где с этим оружием политические, военные и научные руководители, а также многочисленные независимые эксперты имеют дело в течение многих лет и где за эти годы они научились преодолевать кризисные ситуации, — а их было немало, — не обращаясь к реальной угрозе применения ядерного оружия.

По мере более глубокого постижения сущности атомного оружия на протяжении последних десятилетий, а также его места и роли в человеческом обществе все больше людей начинают понимать, что провидческая идея Н. Бора, высказанная еще в первой половине 1940-х гг., о необходимости открытого мира, обретает под собой все более твердую почву. Международный контроль над атомной энергией — прямой, хотя и не простой путь к большей открытости и предсказуемости, столь необходимым для поступательного развития человечества и решения тех многочисленных глобальных проблем, которые стоят перед миром сегодняшним и грядущим.

Поэтому тем, кто и дальше будет исследовать проблему международного контроля над атомной энергией и искать пути приближения к миру, свободному от ядерного оружия, — а в перспективности такого развития не приходится сомневаться, — придется пройти нелегкий и немалый путь, тщательно взвешивая и анализируя все политические, юридические, технические и практические ее составляющие. Если настоящее исследование окажет им в этом хоть малую пользу, автор будет считать свою задачу выполненной.

Библиография

Архивные материалы

АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации. Москва.
АП РФ	Архив президента Российской Федерации. Москва.
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории. Москва.
NSA	National Security Archive. Washington. D.C.
U.S. NARA	U.S. National Archives and Records Administration. Washington. D.C. and College Park, MD.
Архив МАГАТЭ	Архив Международного агентства по атомной энергии. Вена.

Документы

Сборник основных документов МИД СССР	Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Тома I—XXX (1945—1988). М.: МИД СССР.
Сборник предложений СССР, УССР и БССР	Сборник предложений СССР, УССР и БССР, вносившихся в ООН в 1946—1950 гг. М.: МИД СССР, 1952.

СССР за разоружение	Советский Союз в борьбе за разоружение. Сборник документов. М.: МИД СССР. Политиздат, 1977. Атомный проект СССР. Том II. Книга 1. Атомная бомба. 1945—1954. Документы и материалы/ Под общей редакцией Л.Д. Рябева. Саров: РФНЦ—ВНИИЭФ, 1999.
Док. ООН	Официальные документы Организации Объединенных Наций. Н.-Й.
Док. МАГАТЭ	Официальные документы Международного агентства по атомной энергии. Вена.
Док. CD	Официальные документы Конференции по разоружению. Женева.
Arms Control Agreements	Arms Control and Disarmament. Agreements. Texts and Histories of Negotiations. Wash., D.C.: U.S. Arms Control and Disarmament Agency, 1990 Edition.
Documents on Disarmament	Documents on Disarmament. Department of State and Arms Control and Disarmament Agency. 1945—1968. Wash., D.C.: U.S. Government Printing Office.
FRUS	Foreign Relations of the United States. Wash., D.C.: U.S. Government Printing Office.
PPNN Briefing Book	PPNN Briefing Book. Volume II. Treaties, Agreements and Other Relevant Documents (Sixth Edition). Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation (PPNN). Southampton, UK, 1998.

Литература

Архангельский И.А. Ермаков С.В. Толченков Д.Л. Хлебников Н.Н.	Система международного контроля за мирным использованием атомной энергии. М.: Энергоатомиздат, 1986. Атом и мир. Договор о нераспространении ядерного оружия и Международное агентство по атомной энергии. М.: Международные отношения, 1974.
--	--

- Ахромеев С.Ф. Глазами маршала и дипломата.
Корниенко Г.М. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Международные отношения, 1992.
- Бабаев Н.С. МАГАТЭ. М.: Грин Лон, 1997.
Адамов Е.О.
Рыжов М.Н.
Соболев И.А.
- Батюк В. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–50 гг. М.: Российское университетское издательство, 1995.
Евстафьев Д.
- Богданов О.В. Договор, который нужен людям. Договор о нераспространении ядерного оружия и международно-правовые проблемы ядерного разоружения. М.: Международные отношения, 1968.
- Горелик Г.Е. Андрей Сахаров. Наука и Свобода. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.
- Громыко А.А. Памятное. Книги первая и вторая. М.: Госполитиздат, 1988.
- Громыко Анат.А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: ИПО «Автор», 1997.
- Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. М.: Наука, 1980.
- Давыдов В.Ф. Россия и США: проблемы взаимодействия в укреплении режима нераспространения ядерного оружия. М.: ИСКАН РАН, 1997.
Ежегодник СИПРИ 2001. Русское издание. М.: Наука, 2002.
- Емельянов В.С. Проблемы нераспространения ядерного оружия. М.: Наука, 1981.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1974. Тт. 1 и 2.

- Зорин В.А. Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 гг. В.А.Зорин (ред.). М.: Изд-во Инст-та международных отношений, 1961.
История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. ИИЕТ РАН. Выпуск 2. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2002.
- Калядин А.Н. Проблемы запрещения испытаний и распространения ядерного оружия. М.: Наука, 1976.
- Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989.
Капица П.Л. О науке и власти. М.: Правда, 1990.
- Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001.
- Кохрэн Томас Б. Норрис Роберт С. Бухарин О.А. Создание русской бомбы. От Сталина до Ельцина. Вествью Пресс, Боулдер, 1995. Русский перевод, 1995.
К переговорам между правительством СССР и правительством США по атомной проблеме. М.: Госполитиздат, 1954.
Контроль над вооружениями и военной деятельностью. Справочник. Колл. авторов. М.: ПИР-Центр, 2001.
- Кривохижа В.И. (ред.) Ядерный фактор в современном мире. М.: РИСИ, 1996.
- Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М.: ЦНИИАтоминформ, 1995.
- Ларин В. Международное агентство по атомной энергии. М.: Госюриздат, 1957.
Люди «Объекта». Саров – Москва, ИНФО, Человек К°, 1996.
- Малинин С. Онушкин В. Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. М.: Соцэгиз, 1961.

- Малинин С.А. Мирное использование атомной энергии. Международно-правовые вопросы. М.: Международные отношения, 1971.
- Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995.
- Мишарин В.Н. Мирное использование атомной энергии. Правовые вопросы. М.: Международные отношения, 1986.
- Михайлов В.Н. (гл. ред.) Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат, 1995.
- Михайлов В.Н. (ред.) Ядерные испытания СССР. М.: ИздАТ, 1997.
- Наука и общество. История советского атомного проекта (40-е – 50-е годы). Труды международного симпозиума, Дубна, 14–18 мая 1996. Том 1. М.: ИздАТ, 1997.
- Негин Е.А. (рук. авт. колл.) Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... Нижний Новгород – Арзамас-16, 1995.
- Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. М.: Политиздат, 1989.
- Огарков Н.В. История учт бдительности. М.: Воениздат, 1985.
- Орлов В.А. Перспективы международного режима нераспространения ядерного оружия во второй половине 90-х годов и Конференция 1995 года по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. (Кандидатская диссертация). М.: 1997.
- Орлов В.А. (ред.) Ядерное нераспространение. В 2-х тт. Второе издание. М.: ПИР-Центр, 2002.
- Орлов В.А. Тимербаев Р.М. Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. М.: ПИР-Центр, 2001.
- Петросьянц А.М. (ред.) Атом – только мирный. М.: Наука, 1985.
- Петр Леонидович Капица. Воспоминания, письма, документы. М.: Наука, 1994.

- Последствия возможного применения ядерного оружия, а также последствия приобретения и дальнейшего развития ядерного оружия для безопасности и экономики государств. Доклад Генерального секретаря, сопровождающий исследование его консультативной группы. ООН. Нью-Йорк, 1968 (Док. ООН А/6858).
- Рощин А.А. Международная безопасность и ядерное оружие. М.: Международные отношения, 1980.
- Сахаров А.Д. Воспоминания. В 2-х т. М.: Права человека, 1996.
- Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления. Л.: Советский писатель, 1990.
- Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1995.
- Соколовский В.Д. Военная стратегия. Изд. второе, исправленное и дополненное. М.: Воениздат, 1963.
- Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., ТОО «Гея», 1996.
- Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978). М.: ПИР-Центр, 2000.
- Тимербаев Р.М. Контроль за ограничением вооружений и разоружением. М.: Международные отношения, 1983.
- Тимербаев Р.М. Мирный атом на международной арене. М.: Международные отношения, 1969.
- Тимербаев Р.М. Полное запрещение ядерных испытаний. М.: Наука, 1986.
- Тимербаев Р.М. Проблемы контроля. М.: Наука, 1984.
- Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: Наука, 1999.
- Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997.
- Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М.: Международные отношения, 1985.

- Трухановский В.Г. Капитонова Н.К. Советско-английские отношения. 1945–1978. М.: Международные отношения, 1979.
- Феклисов А. За океаном и на острове. Записки разведчика. М.: ДЭМ, 1994.
- Феоктистов Л.П. Оружие, которое себя исчерпало. М.: Российский комитет ВМПЯВ, 1999.
- Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1993.
- Хрущев Н.С. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. *Вопросы истории*, 1990–1995.
- Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. Тт. 1 и 2. М.: Новости, 1994.
- Ядерная энциклопедия. Благотворительный фонд Ярошинской. М.: 1996.
- Acheson Dean Present at the Creation. My Years at the State Department. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1969.
- Albright David, Berkhout Frans and Walker William Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996. World Inventories, Capabilities and Policies. SIPRI. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Alperovitz Gar The Decision to Use the Atomic Bomb. N.Y.: Vintage Books. A Division of Random House, Inc., 1996.
- Barnaby Frank How Nuclear Weapons Spread. Nuclear-Weapon Proliferation in the 1990s. L. and N.Y.: Routledge, 1993.
- Bechhoeffer Bernhard G. Postwar Negotiations for Arms Control. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1961.
- Beckman Robert L. Nuclear Non-Proliferation. Congress and the Control of Peaceful Nuclear Activities. Boulder and L.: Westview Press, 1985.
- Berezhkov Valentin At Stalin's Side. His Interpreter's Memoirs from the October Revolution to the Fall of the Dictator's Empire. N.Y.: A Birch Lane Press Book, 1994.

- Berezhkov Valentin Origins of the Cold War: Lessons for Future U.S.–Russian Relations. Occasional Paper. № 4. Monterey CA: Monterey Institute of International Studies, 1994.
- Bernstein Jeremy Hans Bethe, Prophet of Energy. N.Y.: Basic Books, Inc., 1992.
- Botti Timothy J. Ace in the Hole. Why the United States Did Not Use Nuclear Weapons in the Cold War, 1945–1965. Westport, CT, and L.: Greenwood Press, 1996.
- Bundy McGeorge Danger and Survival. N.Y.: Random House, 1988.
- Bunn George Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians. Stanford: Stanford University Press, 1992.
- Bunn George and Timerbaev Roland Nuclear Disarmament: How Much have the Five Nuclear Powers Promised in the Non-Proliferation Treaty? In: At the Nuclear Crossroads. Eds. John A. Rhineland and Adam M. Scheinman. Lanham, MD: University Press of America, Inc., 1995.
- Bunn George and Timerbaev Roland Nuclear Verification Under The NPT: What Should It Cover – How Far It May Go? PPNN Study Five. The Mountbatten Centre for International Studies. University of Southampton, UK, 1994.
- Bunn George, Van Doren Charles & Fischer David Options & Opportunities: The NPT Extension Conference of 1995. PPNN Study Two. Published by The Mountbatten Centre for International Studies, University of Southampton, UK, 1991.
- Byrnes James All in One Lifetime. N.Y.: Harper & Bros., 1958.
- Cassidy David C. Uncertainty. The Life and Science of Werner Heisenberg. N.Y.: W.H. Freeman and Company, 1992.
- Chace James After Hiroshima. Sharing the Atom Bomb. In: *Foreign Affairs*, January/February 1996, Volume 75, №1.

- Chace James Acheson. The Secretary of State Who Created the American World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.
- Clausen Peter A. Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1993.
- Cohen Avner Stumbling into Opacity: The United States, Israel, and the Atom, 1960–1963, *Security Studies* 4. № 2, Winter 1994.
- Confidence, Security & Verification. Atomic Weapons Establishment at Aldermaston. Media & Publishing Group, 2000.
- Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. Carnegie Endowment for International Peace. Wash., D.C., 2002.
- Dewitt David B. (Ed.) Nuclear Non-Proliferation and Global Security. L. & Sydney: Croom Helm, 1987.
- Djilas Milivan Conversations with Stalin. N.Y.: Harcourt, Brace and World, Inc., 1962.
- Dobrynin Anatoly In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. N.Y.: Times Books. Random House. 1995.
- Drell Sidney D. In the Shadow of the Bomb. Physics and Arms Control. N.Y.: The American Institute of Physics, 1993.
- Dunn Lewis A. Controlling the Bomb. Nuclear Proliferation in the 1980s. New Haven and L.: Yale University Press, 1982.
- Epstein William The Last Chance. Nuclear Proliferation and Arms Control. N.Y.: The Free Press, 1976.
- Feis Herbert The Atomic Bomb. Princeton: Princeton University Press, 1970.
- Feldman Shai Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East, Cambridge, MA: The MIT Press, 1997.
- Fischer David History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna: IAEA, 1997.

- Fischer David Towards 1995: The Prospects for Ending the Proliferation of Nuclear Weapons. UNIDIR. Dartmouth Aldershot, UK, 1993.
- Forland Astrid Hope over Fear. The Establishment of the International Atomic Energy Agency. Forsvarsstudier 3/1995. Oslo: Institutt for Forsvarsstudier, 1995.
- La France et l'Atome. Etudes d'histoire nucléaire. Sous la direction de Maurice Vaisse. Bruxelles: Bruylant, 1994.
- French A.P. and Kennedy P.J. (Eds.) Niels Bohr. A Centenary Volume. Cambridge, MA, and L.: Harvard University Press, 1985.
- The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. Committee on International Security and Arms Control. National Academy of Sciences, Wash., D.C.: National Academy Press, 1997.
- Gallagher Nancy The Politics of Verification. Baltimore and L.: The Johns Hopkins University Press, 1999.
- Gard Robert Gibbins, Jr. Arms Control Policy Formulation and Negotiation: 1945–1946. A thesis presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the subject of Political Economy and Government. Harvard University, June 1961.
- Geyelin Philip Lyndon B. Johnson and the World, N.Y.: Frederick A. Praeger, 1966.
- Goldblat Jozef (Ed.) Non-Proliferation: The Why and the Wherefore. SIPRI Publication. L. and Philadelphia: Taylor & Francis, 1985.
- Goldblat Jozef Arms Control. A Guide to Negotiations and Agreements. PRIO. International Peace Research Institute, Oslo, L., Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1994.
- Goldblat Jozef (Ed.) Fischer David Szasz Paul Safeguarding the Atom: A Critical Appraisal. SIPRI Publication. L. and Philadelphia: Taylor & Francis, 1985.
- Goldschmidt Bertrand The Atomic Complex. La Grange Park, IL: American Nuclear Society, 1982.

- Goldschmidt Bertrand Atomic Rivals. A Candid Memoir of Rivalries Among the Allies over the Bomb. New Brunswick and L.: Rutgers University Press, 1990.
- Goldschmidt Bertrand A Forerunner of the Non-Proliferation Treaty? The Soviet 1947 Proposals, Unpublished paper prepared for Niels Bohr Centennial in the University of Copenhagen, September 27–29, 1985.
- Gowing Margaret assisted by Arnold Lorna Independence and Deterrence. Britain and Atomic Energy, 1945–1952. Vol. I. Policy Making. L. and Basingstoke: Macmillan, 1974.
- Johnson Lyndon Baines The Vantage Point. Perspectives of the Presidency, N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1971.
- Hershberg James G. James B. Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. N.Y.: Knopf, 1993.
- Hewlett Richard Anderson, Jr. Oscar A History of the United States Atomic Energy Commission. Volume 1, The New World, 1939/1946. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1962.
- Holloway David Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. New Haven & L.: Yale University Press, 1994.
- International Atomic Energy Agency. Personal Reflections. Vienna: IAEA, 1997.
- Inventory of International Nonproliferation Organizations and Regimes. 2000 Edition. Updated by Tariq Rauf, Mary Beth Nikitin and Jenni Rissanen. Center for Nonproliferation Studies. Monterey Institute of International Studies. Monterey, CA.
- Kelleher Catherine Germany & the Politics of Nuclear Weapons. N.Y. and L.: Columbia University Press, 1975.
- Kissinger Henry The Troubled Partnership. McGraw-Hill Book Company, N.Y., 1965.
- Kolko Joyce and Gabriel The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, 1945–1954. N.Y.: Harper & Row, 1972.

- Kuntzel Matthias Bonn & the Bomb, German Politics and the Nuclear Option. L.: Pluto Press, 1995.
- Lanouette William with Silard Bela. Genius in the Shadows. A Biography of Leo Szilard, Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Muller Harald (Ed.) A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon Press, 1987.
- Muller Harald Fischer David Kotter Wolfgang Nuclear Non-Proliferation and Global Order. SIPRI Publication. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Myrdal Alva The Game of Disarmament. How the United States and Russia Run the Arms Race. Nottingham, UK: Spokesman, 1980.
- Nogee Joseph L. Soviet Policy Towards International Control of Atomic Energy. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1961.
- Norris Robert S. Racing for the Bomb. General Leslie Groves, The Manhattan Project's Indispensable Man. South Royalton, Vermont: Steerforth Press, 2002.
- Ozga Deborah Ann The Principles of Nuclear Control. Thesis submitted in partial fulfillment of requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Politics. University of Southampton, UK, May 2001.
- Pean Pierre Les Deux Bombes. Paris: Fayard, 1982.
- Pilat Joseph F. Pendley Robert E. Beyond 1995. The Future of the NPT Regime. N.Y. and L.: Plenum Press, 1990.
- Pilat Joseph F. Pendley Robert E. 1995. A New Beginning for the NPT. N.Y. and L.: Plenum Press, 1995.
- (Eds.)
- Potter William Nuclear Power and Nonproliferation. An Interdisciplinary Perspective. Cambridge, MA: Oelgeschlager, Gunn & Nain Publishers, Inc., 1982.
- Potter William (Ed.) International Nuclear Trade and Nonproliferation. The Challenge of the Emerging Suppliers. Lexington, MA: Lexington Books, 1990.

- Powers Thomas Heisenberg's War. The Secret History of the German Bomb. Da Capo Press, 2000.
- Prawitz Jan From Nuclear Option to Non-Nuclear Promotion: The Sweden Case. The Swedish Institute of International Affairs, Research Report 20, Stockholm, 1995
- A Report on the International Control of Atomic Energy. Prepared for the Secretary of State's Committee on Atomic Energy (Acheson – Lilienthal Report). Department of State Publication 2498. Wash., D.C., March 16, 1946.
- Rhodes Richard Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y.: Simon & Schuster, 1995.
- Rhodes Richard The Making of the Atomic Bomb. N.Y.: A Touchstone Book, 1986.
- Rainer Reinhard and Szasz Paul The Law and Practices of the International Atomic Energy Agency. 1970–1980. Supplement 1 to the 1970 Edition of Legal Series. №7. Vienna: IAEA, 1993.
- Rusk Dean As I Saw It. N.Y.: Penguin Books, 1990.
- Savel'yev Aleksandr G. and Detinov Nikolay N. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Westport, CT: Praeger, 1995.
- Schaper Annette A Treaty on the Cutoff of Fissile Material for Nuclear Weapons – What to Cover? How to Verify? Frankfurt: Peace Research Institute Frankfurt. PRIF Reports No. 48, July 1997.
- Schaper Annette Frank Katja A Nuclear Weapon Free World – Can it be Verified? Frankfurt: Peace Research Institute Frankfurt. PRIF Reports No. 53, November 1999.
- Scheinman Lawrence The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Wash., D.C.: Resources for the Future, 1987.
- Schlesinger, Jr. Arthur M. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston: Houghton Mifflin Company; Cambridge: The Riverside Press, 1965.
- Seaborg Glenn T. and Corliss William R. Man and Atom. Building a New World Through Nuclear Technology. N.Y.: Dutton & Co., Inc., 1971.
- Seaborg Glenn T. with Loeb Benjamin S. Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington, MA/Toronto: Lexington Books, 1986.
- Seaborg Glenn T. with Loeb Benjamin S. The Atomic Energy Commission under Nixon. Adjusting to Troubled Times. N.Y.: St. Martin's Press, 1993.
- Shaker Mohamed The Nuclear Non-Proliferation Treaty. Origin and Implementation. 1959–1979. Volumes I–III. L./Rome/N.Y.: Oceana Publications, Inc., 1980.
- Sherwin Martin J. World Destroyed. Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y.: Vintage Books, 1987.
- Simpson John McGrew Anthony (Eds.) The International Nuclear Non-Proliferation System. Challenges and Choices. L.: Macmillan, 1984.
- Simpson John (Ed.) Nuclear Non-Proliferation: an Agenda for the 1990s. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1987.
- Sokolski Henry (Ed.) Fighting Proliferation. New Concerns for the Nineties. Air University Press, Maxwell Air Force Base, Alabama, 1996.
- Spanier John W. Noguee Joseph L. The Politics of Disarmament. A Study of Soviet – American Gamesmanship. N.Y.: F. Praeger, 1962.
- Spector Leonard with Smith Jaqueline Nuclear Ambitions. The Spread of Nuclear Weapons 1989–1990. Boulder, CO: Westview Press, 1990.
- Speed Roger D. The International Control of Nuclear Weapons. Center for International Security and Arms Control. Stanford University, Stanford, 1994.
- Smith Gerard Disarming Diplomat. The Memoirs of Gerard Smith, Arms Control Negotiator. Lanham, N.Y., L.: Madison Books, 1996.
- Stimson Henry L. & McGeorge Bundy On Active Service in Peace and War. N.Y.: Random House, 1947.

- Strauss Lewis L. Men and Decisions. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1962.
- Szasz Paul C. The Law and Practices of the International Atomic Energy Agency, Legal Series. №7. Vienna: IAEA, 1970.
- Technical Issues Related to the Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty. Committee on Technical Issues Related to Ratification of the Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty. National Academy of Sciences. Wash., D.C.: National Academy Press, 2002.
- Teller Edward Revival of the Baruch Plan. Unpublished Memorandum. Lawrence Livermore National Laboratory. January 29, 1992.
- Timerbaev Roland Evolution of the Soviet Approach to International Control of Nuclear Energy. Unpublished Paper for the Symposium «Proliferation of Nuclear Weapons: Past, Present, and Future». Chicago, December 3–5, 1992.
- Timerbaev Roland and Welsh Susan The IAEA's Role in Nuclear Arms Control: its Evolution and Future Prospects. In: *Nonproliferation Review*, Spring – Summer 1994, Volume 1, №3. Monterey Institute of International Studies. Monterey, CA.
- Timerbaev Roland Nonproliferation Organizations and Regimes beyond 1995. In: 1995. A New Beginning for the NPT? Eds. Josef Pilat and Robert Pendley. N.Y., and L.: Plenum Press, 1995.
- Timerbaev Roland Prospects for International Control of Nuclear Energy: A Russian Perspective. In: Kernwaffenverbreitung und internationaler Systemwandel. Joachim Krause (Hrsg.). Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1994.
- Truman Harry S. Memoirs. Vol. 1: 1945 Year of Decision. N.Y.: Signet Books, 1965.
- Ulam Adam Stalin. The Man and His Era. Boston, 1989.
- U.S. ACDA, International Negotiations on the Treaty on the Nonproliferation of Nuclear Weapons. Publication 48, Washington, D.C., 1969.

- Van Creveld Martin Nuclear Proliferation and the Future of Conflict. N.Y.: The Free Press, 1993.
- VERTIC Yearbook 2001. L.: VERTIC, 2001.
- Wyden Peter Day One. Before Hiroshima and After. N.Y.: Simon & Schuster, 1984.
- Willrich Mason Non-Proliferation Treaty: Framework for Nuclear Arms Control. Charlottesville, VA: The Michie Company, 1969.
- Yager Josef A. (Ed.) Nonproliferation and U.S. Foreign Policy. Wash., D.C.: Brookings Institution, 1980.
- York Herbert F. Making Weapons, Talking Peace. N.Y.: Basic Books, Inc., 1987.
- Zubok Vladislav and Pleshakov Constantine Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

Периодические издания

Большевик/Коммунист

Бюллетень Центра общественной информации ЦНИИатоминформа

Вестник МИД СССР

Военная Мысль

Военно-исторический Журнал

Вопросы Истории

За Рубежом

Известия

Известия ЦК КПСС

Исторический Архив

История Науки и Техники

Международная Жизнь

Московские Новости

Наука и Всеобщая Безопасность

Независимое Военное Обозрение

*Новое Время**Новый Мир**Правда**Советское Государство и Право**Успехи Физических Наук**Ядерное Распространение**Ядерный Контроль**Arms Control Today**Bulletin of the Atomic Scientists**Department of State Bulletin**Foreign Affairs**International Herald Tribune**New York Times**Nonproliferation Review**Survival**Trust & Verify**U.S. News and World Report**Washington Post***Именной указатель**

- Абрахам Спенсер 190
 Адамский В.Б. 144
 Аддисон, лорд 121
 Александр А.В. 121
 Алиханов А.И. 67, 137
 Альварес Луис 139
 Андерсон Джон 15, 16, 24, 25,
 26, 29, 32, 116, 119
 Андерсон Оскар 82
 Аркадьев Г.П. 176
 Арнсон Гордон 42
 Арцимович Л.А. 144, 154
 Ачесон Дин 31, 56, 57, 58, 59,
 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84,
 101, 115, 119, 122, 124
- Банди Макджордж 13, 63, 64,
 148, 149, 156
 Банди Харви 18, 19, 37
 Банн Джордж 246
 Бард Ральф 40
 Бартки Уолтер 40
 Барух Бернард 82, 83, 84, 85,
 86, 87, 88, 91, 94, 99, 100,
 101, 102, 116, 120, 124, 126,
- 150, 152, 153, 156, 157, 158,
 160, 178, 264, 287, 310, 318
 Бевин Эрнест 64, 71, 72, 73,
 100, 121, 122
 Бережков В.М. 34, 35
 Берия Л.П. 66, 67, 102, 105,
 132, 133, 134, 136, 137,
 140, 142, 145
 Беркхут Франц 265
 Бете Ганс 211
 Бечхофер Бернхард 86
 Бирнс Джеймс 40, 41, 43, 44,
 49, 56, 60, 63, 67, 68, 71,
 72, 73, 74, 75, 77, 81, 82,
 84, 150
 Богденко 112
 Бор Нильс 7, 21, 24, 25, 26, 27,
 28, 29, 31, 32, 36, 37, 42,
 45, 48, 136, 138, 139, 309,
 337
 Брежнев Л.И. 144
 Бриджес Эдвард 116, 118
 Булганин Н.А. 106, 107
 Бухарин О.А. 304

Буш Ванневар 15, 16, 23, 29, 32, 33, 36, 37, 40, 42, 45, 59, 60, 74, 77, 155
 Буш Джордж 208, 210, 217, 237, 241
 Вайцекер Карл Фридрих, фон 20, 49
 Ванденберг Артур 122
 Ванников Б.Л. 67, 132, 137
 Васильев А. 112
 Верт Александр 96
 Велихов Е.П. 286
 Вигнер Юджин 21, 22
 Виноградов С.А. 109
 Вознесенский Н.А. 133
 Вышинский А.Я. 109, 129
 Галифакс Эдвард, лорд 26, 29, 32
 Ган Отто 20, 49
 Гарвин Ричард 239
 Гард Роберт 45, 79
 Гарриман Аверелл 68
 Гаррисон Джордж 40, 60
 Гауинг Маргарет 13, 14, 16, 26, 27, 28, 64, 117, 118, 119, 120, 122
 Гейзенберг Вернер 19, 20, 49
 Геринг Герман 49
 Геттемюллер Роуз 257
 Гинзбург В.Л. 146
 Гитлер Адольф 48
 Гольданский В.И. 327
 Гольдшмидт Бертран 23, 107, 124, 125, 126, 170, 175, 177
 Гор Альберт 288
 Горбачев М.С. 217, 265
 Гречко А.А. 96
 Гровс Лесли 14, 17, 18, 22, 39, 40, 41, 60, 62, 77, 78, 81, 84, 85, 88, 119
 Громько А.А. 52, 85, 93, 102, 105, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 150, 174
 Громько Анатолий А. 150
 Гудби Джим 286, 287, 288, 289, 291
 Гудсмит Сэмюэль 48
 Даллес Джон Фостер 115, 116, 160, 161
 Де Голль Шарль 19, 123
 Де Мелло Фернандо Колор 205
 Дейл Генри 26
 Деканозов В.Г. 104, 105
 Джефрис Зей 31
 Джилас Милован 99
 Джонсон Линдон 85, 122, 188
 Джонсон Эдвин 64
 Джордж Гэрри 307
 Диллон Гарри 207
 Дирак Пол 145
 Добрынин А.Ф. 53
 Дойл Джеймс 304
 Дэвис Линн 288
 Ельцин Б.Н. 198, 286, 287
 Емельянов В.С. 175
 Жолио-Кюри Ирен 123
 Жолио-Кюри Фредерик 15, 19, 23, 123, 125, 126
 Жуков Г.К. 51

Завенягин А.П. 146
 Зарубин Г.Н. 160
 Зельдович Я.Б. 66
 Иден Антони 19, 32, 50, 51
 Иванов И.С. 244
 Иоффе А.Ф. 32, 67
 Иффт Эдвард 304
 Кадоган Александр 120
 Капица А.А. 134
 Капица П.Л. 26, 27, 32, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145
 Картер Джимми 195, 220
 Кеннан Джордж 86, 87
 Кеннеди Джон 13, 85, 156, 213
 Кикоин И.К. 67
 Кинг Маккензи 69
 Кини Сперджен 239
 Кириллин В.А. 145
 Клаузен Питер 157
 Клинтон Билл 238, 265, 286, 287, 293
 Коварски Лев 15, 123, 125
 Кокрофт Джон 165, 211
 Колко Габриел 88
 Колко Джойс 88
 Комптон Артур 31, 32, 40, 42, 45, 47, 59, 60
 Комптон Карл 40
 Конэнт Джеймс 16, 23, 29, 31, 32, 40, 44, 45, 74, 75, 77, 81, 84, 102
 Коул Стерлинг 115, 201, 202
 Крепон Майкл 247
 Курчатов И.В. 52, 53, 67, 132, 134, 137, 142, 144, 147, 154, 214
 Лангмуир Ирвинг 61
 Ландау Л.Д. 145, 146
 Лей Мартин 307
 Лемэй Кэртис 87
 Лиленд Дэвид 31, 61, 77, 78, 81, 82, 83, 85, 101, 119, 122, 124, 264, 310
 Литвинов М.М. 94
 Лозовский С.А. 95
 Лоуренс Эрнест 40, 42, 59, 60, 211
 Лугар Ричард 258
 Любимов Ю.П. 144
 Макклой Джон 54, 77
 Макмагон Брайан 88, 119, 122, 150, 155
 Макмиллан Гарольд 213
 Маленков Г.М. 129, 133
 Малышев В.А. 162
 Мамедов Г.Э. 288
 Маршалл Джордж 43
 Менем Карлос 205
 Мендес-Франс Пьер 124
 Мензис Стюарт 24
 Миллионщиков М.Д. 144
 Михайлов В.Н. 290
 Молотов В.М. 35, 51, 66, 67, 68, 71, 72, 73, 74, 75, 88, 89, 91, 94, 99, 102, 105, 110, 127, 134, 136, 137, 140, 150, 160, 161, 162
 Моран Чарльз, лорд 90

Моррисон Герберт 121
 Моэр Марк 269
 Мэй Эндру 64
 Мюрдаль Альва 87, 114

 Накиченевич Слободан 186
 Нанн Сэм 258
 Нарат Альберт 239
 Неру Джавахарлал 264
 Новиков К.В. 105
 Новиков Н.В. 94
 Норрис Роберт 78

 Ожэ Пьер 125
 Олбрайт Дэвид 265, 320
 О'Лири Хейзел 290
 Олифант Марк 84
 Оппенгеймер Роберт 7, 25, 31,
 40, 41, 42, 43, 45, 59, 60,
 62, 64, 77, 85, 86, 147, 155,
 157, 309
 Осборн 102

 Павлов В.Н. 50
 Пайерлс Рудольф 13, 66
 Панофски Вольфганг 239
 Пароди Александр 125, 126
 Паттерсон Роберт 81
 Пенни Уильям 121, 211
 Первухин М.Г. 67, 137
 Перрен Франсис 123, 165
 Перетерский И.С. 91
 Петржак К.А. 66
 Портал Чарльз, лорд 121
 Путин В.В. 198

 Раби Исидор 165, 166
 Рабинович Юджин 46
 Райнлендер Джон 246
 Рандерс Гуннар 174, 176
 Раск Дин 47, 85
 Рейган Рональд 220
 Ромуло Карлос 113, 114
 Роудс Ричард 129
 Рошин А.А. 91, 104, 105, 109
 Рошина О.А. 91
 Рубинин П.Е. 138
 Рубинштейн Модест 89
 Рузвельт Франклин 14, 16, 17,
 18, 21, 22, 26, 27, 28, 29, 32,
 34, 35, 36, 37, 48, 97, 148,
 149, 151, 329
 Рузвельт Элеонора 36
 Рузвельт Эллиот 97
 Румянцев А.Ю. 189

 Сакс Александр 22
 Сахаров А.Д. 143, 144
 Семенов Н.Н. 211
 Сергеев И. Д. 241
 Серов И.А. 145, 146
 Сиборг Гленн 46, 47, 187
 Скобельцын Д.В. 105, 103, 104,
 105, 165
 Славский Е.П. 76, 144
 Смайс Генри 70
 Смит Беделл 155
 Смит К. 98
 Смэтс Ян 26
 Соколовский В.Д. 95, 162
 Сокольски Генри 100
 Спид Роджер 313
 Сталин И.В. 26, 27, 34, 35, 43,
 49, 50, 51, 52, 53, 62, 64, 65,

68, 74, 75, 76, 88, 89, 90, 91,
 96, 97, 98, 99, 130, 131, 132,
 134, 140, 142, 145, 148, 150,
 157, 159, 162, 329
 Стассен Гарольд 98
 Стимсон Генри 18, 32, 34, 37,
 38, 39, 40, 42, 44, 45, 46,
 48, 49, 54, 55, 56, 59, 60,
 68, 148, 150, 152
 Страус Люис 115, 139, 157
 Суслов М.А. 144
 Сцилард Лео 7, 20, 21, 22, 23,
 24, 35, 36, 40, 41, 42, 46,
 47, 61, 62, 309

 Тамм И.Е. 143, 211
 Теллер Эдвард 21, 22, 47, 77,
 81, 115
 Тито Броз Иосип 99
 Толченев 89
 Тривелпис Альвин 239
 Трояновский О.А. 152
 Трумэн Гарри 36, 38, 39, 40, 43,
 44, 47, 49, 50, 51, 52, 53,
 54, 56, 57, 60, 63, 64, 69,
 82, 84, 86, 88, 101, 118,
 119, 122, 124, 149, 150,
 151, 152
 Трухановский В.Г. 51
 Уайден Питер 29, 41
 Уилмот Джон 121
 Улам Адам 75
 Уокер Уильям 265
 Уоллес Генри 56, 61, 101

 Файс Герберт 53
 Федоров Е.К. 211

 Феокистов Л.П. 146, 147, 314
 Ферми Энрико 40, 46, 49
 Фиск Д. 211
 Фишер Дэвид 177
 Флеров Г.Н. 66
 Форрестол Джеймс 56
 Фостер Уильям 188
 Франк Джеймс 46, 47
 Франкфуртер Феликс 27, 37
 Фриш Отто 13, 66
 Фукс Клаус 66, 121, 122

 Халатников И.М. 142, 143
 Хальбан Ханс 15, 123
 Харитон Ю.Б. 66, 147
 Хатчинс Роберт 61
 Хершберг Джеймс 29, 31, 75,
 81
 Хефеле Вольф 176
 Хикенлупер Бэрк 122
 Хлопин В.Г. 237
 Холдрен Джон 238
 Холлоуэй Дэвид 74, 75, 133
 Хоффман Вольфганг 238
 Хрушев Н.С. 133, 140, 144, 211,
 213
 Хэнкок Джон 77
 Хью-Бейли 96
 Хьюлетт Ричард 82

 Цангер Клод 191, 193, 194, 195,
 197, 200

 Чедвик Джеймс 13, 120
 Чейс Джеймс 54, 59, 148, 152
 Черномырдин В.С. 288

Черуэлл, лорд (Линдеман Фредерик) 13, 24, 26, 29, 32	Шпеер Альберт 49 Штейн Б.Е. 110, 111, 112
Черчилль Уинстон 13, 15, 16, 17, 18, 19, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 34, 49, 50, 51, 52, 90, 329	Эберштадт 126 Эгню Гарольд 239 Эйзенхауэр Дуайт 115, 116, 155, 156, 157, 158, 159, 202, 211, 264 Эйнштейн Альберт 20, 21, 22, 31, 32, 36 Эттли Клемент 64, 65, 69, 90, 117, 118, 119, 121, 122, 150
Шайнмэн Лоуренс 176, 177	Юри Гарольд 40, 81
Шаликашвили Джон 238	
Шеннон 268, 272	
Шарапов А. 112	
Шлезинджер Артур 151	

Об авторе

Тимербаев Роланд Махмутович – Чрезвычайный и Полномочный Посол; председатель Совета и старший советник ПИР-Центра политических исследований. Р.М. Тимербаев является ведущим специалистом в области нераспространения и контроля над ядерными вооружениями.

После окончания МГИМО в 1949 г. Р.М. Тимербаев более 40 лет проработал в МИД СССР и МИД РФ. Последней его должностью на дипломатической службе в 1988–1992 гг. был пост представителя СССР/России при МАГАТЭ и других международных организациях в Вене. Принимал участие в выработке ряда ключевых международных соглашений в ядерной области, в том числе Договора о нераспространении ядерного оружия, Договора об ограничении систем противоракетной обороны, системы гарантий МАГАТЭ, Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Участвовал в создании Группы ядерных поставщиков. Был участником всех шести конференций по рассмотрению действия ДНЯО. В 1992–2002 гг. работал в качестве консультанта МАГАТЭ по вопросам ядерного нераспространения.

Доктор исторических наук профессор Р.М. Тимербаев в течение многих лет занимается научно-исследовательской и преподавательской деятельностью (МГИМО МИД РФ, Монтерейский институт международных исследований, Московский инженерно-физический институт, Санкт-Петербургский государственный университет, Томский политехнический университет и др.). Перу Р.М. Тимербаева принадлежат многочисленные монографии, а также множество публикаций по проблемам ограничения вооружений, ядерного нераспространения и разоружения.

Это в первую очередь такие работы, как «Мирный атом на международной арене» (1969), «Контроль за ограничением вооружений и разоружением» (1983), «Проблемы контроля» (1984), «Полное запрещение ядерных испытаний» (1986), «Inventory of International Nonproliferation Organizations and Regimes», 1994 (соавтор), «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» (1999), «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)» (2000), «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. История, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия» (соавтор, 2001), учебник «Ядерное нераспространение» (соавтор, 2002).

Summary

In his new book «International Control of Atomic Energy: Past, Present, and Future» Ambassador Roland Timerbaev describes the genesis of the idea for international control of atomic energy at the dawn of the atomic age, analyses the existing systems of nuclear arms control that have been developed and implemented over the last half a century, and, finally, offers some forward-looking ideas about prospects for verified nuclear disarmament.

The idea of international control as a means of harnessing atomic energy and preventing its use to the detriment of mankind was conceived by a pioneering group of international nuclear scientists, led by Niels Bohr and Leo Szilard, in early 1940s, even prior to the actual production, testing and use of the A-bomb. Some statesmen and administrators, that also came to share this approach to nuclear energy, included U.S. Secretary of War Henry Stimson and Dr. Vannevar Bush, Director of the Office of Scientific Research and Development.

The concept of international control was introduced in the March 1946 Acheson-Lilienthal Report. While it was virtually the work of one man, Robert Oppenheimer, since the report's presentation to the UN Atomic Energy Commission by U.S. representative financier Bernard Baruch, it has been known as the Baruch Plan. However, with the approval of President Harry Truman, Baruch inserted into the original text a radical change, which would exclude the use of the right of veto by the permanent members of the UN Security Council in matters relating to atomic energy. The Baruch Plan was unacceptable to Joseph Stalin who viewed the plan as an attempt to perpetuate the U.S. monopoly in atomic weapons. The United Kingdom and France were not enthusiastic about the Baruch Plan either. The Soviet proposal submitted to the UN, in its turn, was not acceptable to the U.S.,

since it provided for the prohibition and elimination, within a short time frame, of the American nuclear weapon stocks. Thus, the first attempt to place atomic energy under international control failed.

Nonetheless, many ideas, principles and methods relating to the international control of atomic energy, that were considered in the 1940s, appeared to be quite sound and were adopted by the international community in the 1950s and in subsequent years, though in a still limited (but ever increasing) way. They were duly reflected in the IAEA system of safeguards and, in particular, after the conclusion of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons in 1968, which made the acceptance and application of the Agency comprehensive safeguards a mandatory provision for non-nuclear-weapon states party to the NPT. In addition, the nuclear-weapon states party to the treaty have concluded, with the IAEA, voluntary offer agreements by which their civilian nuclear activities were placed under international safeguards.

The safeguards have been applied on a regional basis as well, in countries that participate in Euratom and in those that have joined the nuclear-weapon-free zones in various regions of the world. A major effort to expand nuclear monitoring was undertaken in 1996, when the Comprehensive Test Ban Treaty was concluded. The treaty provides for a global network of seismic, radionuclide, hydro-acoustic and infrasound stations, as well as for on-site inspections. The treaty has been signed by the vast majority of states and ratified by almost a hundred. It has not yet entered into force since only 31 of the 44 states that have a capability for manufacturing nuclear weapons have ratified it. Among the remaining states, which have not ratified the treaty, are the U.S., China, India, Pakistan and Israel.

The Russian-American treaties for limiting and reducing intermediate-range and strategic offensive nuclear arms (the INF Treaty, START-1 Treaty and the new Moscow Treaty of May 24, 2002) also have extensive provisions for mutual verification. The transparency and verification procedures apply, however, to launchers and delivery vehicles rather than to nuclear weapons. Notwithstanding that, these agreements have at least some auxiliary procedures for radiation monitoring of nuclear warheads.

Over the last decade, both the United States and Russia have accumulated a rich and diverse store of experience in the practical application of transparency (some call it «natural transparency»), which occurs as

Russia and the U.S. work more closely together on the disposition of excess weapon-origin fissile materials as well as on many other industrial, scientific and technological projects. A good example is the ongoing implementation of the Cooperative Threat Reduction (Nunn-Lugar) Program. Lab-to-lab cooperation under the U.S.-Russia Warhead Safety and Security Exchange Agreement (WSSX) is yet another illustration of the efforts pursued by both sides to promote the study, in-depth research and transparency of complex technical issues associated with nuclear warhead monitoring and verification. Progress in this area, however, has been slow and should be significantly more rapid.

In the last chapter of his book, the author suggests monitoring and verification procedures for the Fissile Material Cut-off Treaty (FMCT), which is to be negotiated within the framework of the Geneva Conference on Disarmament, as well as proposes some approaches to transparency and verification measures for nuclear weapons reduction and their eventual elimination.

Finally, Ambassador Timerbaev offers his suggestions and views about a nuclear-weapon-free world under the comprehensive international control of atomic energy.

The book contains the following chapters and sub-sections:

Preface

Chapter I. Origin of the Idea for International Control of Atomic Energy

Realization of the Military Danger and Political Consequences Resulting from the Discovery of Atomic Energy

Idea of International Control of Atomic Energy

Beginning of the Nuclear Era

Attempts by Some U.S. Politicians and Scientists to Encourage Direct U.S.-Soviet Contact on the Nuclear Issue

Soviet Atomic Project

Chapter II. Consideration by the UN in the 1940s of Plans for Establishing International Control of Atomic Energy

Establishment of the UN Atomic Energy Commission

U.S. Plan for International Control
USSR Proposal for the Prohibition of Atomic Weapons
Work of the UN Atomic Energy Commission
United Kingdom's Attitude to the Baruch Plan
Approach of France to International Control
End of the U.S. Atomic Monopoly
Soviet Scientists and International Control

Chapter III. Existing Systems for Nuclear Control

IAEA System of Safeguards
Regional Systems of Safeguards
International Monitoring of the Nuclear Test Ban
Verification of Bilateral USSR/Russia-U.S. Agreements for the Limiting and Reduction of Strategic Arms
Practical Transparency Activities

Chapter IV. Prospects for Establishing International Verification for the Reduction and Elimination of Nuclear Weapons

Verification of the Fissile Material Cut-Off Treaty (FMCT)
Transparency and Verification for Nuclear Weapons Reduction and Elimination
International Monitoring and Verification in a Nuclear-Weapon-Free World

Conclusion

Bibliography

Index

Summary

Ambassador Roland M. Timerbaev was a professional diplomat for over 40 years. During most of his time in the diplomatic service, he served as an arms control negotiator (NPT, ABM Treaty, CTBT,

etc.). His last post was as Permanent Representative to the IAEA and to other international organizations in Vienna. In 1992-2002 he was a consultant to the IAEA for nuclear nonproliferation affairs. Prior to and especially since his retirement in 1992, he has been teaching and writing about nuclear arms control and nonproliferation. Among his major publications are «Peaceful Atom on International Arena» (1969), «Verification of Arms Control and Disarmament» (1983), «Inventory of International Nonproliferation Organizations and Regimes,» 1994 Edition (co-author), «Russia and Nuclear Nonproliferation» (1999), «Nuclear Suppliers Group: Why and How it Was Created» (2000), «Nuclear Nonproliferation in U.S.-Russian Relations: Challenges and Opportunities» (co-author, 2002) and textbook «Nuclear Nonproliferation» (co-author, 2002). At present, Dr. Timerbaev is the Executive Council Chair and a senior advisor at the PIR Center for Policy Studies in Moscow.

ИД № 02184 от 30.06.2000. Подписано в печать 31.03.2003.
Формат 60X90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.
Печать офсетная. Заказ №

Издательство «Права человека», 119992, Москва, Zubovskiy bulvar, 17
www.hrpubl.org

Фабрика офсетной печати, г. Обнинск, ул. Королева, 6